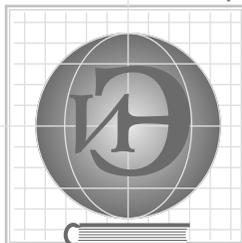

Российская академия наук

Институт экономики

И.И. Рубин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

И.И. РУБИН:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Под редакцией М.И. Воейкова и Д.В. Мельника

МОСКВА – 2017

ББК 65.5
И 11

Рецензенты: д.э.н. Г.Д. Гловели,
д.э.н. А.Г. Худокормов

И.И. РУБИН: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ /
Под ред. М.И. Воейкова и Д.В. Мельника. М.: Институт экономики РАН, 2017. –
362 с.

ISBN 978-5-9940-0604-7

И 11 Настоящий сборник посвящен анализу научного наследия И.И. Рубина (1886–1937 гг.) – выдающегося отечественного экономиста-теоретика, работы которого послужили предметом острых политэкономических дискуссий среди советских экономистов 1920-х гг. и оказали громадное влияние на последующее исследование методологических проблем политической экономии. Оригинальный теоретик, прекрасный переводчик и популяризатор экономических теорий, блестящий лектор, Рубин оставил достаточно обширное научное наследие, разнообразный характер которого вызывает неподдельное уважение.

Наибольшую известность получила работа Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса». Большой популярностью пользовалась также «История экономической мысли», являвшаяся в 1920-е гг. самым востребованным учебным пособием по данному курсу для вузов. Идеи Рубина оказались в центре острой теоретической дискуссии, в итоге которой появился уничижительный термин «рубинщина», как идеалистическое извращение марксизма, что в обстановке того времени было равносильно политическому обвинению. На самом деле именно в работах Рубина была дана наиболее глубокая и творческая интерпретация основных положений марксизма, что стало ясно лишь много лет спустя.

Материалы для сборника были предоставлены участниками конференции, как российскими, так и зарубежными. Предназначен для исследователей в области экономической теории, преподавателей вузов, аспирантов и всех тех, кто стремится к углубленному изучению экономической теории.

ISBN 978-5-9940-0604-7

ББК 65.5

© Институт экономики РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© В. Е. Валериус, дизайн, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
<i>Р.С. Гринберг.</i> Вступительное слово	12

РУБИН: ВЕХИ БИОГРАФИИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕГО ИДЕЙ

<i>А.А. Васина.</i> И.И. Рубин – возвращение из забвения.....	16
<i>М.В. Марков.</i> И.И. Рубин в Санкт-Петербургском университете ...	53
<i>С. Такенага.</i> Исаак Рубин и спор о природе стоимости в Советском Союзе в 1920-х гг.....	66
<i>Д.В. Мельник.</i> Между «механицизмом» и «идеализмом»: И.И. Рубин и советская политэкономика	118
<i>Э. Аскъери.</i> Исаак Рубин и аргентинские левые. Размышления о неоднозначной роли экономической теории в национальной практике исторического материализма ...	142

РУБИН: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

<i>М.И. Воейков.</i> И.И. Рубин и политическая экономия.....	178
<i>А.И. Колганов.</i> Дискуссия об абстрактном труде и проблемы применения метода «Капитала» К. Маркса.....	227
<i>Ж. Факкарелло.</i> Закон стоимости и проблема координации различных видов экономической деятельности.....	236
<i>Д. Фоули.</i> И.И. Рубин и проблема обратной трансформации	264
<i>С. Армесилья.</i> Онтология и гносеология капитализма: «Очерки по теории стоимости Маркса» И.И. Рубина	284

ВЫСТУПЛЕНИЯ И ПРЕНИЯ НА «КРУГЛОМ СТОЛЕ»

<i>В.А. Медведев.</i> Экономическая наука и политическая экономия не одно и то же.....	298
<i>Р. Хеккер.</i> И.И. Рубин на Западе: заметки и размышления.....	302
<i>Л.Д. Широкопад.</i> Политико-идеологический контекст теоретической деятельности И.И. Рубина.....	306
<i>Л.Б. Шейнин.</i> Абстрактный труд и стоимость в системе К. Маркса.....	322
<i>А.В. Бузгалин.</i> Две линии в развитии марксизма.....	337
<i>Я.С. Ядгаров.</i> И.И. Рубин и особенности осмысления проблем политической экономии в советской и постсоветской России.....	342
<i>М.Г. Покидченко.</i> И.И. Рубин как выдающийся историк экономической мысли.....	349
<i>Р.Г. Хаиткулов.</i> Между диалитическим и аналитическим подходами в марксизме.....	351
<i>С.Н. Мареев.</i> Реплика по поводу выступления Р.Г. Хаиткулова.....	354
<i>Р.Г. Хаиткулов.</i> Ответ на реплику.....	355
<i>Э.Н. Соболев.</i> Если И. Рубин актуален сегодня, то актуальна и его критика.....	356

Предисловие

2011 г. стал важной вехой в истории исследований жизни и творчества Исаака Ильича Рубина. По итогам двух десятилетий кропотливой подготовки к печати, проведенной Л.Л. Васиной, в альманахе «Истоки» была опубликована его рукопись «Очерки по теории денег Маркса»¹ – важный и, вероятно, последний из оставшихся неопубликованными при жизни и сохранившихся в архивах результат его исследований. В том же году в Институте экономики РАН был проведен «круглый стол» «Теоретическое наследие И.И. Рубина и судьбы политической экономии», посвященный 125-летию со дня его рождения.

Оба события практически совпали по времени, оба они привлекли большое внимание исследователей в России и за рубежом. Уже в 2012 г. был опубликован немецкий перевод «Очерков»², в настоящее время ведется работа над английским переводом. Не стал рядовым юбилейным мероприятием и «круглый стол». По его итогам было принято решение подготовить данный сборник, работа над которым затянулась на 4 года. Это во многом объясняется его без преувеличения уникальным характером. Действительно, рубиноведение сложилось уже давно и имеет устоявшиеся tradi-

-
1. Истоки. Социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011.
 2. См. статью Л.Л. Васиной в настоящем издании, а также рецензию на русское и немецкое издания «Очерков»: Takenaga S. Essays on Marx's theory of money // Journal of the History of Economic Thought. 2013. Vol. 20. No. 3. Pp. 536–542.

ции. Переводы Рубина и оригинальные интерпретации его работ появлялись за рубежом с 1970-х гг. В советской науке, начиная с 1930-х гг., официально упоминать его можно было лишь в негативном ключе, но восходящая к нему традиция не прерывалась и тогда. Например, последователем Рубина считал себя крупный советский политэконом Я.А. Кронрод. Однако до сих пор творчество Рубина преимущественно пытались расшифровать и применить в рамках отдельных направлений и школ анализа, с учетом конкретного исторического и странового контекста. С Рубиным говорили на разных языках, обращая внимание на отдельные, пусть и значимые в той или иной степени, аспекты его наследия. «Круглый стол» в Институте экономики РАН 2011 г. стал по сути первой современной попыткой собрать исследователей из разных школ и стран, сопоставить их подходы и оценки. Разумеется, это мероприятие ни по своему формату, ни по охвату участников не задумывалось как всеобъемлющее и не могло претендовать на полноту. Но отклики, полученные в его ходе и затем, по его итогам, дали возможность понять всю значимость комплексного, всестороннего подхода к рассмотрению творчества Рубина.

Отдельные доклады, представленные на «круглом столе» были опубликованы небольшим тиражом в Институте экономики и предоставлены собравшимся. Обычно материалы такого рода не получают известности за пределами круга непосредственных участников; они не расходятся по книжным магазинам и библиотекам; их участием становятся корзины, дальние полки, пыль, забвение. Однако в случае Рубина они обрели самостоятельную жизнь: на них, например, обратили внимание в далекой Японии (см. статью проф. С. Такенага в настоящем издании), на них ссылаются исследователи его творчества в авторитетном журнале³. Ряд коллег в России и за рубежом, не принимавшие непосредственного участия

3. См.: *Boldyrev I. and Kragh M. Isaak Rubin: Historian of Economic Thought during the Stalinization of Social Sciences in Soviet Russia // Journal of the History of Economic Thought. September 2015. Vol. 37. Issue 03. Pp. 363–386.*

в заседании, с готовностью откликнулись на предложения предоставить или подготовить материалы для публикации в научном сборнике. Это стало непредвиденным последствием, свидетельствующем о высоком интересе к творческому наследию Рубина, но, одновременно, существенно замедлило темп работы над сборником. Он в результате перерос формат материалов «круглого стола» и теперь представляется вниманию читателей как самостоятельное произведение.

Нам показалось важным зафиксировать «живую речь» участников юбилейного «круглого стола» 2011 г. Так, в сборник включены многие выступления и реплики, прозвучавшие тогда. Но, к сожалению, не все из них удалось воспроизвести и сохранить для истории. Так, увы, выступление человека, очень много сделавшего для изучения творчества Рубина, Я.Г. Рокитянского, который скончался в 2013 г., восстановить не удалось. Вместе с тем, существенное место в сборнике занимают статьи, подготовленные на основе докладов или предоставленные специально для публикации в нем.

Хочется обратить особое внимание на то, что биография Рубина, представленная в статье Л.А. Васиной и дополненная в некоторых аспектах в статье М.В. Маркова, является на сегодняшний день наиболее полным описанием жизненного и творческого пути Рубина. Что же касается собственно теоретического содержания, то мы, как научные редакторы, стремились максимально сохранить и усилить импульс, полученный в 2011 г., – увидеть его во всем многообразии контекстов, подходов, интерпретаций, дав читателям и исследователям возможность делать самостоятельные выводы и, отталкиваясь от них, открывать новые перспективы для понимания сложного и неоднозначного творческого наследия Рубина в XXI в.

Мы хотели бы выразить огромную благодарность всем участникам «круглого стола» и авторам сборника, научным рецензентам – Г.Д. Гловели и А.Г. Худокормову. Его подготовка и публикация были бы невозможны без поддержки руководства Института экономики РАН.

М.И. Воейков, Д.В. Мельник

Вступительное слово

Удивительно, но все более актуальной становится политическая экономия. Мы наблюдаем возвращение многих вещей, которые будто бы были забыты навсегда. Похоже, что мир сегодня полон страшной неопределенности. Еще совсем недавно он казался простым и ясным, а сегодня вновь все перепуталось. Мы наблюдаем обесценение как будто бы общепризнанных либеральных доктрин и всматриваемся в прошлое, для того чтобы попытаться найти ответы для действий, формирующих будущее, если мы вообще способны как-то положительно влиять на нашу судьбу и судьбу нашего общества.

Когда я закончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, в моем дипломе было написано «экономист, преподаватель политической экономии». Так что политическую экономию мы изучали основательно. И должен признаться, что самым мучительным уроком для меня всегда был спецсеминар по «Капиталу». Я очень быстро возненавидел К. Маркса и очень полюбил буржуазную (вульгарную, как тогда ее называли) политэкономия. Читал ночью всякие запрещенные книжки и думал: за что же нам так не повезло, что только один Маркс знает, что было, что есть и, особенно, что будет. Конечно, мне даже в страшном сне трудно было представить, что через несколько десятилетий мне придется открывать Маркса для себя заново и где-то даже полюбить его. Это удивительная трансформация.

Сегодня сложилась целая наука о Марксе. Одни марксисты

* Д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, научный руководитель ИЭ РАН.

сты воспринимают его учение как незыблемую догму. Другие критикуют за то, что Маркс непропорционально много места уделил в «Капитале» теоретизированию вокруг категорий абстрактного и конкретного труда. Если бы он продолжил традиции классиков и обратился к анализу конкуренции, то весь механизм реального ценообразования предстал бы в совершенно ином виде — удалось бы избежать категорического противопоставления меновой и потребительной стоимости (ценности). Его теория трудовой стоимости полностью игнорировала творческий характер предпринимательской деятельности. Интеллект, как капитал особого рода, и технологические инновации, как основа поступательного развития капитализма, не стали для него предметом специального научного исследования.

С большей или меньшей степенью уверенности можно утверждать, что Маркс — моралист, Маркс — социальный мыслитель не сумел дать объективную надклассовую оценку викторианской Англии, страны, которая уже в 1861 г. имела лондонское метро и общедоступную Библиотеку Британского музея, лучший в мире торговый и военно-морской флот, демократический парламент и трудовое законодательство. И все-таки Маркс, как экономист, велик и современен.

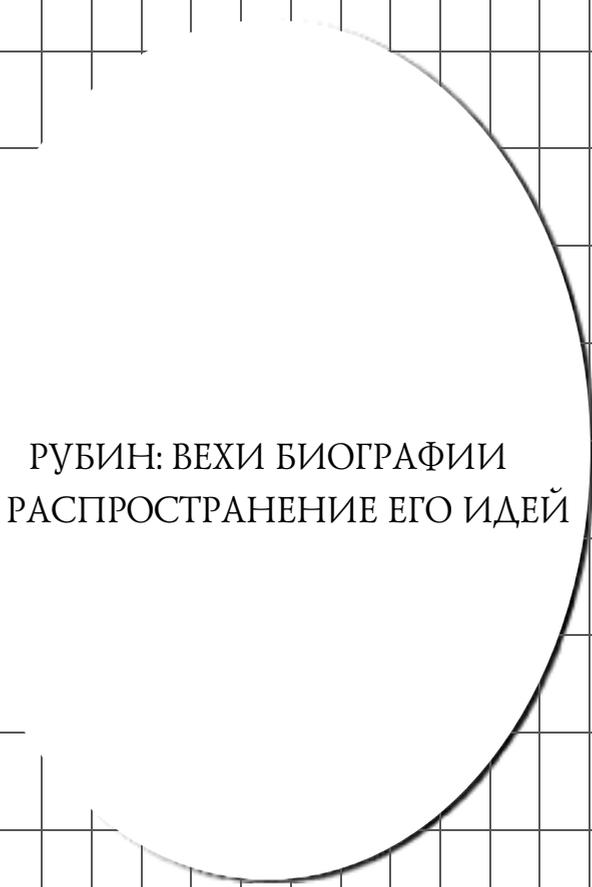
Еще студентом я слышал про И.И. Рубина, что он был меньшевиком и был расстрелян за принадлежность к Политбюро меньшевистской партии. И это все, что я тогда знал о нем. И вот сегодня Рубин пришел к нам в Институт экономики РАН. Мы сегодня собрались как люди глубоко и основательно занимающиеся проблемами классической политэкономии. Одно время считалось, что судьба политэкономии плачевна и можно было бы рассматривать ее как исторический феномен. Похоже, сегодня ситуация меняется. Сейчас такое словосочетание, как политическая экономия, встречаются все чаще. Я не знаю, начало ли это какой-то устойчивой тенденции или это связано просто с тем фактом, что в последние 30 лет (и это отмечают все исследователи) произошло очень серьезное увеличение неравенства во всем

мире. Может быть, когда это неравенство будет сокращаться, исчезнет потребность в политической экономии, но это сказать трудно.

Похоже, что сегодня социальная сторона экономики и экономических доктрин выходит на авансцену истории. Мне вообще кажется, что если бы не было мучительного и жуткого опыта семидесятилетия реального социализма, то сегодня в мире было бы очень много разных «штурмов Зимнего дворца» и «Уоллстритов» и всяких других правительственных учреждений. Я вот сегодня узнал, что журнал «Тайм» сделал правильный выбор — на первой странице обложки поместил самого влиятельного человека мира за 2011 г. — просто анонимного протестанта. Вообще это очень важный знак, и я думаю, что это было очень правильное решение этого журнала. Марксизм — это научный протест против либерального варварства.

В заключение могу пожелать плодотворной работы нашему «круглому столу» и приветствовать наших иностранных коллег и, прежде всего, профессора Данкана Фоули. Хотел бы сказать что сегодня в России мы, слава Богу, имеем свободу слова, свободу выражения любых мнений, можем писать что хотим. В этой связи дискуссия 1920-х гг. о стоимости, о том, является ли она социальной категорией или, напротив, просто механистической или технической, сегодня может показаться смешной и забавной. Но может быть позиция Рубина, что стоимость все-таки это социальная категория, а не техническое средство для подсчета количества труда, наверное, становится сегодня очень актуальной.

В общем, я очень рад, что Институт экономики восстанавливает славные политэкономические традиции. Конечно, есть разные толкования этого словосочетания и в мире, и у нас, но, похоже, что все это приобретает реальный смысл. Итак, я вас поздравляю с сегодняшней встречей и с настоящим «круглым столом» и желаю продуктивной работы.

РУБИН: ВЕХИ БИОГРАФИИ
И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕГО ИДЕЙ

Л.А. Васина*

И.И. Рубин — возвращение из забвения

В последние двадцать пять лет немало сделано для возвращения в отечественную науку имен ряда российских экономистов, несправедливо забытых на десятилетия. Достаточно назвать следующие: В.К. Дмитриев, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов. В области исследования методологии экономической теории Маркса в 1920-е гг. одно из ведущих мест занимал И.И. Рубин. Оригинальный теоретик, прекрасный переводчик и популяризатор экономических теорий, блестящий лектор, Рубин оставил достаточно обширное научное наследие, разнообразный характер которого вызывает неподдельное уважение, особенно если принять во внимание обстоятельства жизни ученого в 1920–1930-е годы. И хотя судьба Рубина не была, к сожалению, исключением для людей его среды в то время, она не становится от этого менее трагичной.

Наибольшую известность получила в 1920-е гг. работа Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса», выдержавшая четыре издания. Большой популярностью пользовалась также «История экономической мысли», вышедшая тоже четырьмя изданиями и являвшаяся в 1920-е гг. самым востребованным учебным пособием по данному курсу для вузов. В конце 1920-х гг. «Очерки по теории стоимости Маркса» оказались в центре острой теоретической дискуссии, итогом которой стало обозначение идей Рубина и его сторонников уничижительным термином «рубинщина», представленном как идеалистическое направление в политической экономии

* К.э.н., главный специалист, руководитель группы МЭГА Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

и, даже более того, — как идеалистическая фальсификация экономического учения Маркса или идеалистическое извращение марксизма, что в обстановке того времени было равносильно политическому обвинению. С начала 1930-х гг. имя Рубина и его идеи упоминаются только в «ругательном» ключе, а впоследствии надолго вычеркиваются из истории отечественной экономической науки.

В 1960–1980-е гг. появился ряд работ по истории политической экономии социализма 1920-х–1930-х гг., в которых достаточно обстоятельно анализировалось содержание экономической дискуссии, связанной с обсуждением идей Рубина и его сторонников, однако в них, несмотря на стремление объективно оценить позиции обеих сторон, по существу воспроизводились негативные отзывы конца 1920-х — начала 1930-х гг. в отношении Рубина.¹

За рубежом первую попытку воскресить имя Рубина из небытия сделал Роман Роздольский, который в своем труде «История создания «Капитала»», изданном во Франкфурте-на-Майне в 1968 г., назвал его после десятилетий забвения «выдающимся русским экономистом» и поведал о его трагической судьбе и большинства приверженцев его научной школы, которые «погибли в сталинских застенках и концентрационных лагерях».² После публикации в 1970-х гг. в США, Великобритании и ФРГ переводов главных работ Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса» и «История экономической мысли»,³ его идеи вновь, как когда-то в

-
1. См.: Широкоград Л.Д. Методологические проблемы политической экономии социализма в советской экономической литературе 20-х–30-х годов: Автореф. дис. ... к.э.н. Л.: Ленинградский гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1965. С. 9–10; Он же. Методологические проблемы политической экономии социализма в советской экономической литературе переходного периода. Л.: Издательство Ленинградского ун-та, 1974. С. 40–46; Маневич В.Е. Проблемы методологии политической экономии в советской экономической литературе 20-х годов: Автореф. дис. ... к.э.н. М.: Московский финансовый институт, 1967. С. 13–17; Он же. Экономические дискуссии 20-х годов. М.: Экономика, 1989. С. 86–92.
 2. См.: Rosdolsky R. Zur Entstehungsgeschichte des Marxschen «Kapital». Der Rohentwurf des «Kapital» 1857–58. Bd. I. Fr. a./M.: Europäische Verlagsanstalt, 1968. S. 98, 104; Bd. 2. Fr. a./M.: Europäische Verlagsanstalt, 1968. S. 675.
 3. Rubin I.I. Essays on Marx's Theory of Value / Transl. from 3^d ed. Detroit: Black and Red, 1972; Rubin I.I. A History of Economic Thought / Transl. and Ed. by D. Filtzer; afterword by

СССР, стали предметом содержательных научных дискуссий. В спорах вокруг работ и идей Рубина отмечалось, что перед читателем оказалось не устаревшее, почти 50-летней давности сочинение, а вполне современное, оригинальное, глубоко аргументированное произведение, фактически сохранившее полное изложение модной в 1960–1970-х гг. концепции отчуждения. И сегодня изучением идей Рубина занимаются в Германии, Италии, Греции, Японии, Канаде и даже Бразилии.

В конце 1980-х гг. к фигуре Рубина попытался привлечь внимание А.Ю. Мелентьев, опубликовав в журнале «Экономические науки» фрагмент статьи Рубина под заголовком «Стоимость как регулятор производства».⁴ Дальнейшие шаги в этом направлении были сделаны в 1990-е гг.

В начале 1991 г. племянники И.И. Рубина М.В. и В.В. Желтенковы при посредничестве Я.Г. Рокитянского передали на хранение в Центральный партийный архив (ЦПА) ИМЛ при ЦК КПСС (ныне Российский государственный архив социально-политической истории — РГАСПИ) его незавершенную рукопись «Очерки по теории денег Маркса», а также некоторые другие документы (рукопись «Рикардо о капитале», его фотографии), в том числе воспоминания его сестры Блюмы Ильиничны Желтенковой (1884–1969) о посещении Рубина и его жены Полины Петровны Рубиной (урожд. Сегаль, 1887–1958) в ссылке и копии документов о его полной реабилитации. Рукопись работы «Очерки по теории денег Маркса» была сохранена стараниями сначала жены Рубина,

C. Colliot-Théline. Ld: Links Ltd, 1979; *Rubin I.I.* Studien zur Marxschen Werttheorie / mit einer Einleitung von A. Neusüss-Fögen. Fr. a/M.: Europäische Verlagsanstalt, 1973. См. также: *Rubin I.I., Bessonow S.A.* u.a. Dialektik der Kategorien. Debatte in der UdSSR (1927–1929). Interpretationen zum „Kapital“. Westberlin: Verlag für das Studium der Arbeiterbewegung, 1975. Анализ идей Рубина содержится в диссертации южнокорейского исследователя Чжо Хён Су, выполненной в 1995 г. в Марбургском университете в ФРГ. (См.: *Joe Hyeon-soo.* Politische Ökonomie als Gesellschaftstheorie. Studien zur Marx-Rezeption von Isaak Iljitsch Rubin und Kozo Uno. Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie dem Fachbereich Gesellschaftswissenschaften und Philosophie der Philipps-Universität Marburg, 1995.)

4. См.: Рубин И. Стоимость как регулятор производства // Экономические науки. 1989. № 4. С. 43–44.

не оставлявшей до самой своей смерти попыток добиться его реабилитации, затем его сестры и ее детей. С этого момента началась работа по изучению биографии и научного наследия И.И. Рубина, завершившаяся спустя ровно двадцать лет публикацией рукописи «Очерки по теории денег Маркса» в сборнике «Истоки».⁵ В 1991 г., после поступления рукописи в ЦПА, в Секторе произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС по завершении научной экспертизы возникла идея издать ее совместно с «Очерками по теории стоимости Маркса», давно ставшими библиографической редкостью. Осуществить этот проект, к сожалению, тогда не удалось.

Однако усилия по возвращению имени Рубина в отечественную науку были продолжены. В 1992 г. была опубликована наша совместная с Я.Г. Рокитянским статья «Страницы жизни и творчества экономиста И.И. Рубина» (переизданная в 2003 г.)⁶, затем в 1994 г. последовали еще две наши публикации.⁷ Тем не менее потребовалось еще 17 лет, прежде чем удалось опубликовать рукопись Рубина по теории денег Маркса.

Отсутствие интереса к данной теме, как и к фигуре Рубина в целом, связаны, как представляется, прежде всего с коренным изменением положения в нашей экономической теории, отрицанием марксизма как научного мировоззрения, негативным отношением к Марксу и исключением марксистской экономической теории из арсенала экономической науки. Однако ренессанс Маркса, обозначившийся на рубеже тысячелетий, когда в конце 1999 г. по результатам голосования в Интернете, проведенном британской корпорацией

-
5. См.: *Рубин Исаак И.* Очерки по теории денег Маркса // Истоки. Социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. С. 501–625.
 6. См.: *Васина Л.А., Рокитянский Я.Г.* Страницы жизни и творчества экономиста И.И. Рубина // Вестник Российской академии наук. 1992. № 8. С. 129–144 (переиздано в сб.: *Васина Л.А., Рокитянский Я.Г.* Исаак Рубин // Российская наука в лицах. Кн. 1 / Под общей ред. вице-президента РАН Н.А. Платэ; сост. Т.В. Маврина и В.А. Попов. М.: Academia, 2003. С. 497–512).
 7. См.: *Vasina L. I. I. Rubin – Marxforscher und Politökonom* // Quellen und Grenzen von Marx' Wissenschaftsverständnis. [Hrsg. und Red. C.-E. Vollgraf, R. Sperl, R. Hecker.] (Beiträge zur Marx-Engels-Forschung. Neue Folge 1994.) Hamburg: Argument-Verlag, 1994. S. 144–149; *Рокитянский Я.Г.* Последние дни профессора И.И. Рубина. По материалам следственного дела // Вестник Российской академии наук. 1994. № 9. С. 828–834.

«ВВС», он возглавил список наиболее выдающихся мыслителей второго тысячелетия, опередив А. Эйнштейна, И. Ньютона, Ч. Дарвина, И. Канта и др., и особенно проявившийся в 2008–2010 гг. в связи с мировым финансово-экономическим кризисом, дает себя знать и в России. Одним из проявлений этого процесса является, как представляется, и издание Высшей школе экономики рукописи И.И. Рубина «Очерки по теории денег Маркса». Учитывая сегодняшний интерес в разных странах к наследию Рубина, принципиально важно было опубликовать данную рукопись на русском языке и в России.

Рубин родился в 30 мая (11 июня) 1886 г. в г. Двинске (ныне Даугавпилс, Латвия) в ортодоксальной еврейской семье. Отец, Элиягу Исаакович Рубин (1851–1928) — потомственный почетный гражданин г. Двинска — был домовладельцем среднего достатка. По воспоминаниям сестры Рубина, Б.И. Желтенковой, он был «очень умным, терпимым человеком, к которому за советом обращались не только родственники и близкие, но и посторонние люди. Он много рассказывал и читал детям о героях еврейского народа, которые страдали за свои идеи и отстаивали свою религию». Мать, Этель Рубина (1854–1921), по ее же словам, «была человеком феноменальной доброты и посвятила свою жизнь помощи бедным».⁸ В семье было трое детей: двое братьев Исаак Ильич и Арон Ильич и старшая сестра Блюма Ильинична Рубина (Желтенкова).

И.И. Рубин получил традиционное для своей среды образование — с пяти лет учился в хедере, затем у домашних учителей и в гимназии. Сдав экстерном за курс классической гимназии в г. Витебске, Рубин поступил в 1906 г. на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1910 г. Помимо юриспруденции его уже тогда интересовали экономические дисциплины, которые на юридическом факультете (экономического факультета в те годы в университете не существовало) преподавали И.И. Кауфман,

8. РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 2. Д. 8. Л. 1.

автор фундаментальных работ по вопросам денежного обращения, финансам и кредиту в России (его работы «К учению о деньгах и кредите», «Статистика русских банков», «Теория и практика банковского дела» и «Теория колебания цен» в оригинале изучал Маркс), а также первый российский экономист с мировым именем М.И. Туган-Барановский (основные работы которого — «Промышленные кризисы» и «Русская фабрика в прошлом и настоящем» — получили широкую известность не только в России, но и благодаря их переводам (прежде всего на немецкий язык) в других странах). Однако шансов заниматься экономической теорией у Рубина в силу его вероисповедания в России до 1917 г. не было.

Его старшая сестра Б.И. Рубина тоже сдала экстерном за курс мужской гимназии, чтобы иметь возможность получить высшее образование. Она принимала участие в революционном движении в г. Двинске, была членом бюро социал-демократической организации (меньшевиков). В 17 или 18 лет, по данным ее детей М.В. и В.В. Желтенковых, она уехала учиться за границу — в Брюссель и Париж. Учась за границей, перевозила в Россию нелегальную революционную литературу. По возвращении она продолжила учебу и закончила в Петербурге Бестужевские высшие женские курсы. Специализировалась по статистике у будущего академика Станислава Густавовича Струмилина (1877–1974). В советское время Б.И. Желтенкова работала экономистом и статистиком в различных учреждениях.⁹

По окончании университета Рубин некоторое время работал в Петербурге в нотариальной конторе. В 1912 г. он переехал в Москву, где продолжал заниматься юридической практикой, сочетая ее с литературной и научной работой. В 1913–1914 гг. Рубин опубликовал первые статьи по гражданскому праву.

Известно, что перед Первой мировой войной в 1914 г. И.И. Рубин вместе с женой П.П. Рубиной, окончившей искус-

9. Там же. Л. 4.

ствоведческое отделение Бестужевских высших женских курсов в Петербурге, выезжал за границу, в частности в Италию.

С 1915 г. до августа 1917 г. И.И. Рубин работал секретарем-делопроизводителем Земского союза и Московского городского союза; в 1917–1918 гг. был секретарем и помощником по юридической части Московской экономической кассы страхования, работал также в редакциях разных журналов. Ранние публикации Рубина касались вопросов юридической практики. Первая работа (1913 г.) называлась «Об условиях ответственности господ и верителей за недозволенные деяния слуг и поверенных».¹⁰ Затем последовали комментарии к законам о наследовании, солдатских пенсиях. После Февральской революции 1917 г. Рубин обращается к социально-экономической тематике. В газете «Известия» он опубликовал более десятка статей по текущим экономическим и социальным проблемам, впоследствии, в 1917–1919 гг., печатался также в журналах «Рабочий мир» и «Продовольственное дело». Вот названия некоторых статей Рубина того времени: «Городские управления и борьба с безработицей»; «Биржи труда и контроль над производством»; «Трудовая повинность»; «Борьба со спекуляцией и торговые служащие»; «Национализация фабрик»; «Социальное страхование на распутье»; «Забастовки и доходы рабочих»; «Октябрьская революция и рабочее законодательство»; «Революция и народное хозяйство в Германии»; «Социальные классы в Венгрии»; «Пролетариат в Австрии». Сегодняшнему читателю эти статьи могут быть интересны тем, что там приводились конкретные данные о положении в экономике в первые годы Советской России, а также анализ социального положения и экономики в Германии, Венгрии, Австрии в те же периоды.

В 18-летнем возрасте началась политическая деятельность Рубина. В 1904 г. он вступил в организацию еврейских рабочих «Бунд» и вел пропагандистскую работу среди

10. Рубин И. Об условиях ответственности господ и верителей за недозволенные деяния слуг и поверенных. (Ст. 689. Т. X. Ч. 1.) М.: Тип. И.И. Кушнерев и К^о, 1913.

них в черте оседлости. В 1905 г. впервые был арестован, но спустя два месяца, по амнистии после царского Манифеста 17 октября, выпущен на свободу. Во время Первой мировой войны Рубин примыкал к левому крылу меньшевиков – меньшевикам-интернационалистам. К Октябрьской революции отнесся сдержанно, но вместе с тем с самого начала считал необходимым работать в органах советской власти. В то же время Рубин продолжал свою деятельность в московской организации Бунда, а когда в апреле 1920 г. в ней произошел раскол, остался с той частью членов организации, которая отказалась идти на слияние с РКП(б) и объявила себя правопреемницей Бунда. Рубин был избран в Центральный комитет Бунда, затем стал секретарем ЦК. Он и в дальнейшем продолжал считать себя последовательным социал-демократом, не скрывая своего несогласия со многими методами руководства ВКП(б). 20 февраля 1921 г. во время пленарного заседания ЦК Бунда Рубин был задержан и помещен в Бутырскую тюрьму. Однако следствию не удалось получить никаких конкретных данных для его обвинения в контрреволюционной деятельности, и вскоре Рубин был освобожден.

Спустя девять месяцев, в ночь с 5 на 6 ноября 1921 г., Рубин был вновь арестован. На этот раз его арест получил общественный резонанс. С протестом в Московском совете выступила фракция меньшевиков, в ВЧК были направлены ходатайства от президента Московского государственного университета историка В.П. Волгина, декана факультета общественных наук МГУ академика Н.М. Лукина, а также наркома просвещения А.В. Луначарского. К этому времени имя Рубина было хорошо известно в научной и преподавательской среде.

Революция открыла для Рубина возможность заниматься преподавательской деятельностью, что для него было исключено в царской России. В 1919–1921 гг., находясь на службе в Красной Армии, Рубин преподавал общественные науки на Московских Военно-технических курсах, летом 1920 г. про-

чел курс политической экономии на учительских курсах при Наркомпросе, в 1920–1922 гг. работал в комиссии Наркомпроса по составлению учебных программ и планов для школ и университетов, некоторое время был заведующим отделом обществоведения Гуманитарно-педагогического института. Наверное, не будет преувеличением сказать, что Рубин оказал определенное влияние на содержание учебных курсов по политической экономии и истории экономических учений, которые формировались в те годы.

С февраля 1921 г. Рубин — профессор 1-го Московского университета, одновременно он преподавал политическую экономию в Институте красной профессуры, Институте народного хозяйства и в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова.

В 1919 г. будущий директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ) Д.Б. Рязанов привлек Рубина к работе над «Библиотекой научного социализма», к переводу с немецкого языка третьего тома «Литературного наследия Маркса и Энгельса»¹¹ и их переписки. В 1922 г. уже в качестве директора ИМЭ, когда встал вопрос о публикации всех экономических работ Маркса в первом русском издании собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, Рязанов также привлек к этой работе Рубина. С этого времени занятия Рубиным экономической теорией и специально экономической теорией марксизма стали основной сферой научных интересов. Не подлежит сомнению, что превращение Рубина в ведущего экономиста-марксоведа, реализация его потенциаль-ного исследователя, переводчика вряд ли состоялись бы без активного участия в его судьбе Д.Б. Рязанова.

Основываясь на анализе переводимых им на русский язык трудов Маркса, Рубин написал первые научные работы по истории экономической мысли и экономической теории Маркса. В начале 1920-х гг. он — один из ведущих советских экономистов-теоретиков и историков экономической мысли.

11. Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx und Friedrich Engels / Hrsg. von Franz Mehring. Bd. 3. 1. Ausg. Stuttgart: Dietz nachf., 1902; 3. Aufl. Stuttgart: Dietz Nachf., 1920.

Этот факт отмечался в ходатайствах коллег-ученых об освобождении Рубина из-под ареста, и 22 ноября 1921 г. под поручительство академика В.П. Волгина он был освобожден. Однако следствие по делу Рубина не было прекращено.

Имея репутацию яркого лектора, Рубин продолжал преподавательскую деятельность. Он занимался также разработкой теоретических проблем политической экономии, в первую очередь связанных с интерпретацией экономической теории Маркса, историей экономических учений, перевел и сопровождал своим комментарием ряд известных в то время трудов западноевропейских экономистов и социологов, написал предисловия, вступительные статьи ко многим переводным изданиям работ немецких и английских авторов, выходившим в 1920-е гг., рецензировал новые учебники по политической экономии.

Отличительной чертой работ Рубина является то, что он избегал излагать общепризнанные части экономической системы марксизма, а стремился уделить внимание спорным вопросам, представлявшим теоретический интерес. Наибольшую известность получила работа И.И. Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса». Этот главный труд ученого вышел в свет в начале 1923 г. и на протяжении 1920-х гг. переиздавался еще три раза. Вначале это была небольшая книжечка, состоящая из двух разделов: I. Теория товарного фетишизма; II. Теория трудовой стоимости Маркса. Как отмечал будущий известный экономист Л.А. Леонтьев, работавший в те годы в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, идеи этого исследования были еще раньше известны довольно широкому кругу коллег, работавших под руководством Рубина над изучением проблем политической экономии.

Уже в первом издании «Очерков» были в основном сформулированы принципиальные положения, вокруг которых впоследствии развернулась дискуссия. Не вступая в прямую полемику, Рубин фактически оспаривал в своей работе распространенные в начале 1920-х гг. интерпретации марксовской трудовой теории стоимости и товарного фетишизма,

представленные, в частности, в предисловии П.Б. Струве к изданному под его редакцией русскому переводу первого тома «Капитала» Маркса (1899 г., 2-е изд. Спб.: О.Н. Попова, 1906) и в «Курсе политической экономии» А.А. Богданова и И.И. Степанова (т. 2, вып. 1. М.: Госиздат, 1919: первое издание вышло в 1910 г.). Теория стоимости определялась Струве как блестящий исторический экскурс, не имеющий отношения к реалиям товарно-капиталистического хозяйства. Товарный фетишизм трактовался Богдановым и Степановым как надуманный раздел «Капитала», не имеющий прямого отношения к понятию стоимости, или как элемент общественной идеологии классового общества. Абстрактный труд определялся ими как затраты труда в физиологическом смысле, а величина стоимости — пропорционально трудовым затратам. Если учесть, с одной стороны, отсутствие в то время новых переводов и изданий «Капитала», а с другой — популярность названных изданий, становятся более понятными содержание и логика труда И.И. Рубина.

На базе методологии Маркса Рубин предпринял собственную попытку дальнейшей разработки важнейших аспектов теории стоимости, не получивших достаточного развития в «Капитале», а именно проблем абстрактного труда и редукции сложного труда. В изложении проблем теории стоимости и товарного фетишизма Рубин следовал западноевропейской социал-демократической традиции, опираясь в первую очередь на анализ методологических проблем теории трудовой стоимости в статьях Р. Гильфердинга «Бем-Баверк как критик Маркса» и «Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса», опубликованных в 1903 г. в теоретических изданиях германской социал-демократии «Die Neue Zeit» и «Der Kampf». Несомненное влияние на Рубина оказывали идеи так называемой «социальной школы» в политической экономии, не случайно он охотно рецензировал работы представителей этого направления.¹²

12. См.: *Rubin I. Zwei Schriften über die Marxsche Werttheorie*: Franz Petry: Der soziale Gehalt der Marxschen Werttheorie. Jena 1916. 70 S.; [Рецензия на кн.:] Heinrich Dietzel: Vom Lehrwert

Важным элементом концепции Рубина было обоснование методологического принципа различения вещественного («материально-технического») содержания и социальной формы, т.е., говоря современным языком, вещественной (вещной) формы и социально-экономического содержания (сущности) экономических процессов. Истоки этой концепции прослеживаются в работах Р. Гильфердинга, но значительный вклад в обоснование и развитие данного принципа в отечественной литературе внес именно И.И. Рубин. Проведение принципа различения вещной формы и социально-экономического содержания экономических процессов создавало предпосылки для использования экономического наследия Маркса применительно к анализу различных общественных форм производства, что имело большое значение как в 1920-е гг., так и в более позднее время.

Достаточно тонко и своеобразно подходил Рубин к пониманию соотношения материального и идеального при анализе товарного фетишизма. Он поставил данную проблему значительно шире общепринятой в то время в литературе формулировки, а именно: под отношениями вещей, подчеркивал Рубин, Маркс вскрыл отношения людей и порождаемую товарным хозяйством иллюзию человеческого сознания, приписывающую первым свойства, которые в действительности вытекают из общественных отношений людей в процессе производства. Как утверждал Рубин, Маркс показал не только то, что под отношениями вещей скрываются производственные отношения людей, но и что, наоборот, в товарном производстве общественные производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму и не могут проявляться иначе как посредством вещей. Структура товарного хозяйства приводит к тому, что вещи играют особую, крайне важную общественную роль и приобретают

der Wertlehre und vom Grundfehler der Marxschen Verteilungslehre. Leipzig 1921. 39 S. // Marx-Engels-Archiv. Zeitschrift des Marx-Engels-Instituts in Moskau / hrsg. von D. Rjazanov. Bd. 1. Fr. a./M.: Marx-Engels-Archiv Verlagsgesellschaft, [1925.] S. 360–369. Влияние на Рубина идей социального направления справедливо отметил В.Е. Маневич в работе «Экономические дискуссии 20-х годов» (С. 80–82).

общественные свойства. Из иллюзий и заблуждений человеческого ума вещные экономические категории превращаются в «объективные формы мысли» для производственных отношений данного, исторически определенного способа производства — товарного. Теория товарного фетишизма превращается, по Рубину, в общую теорию производственных отношений товарного хозяйства, в пропедевтику (введение) политической экономии.

Поскольку связь между автономными и абсолютно независимыми друг от друга производителями в товарном хозяйстве и опосредованное, косвенное регулирование их деятельности осуществляются через рынок, обмен товаров, то общественные отношения людей, подчеркивал Рубин, неизбежно принимают вещную форму. То есть вещи, продукты труда в товарном хозяйстве выступают как господствующая над товаропроизводителями сила. В этом Рубин (вслед за Марксом) видел объективную сторону товарного фетишизма. Он показывал, что порождаемый товарным миром фетишизм — это объективная реальность и одновременно продукт человеческого сознания. Дальнейшее развитие этот подход получит в работах отечественного философа Э.В. Ильенкова¹³. Однако в то время идеи Рубина были однозначно отнесены к идеализму в политической экономии.

Анализируя теорию стоимости Маркса, Рубин приходит к выводу, что главное в ней — не доказательство того, что стоимость товара зависит от количества труда, затраченного на его производство, а понимание того, что производственные отношения товарно-капиталистического хозяйства неизбежно принимают форму стоимости, а труд может найти

13. Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 128–140; № 7. С. 145–158 (переиздано в кн.: Эвальд Васильевич Ильенков / Под ред. В.И. Толстых. М.: РОССПЭН, 2008. (Серия «Философия России второй половины XX века».) С. 153–214.); *Он же*. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во АН СССР, 1960 (Новое полное издание этой работы см.: Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997); *Он же*. Проблемы абстрактного и конкретного // Вопросы философии. 1967. № 9. С. 55–65; *Он же*. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984.

свое выражение только в ней. Ошибочно представление, считает он, что Маркс исходит из явлений стоимости в вещном выражении и в результате анализа приходит к выводу, что общим является труд (такая постановка вопроса имела место у предшественников Маркса). Ход же мысли Маркса, в интерпретации Рубина, по существу обратный: в товарном обществе «частный» труд отдельных производителей может превратиться в общественный только через стоимость продуктов труда.

Как подчеркивает Рубин, у Маркса речь идет не о труде как факторе производства, а о трудовой деятельности людей как основе жизни общества и тех социальных формах, в которых этот труд организован. И исследуя эту организацию товарно-капиталистического хозяйства, он приходит к выводу об исключительной роли обмена как формы связи производителей. По его мнению, исследование общественной формы обмена (но не обмена как такового) и ее связи с производством товарного общества — вот что составляет предмет теории стоимости Маркса. Подчеркивая приоритет качественной стороны марксовской теории стоимости перед количественной (вопрос о величине стоимости), Рубин отстаивал идею применимости теории стоимости для анализа товарно-капиталистического хозяйства в противоположность ее интерпретации как чисто логической конструкции или же ограничения ее действия только простым товарным производством.

В русле исследования Рубиным методологии «Капитала» Маркса не утратила интереса его статья «К истории текста первой главы «Капитала» К. Маркса»¹⁴, в которой он детально проследил развитие учения Маркса о стоимости и меновой стоимости — от работы «К критике политической экономии» к первому тому «Капитала», подчеркнув его теоретическое значение для понимания законов «развитого товарного

14. См.: Рубин И.И. К истории текста первой главы «Капитала» К. Маркса // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса / Под ред. Д. Рязанова. Кн. IV. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 63–91.

хозяйства и развитой меновой стоимости»¹⁵ как предмета анализа первой главы первого тома «Капитала». В этой связи хотелось бы напомнить о дискуссии 1970-х гг. относительно предмета исследования первого отдела первого тома «Капитала» Маркса.¹⁶

«Очерки по теории стоимости Маркса» содержали попытки более расширенного, по сравнению с «Капиталом», обоснования таких важных аспектов данной теории, как понятие абстрактного труда, проблема редукции сложного труда к простому, понимание места этой теории в экономической теории Маркса в целом.

В системе рассуждений Рубина большое место занимал вопрос о содержании и форме стоимости. Он обосновывал (и совершенно справедливо) тезис, что вопрос о приоритете Маркса в области теории стоимости прежде всего связан с разработкой учения о ее формах. Это же определяет и своеобразие этой теории.

Стоимость, как подчеркивал Рубин, явление общественное. Бытие стоимости не включает в себе ни одного атома материи, а понятие стоимости у Маркса, по его словам, носит социологический и исторический характер. В форме абстрактного труда в обмене, утверждал Рубин, происходит превращение конкретного труда отдельных товаропроизводителей в общественный. Понятие абстрактного труда является характеристикой общественной формы организации труда в товарном хозяйстве, «связанности» отдельных товаропроизводителей не в самом производственном процессе, а в акте обмена. Далее, в первом издании своей работы

15. Там же. С. 90.

16. См.: *Тронеv К.П.* Предмет исследования первого отдела первого тома «Капитала» К. Маркса // Вестник Московского университета. Серия VI «Экономика». 1978. № 4; *Он же.* Учение К. Маркса о стоимости, ее субстанции и форме // Вестник Московского университета. Серия VI «Экономика». 1978. № 5 (переиздание см.: *Тронеv К.П.* Учение К. Маркса о стоимости, ее субстанции и форме (вступление А. Мелентьева) // Экономические науки. 1990. № 7); *Шкретов В.П.* Анализ формы стоимости в I томе «Капитала» // Очерки по истории «Капитала» К. Маркса. М.: Политиздат, 1983. С. 249–310; *Тронеv К.П.* О предмете и содержании первого отдела 1 тома «Капитала» К. Маркса // Российский экономический журнал. 2007. № 9–10. С. 62–97.

Рубин оспаривал положение Маркса о том, что труд в сфере обращения не создает стоимости и прибавочной стоимости. В последующих изданиях он отказался от этого тезиса. Также впоследствии Рубин смягчил категоричность своей формулировки «абстрактный труд создается обменом».

Развитые в «Очерках по теории стоимости Маркса» идеи Рубина об абстрактном и конкретном труде, товарном фетишизме, отчуждении и др. оказались в центре теоретических дискуссий 1920-х гг. в области политической экономии. «Очерки» оценивались современниками Рубина как одно из наиболее серьезных исследований теории стоимости Маркса. Известно, что очень высоко ценил работу Рубина Н.И. Бухарин, считавшийся в те годы наиболее авторитетным знатоком марксизма и теоретиком партии. Написанные в строго академическом ключе, лишенные сиюминутной актуальности, «Очерки» закладывали основы научного, творческого подхода к теории Маркса, свободного от пропагандистской упрощенности и догматизма. На протяжении не только 1920-х гг., но и позже, в советской науке не было ни одной работы по данной проблематике, которая соответствовала бы уровню этого труда Рубина, хотя и не свободного от спорных моментов.

Выход в свет первого издания «Очерков» совпал по времени с новым арестом Рубина 27 февраля 1923 г. По решению комиссии ГПУ при НКВД РСФСР «за активную антисоветскую деятельность» он подлежал заключению на 3 года в Архангельский лагерь.хлопоты близких и знакомых, среди которых был и тогдашний посол СССР в Германии Н.Н. Крестинский, помогли отсрочить отправку слабого здоровьем Рубина, страдавшего к этому времени неврозом сердца, туберкулезом легких и болезнью желудка, на Север. Однако осенью 1923 г. его все-таки отправили в Суздальский лагерь, но из-за резкого ухудшения здоровья вскоре вновь вернули в Бутырскую тюрьму. В своем письме из Суздальского лагеря Рубин писал 28 октября 1923 г., что заключение в Суздале было более мучительным и разруши-

тельным для его здоровья, чем даже «очень суровый режим» Бутырки¹⁷.

Тем более поразительно, что время, проведенное Рубиным в заключении и затем в ссылке, было заполнено интенсивным научным трудом. К моменту ареста он выполнял множество заявок и заданий различных издательств, а также ИМЭ. Для продолжения работы в тюрьме Рубин получал, прежде всего благодаря поддержке Д.Б. Рязанова, все необходимые книги, журналы и прочие материалы (тогда это еще было возможно). В частности, по заданию Рязанова, в Бутырской тюрьме (июнь 1924 г.) Рубин начал работу над новым переводом на русский язык работы Маркса «К критике политической экономии». Естественно, все вышедшее из-под пера ученого, проходило цензуру. Вряд ли случайно поэтому преобладание в деятельности Рубина этого периода работ над переводами, научного редактирования книг историко-экономического содержания, сугубо научного подхода к комментированию экономических произведений Маркса, которые он готовил во время заключения к публикации, а также отсутствие в этих работах какого-либо намека на политическую и научную жизнь того времени.

Показательный эпизод произошел после 19 декабря 1924 г. в Бутырской тюрьме, когда пришло распоряжение об освобождении Рубина из нее и отправке в ссылку в г. Карасубазар в Крыму (ныне — г. Белогорск на юго-востоке Крымского полуострова). И.И. Рубин попросил отсрочить его освобождение, мотивируя свою просьбу следующим образом: «У меня на руках две большие работы, из них одна учебного характера («Хрестоматия по истории политической экономии»: около 450 страниц), подлежащая немедленной сдаче в Госиздат и требующая для окончательного редактирования не более 6–7 дней. В случае немедленного отъезда я буду лишен возможности переслать единственную рукопись, плод полугодовой работы, и в лучшем случае сдача задержится

17. Центральный архив ФСБ РФ. № Р-40156. Л. 68. Подробнее см.: Васина А.А., Рокитянский Я.Г. Указ. соч. С. 134–135.

на 2–3 месяца»¹⁸. Просьба Рубина была удовлетворена, его пребывание в тюрьме было продлено на несколько дней. К концу декабря 1924 г. Рубин завершил работу и только после этого был отправлен в ссылку. Перед отъездом он обратился с просьбой «заехать на два часа в Институт Маркса и Энгельса для отбора необходимой для дальнейшего выполнения заказов Института и Госиздата литературы, а также для личного разговора с Д.Б. Рязановым по поводу выполнения работы для Института». Разрешения на эту встречу Рубин не получил.

В Карасубазаре Рубин и его жена сняли две комнаты в одноэтажном домике, где прожили до весны 1926 г., несмотря на неоднократные просьбы перевести его в более подходящую для его здоровья местность Крыма. Зимой 1925–1926 г. здоровье Рубина резко ухудшилось, к старым болезням добавился суставной ревматизм в тяжелой форме, усугубивший заболевание сердца.¹⁹ Срок ссылки Рубина истекал 13 апреля 1926 г., однако несмотря на ходатайства известных в то время обществоведов Ш.М. Дволайцкого, М.Н. Покровского и др., ему в течение трех лет было запрещено проживать в Москве, Ленинграде и ряде других крупных городов, и лишь августе 1926 г. он получил разрешение поселиться в Саратове. Однако по ходатайству Рязанова, Рыкова и Бухарина ему разрешили в октябре 1926 г. приехать в Москву на три недели, а 26 ноября 1926 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило: «Рубина Исаака Ильича досрочно от наказания освободить, разрешив свободное проживание по СССР»²⁰.

Трудно поверить, но именно в заключении и в ссылке (с весны 1923 г. по осень 1926 г.) Рубин подготовил около двадцати пяти научных работ, в том числе второе, существен-

18. Центральный архив ФСБ РФ. № Р-40156. Л. 128.

19. Пять писем Рубина из Карасубазара в адрес Д.Б. Рязанова находятся на хранении в РГАСПИ (Ф. 71. Оп. 50. Д. 2. Лл. 97–104.)

20. Центральный архив ФСБ РФ. № Р-40156. Л. 200. Цит. по: *Васина Л.Л., Рокитянский Я.Г.* Указ. соч. С. 136.

но переработанное и вдвое увеличенное по объему издание «Очерков по теории стоимости Маркса». Среди сделанного им в это время: вступительный очерк «Основные черты теории стоимости Маркса и ее отличие от теории Рикардо» к русскому переводу работы И. Розенберга «Теория стоимости у Рикардо и у Маркса», второе издание книги «Народное хозяйство в очерках и картинках» (совместно с Р.М. Кабо), научное редактирование книги В. Либкнехта «История теории стоимости в Англии» и вступительная статья к ней, перевод книги Г. Леви «Основы мирового хозяйства» (все работы относятся к 1924 г.), а также подготовка вышедших позднее книг — «Физиократы» (1925), «История экономической мысли» (1926), «Современные экономисты на Западе» (1927). Помимо этого для Института К. Маркса и Ф. Энгельса Рубин продолжал работать над переводом работы «К критике политической экономии», а также занимался переводом на русский язык рукописи Маркса «Замечания на книгу А. Вагнера “Учебник политической экономии”», написал ряд статей и рецензий для журнала «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Он также составил антологию «Классики политической экономии от XVII до середины XIX в.», сопроводив каждый раздел своими содержательными вступительными замечаниями. В эти же годы Рубиным были написаны три большие статьи — «Австрийская школа», «Амортизация» и «Вульгарная политическая экономия» — для первого издания Большой советской энциклопедии²¹.

С конца 1926 г. и до своего нового ареста в ночь на 24 декабря 1930 г. Рубин являлся сотрудником Института К. Маркса и Ф. Энгельса. К сожалению, документальных свидетельств о его работе в институте почти не сохранилось, за исключением одного личного письма Рязанову от 30 сентября 1930 г. и объяснительных записок и заявлений в руководящие органы Института в связи с обвинениями Рубина в связях с «антисоветской группировкой меньшевиков», а

21. См.: Большая советская энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1926. С. 244–254; Т. 2. С. 496–499; Т. 13. М.: Советская энциклопедия, 1929. С. 623–630.

также отдельных упоминаний его имени в рабочих документах ИМЭ начала 1930-х гг., уже после его ареста²². Как свидетельствовал Рязанов в своем письме в Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиум Центральной контрольной комиссии от 23 февраля 1931 г., в ИМЭ Рубин зарекомендовал себя в качестве «прекрасного работника, очень знающего экономиста и прекрасного переводчика». Вскоре после прихода в Институт Рязанов передал ему заведование кабинетом политической экономии, который должен был стать центром подготовки к печати экономических произведений Маркса. Непосредственными помощниками Рубина были сотрудники кабинета Е.А. Каганович, Владимирова,²³ А.А. Реуэль.

Руководимому И.И. Рубиным небольшому коллективу предстояло сделать квалифицированный перевод многих не публиковавшихся ранее на русском языке экономических работ Маркса и Энгельса, сопоставить с подлинниками и отредактировать существующие переводы, собрать материал для научного комментирования произведений Маркса и Энгельса. В значительной части вся эта работа разворачивалась в таком масштабе впервые. Собранная в кабинете политической экономии, прежде всего стараниями Рязанова, уникальная коллекция литературы – около 14 тысяч книг по проблемам политической экономии и истории экономической мысли – обеспечивала квалифицированную подготовку трудов Маркса и Энгельса к публикации как на русском языке, так и на языке оригинала в первом издании Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (МЭГА), работа над которым началась также в эти годы²⁴.

22. По обычной практике тех лет личные дела арестованных сотрудников изымались при аресте, поэтому источником данных о работе Рубина в институте является его дело, хранящееся в Центральном архиве ФСБ РФ.

23. К сожалению, имя Владимирова установить не удалось, в ИМЭ он работал до конца 1930 г. (РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 3. Л. 35).

24. Первое издание МЭГА выходило с 1927 по 1935 гг. Из запланированных 42 томов первой МЭГА вышло из печати всего 11 томов (12 книг) этого издания. Начиная с 1975 г. публикуется второе академическое издание МЭГА – Полное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языке оригинала: Karl Marx / Friedrich Engels. Gesamtausgabe (MEGA2). К началу 2015 г. вышло в свет 62 тома (135 книг) из запланированных 114 томов этого

Под руководством и при непосредственном участии Рубина был подготовлен к изданию ряд тематических сборников, в том числе: «Наемный труд и капитал»; «К жилищному вопросу»; «Энгельс о «Капитале»»; «Свобода торговли и протекционизм»; «Маркс и Энгельс о крестьянстве». Помимо публикации произведений Маркса и Энгельса Рубин, совместно с Д.Б. Рязановым, участвовал в работе над издававшейся ИМЭ серией «Классики политической экономии». В частности, он занимался подготовкой русского издания труда А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» и, возможно, совместно с Д.Б. Рязановым, «Начал политической экономии и податного обложения» Д. Рикардо (1929). Однако главной заслугой И.И. Рубина в Институте стала подготовка в 1927–1930 гг. нового издания работы Маркса «К критике политической экономии». Существовавшее на тот момент русское издание в переводе П.П. Румянцова (1-е изд. — М., 1896; 3-е изд. — Пг., 1922; 4-е изд. — М., 1922) было неудовлетворительным, особенно с точки зрения перевода важнейших экономических терминов. Отсутствовал и научно-справочный аппарат.

Подготовленное Рубиным совместно с А.А. Реуэлем и Е.А. Гурвич, при участии брата Рубина Арона Ильича, к печати новое издание труда «К критике политической экономии» было для того времени образцом научно-публикаторской работы. Рубин, вероятно, при участии Гурвич,²⁵ сделал новый

издания — 71 книга с текстами К. Маркса и Ф. Энгельса и 64 книги научного аппарата к публикуемым текстам. В дальнейшем данное издание обозначается сокращенно МЭГА или MEGA2. Подробнее об издании МЭГА см.: *Васина Л.А. Публикация литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса в международном издании МЭГА (история, современное состояние и значение) // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 4 / Под ред. д-ра экон. наук, проф. М.М. Загорюлько. М.; Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2002. С. 119–152.*

25. Елена Адольфовна Гурвич (1861–1940) имела к этому времени большой опыт перевода работ Маркса и Энгельса. В частности, она была одним из основных переводчиков первого тома «Капитала» Маркса, вышедшего под редакцией П.Б. Струве в 1898–1899 гг. Она также принимала участие, совместно с М.Г. Лунцем, в опубликованном в 1907 г. переводе первого тома «Литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса», изданного в Германии Ф. Мерингом в 1902 г. См.: *Гурвич Е.А. Из воспоминаний (Мой перевод «Капитала») // Летописи марксизма. 1926. № 1. С. 91–93; Саралиева З.Х. «Капитал» К. Маркса и рабочее*

перевод текста работы Маркса (за исключением «Введения», которое в то время — после первой публикации К. Каутского в 1903 г. — считалось наброском введения не к экономической рукописи 1857–1858 гг., а именно к работе «К критике политической экономии» и было опубликовано в переводе Е.Б. Пашуканиса). В этом издании была отработана терминология, выработан тип примечаний, комментирующих и поясняющих текст, а также справочных указателей (имен, литературы, предметный). А.И. Рубин и Е.А. Гурвич подготовили аннотированный биографический указатель с исчерпывающей информацией обо всех именах в работе Маркса. Вступительную статью к этой публикации «К критике политической экономии» написал директор ИМЭ Д.Б. Рязанов. Аналогов подобного издания не существовало в то время и за рубежом. Новое издание «К критике политической экономии» тиражом 10 000 экземпляров вышло в свет в июне 1929 г. к 70-летию этого произведения Маркса. В 1930 г. вышло второе издание, в 1931 г. — третье и четвертое. Фактически данный выпуск послужил прообразом и основой для последующих русских изданий этой работы Маркса, вплоть до ее последней публикации на языке оригинала в издании МЭГА²⁶.

Правда, после ареста Рубина и Рязанова данная работа была изъята из библиотек, а Институт срочно приступил к подготовке нового труда, в основу которого был положен перевод Румянцева, сверенный с немецким изданием «К критике...», вышедшим в 1924 г. В нем было изъято предисловие арестованного к этому времени Рязанова, а подготовленный Рубиным обширный научно-справочный аппарат был сведен к небольшим указателям имен и литературы. Книга была сдана в производство 3 ноября 1931 г. и вышла в свет в апреле 1932 г. Следующее издание работы Маркса «К критике политической экономии», в редакционном пре-

движение России (1895–1917 гг.). Распространение и пропаганда. М.: Мысль, 1975. С. 30–35, 40; Васина Л.Л. «Ценность» versus «стоимость» — «за» и «против» // Альтернативы. 2015. № 2 (87). С. 137–138.

26. MEGA2 Bd. II/2. Berlin: Dietz Verlag, 1980. S. 94–245, 370–402.

дисловии к которому подчеркивалось, что оно заново подготовлено Л.А. Леонтьевым на основе первого немецкого 1859 г., появилось в 1933 г. Участие Рубина в подготовке данной книги было предано забвению, хотя текстуальное сопоставление всех последующих переводов свидетельствует о том, что основой этих «новых» русских переводов работы Маркса нередко был именно его вариант.

В процессе подготовки своего издания Рубин специально исследовал историю создания первой главы первого тома «Капитала» и анализа Марксом товара — от работы «К критике политической экономии» (1859) до французского издания первого тома «Капитала» (1872–1875)²⁷.

Параллельно с плановой работой в ИМЭ Рубин продолжал собственные исследования в области экономической теории и истории экономической мысли. Его «История экономической мысли», являвшаяся в 1920-е гг. самым известным учебным пособием по данному курсу, переиздавалась ежегодно. Наряду с этим Рубин регулярно публиковал развернутые критические обзоры зарубежной и советской литературы по проблемам политической экономии и теории марксизма. Он написал рецензии на книги Х. Дитцеля, Ф. Петри, Ф. Поллока, К. Мюса, В.Г. Паттерсона, В. Эмметта и др.²⁸ К концу 1920-х гг. список научных трудов Рубина насчитывал более 80 названий.²⁹ Он возобновил преподавательскую деятельность в Институте красной профессуры, Институте народного хозяйства, МГУ, Институте экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), читая лекции по политической экономии, «Капиталу» Маркса, истории экономических учений³⁰.

27. См.: Рубин И.И. К истории текста первой главы «Капитала» К. Маркса. С. 63–91.

28. См.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса / Под ред. Д. Рязанова. Кн. I. М.; Л.: Гос. изд., 1924. С. 478–490; Кн. III. М.; Л.: Гос. изд., 1927. С. 491–498; кн. IV. М.; Л.: Гос. изд., 1929. С. 454–463 и 485–495.

29. Полную библиографию работ И.И. Рубина см.: Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. С. 626–632.

30. См.: Рубин И.И. Личное дело. (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5144. Оп. 2. Д. 4. Л. 122–135.)

В плане Института на 1931 г. значилась подготовка новых изданий «Капитала» и «Теорий прибавочной стоимости», но И.И. Рубину уже не довелось участвовать в этой работе.

В 1928 г. началась дискуссия по книге И.И. Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса», вначале носившая характер научного спора, но постепенно переросшая в травлю ученого по политическим мотивам. Рубину были инкриминированы фальсификация экономической теории марксизма, идеалистический подход к экономическим категориям, отрыв формы от содержания и др. Его идеи получили название «рубинщины», а сам он был объявлен лидером идеалистического направления в политической экономии³¹. Дискуссию завершила в начале 1930 г. статья В. Милютина и Б. Борилина «К разногласиям в политической экономии» в теоретическом органе ЦК ВКП(б) журнале «Большевик»³². В это же время Рубин был вынужден оставить преподавательскую деятельность. 29 сентября 1930 г. в заявлении в дирекцию ИМЭ Рубин попросил временно освободить его от «обязанностей по руководству кабинетом политической экономии».³³

19 ноября 1930 г. в статье сотрудника Института красной профессуры Я. Мушперта в «Правде», в которой имя

-
31. См.: Шабс С. Еще раз о проблеме общественного труда в экономической системе Маркса (ответ на антикритику И. Рубина) // Под знаменем марксизма. 1928. № 7–8. С 112–149; Бессонов С.А. Против выхолащивания марксизма // Проблемы экономики. 1929. № 1. С. 123–144; № 2. С. 78–117; Рубинщина или марксизм. Против идеализма и метафизики в политической экономии. Сб. статей / Под ред. С.А. Бессонова и А.Ф. Кона. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930; Абезгауз Г., Дукор Г. Очерки методологии политической экономии / Предисл. С.А. Ронина. М.: Молодая гвардия, 1931. Анализ дискуссии см.: Широкопад Л.Д. Методологические проблемы политической экономии социализма в советской экономической литературе переходного периода. Л.: Издательство Ленинградского ун-та, 1974. С. 40–46; Маневич В.Е. Экономические дискуссии 20-х годов. С. 84–92. Оценка Рубина как представителя «идеалистического направления» в политической экономии была воспроизведена и в статье В.Е. Маневича в энциклопедии «Политическая экономия» (см.: Политическая экономия. Энциклопедия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 510).
32. Милютин В., Борилин Б. К разногласиям в политической экономии // Большевик. 1930. № 2. С. 48–63.
33. РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Л. 42.

Рубина упоминалось в связи с дискуссией в политической экономии, он был назван «участником разоблаченной меньшевистско-кулацкой вредительской группировки»³⁴. Имя Рубина фигурировало в показаниях Н.Н. Суханова (Гиммера), В.Г. Громана и В.В. Шера, арестованных по делу так называемого Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)³⁵. Как писала в своих записках Б.И. Желтенкова, этот процесс вызвал «ряд мучительных вопросов. Среди привлеченных (к суду было привлечено 14 человек — ответственные работники центральных учреждений и ученые-экономисты) были люди, многие годы принимавшие активное участие в революционном рабочем движении, люди, перенесшие при царском режиме многолетние тюремные заключения, многократные ссылки в далекую Сибирь. Смелость, мужество и честность этих людей не вызывали сомнений. Некоторые имели большие достижения и как ученые. И эти люди оговаривали себя, оговаривают других, признаются в несуществующих преступлениях, позорящих их».³⁶

В связи с упоминанием его имени в показаниях Суханова и др. Рубин в своем личном письме Рязанову от 30 сентября 1930 г. писал: «Многоуважаемый Давид Борисович! До меня дошли слухи, что в показаниях одного из обвиняемых по делу Суханова упоминается мое имя. В виду этого считаю нужным категорически заявить, что я не только не имел абсолютно никакого отношения к делу Суханова, не только не знал о существовании его группы, но даже в самой отдаленной степени не подозревал возможности существования таковой. Единственным поводом для упоминания моего имени могло послужить то обстоятельство, что я, будучи лично знаком с Сухановым, в ответ на его неоднократные

34. *Мишперт Я.* За действительную борьбу против леваков // Правда. 1930. 19 ноябр.

35. См.: Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта — 9 марта 1931 г.). Стенограмма судебного процесса, обвинительное заключение и приговор. М.: Огиз — «Советское законодательство», 1931. С. 17–18, 26, 28–29, 48, 112, 120, 128, 139–150, 170, 229, 359–360, 425–431. Приведенные страницы включают признательные показания Рубина на процессе.

36. РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

приглашения заходить к нему в гости в любой из воскресных вечеров, — когда он, по его словам, всегда сидел дома, — зашел к нему один раз в воскресенье в мае 1929 г. После этого я целый год к нему не заходил и нигде его не встречал, пока 10 мая 1930 г., находясь с женою в МХАТ на представлении «Отелло», не встретил там случайно Суханова. Получив опять любезное приглашение заходить в гости, я зашел к нему в воскресенье 18 мая 1930 г. Ни после первого, ни после второго визита я не имел никаких оснований подозревать существование какой-то группы Суханова. И. Рубин. 30 сентября 1930 г.»³⁷.

На публикацию в «Правде» статьи Мушперта Рубин ответил 22 ноября 1930 г. письмом в редакцию газеты, в котором отвергал свою причастность к каким-либо «вредительским» группировкам³⁸. «Если автор корреспонденции имеет в виду группировку Суханова—Громана, — писал Рубин, — то и к ней я абсолютно никакого отношения — ни организационного, ни идейного, ни прямого, ни косвенного — не имел и иначе, как с решительным осуждением, относиться не могу».³⁹ Как свидетельствуют документы, данное письмо Рубина в редакцию «Правды» было написано в тот же день, когда бюро партийной организации ИМЭ на своем заседании 22 ноября потребовало от него объяснения в письменной форме по трем основным пунктам: «1) Отношение к вредительской меньшевистской группе Громана—Суханова (не только формально, но и по существу). 2) Отношение к меньшевистской партии и ее ЦК и к осколкам меньшевиков в СССР. 3) Отношение к Советской власти и социалистическому строительству»⁴⁰ и предложило ему выступить в печати. 1 декабря 1930 г. Рубин подал объяснительную записку в местком ИМЭ, в которой написал: «30 ноября 1930 г. местком поставил мне несколь-

37. РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Л. 43.

38. Центральный архив ФСБ РФ. № Н-7824. Т. 11. Л. 8–9. Копия данного письма находится также в РГАСПИ. (Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Л. 45.)

39. РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Л. 45.

40. Протокол заседания ячейки ВКП(б) Института Маркса и Энгельса от 22.XI-30. (РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Лл. 39, 41.)

ко вопросов с предложением дать на них ответ непременно в письменном виде. После запроса, предъявленного мне в подобной форме, я считаю невозможным для себя продолжать работу в Институте и 1 декабря подал в Дирекцию заявление с просьбой уволить меня из числа сотрудников. Не желая однако, чтобы уход мой из Института мог быть истолкован как вызванный нежеланием ответить по существу на поставленные вопросы, я считаю нужным тут же дать на них ответ». ⁴¹ Далее Рубин повторил историю своих встреч с Сухановым, а по поводу поставленных перед ним партийным бюро вопросов заявил: «Из меньшевистской партии я вышел почти 8 лет тому назад и с тех пор не имею к ней никакого отношения. Общая позиция моя в отношении к советской власти вытекает из следующих двух основных положений: Октябрьская революция впервые в мировой истории открыла возможность широкого социалистического строительства на основе диктатуры пролетариата; ослабление, а тем более серьезная угроза существованию советской власти послужила бы началом международной жесткой реакции буржуазии против рабочего класса на многие годы, если не десятилетия. Исходя из этих основных положений, я считаю своим долгом содействовать по мере сил тому огромному делу социалистического строительства, которое проводится советской властью и нашло свое выражение в пятилетнем плане реконструкции народного хозяйства. Само собой понятно, что всякого рода попытки к срыву этого строительства и восстановлению капиталистических отношений в России, путем ли интервенции, блокады, раскрытых недавно вредительских действий и организаций и т.п., заслуживают с моей точки зрения самого резкого осуждения.» ⁴²

В тот же день Рубин попросил Рязанова принять его и подал заявление об уходе из Института К. Маркса и Ф. Энгельса. ⁴³ Рязанов принял отставку, но, желая поддер-

41. РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Л. 46.

42. Там же.

43. Там же. Л. 47.

жать ученого, предложил Рубину продолжать работу над объектами Института на условиях аккордной оплаты в качестве ответственного редактора экономических работ Маркса и серии «Классики политической экономии». В ночь на 24 декабря 1930 г. Рубин был арестован. Начался последний, наиболее трагический период его жизни.

Спустя полтора месяца после ареста Рубин признался в том, что он является членом программной комиссии Союзного бюро, а также, что он хранил в своем рабочем кабинете в ИМЭ документы меньшевистского центра, причем, увольняясь из Института, он якобы передал их в запечатанном конверте Рязанову как документы по истории социал-демократического движения.⁴⁴ 8 февраля 1931 г. Рубин под диктовку следователей написал письмо Рязанову, в котором просил его вернуть никогда не существовавшие документы, якобы необходимые для следствия⁴⁵. Вечером 12 февраля письмо было предъявлено Рязанову непосредственно Сталиным в присутствии Молотова, и Сталин отдал распоряжение о проведении обыска в Институте. В ночь с 15 на 16 февраля 1931 г. директор ИМЭ Д.Б. Рязанов был арестован.

Воспоминания Б.И. Желтенковой, записанные с его слов во время посещения Рубина и его жены в ссылке в 1935 г., содержат уникальную информацию о ходе следствия по делу Рубина, обстоятельствах, при которых от него были получены не только признательные показания о принадлежности к программной комиссии Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиком), но и компрометирующие данные о Рязанове, послужившие основанием для ареста последнего⁴⁶. Описы-

44. Документы дела И.И. Рубина (ордер на арест, постановление об избрании меры пресечения, протоколы допросов с 24 января по 21 февраля 1931 г. и др.) см.: *Меньшевистский процесс 1931 года. Сборник документов в 2-х кн. Кн. 1.* М.: РОССПЭН, 1999. С. 554–636. Признательные показания И.И. Рубина см.: там же. С. 560–563, 566–567, 577–580, 580–582, 586–588, 626–627.

45. Центральный архив ФСБ РФ. № Н-7824. Т. 11. Л. 160. Письмо И.И. Рубина Д.Б. Рязанову опубликовано впервые в кн.: *Меньшевистский процесс 1931 года. Кн. 1.* С. 609. См. также *Васина Л.А., Рокитянский Я.Г.* Указ. соч. С. 140–141.

46. РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 2. Д. 4.

ваемая в воспоминаниях очная ставка Рубина с Рязановым 20 февраля 1931 г.⁴⁷ показывает трагедию, пережитую им, не сумевшим выдержать применявшиеся к нему методы воздействия — на протяжении полутора месяцев бесконечные допросы, запрет спать, избиения, карцер. После первых трех вопросов Рязанов прервал очную ставку. Он увидел запуганного, дрожащего, с трудом выдавливающего из себя слова И.И. Рубина. «Брата, — пишет Б.И. Желтенкова, — тут же отвели в камеру, в камере он начал биться головой о стену. Кто знал спокойствие и выдержанность Рубина, может понять, до какого состояния он был доведен»⁴⁸. Воспоминания Б.И. Желтенковой были впервые использованы Р.А. Медведевым в его книге «О Сталине и сталинизме»⁴⁹.

По приговору судебного процесса по делу Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков) (1–9 марта 1931 г.) И.И. Рубин был приговорен к пяти годам тюремного заключения с последующим поражением в правах сроком на два года⁵⁰. Сначала он находился в Верхнеуральском политизоляторе, затем, в сентябре 1933 г., был выслан сначала в г. Тургай в Казахстане, а потом в г. Актюбинск, где работал плановиком-экономистом в Облпотребсоюзе.⁵¹ Кроме того, он продолжал заниматься научной работой, свидетельством чего является небольшая рукопись-эссе «Учение Рикардо о капитале», записанная в двух ученических тетрадях⁵² и сохраненная сестрой Рубина, а затем ее детьми М.В. и В.В. Желтенковыми. В работе, как установил Рокитянский, находилось более десятка других исследований, в том числе о К.И. Родбертусе, А. Маршалле, Дж.К. Кларке, представителях

47. Протокол очной ставки между Д.Б. Рязановым и И.И. Рубиным от 20 февраля 1931 г. См.: *Меньшевистский процесс 1931 года*. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 1999. С. 632–633.

48. РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 2. Д. 4. Л. 31.

49. *Медведев Р.А.* О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. С. 252.

50. *Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта – 9 марта 1931 года)*.. М., 1931. С. 466, 471.

51. О последнем периоде жизни И.И. Рубина см.: *Рокитянский Я.Г.* Указ. соч. С. 828–834.

52. РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 2. Д. 2. См. также *Рубин И.И.* Учение Рикардо о капитале // *Вестник Российской Академии наук*. 1992. № 8. С. 144–152.

математической школы в политической экономии и др.⁵³ Сестре, посетившей Рубина в Актюбинске, он сказал, что не хочет возвращаться в Москву и встречаться с прежним кругом знакомых. «Это показывало, — пишет Б.И. Желтенкова, — как глубоко он потрясен всем пережитым. Только большой оптимизм, присущий ему, и глубокие научные интересы давали ему силы жить»⁵⁴.

19 ноября 1937 г. Рубин был арестован повторно и тройкой НКВД по Актюбинской области по обвинению в создании троцкистской контрреволюционной организации приговорен к расстрелу. 27 (по другим данным, 25) ноября 1937 г. приговор был приведен в исполнение⁵⁵.

В 1989–1991 гг. И.И. Рубин был реабилитирован по всем без исключения делам 1920–1930-х гг.

Несмотря на то, что имя И.И. Рубина на десятилетия исчезло из научного мира, идеи, выраженные в его работах и, прежде всего, в «Очерках по теории стоимости Маркса», оказались настолько плодотворными, что они в том или ином виде воскрешались, воспроизводились и развивались в работах экономистов последующих поколений. Так, «Курс истории экономических учений» (1926 г., 4-е изд. 1930 г.) лег в основу последующих курсов истории экономической мысли. Традиция, заложенная работой Рубина «Современные экономисты на Западе», получила дальнейшее развитие в трудах И.Г. Блюмина. Проблема соотношения вещественной формы и социально-экономического содержания общественных процессов была разработана в различных аспектах в работах В.С. Выгодского⁵⁶, а рубинская трактовка идеального и материального, как уже говорилось, была интересно

53. См.: Рокитянский Я.Г. Последние дни профессора И.И. Рубина... С. 830.

54. РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 2. Д. 4. Л. 33. Медведев Р.А. Указ. соч. С. 252.

55. Большевикский процесс 1931 года. Кн. 1. С. 26.

56. См., например: Выгодский В.С. К истории создания «Капитала». М.: «Мысль», 1970. С. 101–103, 259–262; Багатурян Г.А., Выгодский В.С. Экономическое наследие Карла Маркса (история, содержание, методология). Гл. 16: Вещественное содержание и социальная форма экономических процессов и категорий. М.: «Мысль», 1976. С. 242–250.

развита Э.В. Ильенковым. Наконец, также упомянутая выше дискуссия 1970-х гг. о предмете исследования первого отдела первого тома «Капитала» перекликалась с работой Рубина «К истории текста первой главы «Капитала» К. Маркса». Таким образом, идеи одного из значительных экономистов 1920-х гг., вопреки их запрету и глубоко трагической судьбе их автора, не поросли травой забвения.

Среди материалов И.И. Рубина, находящихся на хранении в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), несомненную научную ценность представляет рукопись «Очерки по теории денег Маркса»⁵⁷, логически продолжающая исследование Рубиным теории стоимости Маркса. Работа над рукописью, замысел которой, вероятно, оформился в процессе перевода труда Маркса «К критике политической экономии», была начата, по-видимому, еще в 1923 г. в камере Бутырской тюрьмы⁵⁸. Впоследствии, как свидетельствуют отчеты Рубина, в 1926–1928 гг. он продолжал работу над ней.

Рукопись объемом более 5 печатных листов представляла собою чистовой вариант текста работы, которая была подготовлена автором к перепечатке, но, в сущности, так и осталась незавершенной. В частности, не было написано намеченное предисловие, нуждался в редактировании, устранении повторов и сам текст, отсутствовали приложения исторического характера по образцу обширных, приведенных в издании «Очерков по теории стоимости Маркса». О том, что рукопись неоднократно читалась и редактировалась автором, свидетельствуют многочисленные замечания, вопросительные знаки и отчеркивания на полях, правка и дополнения чернилами и карандашом. Конец рукописи

57. РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 2. Д. 1. Публикацию рукописи см.: Истоки. Социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. С. 501–625.

58. Эта датировка начала работы над рукописью, основанная на комплексной оценке рукописи, включая использованные Рубиным источники, относящиеся ко времени не позднее 1923 г., была впоследствии подтверждена документами дела И.И. Рубина в Центральном архиве ФСБ. (Д, № Р-40156, л.102.)

отчеркнут горизонтальной чертой. Похожим образом часто заканчивал разделы в черновых рукописях или завершал свои тексты Маркс.

Рукопись представляла собой непосредственное продолжение главного теоретического труда Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса» и являлась первой в отечественной марксистской литературе попыткой фундаментального исследования теории денег Маркса. Генетическую связь данной работы с «Очерками по теории стоимости Маркса» подчеркивало и первоначальное название рукописи — «Теория стоимости и теория денег Маркса», от которого сохранились лишь первые три слова. Впоследствии рукой Рубина карандашом было вписано новое название работы «Очерки по теории денег Маркса». Рукопись свидетельствует, в частности, и о том, что первую книгу — «Очерки по теории стоимости Маркса» — без ее учета нельзя считать завершённой. Преемственность и взаимосвязь этих работ бесспорна.

На мотивы, побудившие Рубина написать специальную работу по теории денег Маркса, проливает свет его замечание в одном из обзоров литературы, посвященном критическому анализу работ Г. Блоха «Теория денег Маркса» (Йена, 1926) и Ф. Поллока «К теории денег Карла Маркса»⁵⁹. «Теория денег Маркса, — констатировал Рубин, — до последнего времени не подвергалась специальному обсуждению в экономической литературе. В то время как Марксова теория стоимости породила обширнейшую литературу, критики Маркса большею частью обходили его теорию денег молчанием или ограничивались беглыми и мимоходом брошенными замечаниями. В марксистской литературе подвергались разработке некоторые спорные вопросы теории денег (в частности, в известной полемике, участниками которой были [К.] Каутский, [Е.] Варга, [О.] Бауэр и друг[ие]), но мы почти не имеем сочинений, специально посвященных систематическому изложению теории денег Маркса в целом.

59. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. III. С. 491—498.

...разобранные нами работы Блоха и Поллока не восполнили пробела в литературе, посвященной теории денег Маркса»⁶⁰. Появление работ по теории денег в Германии в середине 1920-х гг. становится понятным, если вспомнить состояние ее экономики и финансовой системы в период Веймарской республики. В России в это время также происходило налаживание расстроенной в период Первой мировой войны, революции и Гражданской войны денежной системы, и практическая работа в этой области нуждалась в теоретическом обосновании, которое было естественно в то время искать в теоретическом наследии Маркса. Таким образом, рукопись Рубина была актуальна с разных точек зрения для 1920-х гг.

Рукопись «Очерки по теории денег Маркса» содержит фактически восемь глав, из которых лишь первая имеет авторскую нумерацию «I». Значительная часть работы Рубина была посвящена анализу взаимосвязи теории стоимости и теории денег в экономической теории Маркса. Используя так называемый социологический метод, исходящий из анализа социальной структуры товарного хозяйства, и опираясь на свое учение о «вещественном содержании» и «общественной форме», Рубин показывает, что как теория стоимости не может быть развита в полной мере без рассмотрения денег, так и теория денег Маркса вытекает из его теории стоимости. При этом он акцентирует внимание на том, что исходным пунктом анализа как стоимости, так и денег является у Маркса не простое, а именно капиталистическое товарное производство, характеризующееся развитым денежным обращением, и рассматривает, в какой мере теория стоимости Маркса построена на предпосылках денежного хозяйства. От изучения механизма действия теории стоимости в капиталистическом товарном хозяйстве Рубин переходит к исследованию вопроса о происхождении и социальной функции денег и их необходимости как результата разрешения

60. Там же. С. 491, 498.

противоречия между потребительной и меновой стоимостью товара. Далее он показывает, в чем заключалась заслуга Маркса при анализе процесса возникновения денег.

Вторая часть работы посвящена рассмотрению в теории Маркса вопроса о функциях денег. Рубин дает оригинальную и весьма интересную их интерпретацию как меры стоимости и средства обращения, в заключительной части работы подробно рассматривает их в роли сокровища. В рукописи отсутствует анализ денег как средства платежа, лишь вскользь упоминается о развитии кредитной системы как неотъемлемой части капиталистического хозяйства, нет даже упоминания о функционировании денег в сфере международного обращения. Между тем анализ функции денег как средства платежа и специальное рассмотрение трансформации денег в международное платежное средство также являлись составными элементами теории денег Маркса, отличавшими его подход к теории денег от других экономистов — как его предшественников, так и современников. А с учетом дальнейшего развития денег эти аспекты анализа приобрели еще большее значение.

Правда, в начале 1920-х гг. это не было столь очевидным. Поэтому, не исключая того, что Рубин не смог коснуться этих вопросов из-за того, что работа над рукописью была прервана, возможно и иное объяснение отсутствия названных тем в рукописи: он мог намеренно ограничиться рассмотрением именно первых трех функций денег — меры стоимости, средства обращения и сокровища — как наиболее важных, сущностных характеристик денег, понимание которых неразрывно связано с теорией стоимости. Показать внутреннюю связь теории денег с теорией стоимости в системе Маркса — именно такую цель ставил перед собой И.И. Рубин в данной работе.

Как и в «Очерках по теории стоимости Маркса», Рубин при изложении теории денег дает интересные интерпретации многих положений текстов Маркса, в основном, работы «К критике политической экономии» и первого тома

«Капитала». Интерпретация теории стоимости Маркса, анализ труда, производящего товары, сущности и роли денег в капиталистическом товарном хозяйстве и другие вопросы представляют интерес и для сегодняшнего читателя, интересующегося данной проблематикой. Большое внимание уделяет Рубин механизму рыночного ценообразования на основе закона стоимости, роли денег в реализации товарной стоимости как необходимом условии процесса воспроизводства, в установлении и поддержании равновесия товарного хозяйства. Все эти проблемы не утратили актуальности. Определенный интерес для современного читателя представляют и анализируемая Рубиным литература 1910–1920-х гг. по теории денег, и полемика с экономистами начала XX в., в том числе с представителями австрийской школы, по данному вопросу.

Хотелось бы надеяться, что публикация рукописи И.И. Рубина «Очерки по теории денег Маркса» в альманахе «Истоки» наряду с материалами «круглого стола», состоявшегося в Институте экономики РАН в декабре 2011 г. в честь 125-летия со дня его рождения, привлекут интерес исследователей к его научному наследию в целом⁶¹. Думается, в свете сегодняшнего знания были бы не лишними переосмысление, а может быть и переоценка содержания экономической дискуссии конца 1920-х гг. вокруг идей экономиста Рубина.

61. В 2012 г. рукопись И.И. Рубина «Очерки по теории денег Маркса» вместе со статьей А.А. Васиной «Рубин и его рукопись по теории денег Маркса» в качестве послесловия была опубликована в немецком переводе. См.: *Isaak Il'jič Rubin Marxforscher – Ökonom – Verbannter (1886–1937). (Beiträge zur Marx-Engels-Forschung. Neue Folge. Sonderband 4.)* Hamburg: Argumentverlag, 2012. S. 9–118, 119–138. В данном издании «Ежегодника исследований о Марксе и Энгельсе», специально посвященном И.И. Рубину, напечатаны также статьи В. Хеделера, И.А. Болдырева, М.Г. Покидченко, Я.Г. Рокитянского и Р.Хеккера. Немецкий перевод данной рукописи Рубина послужил основой для перевода ее на греческий язык (Афины, 2015), в настоящее время готовится к печати издание на японском языке.

Приложение

Основные работы И.И. Рубина

1. Основные проблемы политической экономии. Сб. ст. О. Бауэра и др. / Под ред. и с предисловием Ш. Дволайцкого и И. Рубина. М.: Гос. изд., 1922 (2-е изд. – 1924, 3-е – изд. 1925).
2. Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. М.: Гос. изд., 1923 (2-е изд. 1924 г., 3-е изд., перераб. и доп. с приложением статьи «Ответ критикам» 1928 г., 4-е изд. с новым дополнением к статье «Ответ критикам» 1929–1930 гг.).
3. Рубин И.И. Производственные отношения и вещные категории // Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11. С. 115–132.
4. Рубин И. Австрийская школа // Большая советская энциклопедия. [1-е изд.] Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1926. С. 244–254.
5. Рубин И. Амортизация // Большая советская энциклопедия. [1-е изд.] Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1926. С. 496–499.
6. Рубин И.И. История экономической мысли: Меркантилисты. Физиократы. Смит. Рикардо. Разложение классической школы. М.; Л.: Гос. изд., 1926 (2-е изд. 1928 г., 3-е изд. 1929 г., 4-е изд. 1930 г.).
7. Рубин И.И. Классики политической экономии от XVII до середины XIX в. Сборник извлечений из сочинений экономистов с пояснительными статьями. М.; Л.: Гос. изд., 1926. (Рубин – составитель сборника и автор пояснительных статей.)
8. Рубин И.И. Физиократы: Очерк из истории экономической мысли. Л.; М.: Книга, 1926.

9. Рубин И.И. Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса // Под знаменем марксизма. 1927. № 6. С. 88–119.
10. Рубин И.И. Современные экономисты на Западе: Оппенгеймер. — Штольцман. — Аммони. — Петри. — Лифман. Критические очерки. М.; Л.: Гос. изд., 1927.
11. Рубин И.И. Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. Доклад и его обсуждение в Институте экономики. М.: 5-я типография «Транспечать» НКПС «Пролетарское слово», 1928.
12. Рубин И.И. Вульгарная политическая экономия // Большая советская энциклопедия. [1-е изд.] Т. 13. М.: Советская энциклопедия, 1929. С. 623–630.
13. Рубин И. К истории текста первой главы «Капитала» К. Маркса // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса / Под ред. Д. Рязанова. Кн. IV. М.; Л.: Гос. изд., 1929. С. 63–91.
14. Рубин И.И. Против вульгаризации марксизма // Проблемы экономики. 1929. № 3. С. 83–107.
15. Рубин И.И. Франсуа Кенэ: основатель физиократической теории. М.; Л.: Московский рабочий, 1929 (Серия «Жизнь замечательных людей».)
16. Рубин И.И. Учение Маркса о производстве и потреблении. М.: Гос. изд., 1930.
17. Рубин И. Стоимость как регулятор производства // Экономические науки. 1989. № 4. С. 43–44.
18. Рубин И.И. Учение Рикардо о капитале // Вестник Российской академии наук. 1992. № 8. С. 144–152.

И.И. РУБИН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Биография И.И.Рубина детально описана Л.Л.Васиной и Я.Г.Рокитянским¹. В отношении послереволюционного периода она вряд ли может быть существенно дополнена, но в дореволюционной биографии Рубина все еще сохраняются пробелы. Это, в частности, относится и к периоду его учебы в Императорском Санкт-Петербургском университете. Вместе с тем, студенческие годы обычно имеют большое значение в формировании взглядов любого ученого. Представленные в данной работе документы из студенческого дела Рубина, которое хранится в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга², позволяют уточнить некоторые аспекты его ранней биографии.

Исаак Ильич Рубин, или Ицък Эльяшевич, как его имя писалось в документах, представленных при поступлении в Санкт-Петербургский университет, а также его сестра-близнец Шейна-Блюма родились 30 мая 1886 г. (по старому стилю) в городе Динабург (с 1893 г. — Двинск, ныне Даугавпилс, Латвия) Витебской губернии в семье потомственного почетного гражданина Эльяша Ицыковича Рубина и жены

* К.э.н., доцент экономического факультета СПб ГУ.

1. См.: *Васина Л.Л., Рокитянский Я.Г.* Страницы жизни и творчества экономиста И.И.Рубина // Вестник Российской академии наук. 1992. № 8; *Васина Л.Л.* И.И.Рубин и его рукопись «Очерки по теории денег Маркса» // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011.
2. Дело Императорского С.-Петербургского университета студента Ицыка Эльяшевича Рубина // ЦГИА. СПб. Ф.14. Оп.3. Д.46542.

его Этели³. В сословие потомственных почетных граждан был возведен (2 июля 1865 г.) дед Ицыка Эльяшевича, царскосельский Санкт-Петербургской губернии купец первой гильдии Ицык Аронович Рубин⁴. Это право он смог приобрести, пробыв в первой купеческой гильдии более 20 лет. При этом пребывание в первой гильдии более 10 лет давало купцам-евреям право также на повсеместное жительство в Российской империи. Очевидно, позднее семья не смогла платить пошлину за купеческое свидетельство первой гильдии и была вынуждена переселиться в Витебскую губернию, находившуюся на востоке черты постоянной еврейской оседлости. Двинск в то время был достаточно крупным торговым, промышленным и транспортным центром, согласно переписи населения Российской империи 1897 г. в этом городе проживало 69 675 чел., родным языком 46% населения (32 064 чел.) был еврейский.⁵

Родители Рубина были привержены традиционным еврейским ценностям, но стремились дать своим детям хорошее образование. Наукой впоследствии стал заниматься не только Исаак Ильич, но и его младший брат – Арон Ильич Рубин (1888–1961) – философ, переводчик, литературовед, карьера которого в советское время была прервана после того как брат подвергся репрессиям. Сын последнего – Виталий Аронович Рубин (1923–1981), оставил воспоминания, в которых так пишет о своем деде – отце Исаака и Арона: «Мой дед, человек необыкновенного ума, был очень религиозным». Поэтому Арон, очевидно, также, как и Исаак, «получил традиционное еврейское образование, т.е. учился в хедере, а гимназию окончил экстерном, т.к. дед не хотел, чтобы он ходил в гимназию по субботам».⁶ Вспоминая семью отца, В.А. Рубин пишет и о его матери: «Он был сыном очень

3. Свидетельство о метрической записи // ЦГИА. СПб. Ф.14. Оп.3. Д.46542. Л. 3.

4. Копия грамоты о возведении в сословие потомственных почетных граждан // ЦГИА. СПб. Ф.14. Оп.3. Д.46542. Л. 5

5. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=127

6. Рубин В.А. Дневники. Письма. В 2-х тт. Т. 1 / Подгот., публ., примеч. и предисл. И. Рубиной; Науч. ред. А. Дымерская-Цигельман. Иерусалим, 1988. С. 6.

странной женщины, у которой еврейская традиционная благотворительность была доведена до степени полной самоотверженности. Я ее не знал, потому что она умерла еще до моего рождения. Ее муж, мой дед, был домовладельцем, но в результате благотворительной деятельности моей бабушки они полностью разорились. ... Последнее, что сделала бабушка в своей жизни — она отдала свои ботинки какой-то бедной женщине, простудилась, заболела инфлюэнцей и умерла. ... Бывали случаи, когда отец просыпался утром и не находил своей одежды, так как мать отдала ее каким-то беднякам. В доме у них было заведено так, что они заказывали одежду самому плохому портному, потому что — кто же еще закажет ему? Покупали самые плохие продукты, потому что — кто же еще их купит?».⁷

Вернемся к Иссаку Рубину. Получив домашнее образование, он успешно сдал экзамены на аттестат зрелости в Витебской гимназии в 1906 г. Согласно свидетельству об испытании зрелости, он показал отличные познания по истории, логике, латинскому и немецкому языкам и хорошие по остальным предметам гимназического курса⁸. В августе того же года Рубин подал прошение ректору Санкт-Петербургского университета и был зачислен студентом.

В Университет Рубин поступает во время Первой русской революции, когда учебные занятия возобновляются там после событий 1905 г. Известно, что и сам Рубин, подобно очень многим молодым людям в Российской империи того времени, с ранних лет был увлечен социал-демократическими идеями и занимался революционной деятельностью, возможно, что сказались и семейные традиции социальной справедливости. С 1904 г. Рубин был членом «Бунда» — «Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России», являвшегося автономной частью РСДРП. В этот период Рубин «руководил просветительской и пропагандистской деятельностью еврейских рабочих в кружках в черте

7. Там же. С. 5.

8. ЦГИА. СПб. Ф.14. Оп.3. Д.46542. Л. 2.

оседлости».⁹ Когда в 1905 г. проходили массовые аресты социал-демократов, полиция задержала и Рубина, но после царского манифеста 17 октября он был амнистирован, что позволило ему получить «свидетельство о благонадежности», необходимое для поступления в университет¹⁰.

В 1906 г. в Санкт-Петербургском университете продолжают проходить сходки студентов, бойкотируются лекции профессоров, политическая позиция которых не соответствовала студенческим настроениям: «В течение всего 1906 г. вся внутренняя жизнь Университета фактически определялась решениями самих студентов и деятельностью совета старост. Совет профессоров не мог ни повлиять на ход событий, ни изменить их»¹¹. Вместе с тем, революционные события способствовали обновлению и свободе учебной и научной работы, в Университет пришли новые преподаватели — М.М. Ковалевский, М.И. Туган-Барановский, И.М. Кулишер и другие.

В 1906–1910 гг. Рубин «прослушал полный курс наук» юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Юридический факультет того времени был крупнейшим в Университете, где училось более половины его студентов (4338 из 8090 в 1906–1907 учебном году¹²). Этот факультет являлся центром не только юридической, но также и других общественных наук, прежде всего политической экономии, в его состав входила кафедра политической экономии и статистики. Вместе с тем, факультет не имел деления на разряды и не давал узкой специализации. Основу учебного плана составляли юридические дисциплины, такие как: история римского права, история русского права, энциклопедия права, государственное, гражданское полицейское

9. *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 / Меньшевики в 1922–1924 гг. /* Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М.: РОССПЭН, 2004. С. 38.

10. ЦГИА. СПб. Ф.14. Оп.3. Д.46542. Л. 6.

11. *Павлицкая Н.И.* Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // *Вестник АГУ.* 1948. №11. С. 153.

12. *Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского ун-та за 1906 г.* СПб., 1907. С. 52.

и уголовное право, догма римского права и т.д. Из общих экономических дисциплин читались только политическая экономия и статистика.

Характеризуя преподавание и изучение экономических наук в Санкт-Петербургском университете того времени, необходимо отметить традиционное немецкое влияние, особенно исторической школы. Именно в немецкие университеты направлялись на стажировку исследователи, оставляемые для «подготовки профессорскому званию». Вместе с тем, экономическая наука в России того времени уже вышла на мировой уровень: достаточно упомянуть, что двое из сотни «великих экономистов до Кейнса», по версии М. Блауга, — Л. Борткевич (1868–1931) и Н. Кондратьев (1892–1938) — являются выпускниками Санкт-Петербургского университета.¹³

Отличительной чертой российских университетов конца XIX — начала XX в. была особая роль, которую играло там учение Карла Маркса — оно в тот период исследовалось и преподавалось на университетском уровне только в России. Причиной этого, несомненно, являлась тесная связь академических ученых в России с представителями «прогрессивных» политических движений своего времени, а также их стремление к социально ориентированному анализу. Первым иностранным изданием «Капитала» стал его перевод на русский язык в 1872 г., тогда же молодой И.И. Кауфман (1848–1916), ставший известным экономистом, специалистом в области денежного обращения, финансов и кредита, опубликовал на него рецензию¹⁴, одну из первых и высоко ценимую Марксом, процитированную им в Послесловии ко второму изданию (в Санкт-Петербургском университете И.И. Кауфман преподавал с 1889 по 1914 гг., с 1893 г. — профессор статистики, Рубин прослушал его курс статистики в 1907–1908 учебном году). Странное единство ученых

13. См.: Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. СПб.: Экономическая школа, 2005.

14. Кауфман И.И. Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса // Вестник Европы. 1872. Т. III. Кн. 5.

и революционеров в России отмечалось и самим Марксом: «В России, где «Капитал» больше читают и ценят, чем где бы то ни было, наш успех еще значительнее. Мы имеем там, с одной стороны, критиков (главным образом молодые университетские профессора, с некоторыми из них я лично знаком, а также журналисты) и, с другой стороны, центральный комитет террористов».¹⁵ Вместе с тем, в начале XX в. учение Маркса стало утрачивать свои позиции в академической сфере, начала приобретать популярность австрийская школа; многие русские экономисты, начиная с М.И. Туган-Барановского, пытались осуществить синтез трудовой теории стоимости и теории предельной полезности.

В 1906–1907 учебном году, когда Рубин изучал политическую экономию, этот курс, согласно «Обозрению преподавания наук на юридическом факультете», читали: ординарный профессор П.И. Георгиевский (1857–1938), приват-доцент В.Г. Яроцкий (1855–1917), приват-доцент В.В. Святловский (1869–1927) и приват-доцент М.И. Туган-Барановский (1865–1919)¹⁶. Согласно Общему университетскому уставу 1884 г. при преподавании одного предмета несколькими преподавателями студенту предоставлялось право «слушать лекции и принимать участие в практических упражнениях у того из означенных преподавателей, у кого он сам пожелает»¹⁷.

Среди этих преподавателей наиболее консервативных взглядов придерживался профессор П.И. Георгиевский, действительный статский советник, член различных правительственных комиссий и комитетов. В 1905 г. он был среди тех «профессоров-реакционеров», увольнения которых требовали сходки студентов¹⁸. Слушателям своего курса политиче-

-
15. Маркс К. Письмо Ф.А. Зорге. 5 ноября 1880 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 4-е изд. Т. 34. М.: Политиздат, 1964. С. 380.
 16. См.: Обозрение преподавания наук на Юридическом факультете Императорского С.-Петербургского Университета. СПб., 1906.
 17. Устав Императорских Российских университетов 1884 года // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1893. Т. IX, 1884, ст. 473.
 18. См. об этом: Дмитриев А.А., Чебаненко Е.Н. Павел Иванович Георгиевский // Финансовая наука в Санкт-Петербурге: исторические очерки. СПб., 2012. С. 116.

ской экономии П. Георгиевский рекомендовал эклектичный набор работ Дж. Ст. Милля, французского либерального экономиста П. Леруа-Болье, а также представителей немецкой исторической школы В. Рошера, Г. Шмоллера и других¹⁹. Сам курс П.И. Георгиевского, если судить по его учебнику, который выдержал четыре издания (в последний раз – в 1904 г.)²⁰ имел достаточно оригинальную структуру: автор фактически отказывается от теории стоимости (ценности), заменяя ее теорией издержек производства, уделяет много места критике теории Маркса, а также выдвигает свою собственную теорию «общественности», как четвертого фактора производства.

В.Г. Яроцкий, автор вышедшего в 1886 г. учебника политической экономии, склонялся к идеям немецкого катедер-социализма и русского народничества 1880-х гг. Его докторская диссертация, защищенная в 1896 г., была посвящена страхованию рабочих в связи с ответственностью предпринимателей.

М.И. Туган-Барановский не нуждается в особом представлении – это один из наиболее замечательных русских экономистов, лидер легального марксизма, вернувшийся в Университет после Революции 1905 г. – в год поступления Рубина. Единственный из преподавателей он упоминает «Капитал» Маркса в числе основных пособий по своему курсу²¹. Начав преподавать в университете, М.И. Туган-Барановский подготовил свой знаменитый учебник «Основы политической экономии» (1909), который при жизни автора выдержит пять изданий, а также будет переиздан в постсоветский период в 1998 г. Учебник строился на основе классической воспроизводственной схемы, при этом автор отмечает: «я хотел бы показать возможность третьего направления в экономической теории, не совпадающего ни с марксизмом, ни со школой предельной полезности, но

19. Обзорение преподавания наук... С. 22.

20. См.: *Георгиевский П.И.* Политическая экономия. 4-е изд. В 2-х тт. СПб., 1904.

21. Обзорение преподавания наук... С. 25.

являющегося, до некоторой степени, синтезом их обоих»²². Стремясь «воздать должное тем идейным направлениям, которым она [эта книга] обязана своим возникновением»²³, Туган-Барановский посвятил ее Кенэ, Госсену и Марксу. Другой важной отличительной чертой курса Туган-Барановского было внимание к социальным проблемам — там намечается социальная теория распределения, развитая им позже. Отметим, что социальная теория распределения развивалась также С.И. Солнцевым (1872–1936) в его магистерской диссертации и опубликованной в 1911 г. монографии «Заработная плата как проблема распределения». С.И. Солнцев окончил университет в 1904 г. и был учеником В.В. Святловского.

И.И. Рубин, как свидетельствует его «Запись студента» (зачетная книжка)²⁴, выбрал курс В.В. Святловского — самого молодого и наиболее «политизированного» из читавших политическую экономию приват-доцентов. Святловский с юности участвовал в рабочем движении, в 1889–1892 гг. был членом «группы Бруснева», одной из первых социал-демократических организаций в России, связанной с швейцарской группой «Освобождение труда» Г.В. Плеханова, затем учился в Мюнхенском университете, где в 1897 г. защитил докторскую диссертацию «Хозяйственная история древней Руси». Приват-доцентом Санкт-Петербургского университета стал в 1902 г. В революционный период становится членом бюро и казначеем «Союза союзов» (объединения профессионально-политических союзов), а также избирается членом Центрального бюро профсоюзов и входит во второй состав исполкома Петербургского совета рабочих депутатов. В период после революции 1905 г. отходит от активной политической деятельности и занимается историей и теорией профсоюзного движения.

Список специальных дисциплин, выбранных Рубиным, заслуживает особого внимания, туда входят: «История эконо-

22. Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. СПб., 1909. С. VI.

23. Там же. С. VIII.

24. ЦГИА. СПб. Ф.14. Оп.3. Д.46542. Л. 10.

мических учений» М.И. Туган-Барановского, «Теория финансов» профессора И.Х. Озерова (1869–1942), «Общее конституционное право» знаменитого обществоведа и политического деятеля профессора М.М. Ковалевского (1851–1916), члена I Государственной думы и Государственного совета, «Государственное право Англии» приват-доцента М.Б. Горенберга (1865–1918), а также «История хозяйственного быта» приват-доцента И.М. Кулишера (1878–1934), известного специалиста по экономической истории.

Выбор этих курсов свидетельствует, что интерес к экономической науке проснулся у Рубина в его бытность студентом Санкт-Петербургского университета. Вместе с тем, данных о его научной работе в этот период нам найти не удалось, хотя студенческое участие в научной жизни было в то время очень активным и оно достаточно подробно описывается в «Отчетах о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета». Различные кружки и семинары по экономическим дисциплинам велись И.И. Кауфманом, И.Х. Озеровым, Г.Г. Швиттау, В.В. Святловским, М.А. Курчинским, П.И. Лященко, В.П. Туторским и др. Но наибольшей популярностью пользовался кружок М.И. Туган-Барановского по политической экономии, который впервые был организован в 1906 г. Автор обзора его деятельности сообщает в журнале «Вопросы обществоведения», выпускавшемся силами кружка: «Членов кружка в 1906-7 академическом году было 181, в 1907-8 академическом году 206; на собраниях кружка, всегда открытых, присутствовало обычно по несколько сот человек»²⁵. Законченную организационную форму кружок приобрел в 1908–1909 учебном году, когда был разделен на три части: экономический просеминарий, экономический семинарий и экономический кружок. Просеминарий был своего рода школой для начинающих, он играл вспомогательную роль по отношению к курсу политической экономии, кроме того, там изучался «Капитал»

25. Вопросы обществоведения. 1908. Вып. 1. С. 311.

К. Маркса. Работа семинария была посвящена теории и методологии политической экономии, а в кружке изучали «не только вопросы политической экономии, но и вопросы социально-экономических наук вообще»²⁶. Хотя Рубин и не попал в число докладчиков и активных участников студенческих организаций Туган-Барановского, но, очевидно, что в период своей учебы в Санкт-Петербургском университете он не мог пройти мимо их деятельности²⁷.

По окончании Университета И.И. Рубин научной деятельностью заниматься не стал. Более того, в его студенческом деле хранится только выпускное свидетельство о прослушании полного курса наук в Санкт-Петербургском университете²⁸. Согласно Общему университетскому уставу 1884 г. студент, успешно проучившийся восемь зачетных полугодий, получал выпускное свидетельство и мог быть допущен к выпускным испытаниям, но в деле Рубина данных об этом нет, не существует и отметок за последний курс в его «Записи студента», хотя в предыдущие годы он неизменно получал наивысшую оценку «весьма удовлетворительно». Возможно, академической карьере помешало иудейское вероисповедание, хотя нельзя полностью согласиться с тем, что еврейское происхождение совершенно ее для него исключало²⁹. Пример И.М. Кулишера, преподавателя Рубина, это, с одной стороны, опровергает, а с другой — говорит о тех формальных и неформальных трудностях, с которыми сталкивались евреи в царское время. Помимо этого, сам отбор талантливых студентов для научной работы был достаточно строгим, особенно в экономических науках: для приготовления к профессорской и преподавательской деятельности по кафедре политической экономии был оставлен только один

26. Вопросы обществоведения. 1910. Вып. 2. С. 352.

27. Подробнее о деятельности Туган-Барановского в Санкт-Петербургском университете см.: Широкопад А.Д. Научная и педагогическая деятельность М.И. Туган-Барановского в С.-Петербурге // Вестник СПбГУ. 2009. Сер. 5. Вып. 1.

28. ЦГИА. СПб. Ф.14. Оп.3. Д.46542. Л. 8.

29. См.: Васина Л.А. Указ. соч. С. 478.

однокурсник Рубина — М.В. Птуха (1884—1961), впоследствии известный статистик и демограф³⁰.

Как бы то ни было, к научной работе в области политической экономии Рубин обращается только в 1919 г., когда Д.Б. Рязанов привлек его к переводу сочинений Маркса³¹. После Университета начинается новый этап в жизни Рубина, он занимается юридической практикой, а в 1912 г. переезжает в Москву, где посещает занятия в Университете Шанявского и участвует в работе семинария по гражданскому праву «для подготовленных» под руководством известного правоведа А.Э. Вормса (1868—1939). В 1913 г. были изданы «Труды слушателей» этого семинария, среди них первая известная опубликованная научная работа И.И. Рубина — статья «Об условиях ответственности господ и верителей за недозволенные деяния слуг и поверенных», в том же году она была напечатана отдельной брошюрой³². А.Э. Вормс привлек Рубина также к большой работе по созданию Комментария по гражданскому праву (авторству Рубина принадлежат некоторые статьи, касающиеся проблем наследования)³³.

Итак, окончив Санкт-Петербургский университет, Рубин вел жизнь молодого юриста, но это только одна сторона его деятельности, есть и другая — нелегальная — участие в работе социал-демократических кружков. Эта сторона не получила публичного проявления, но, очевидно, Рубин активно усваивал марксистское учение, пытался в дискуссиях с друзьями и соратниками по революционной борьбе осмыслить новейшие интеллектуальные течения. Отдаленным отзвуком таких дискуссий является статья «Кант и Маркс», написанная его

30. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. СПб., 1912. С. 35.

31. Васина Л.Л., Рокитянский Я.Г. Указ. соч. С. 130.

32. Труды слушателей. Юридический семинарий. М.: Издание Московского городского ун-та им. А.Л. Шанявского, 1913; Рубин И.И. Об условиях ответственности господ и верителей за недозволенные деяния слуг и поверенных (Ст. 687. Т. X. Ч. 1). М.: Типо-литогр. Т-ва Кушнеров и К^о, 1913.

33. Законы гражданские. (Св. зак. Т. X, ч. 1). Практический и теоретический комментарий /Под ред. А.Э. Вормса и В.Б. Ельшевича. Вып. 3. М., 1914.

братом А.И. Рубиным в 1950-е гг., вывезенная в Израиль и там опубликованная³⁴.

В годы Первой мировой войны Рубин служил в учреждениях Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам и аналогичного Всероссийского союза городов — общественно-политических организаций органов местного самоуправления, созданных для медицинской и благотворительной помощи действующей армии. В 1915 г. в типографии Союза городов вышла брошюра Рубина «Комментарий к закону о пенсиях для солдат». На 1 ноября 1916 г. Рубин числился старшим делопроизводителем Товарного отделения Кожевенного отдела Главного комитета Всероссийского земского союза³⁵.

В революционном 1917 г. Рубин начинает выходить из тени — в качестве журналиста — в 1917–1919 гг. вышло больше тридцати его статей, а также несколько брошюр³⁶. Первоначально он сотрудничает с «Известиями Московского совета рабочих депутатов» (с мая по сентябрь эта газета, как и сам Совет, находилась под влиянием меньшевиков), а также с меньшевистским журналом «Страхование рабочих и социальная политика». Сферой интересов Рубина являются профессиональные союзы и безработица, в особенности его внимание привлекают «примирительные камеры» — органы разрешения конфликтов между работниками и работодателями. В этом он следует за своим университетским учителем В.В. Святловским, хотя и отзывается неодобрительно о брошюре последнего о «примирительных камерах» она вышла несколько раньше работы самого Рубина по этому предмету³⁷. Кроме того, заметки Рубина по этим вопросам

34. Рубин А.И. Философский дневник. Кант и Маркс. Иерусалим: Кахоль-лаван, 1988.

35. Личный состав учреждений Всероссийского земского союза (на 1 ноября 1916 г.). М., 1916. С. 23.

36. Составленную Л.А.Васиной библиографию работ И.И. Рубина см.: Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. С. 626–632.

37. Рубин И.И. Новые брошюры о примирительных камерах // Страхование рабочих и социальная политика. 1917. № 6–7.

и экономическим проблемам революции появляются в органе Московского городского продовольственного комитета «Продовольственное дело» (в 1918 г.), а также регулярно в журнале «Рабочий мир», издававшемся в 1918–1919 гг. Всероссийским советом рабочей кооперации и Московским центральным рабочим кооперативом.

Появляется Рубин и на политической арене — в мае 1918 г. он становится делегатом московской конференции Бунда от его Московского комитета³⁸. Такая несвоевременная или, лучше сказать, героическая активность после установления диктатуры большевиков обойдется ему впоследствии очень дорого. В условиях, когда многие лидеры российской социал-демократии эмигрировали, были высланы или арестованы, Рубин, примкнувший к правому крылу Бунда, отказавшемуся присоединиться к РКП(б), в 1920 г. стал членом ЦК Бунда, а с 1921 г. — секретарем ЦК, его представителем в ЦК РСДРП³⁹. Завершилась эта политическая «карьеря» арестами, ссылками и расстрелом в 1937 г.

Революция, жестоко обошедшаяся с Рубиным, открыла перед ним новые возможности: в 1921 г., еще не опубликовав ни одной научной работы по политической экономии, он становится профессором 1-го Московского университета, а также Института красной профессуры, Института народного хозяйства и Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова — ведущих советских учебных заведений. История свидетельствует, что талант Рубина позволил ему распорядиться этими возможностями.

38. Бунд. Документы и материалы. 1894–1921. М.: РОССПЭН, 2010. С. 1127.

39. Меньшевики в большевистской России 1918–1924. С. 38.

С. Такенага*

ИСААК РУБИН И СПОР О ПРИРОДЕ СТОИМОСТИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 1920-х гг.

Начало научно-исследовательской деятельности Рубина, как марксистского ученого в Институте Маркса и Энгельса, и его публикациям было положено в 1922 г. Стоит обратить внимание на чрезвычайно информативные биографические данные, содержащиеся во вступительной статье к недавно опубликованной работе Рубина по теории денег Маркса «И.И. Рубин и его рукопись “Очерки по теории денег Маркса”», написанной Людмилой Васиной на основе документов, хранящихся в РГАСПИ, а также на подробную библиографию его работ, составленную ею же¹. В этом выпуске «Источков» впервые были опубликованы результаты ее 20-летней работы по подготовке к печати «Очерков по теории денег Маркса». Вероятно, эта работа была написана Рубиным в период с 1923 по 1928 гг., т.е. как раз в то же время, когда были написаны другие более известные «Очерки». В «Очерках по теории денег Маркса» Рубин настойчиво повторяет, что теория стоимости и теория денег неразрывно связаны и что они не могут быть полными друг без друга. Почему же тогда он задумал и написал рукопись по теории денег отдельно от своей знаменитой работы по теории стоимости? Еще более

* Профессор Университета Дайтобунка, Токио. Текст подготовлен автором специально для настоящего издания. Перевод с англ. яз. М.В. Маркова.

1. См.: Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. С. 477–491, 626–632.

интригует то, что в этих произведениях нет их перекрестного упоминания, несмотря на почти совпадающее время работы над ними и чрезвычайно тесную связь материала. Сравнительное изучение двух «Очерков» предположительно могло бы дать нам некоторые подсказки для нахождения ответов на эти вопросы, а также углубить наши знания об особенностях интерпретации Рубиным теории стоимости и денег Маркса. Но все это выходит за рамки настоящего исследования. Публикация первого издания «Очерков» в 1923 г. стала одним из первых результатов научной деятельности Рубина в Институте. Его основными задачами, решаемыми в сотрудничестве с другими сотрудниками под руководством Давида Рязанова, были: 1) собирание, изучение, организация и сохранение материалов любого рода для будущего издания полного собрания сочинений Маркса и Энгельса (MEGA); 2) перевод на русский язык основных экономических трудов Маркса и Энгельса — наиболее важным для Рубина была подготовка нового российского издания «Критики политической экономии» (1859), опубликованного в 1929 г., к 70-летию оригинальной публикации, с обстоятельным введением Рязанова; 3) изучение современных западных исследований марксистской экономической теории, в особенности в немецкоязычной литературе, и составление их обзоров; 4) представление и публикация результатов собственной исследовательской деятельности в области марксистской экономической теории, а так же истории экономической мысли — как просветительского (учебники и учебные пособия для использования на лекциях в партийных школах или в высших учебных заведениях), так и весьма специализированного характера.

«Очерки» были задуманы и написаны, в первую очередь, для выполнения последней из указанных выше задач. Но в них легко прослеживаются связи с другими его работами, и в этом смысле их можно рассматривать, как соединение всех этих элементов. Например, как справедливо указывает Васина, Рубин поднимает вопрос различия версий

русского перевода «Капитала» под редакцией П.Б. Струве и распространенного и влиятельного перевода А.А. Богданова и И.И. Степанова². В «Очерках» эти авторы повсеместно подвергаются критике за неверную интерпретацию и неточность перевода. К тому же, незадолго до написания и публикации «Очерков» на страницах ежемесячного издания «Под знаменем марксизма» ведутся ожесточенные споры в поисках верной интерпретации термина «общественно необходимый труд», определяющего стоимость товаров³. Рубин непосредственно не был вовлечен в этот спор, однако посвятил этой проблематике предпоследнюю главу первого издания «Очерков», где проявил себя как «решительный сторонник так называемой технической трактовки»⁴. А во втором издании, опубликованном в 1924 г., после завершения этих дебатов, Рубин добавил новую большую главу, озаглавленную «Стоимость и общественная потребность». Он мельком упоминает эти споры в конце первого параграфа новой главы⁵.

Сразу после публикации первого издания появляется критическая статья Мотылева, упомянутого выше, который в целом весьма благосклонно воспринял рубинскую интерпретацию теории стоимости Маркса. Дополнительно статья содержала комментарий, уникальный для советской экономической литературы 1920-х гг.: «первая часть книги, где И.И. Рубин разработал теорию товарного фетишизма...» является «наиболее яркой и ценной, а вторая часть, посвященная теории стоимости, оказывается потому органически связанной с теорией фетишизма. В этом большое достоинство книги»⁶. Таким образом, Мотылев формулирует точную оценку концепции и структуры всех «Очерков». Примерно в то же

2. Истоки: социокультурная среда... С. 480.

3. Коган А.М. Проблемы общественно необходимого рабочего времени в «Капитале» К. Маркса и их отражение в дискуссии начала 20-х годов // Экономические науки. 1980. №1. С. 85–94.

4. Мотылев В.Е. [Рецензия] И.И. Рубин. «Очерки по теории стоимости Маркса» // Под знаменем марксизма. 1923. № 4–5, с. 296.

5. Ср.: Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. 2-е изд. М: Гос. Изд., 1924. С. 134.

6. Мотылев В.Е. Указ. соч. С. 295.

время Александр Кон публикует короткую заметку-обзор⁷. Ему было уготовано стать одним из главных апологетов механистической интерпретации стоимости во второй половине 1920-х гг. и оставаться таковым длительное время, вплоть до заключительного этапа дискуссии. В этой короткой заметке А. Кон развивал свою главную идею о материальной природе абстрактного труда, но, в отличие от той критики, которой он подвергнет Рубина в поздние годы, он также упоминает, хотя и очень кратко, о других положениях «Очерков». В целом внимание этих обозревателей еще не было сконцентрировано на конкретном моменте «Очерков», а именно на абстрактном труде и на других связанных темах. А критические замечания в этих статьях не приводят к началу споров.

В действительности, во втором издании «Очерков» (1924) не было ни следа каких-либо научных споров, имевших место после публикации первого издания годом ранее. Единственное отличие второго издания от первого — это добавление некоторых вспомогательных глав и приложения на 2 страницы о терминологии, используемой Марксом. Из-за этих добавлений второе издание содержало теперь 19 глав против 12 первого. Другими словами, всего было добавлено 7 глав (2 главы в первой части и 5 во второй). В последующих третьем и четвертом изданиях никаких добавлений не было, нумерация глав совпадала со вторым изданием. Принимая во внимание этот факт, 7 добавленных глав могут упоминаться как главы под номерами 3, 4, 8, 13, 15, 17, 18. Таким образом, во втором издании не было значительных поправок в частях, посвященных абстрактному труду, как это было в ревизии третьего издания. Учитывая, что свою теорию абстрактного труда он раскрывает в основном в главах 12 и 14, Рубин придерживался своей изначальной позиции с момента написания первого издания и вплоть до подготовки к публикации третьего в 1928 г. Теория абстрактного труда, в значительной степени переработанная только для треть-

7. Печать и революция. 1923. № 6. С. 139–141.

его издания, на самом деле развивается на основе ранних, начальных концепций «Очерков».

С дополнениями, описанными ранее, второе издание практически в два раза превосходит по объему первое, а сама интерпретация Рубиным теории стоимости Маркса становится более систематически развитой. Предположительно, публикация новой редакции имела своей целью представить более полную и развернутую версию, особенно в свете значительного резонанса, вызванного первым изданием. Лишь после 1924 г. последовала критика его теории, а сама работа стала предметом споров.

Первыми, выразившими явно критическую по отношению к «Очеркам» позицию, были статьи А.А. Вознесенского «К вопросу о понимании категории абстрактного труда»⁸ и И. Дашковского «Абстрактный труд и экономические категории Маркса»⁹. Эти статьи (в особенности последняя, неоднократно упоминаемая самим Рубиным) ознаменовали открытие дискуссии по поводу работы Рубина. В то же время они задали основные рамки последующих дебатов. Заявленной целью первой статьи было представление результатов исследования того, как категория абстрактного труда рассматривалась научным сообществом Советского Союза того времени, но в действительности ею являлась критика той интерпретации, что была представлена в «Очерках». Вторая статья была явно написана как критика первой, но в данном случае именно теория абстрактного труда, представленная в «Очерках», будучи изначально косвенным предметом критики, превратилась в ее главный объект. В этих двух публикациях (особенно в последней) были подняты практически все противоречивые моменты «Очерков», обсуждение которых продолжалось вплоть до издания их третьей редакции.

Такая сосредоточенность обсуждений всего на нескольких определенных вопросах «Очерков» повлекла практиче-

8. Под знаменем марксизма. 1925. № 12. С. 119–142.

9. Под знаменем марксизма. 1926. № 6. С. 196–219.

ски полное пренебрежение другими важными темами, которые Рубин разрабатывал в своем главном труде. Во-первых, это теория фетишизма, описанная в первой части книги. Во втором издании Рубин добавил сюда две новые главы, а в третьей редакции значительно увеличил 3 главу, вписав в нее основные положения своей статьи «Производственные отношения и вещные категории»¹⁰. Примечательно, что в структуре «Очерков» как системы интерпретации теории стоимости Маркса, авторское понимание теории фетишизма и овеществления дано в первой части, причем отдельно подчеркивается значимость этой теории. Его подход, разрабатываемый во второй части, предполагает в качестве методологической основы предшествующую концепцию овеществления. Мы полагаем, что лишь с таких позиций возможно верное понимание основной части «Очерков» (включая значительно расширенную последнюю часть 14 главы, затрагивающую тему абстрактного труда, — см. с. 129–133 4-го издания «Очерков». Эта часть 3-го и 4-го издания в значительной степени опирается на текст статьи Рубина «Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса»¹¹. Однако, в ходе полемики по поводу «Очерков», начавшейся в середине 20-х гг., их первая часть никогда не рассматривалась.

То же самое можно сказать и о некоторых других темах, содержащихся в 15 главе и далее: редукция квалифицированного труда к простому, категория общественно необходимого труда и вопрос соотношения стоимости и общественной потребности (рассмотренный выше), стоимости и цены производства, понятие производительного труда. Все это относится к основным проблемам экономической теории Маркса, которые давно обсуждались в истории экономической мысли (не рассмотрена, однако, категория прибавочной стоимости, одна из основных составляющих экономической теории Маркса, что вызвало впоследствии волну критики в «Правде» (7 марта 1931 г.), обвиняющей Рубина в намерен-

10. Под знаменем марксизма. 1924. №10–11. С. 115–132.

11. Под знаменем марксизма. 1927. № 6. С. 88–119.

ном сокрытии капиталистической эксплуатации). Интересно было бы изучить каждый из этих вопросов по отдельности и в контексте их взаимоотношений в рамках системной интерпретации Рубина. Стоит добавить, что подобное пренебрежение было характерно не только для критики, но и для самого Рубина: главы, в которых не рассматривались прямо или косвенно темы, касающиеся понятия абстрактного труда, после 1924 г., в 3-м и 4-м изданиях, практически не изменялись (даже после 1923, года написания многих глав первого издания), исключение составляет глава 3 (см. выше). Основные поправки 3-го издания были сосредоточены в центральной части «Очерков» (главы с 8 по 14), в особенности в главах 12 и 14, как пишет сам автор в предисловии к 3-му изданию.

Влияние предвзятых оценок из 1920-х гг. сохранилось и в дискуссии вокруг теории Рубина, «временно восстановленной» на Западе в связи с появляющимися переводами «Очерков» на различные языки в разгар новых дебатов о стоимости 1970-х гг.

Помимо уже указанных и отчасти «несбалансированных» исправлений, значительным отличием третьей редакции стало добавление трех сравнительно независимых статей в конце тома, озаглавленных как «Ответ критикам». Они были написаны с целью парирования критики Дашковско-го, Шабса и Кона (не считая ответа Шабсу, эти статьи были впервые опубликованы в 3-м издании), что сразу поместило «Очерки» в самый центр ожесточенных споров. До этого времени Рубин редко реагировал на критику, но подобный его ответ мог стать одним из факторов, провоцирующих дальнейшие дебаты.

Тем самым, изменения третьей редакции были вызваны критическими комментариями некоторых «физиологистов» (три автора, перечисленные выше, среди них) по отношению к некоторым отдельным частям 2-го издания «Очерков» и попытками Рубина ответить на эти замечания. Таким образом, мы видим, как сильно отличается характер дополнений

и изменений в изданиях «Очерков»: факт, который необходимо учитывать при изучении и оценке дебатов 1920-х гг. в Советском Союзе. По этой причине мы выбираем предметом своих настоящих изысканий изменения 3-го издания по сравнению со 2-м. Непосредственное состояние научных споров того времени, а так же связанная с проблематикой литература будут детально рассмотрены далее.

Насколько мы знаем, выбранная тематика и предмет настоящей статьи беспрецедентны. Кроме первоисточников практически не существует никакой вторичной литературы, единственное исключение — материалы «круглого стола», проведенного в Москве в 2011 г. в честь 125-го юбилея И.И. Рубина Институтом экономики РАН. Отсутствие в дальнейшем отсылок ко вторичной литературе вызвано указанной особенностью предмета изучения в настоящей статье.

Сразу после публикации 3-й редакции «Очерков» появились два противоречивых обзора, составленных Г. Дебориным и А. Коном¹². Первый — весьма благосклонный и состоящий из почти безоговорочной похвалы, включая комментарии о большом объеме новых исправлений и дополнений, за исключением разве что предупреждения против неосторожного использования Рубиным терминов «социология» и «социологический». Действительно, Рубин очень часто использовал эти термины для того, чтобы обозначить специфику теории Маркса в целом и его теории стоимости в частности, изучающей, в основном, общественные отношения в конкретной исторической ситуации, не обращая внимания на некоторые их определяющие моменты и отвергая их материально-техническую природу. В схожем смысле термин широко использовался в раннесоветский период. Например, полное название известной работы Н. Бухарина, опубликованной в 1921 г. и на тот момент широко читаемой, — «Теория исторического материализма — популярный учебник марксистской социологии». Но со временем, особенно после установления

12. Под знаменем марксизма». 1928. № 11; Правда. 1929. 1 янв.

сталинского режима, термин «социология» стал означать своего рода «буржуазную науку», модную в западных странах и изучающую общество без оглядки на различия и конфликт классов. Частое использование Рубиным этого термина в данном контексте было использовано для осуждения его теоретической позиции. В другом обзоре, составленном Коном в крайне негативных тонах, критика была направлена именно на тот момент работы, о котором предупреждал Деборин. По мнению рецензента, Рубин «разделяет» процесс материального производства и его общественные формы, чтобы сделать только последние объектом экономической теории, а такое произвольное разделение эмпирического объекта в соответствии с целью исследования есть не что иное, как неокантианство, любимое, по обвинению критика, «социальное направление» Рубина.

Такое обилие критики, кажется, сигнализирует об изменениях характера споров в 1929 г. и далее. После публикации 3-го издания, одновременно с развитием дискуссии в ней начинают участвовать множество новых лиц, что усложняет их взаимоотношения. Отступает на задний план прежний тип дискуссий, когда Рубин сам отвечал на критику, вместо этого дебаты ведут сторонники и противники «Очерков». В такой конфигурации научного диспута сам Рубин обречен на роль пассивного протагониста и все реже и реже оказывается активным участником дискуссии. На этом этапе Дашковский и Шабс сходят со сцены дебатов, а их место занимает С. Бессонов, исполняющий во время заключительного этапа спора о природе стоимости роль главного противника Рубина.

Диспут в это время политизируется (например, используется политическая маркировка оппонентов), в адрес противников слышатся раздраженные обвинения и т.д. Именно в этот период появляются группы, бессмысленные и шумные, защищающие свои позиции, заручившись поддержкой авторов, не предложивших никаких качественно новых аргументов, и лишь нападающие на своих оппонентов. Тем не менее,

несмотря на то, что наблюдается тенденция к политизации, до конца 1929 г., по крайней мере, на поверхности, диспут продолжался как академическая дискуссия среди исследователей. Это принципиально отличает данный период от поздней политизации вследствие репрессивного вмешательства партии, полностью подконтрольной теперь Сталину.

В такой запутанной ситуации Рубин готовит и публикует 4-ю и последнюю редакцию «Очерков» в 1929 и 1930 гг. О существовании этого последнего издания не было широко известно за пределами бывшего Советского Союза. Кто-то может спросить, как оно могло быть осуществлено в столь сложной политической обстановке, не говоря уже о том, как оно могло быть допущено в обращение. Большинство западных комментаторов в 1970-х гг. полагало 3-е издание последним и окончательным, и было достаточно причин в это верить. В свете этого 4-ю редакцию можно назвать «призраком» в связи с весьма ограниченным количеством копий, действительно находившихся в обороте за пределами бывшего Советского Союза. Цитаты из «Очерков», включая нумерацию страниц, которые мы приводим далее, взяты из 4-й редакции 1930 г., изданием которой мы располагаем). В очень кратком предисловии к этому изданию Рубин говорит, что «в настоящем издании статья «Ответ критикам» дополнена ответом С. Бессонову. В остальном текст оставлен без изменения»¹³. Новая добавленная статья «Ответ С. Бессонову» является переизданием двух, ранее издававшихся Рубиным в ответ на критику. Бессонов критикует Рубина в своей статье «Против выхолащивания марксизма (к 3-му изданию «Очерков» И. Рубина)»¹⁴, на что последний отвечает в следующих номерах того же журнала: «Против вульгаризаций марксизма (ответ на статью С. Бессонова)»¹⁵.

Дискуссия с Бессоновым ознаменовала пик полномасштабных споров, ведущихся с 1929 г., после выхода третьей

13. Рубин И.И. Указ. соч. 4-е изд. С. 3.

14. Проблемы экономики. 1929. №1. С. 123–144; №2. С. 78–117.

15. Проблемы экономики. 1929. №3/4. С. 83–109; №5. С. 127–156.

редакции, по поводу новых аргументов, представленных в этом издании. Дискуссия с Бессоновым началась в ходе обсуждения, проводимого в феврале 1928 г. в Институте красной профессуры, и закончилась там же, во время большого собрания весной 1929 г. Хотя в ходе этих дебатов были подняты и некоторые новые вопросы, преобладал обмен взаимными упреками и искажение позиции оппонента, в результате чего количество конкретных аргументов совсем мало по сравнению с количеством затраченных слов. Антикритические статьи, переизданные в 4-й редакции в качестве последней части «Ответа критикам», должны были пункт за пунктом ответить на ту критику, которая присутствовала в статьях Бессонова, приведенных выше. Но, не считая проблемы «объекта экономической теории», все положительные утверждения Рубина в этом ответе были лишь отсылками к прошлым обсуждениям и дискуссиям, имевшим место до публикации третьего издания либо освещенным в тексте самого этого издания. Если это единственный добавленный элемент, то 4-я редакция по сути ничем не отличается от предыдущей.

Значит ли это, что в отличие от 3-го издания Рубин не считал необходимым пересмотреть аргументы, представленные там, несмотря на яростные дебаты в течение более чем одного года, другими словами, что считает ли он издание 1928 г. окончательным? В любом случае 4-е издание существенно не отличалось от предыдущей версии. Мы можем здесь убедиться, что наиболее важными, сделанными автором в тексте «Очерков», были изменения 3-го издания по сравнению со 2-м.

В результате словесных споров, а также публиковавшихся дебатов между Бессоновым и Рубиным, обоими противоборствующими лагерями были напечатаны два сборника статей, резюмирующие энергичные обсуждения в течение 1929 г. Статьи, включенные в эти сборники, по большей части уже были опубликованы в том же году. Здесь мы приводим лишь названия и имена редакторов: Б. Борилин, А. Леонтьев (ред.).

Против механистических тенденций в политической экономике. М., 1929; С. Бессонов, А. Кон (ред.). Рубинщина или марксизм? М., 1930.

Эти два сборника появились один за другим в течение очень короткого времени и оказались, фактически, последними публикациями в этом споре. Сразу после их выхода появляются обзоры на каждый из них в «Большевике» (1929. №18) и в «Проблемах экономики» (1930. №1) соответственно. Оба обзора призывали завершить дебаты, подчеркивая бессмысленность и вредоносность дискуссии, вместо того, чтобы представить и оценить сборники и входящие в них статьи. Это послужило сигналом академическому сообществу о начатой властью реперессивной кампании. Многие авторы этих двух сборников опубликовали (или, скорее, вынуждены были опубликовать) журнальные статьи, в которых признавались в «ошибках», которые они допустили, принимая в ходе дискуссии о природе стоимости «механистическую» или «социологическую» сторону. Эти унижительные «письма с извинениями и уверениями в исправлении», адресованные представителям политической власти, возможно, уберегли их от уголовного преследования и помогли им остаться на своих местах или даже сделать карьеру. Рубин был арестован в самом конце декабря 1930 г. и обвинен в участии в антисоветском заговоре, подготовленном никогда не существовавшей организацией меньшевиков. Рязанов разделил схожую с Рубиным судьбу, он был вынужден написать под диктовку своего инквизитора «покаянное письмо»¹⁶.

Таким образом, спор о природе стоимости в Советском Союзе 1920-х гг., так же, как и его участники, был задушен и исчез со сцены истории на долгое время, оставляя нерешенными ряд интересных проблем интерпретации Маркса, поднятых во время своей активной фазы.

16. О деталях того, что случилось с Рубиным и с марксологическими исследованиями в Институте Маркса и Энгельса после 1930 г., см.: *Васина Л.А.* Указ. соч. С. 488–491.

От второго издания (1924) к третьему (1928)

Впервые в предисловии к 3-му изданию Рубин упомянул о «неистовой полемике, вызванной моими предложениями» на тему абстрактного труда в течение предыдущих 4 лет, прошедших с момента публикации 2-го издания, и отметил, что это были разногласия, которые подтолкнули его к принятию решения о публикации 3-го издания «Очерков» с существенными изменениями и дополнениями. Добавление «Ответа критикам» в качестве приложения может показаться самым значительным отличием, но с точки зрения теоретической перспективы мы бы уделили больше внимания главе 12, которая была «коренным образом переработана», и главе 14, в которую «были внесены значительные дополнения»¹⁷. Как пишет сам Рубин в предисловии к третьему изданию, среди всех поправок, внесенных в эти главы, наиболее значительными являются те, которые касаются «в особенности вопросов о физиологическом труде, об абстрактном труде и обмене, о количественной определенности абстрактного труда»¹⁸. Текст двух глав 3-го издания, означенных выше, касающийся этих проблем, был изменен практически полностью или вовсе добавлен впервые. Также именно эти вопросы оказывались главными мишенями для критики труда Рубина все 4 года, предшествующие публикации третьего издания.

Приводя здесь перечень документов, имеющих отношение к данной тематике, мы указываем на целый дискуссионный процесс, вызвавший публикацию третьей редакции:

- 1) декабрь 1925 г. — *Вознесенский А.А.* К вопросу о понимании категории абстрактного труда // Под знаменем марксизма. 1925. №12. С. 119–142;
- 2) июнь 1926 г. — *Дашиковский И.* Абстрактный труд и экономические категории Маркса // Под знаменем марксизма. 1926. №6. С. 196–219;

17. Рубин И.И. Указ. соч. С. 3.

18. Там же.

- 3) июнь 1927 г. — *Рубин И.* Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса // Под знаменем марксизма. 1927. №6. С. 88–119;
- 4) начало 1928 г. — *Шабс С.С.* Проблема общественного труда в экономической системе Маркса. Критика «Очерков по теории стоимости Маркса» *И. Рубина*. М.—Л.: Государственное издательство. С. 175;
- 5) начало 1928 г. — *Кон А.* Курс политической экономии. Ч. I. Теория стоимости, теория денег, теория прибавочной стоимости. М.: Государственное издательство. С. 255;
- 6) март 1928 г. — *Рубин И.* К вопросу об общественном и абстрактном труде (ответ на критику *С. Шабса*) // Под знаменем марксизма. 1928. №3. С. 99–126;
- 7) август 1928 г. — *Шабс С.* Еще раз о проблеме общественного труда в экономической системе Маркса (ответ на антикритику *Рубина*) // Под знаменем марксизма. 1928. №7/8. С. 112–149;
- 8) лето 1928 г. — *Рубин И.И.* Очерки по теории стоимости Маркса. 3-е изд., перер. и доп. с приложением статьи «Ответ критикам». М.: Государственное издательство. С. 371.

Выше приводятся критические работы, на которые Рубин непосредственно ответил в период до выхода в свет 3-го издания либо в самом 3-м издании, а также те, в которых содержался его ответ на эту критику. Это полный список документов, затрагивающих спорные моменты второго издания. В период с 1927 по 1928 гг. работы Рубина вызвали множество дебатов в Советском Союзе, литература, имеющая отношение к ним, гораздо более обширна. Но, согласно своему обычному стилю дискутирования, Рубин отвечал весьма ограниченному количеству критиков, замечания которых считал значимыми. Полностью его ответ содержится в «Ответе критикам» (ответ на упомянутые выше статьи *Дашковского*, *Шабса* и *Кона*), добавленного в качестве приложения к третьему изданию.

Однако, среди упомянутых ранее работ Рубина собственный его вклад развивается в статье «Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса» и в самом 3-е издании «Очерков». Первая предвосхищает некоторые новые моменты 3-го издания. В этом смысле она может рассматриваться как документ, запечатлевший работу по подготовке 3-го издания, которая была им выполнена с оглядкой на разногласия, вызванные второй редакцией. Оригинальность (а вместе с тем и проблемность) теории абстрактного труда, представленной в третьем издании «Очерков», а также важность той роли, которую сыграла выше указанная статья в процессе создания данного издания, становятся очевидными при сравнении 2-го издания с двумя названными выше работами.

В самой статье и связанных с ней главах третьего издания Рубин практически не упоминает (во всяком случае, явно) продолжающиеся дискуссии. Но если мы сравним его работы с аргументами упомянутых выше критиков, то обнаружим, что практически все моменты, развиваемые Рубиным, служат одной цели — ответить на ту критику, которая была направлена на второе издание. Поэтому для выявления конкретных особенностей его теории абстрактного труда, наиболее полно представленной в третьем издании, целесообразно рассматривать критику теории Рубина в сопоставлении с исправленными и дополненными отрывками 3-го издания «Очерков», равно как и со специально написанным им «Ответом критикам».

Соответственно, далее мы намереваемся показать, как «физиологисты» интерпретировали абстрактный труд, ссылаясь не на критическое объяснение Рубина, а на свои собственные труды, равно как и выявить предпосылки их критики его теории.

Физиологическая интерпретация абстрактного труда

Эта интерпретация принадлежит Шабсу и Кону. Последний пишет в упомянутой ранее работе, весьма умело

написанном кратком учебнике для начинающих, следующее: «Однако стоит лишь отвлечься от той потребительной стоимости, на создание которой труд направлен, и всякий труд выступает в качестве целесообразной затраты физиологической энергии и только. Это будет уже не конкретный труд, а труд вообще. Отвлекаясь от той потребительной стоимости, на создание которой направлен данный вид труда, мы сводим всякий труд к абстрактному труду»¹⁹. Таким образом, согласно Кону, абстрактный труд, выделенный нами, «наблюдателями», в отрыве от действительно совершенного труда, в каждом своем непосредственном проявлении сводится исключительно к «затратам физиологической энергии» человеческих органов. По его собственным словам, это есть «продукт мысленной абстракции»²⁰. Эта статья является ответом на критику «рубинской школой»²¹ упомянутой выше книги Кона. Категории, подобные этой, получаемые с помощью операций «мышления», иногда называют «логическими». Этот термин так же использовался Рубиным во втором издании «Очерков», однако, исключительно в негативном смысле. В любом случае абстрактный труд в такой трактовке всегда тесно связан с категорией человеческого труда в целом (независимо от факта возникновения самого понятия абстрактного труда), следовательно, он не имеет какого-либо особенного отношения к товарной форме продуктов труда.

Как мы увидим далее, одна из основных проблем, которую исследует Рубин в ответ на множественные критические замечания физиологистов в исправленных отрывках 3-го издания «Очерков», — это количественное измерение стоимости. Точка зрения Кона, которая весьма характерна для физиологической интерпретации, состоит в следующем:

19. Кон А. Курс политической экономии. Ч. 1. Теория стоимости, теория денег, теория прибавочной стоимости. М.: Гос. изд-во, 1928. С. 23.

20. Кон А. Некоторые замечания моих критиков в свете Марксовой теории // Вестник коммунистической академии. 1928. Т. XXV(1). С. 268.

21. Там же. С. 269.

«Вопрос о классификации различных видов труда по степени их «тяжести», по их разрушительным влияниям на организм не может считаться окончательно разработанным. Обычно принято соизмерение различных видов труда по числу калорий (единиц тепла), затрачиваемых средним работником в течение суток. Однако эти показатели не охватывают целого ряда процессов, протекающих в организме во время работы, и не дают, следовательно, точного представления о действительном соотношении различных видов труда. Существует ряд других попыток соизмерения различных видов труда (например, по участию в труде разных органов тела, по степени автоматичности труда и т.д.). Однако следует признать, что все эти искания не нашли пока своего завершения и что единицы для такого соизмерения мы пока не имеем. Тем не менее, несомненна самая *возможность* соизмерения труда различного уровня интенсивности, поскольку все виды труда рассматриваются, как труд абстрактный»²².

Нам предлагается думать, что абстрактный труд, так как он состоит из физиологической энергии, может быть количественно измерен и выражен через некую сумму калорий, как единиц энергетической ценности, что и утверждается выше. Приведенные высказывания Кона предполагают, что поиски такой возможности велись в различных формах (теоретической, а так же практической?). Однако, эта физиологическая энергия, будучи «логической» категорией, получена субъективно, в мышлении, практическое же измерение ее величины должно представлять определенные трудности, что признает и сам Кон. Но, в любом случае, на уровне ее теоретической возможности проблем нет, просто потому, что значение это имеет в основе своего существования физическую категорию «энергии», вполне поддающуюся количественному выражению. Физиологи, в основном, разделяют подобное мнение, что служит им эффективным аргументом для критики «социологической» интерпретации Рубиным абстрактного

22. Там же. С. 27.

труда. Например, А.А. Вознесенский пишет: «Если мы будем понимать абстрактный труд и тем самым стоимость исключительно как общественно-производственное отношение, не связанное в своем существовании с материально-естественной формой, т.е. если мы откажемся от трактовки абстрактного труда и в физиологическом смысле, то каким же образом мы сможем в таком случае говорить о величине ценности, о ее количественной стороне?»²³. То есть вопрос о количественном выражении *общественных отношений* не стоит. Действительно, когда Рубин в ответ на эту критику занялся в третьем издании «Очерков» вопросом «количества абстрактного труда», он столкнулся со значительными трудностями (см. далее).

Как мы наблюдали выше, абстрактный труд в физиологической интерпретации предстает не в форме «исторической», а «логической» категории, которая получена из понимания его как производительной деятельности вообще, путем абстрагирования, а следовательно, имеет внеисторический характер: «Абстрактный труд не является категорией, образующей внутреннюю структуру буржуазного общества. Он относится ко всем эпохам, поскольку речь идет о нем как о понятии»²⁴. Таким образом, абстрактный труд сам по себе не является источником товарной стоимости. «Верно, что «труд, образующий стоимость, есть абстрактный труд», однако, не верно обратное положение: «абстрактный труд есть труд, образующий стоимость». Абстрактный характер труда является одним из определений труда, образующего стоимость, но отнюдь не исчерпывающей его характеристикой»²⁵. Это означает, что для того, чтобы создавать стоимость, труду не достаточно быть абстрактным, необходимо еще одно условие. «Для того, чтобы труд создавал стоимости,

23. Вознесенский А.А. К вопросу о понимании категории абстрактного труда // Под знаменем марксизма. 1925. №12. С. 135.

24. Дашковский И. Абстрактный труд и экономические категории Маркса // Под знаменем марксизма. 1926. № 6. С. 201.

25. Кон А. Указ. соч. С. 269.

он должен быть не только абстрактным, но и общественным трудом»²⁶. С этой точки зрения, положение Рубина о том, что абстрактный труд является субстанцией стоимости, а обе эти категории имеют в равной степени исторический характер подвергается критике: «категории «абстрактный» и «экономический» труд идентифицируются [...] в одном понятии»²⁷.

В целом физиологическая интерпретация не рассматривает абстрактный труд как основу стоимости. Это противоположно трактовке Рубина, и мы должны учитывать этот факт, если хотим разобраться в запутанной полемике между двумя направлениями. Физиологическая интерпретация производительного труда (создающего стоимость) заключается не в двойственной, а тройственной его природе. «В то время как у Маркса речь идет о двойственной природе труда, Кону следовало бы говорить о тройственной природе труда как конкретного, абстрактного и общественного. Действительно, у Кона труд существует прежде всего как конкретный, далее труд существует как абстрактный или физиологический и, наконец, как общественный»²⁸. В таком случае мы можем предположить, что именно «общественный труд», упомянутый здесь (Шабс часто использует термин «экономический труд»), создает стоимость в процессе производства товаров, и для теории стоимости ключевое значение имеет строгое определение этой категории. Однако, теоретические изыскания физиологистов были направлены не столько на изучение особенностей и своеобразия этих категорий, отражающих специфические исторические взаимоотношения товара и стоимости, сколько на сведение их к некому общему внеисторическому основанию (т.е. абстрактному труду как затратам физиологической энергии). В результате «общественный

26. Там же. С. 54.

27. Шабс С.С. Проблема общественного труда в экономической системе Маркса. Критика «Очерков по теории стоимости Маркса» И. Рубина. М.–Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 16.

28. Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. С новым дополнением к статье «Ответ критикам». 4-е изд. М.-Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 287.

труд» (Кон) (или «экономический труд» (Шабс)), определяемый ими как создатель стоимости, не становится объектом подробных дискуссий (такая задача не может быть выполнена с опорой на тексты Маркса). Одним словом, взгляды Рубина и физиологистов на природу «абстрактного труда» и его место в теоретической структуре полностью противоположны.

Историческое происхождение теории стоимости Маркса (проблематика Рикардо-Бэйли) и место концепции физиологического труда (теоретическое построение первой главы «Капитала»)

Глава 12 второго издания «Очерков» была озаглавлена «Стоимость и меновая стоимость (содержание и форма стоимости)», однако в третьей редакции подзаголовок занял место названия, а изначальное название исчезло. Эта перемена отражает изменения в содержании самой главы. Хотя правки 14 главы вносят лишь незначительные корректировки в существующий текст и значительно его расширяют, 12 глава практически полностью переработана. Некоторые спорные моменты, активно продвигаемые во втором издании (в особенности те, которые касаются корреляции между «стоимостью и меновой стоимостью»), в третьем издании опущены, а их место занимает полностью новый материал. Во второй редакции физиологическая интерпретация абстрактного труда преподносилась как однозначно ошибочная. Кроме того, как и в случае с определением субстанции стоимости в первых двух разделах первой главы «Капитала» (в особенности, с широко известными высказываниями самого Маркса в конце 2-го раздела, служившими физиологистам наиболее эффективным подтверждением их воззрений), Рубин отзывается об аргументах самого Маркса как ошибочных. (Кстати говоря, в Советском Союзе 1920-х гг., когда единоличное правление Сталина еще не было установлено, а значит, и догматичная интерпретация Маркса еще

не была навязана исследователям, подобный свободный и научный подход был возможен.) Но в 3-м издании позиция Рубина меняется. Во 2-й редакции некоторые постулаты Маркса он принимает, отвергая другие, сейчас же пытается связно интерпретировать первоисточник целиком. Используя результаты своих исследований по истории экономической мысли, выполненных после выхода 2-го издания, в 3-м Рубин приводит новую трактовку теоретических построений первой главы «Капитала». При этом он не отвергает «физиологический детерминизм» как однозначно ошибочную интерпретацию (ответственность за которую частично лежит на Марксе), а пытается продемонстрировать ее происхождение и истоки. Чтобы сгладить различия между физиологизмом в его многочисленных вариациях и собственным пониманием абстрактного труда, в гл. 14 третьего издания²⁹ он вводит новую категорию под названием «три вида равного труда». Этот понятийный аппарат предполагает упомянутую выше исследовательскую работу, осуществленную при корректировке 12 главы. Тем самым, можно дать полную характеристику изменениям 12 главы. Сравнение двух ее вариантов покажет конкретное содержание правок, но более внимательный анализ деталей позволит ближе изучить некоторые моменты, упомянутые кратко ранее.

Рубин сомневается в подходе Маркса к определению субстанции стоимости в первых двух разделах первой главы «Капитала»: «Несомненно, сам Маркс подал повод к недоразумениям, как своим резким отделением анализа труда как содержания стоимости от ее формы, так и особенно тем, что он придает иногда содержанию стоимости название «стоимость» вообще. Отсюда у Маркса получилось следующее кажущееся противоречие: с одной стороны, «стоимость» вообще существует — логически — как бы отдельно от «формы стоимости» и до нее, а с другой стороны, «форма стоимости» объявляется основным, так сказать, конститутив-

29. Там же. С. 112.

ным признаком товарного хозяйства. Без «формы стоимости» сама «стоимость» превращается просто в трудовую затрату, в логическую категорию»³⁰. «Можно быть разного мнения о том, правильно ли поступал Маркс, проводя резкое различие между содержанием и формой стоимости, «субстанцией» стоимости и меновой стоимостью. Можно указать, что этим он подал повод к различным недоразумениям»³¹. Первое из этих «недоразумений» есть ни что иное, как «распространенное мнение» [т.е. физиологическая трактовка], которое понимает «учение Маркса о «субстанции» стоимости в том смысле, что труд, как нечто абсолютное, материально овеществлен и заключен в его продуктах»³². Таким образом, во 2-м издании Рубин принимает позицию, согласно которой 1 глава «Капитала» состоит из двух цельных частей: первая (так называемая теория субстанции стоимости) весьма туманна и расплывчата — она служит основой физиологической интерпретации, в то время как вторая (теория формы стоимости и фетишизма) формирует скелет теории стоимости Маркса.

Но в 12 главе третьего издания эта точка зрения исчезает, тон меняется, и Рубин пытается дать целостную трактовку первой и второй половине 1 главы «Капитала». Существует два обстоятельства, побудившие его скорректировать свою позицию: 1) как исследователь текстов Маркса, он не мог полностью отвергать физиологическую интерпретацию, действительно основывающуюся на первоисточнике; 2) ознакомление с критикой Бэйли теории стоимости Рикардо в ходе своих исследований по истории экономической мысли, проведенных после публикации второго издания, позволило во многом изменить понимание 1 главы «Капитала» (Рубин опубликовал в 1926 г. антологию истории экономической мысли «Классики политической экономии от XVII по сере-

30. Рубин И.И. Указ. соч. 2-е изд. 1924. С. 85–86. О значении термина «логическая категория» см. выше.

31. Там же. С. 91.

32. Там же.

дину XIX века» и книгу «История экономической мысли»; в этих работах он во многом полагался на «Теории прибавочной стоимости» Маркса). Документ, проливающий свет на поправки, внесенные в третье издание, это статья «Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса» (далее – «статья 27 года»)³³. Но эту роль статьи можно выделить лишь при детальном сравнении второго издания, самой статьи и третьего издания.

Сравнение этих трех документов показывает, что отрывки 12 главы третьего издания, появившиеся лишь в этой редакции (более 80% текста главы), по большей части состоят из фрагментов «статьи 27 года», с небольшими, сугубо техническими корректировками. Таким образом, можно сказать без преувеличения, что глава 12 третьего издания составлена из частей «статьи 27 года». Убедившись в этом, мы теперь переходим к обзору некоторых важных теоретических пунктов (мы воздерживаемся здесь от цитирования и непосредственного сравнения фрагментов текстов в качестве доказательства упомянутого факта: интересующиеся могут напрямую обратиться к указанным трем документам).

В начале этой главы Рубин исследует различия в аргументации, приведенной на первых страницах «К критике политической экономии» и «Капитала», в соответствии с которой труд представлен в качестве субстанции стоимости. Он подтверждает, что процедура определения субстанции стоимости с помощью так называемого «метода дистилляции», ставшая типичным объектом для критики теории стоимости Маркса, начиная с трудов Бём-Баверка, полностью отсутствует в первой работе и наличествует лишь в последней. В то же время он показывает, что подобная процедура (представление труда в качестве субстанции стоимости) вырастает из так называемой «обоюдной критики»³⁴, примененной Марксом в отношении Рикардо и Бэйли в «Теориях прибавочной стоимости» (часть из 23 тетрадей,

33. Под знаменем марксизма. 1927. №6. С. 88–119.

34. *Hiromatsu Wararu*. Philosophy of Capital. 1974.

написанных с 1861 по 1863 гг.) и относящейся к периоду между публикациями двух указанных работ. В «Очерках», однако, нет никаких видимых свидетельств того, что Рубин читал «Критическую диссертацию» Бэйли 1825 г. Рубинское понимание теории Бэйли и его критики Рикардо опирается на тексты Маркса. Серьезное филологическое исследование по этому вопросу было им проведено только в 1929 г. в статье «Маркс и Бэйли»³⁵. Согласно Рубину, причина значительной «склонности Маркса к субстанциализму» в начале «Капитала» может быть выведена из стратегического понимания Марксом необходимости, в первую очередь, описать существование стоимости в ином измерении, нежели чем в форме обычного менового соотношения товаров – в противовес совершенно номиналистской и релятивистской теории стоимости Бэйли, сводящей стоимость к меновой, т.е. к каждому конкретному меновому соотношению товаров, но совершенно не признающей существование регулятора этого соотношения. Таким образом, на этой стадии определение труда как субстанции стоимости не является конечным и ключевым. Оно, скорее, стратегически, предварительно выдвинуто Марксом, прекрасно осведомленным о тех аргументах, что использовал Бэйли против Рикардо. В свете споров по поводу теории стоимости Маркса, продолжавшихся в Японии вплоть до Второй мировой войны, внимание, которое Рубин уделяет Бэйли (как одному из «нескольких отвергнутых британских экономистов»), а также его объяснение «метода дистилляции» заслуживают отдельного упоминания.

В «статье 27 года» Рубин также подробно рассматривает с самого начала проблему расшифровки теоретических построений всей 1 главы «Капитала», выводы этой статьи он повторяет в третьем издании «Очерков». В общем виде выводы эти можно представить в виде следующей схемы: в первой половине главы 1 применяется «аналитический» метод, от феномена меновой стоимости приводящий к труду

35. Архив Маркса и Энгельса // Бюллетень Института Маркса и Энгельса. 1929. №IV. С. 63–91.

как субстанции стоимости; во второй половине напротив, используется «синтетический» или «диалектический» метод, развиваясь от стоимости к меновой стоимости («форме стоимости»). В первой половине Маркс косвенно критикует Бэйли, опираясь в основном на Рикардо, а во второй – проявляя прекрасную осведомленность о содержании критики Бэйли Рикардо, объясняет природу «формы стоимости» (в конечном итоге, денег), отсутствующей в теории стоимости классической школы, представленной Рикардо и занимавшейся исключительно поисками субстанции стоимости. Легко заметить, как Рубин перенимает, во-первых, методологические приемы разграничения анализа и синтеза, разработанные Марксом в разделе «Метод политической экономии» из «Введения к критике политической экономии» 1857 г., и, во-вторых, утверждение о связи между «содержанием и формой стоимости» из «обоюдной» критики Марксом Рикардо и Бэйли в разделе «Различные спорные работы» главы 20 третьего тома «Теорий прибавочной стоимости». Рассмотренные на уровне современных исследований, оба эти положения могут быть проблемными в самых различных отношениях, но в любом случае, с помощью этой интерпретации Рубин намеревался объяснить недостаточность физиологического определения абстрактного труда ограничениями «аналитического» метода и, в то же время, вывести обоснования подобного подхода, как эффективно и неизбежного на определенной стадии теоретического развития. Таким образом, нет нужды полностью отвергать физиологическую трактовку как ошибочную и ложную теорию, основывающуюся на туманных объяснениях самого Маркса, но возможно теперь ее рассмотрение в виде одностороннего, частичного утверждения, предварительного определения, возникающего на определенном этапе теоретического развития, настойчивость в следовании которому у позднейших исследователей порождена непониманием особенностей метода развития теории стоимости Маркса.

Концептуализация абстрактного труда (три вида равного труда)

В этом и последующих пунктах мы рассмотрим некоторые проблемы, относящиеся к изменениям 14 главы от 2-го к 3-му изданию. Диспут, развернувшийся вокруг «Очерков» после публикации 2-го издания, фокусируется именно на этой главе, в которой были обнаружены «некоторые выставленные нами положения, в особенности об абстрактном труде»³⁶. Таким образом, в этой главе (а так же, хоть и в меньшей степени, в главах 3, 8, 11 и 12, тесно связанных с главой 14) содержатся самые важные теоретические правки и дополнения переработанного 3-го издания, подготовленные в качестве ответа на критику. В этом пункте мы вкратце рассмотрим модель под названием «три вида равного труда», внедренную с целью строгой и скрупулезной концептуализации абстрактного труда, и поместим ее в общий контекст диспута. В следующем пункте мы обратимся к другим важным моментам, относящимся к этой главе («абстрактный труд и обмен, количественная определенность абстрактного труда»³⁷).

Глава 14 3-го издания по сравнению со 2-м изданием была увеличена практически вдвое. В ней не меняется ни заглавная тема, ни общий ход рассуждений, хотя некоторые из вопросов, рассматриваемых во 2-м издании, и были отвергнуты или пересмотрены. Глава 14 3-го издания является скорее результатом дальнейшего развития некоторых моментов теории абстрактного труда во второй редакции, с принятыми во внимание замечаниями критиков. Также в этой главе многие добавленные части есть почти неизменные отрывки из упомянутой «статьи 27 года». Если мы обратимся к той же главе 2-го издания с данной позиции, то обнаружим следующие проблемные моменты: позитивная аргументация Рубина своей трактовки абстрактного труда

36. Рубин И.И. Указ. соч. Предисловие к 3-му изданию. 4-е изд. С. 3.

37. Там же.

(включая критический обзор исследований) исчерпывается на нескольких первых страницах и в целом не является достаточно проработанной, несмотря на некоторые весьма удачные формулировки (смотри следующий пункт). Это создает впечатление, будто 2-е издание было легким объектом для критики. Однако в 3-м издании эти недостатки были полностью исправлены, и в основном тексте, наряду с приложением, статьей «Ответ критикам», Рубин пункт за пунктом развивает свою позицию. Одной из причин почему, несмотря на активную полемику после выхода третьей редакции, не было сделано никаких поправок в 4-м издании 1929 и 1930 гг., может послужить тот факт, что Рубину здесь не оставалось сказать ничего нового, 3-е издание исчерпало все вопросы теории стоимости. Разумеется, это не означает, что у нас не может возникнуть никаких вопросов касательно аргументов, использующихся в 3-м издании.

Необходимость выделения «трех видов равного труда» («физиологически равный труд»; «социально уравненный труд»; «абстрактный труд»³⁸) в первый раз обосновывается Рубиным в «статье 27 года». Цель этого – расширение понятия абстрактного труда и, в то же время, четкое разграничение его и категории физиологического труда, чтобы дать ответ на критику 2-го издания «Очерков» (в особенности, на критику Дашковского), направленную против призывов Рубина ограничить действие абстрактного труда в товарном хозяйстве и признать его исторический характер. Касательно непосредственного содержания каждого из «трех видов равного труда» и их взаимоотношений, мы вынуждены просить читателя обратиться напрямую к тексту «Очерков», в этом пункте мы ограничимся введением в исторический контекст дебатов, приведших Рубина к введению подобного разграничения.

Дашковский писал: «Верно ли, что категория абстрактного труда становится лишней во всех других формах хозяй-

38. Там же. С. 122; Рубин И.И. Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. С. 93.

ства, кроме товарного? [...] Дело в том, что даже в тех экономических формациях, где конкретный труд выступает непосредственно в качестве общественного, где он не нуждается в кривом зеркале вещных отношений и абстрактных категорий, функция абстрактного труда абсолютно необходима, поскольку речь идет об учете общественной трудовой энергии. Учет может производиться только в отвлеченных, т.е. абстрактных счетных единицах»³⁹. Другими словами, согласно ему, при любой форме социальной организации труда существование абстрактного труда (как «логической категории») необходимо, так как следует привести различные формы общественного труда к неким общим единицам, позволяющим количественно сравнивать их друг с другом. А поскольку такая необходимость не ограничена лишь товарной экономикой, существование абстрактного труда внеисторично.

На эти аргументы Дашковского Рубин отвечает следующим образом: «Что действительно в хозяйстве, основанном на общественном разделении труда (хотя бы не на основе товарного хозяйства), происходит процесс социального уравнивания труда, было нами отмечено уже в 1-м издании «Очерков по теории стоимости Маркса»⁴⁰. Но этот социально уравненный труд не надо смешивать с абстрактным трудом, который представляет особую форму социально уравниваемого труда. Безнадежное смешение обоих понятий мы встречаем у И. Дашковского»⁴¹. «Всякий «социально уравниваемый» труд Дашковский ошибочно принимает за «абстрактный» труд»⁴². Абстрактный труд, в понимании Рубина, может существовать лишь при соблюдении двух условий: 1) он социализирован путем приравнивания; 2) это приравнивание осуществлено в овеществленной форме»⁴³.

39. Дашковский И. Указ. соч. С. 205.

40. Рубин И.И. Очерки ... С. 52, 2-е изд. С. 73.

41. Там же. 4-е изд. С. 243.

42. Там же.

43. Там же. С. 87. Рубин И. Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. С. 94.

Этот труд предстает как «социально уравненный труд», но является лишь одной его формой. Рубин использует концепцию «трех видов равного труда» чтобы развить и показать специфику абстрактного труда, как он его понимает, и в то же время с помощью этого категориального аппарата он критикует концепцию абстрактного труда Дашковско-го и других. Помимо Дашковского, «если у одних авторов мы встречаем ошибочное смешение абстрактного труда с физиологически равным, то у других авторов можно найти ошибку менее грубую, но все же недопустимую: они смешивают абстрактный труд с социально уравненным»⁴⁴. Этот категориальный аппарат используется Рубиным с целью анализа различных трактовок абстрактного труда, данных физиологистами.

Кстати, в конце «статьи 27 года» Рубин, подчеркивая, что данный категориальный аппарат после публикации 2-го издания впервые был предложен именно в ней, пишет следующее: «Только в настоящем докладе я провел резкое разграничение между социально уравненным трудом вообще (который существует не только в товарном хозяйстве, но может существовать, например, и при социализме) и абстрактно-всеобщим трудом, как трудом, уравненным в специфической форме, присущей товарному хозяйству»⁴⁵. Это означает, что ответ Рубина критикам, включая Дашковского, как мы видели выше, перерос стадию диспута вокруг 2-го издания «Очерков», но, благодаря их критическим замечаниям, был заново сформулирован, обогатившись при этом новыми теоретическими концепциями. Здесь Рубин, воспользовавшись критическими замечаниями своих оппонентов, развивает новую аргументацию и с помощью этого оружия контратакует их самих. Такой способ ведения спора был использован Рубиным также в полемике по вопросам, которые будут рассмотрены в следующем пункте.

44. Рубин И.И. Очерки... С. 122; Абстрактный труд... С. 96–97.

45. Рубин И.И. Абстрактный труд... С. 115.

Место производства и обмена в теории товара. Частное и общественное в товарном производстве

Абстракция труда и производства стоимости

В предисловии к 3-му изданию Рубин пишет: «устранены формулировки, которые давали нашим критикам повод приписывать нам мысли, ни в малейшей мере не разделявшиеся, например, о превосходстве обмена над производством, о перенесении абстрактного труда в фазу обмена и т.п.»⁴⁶. Действительно, глава 14 2-го издания содержит ряд рассуждений касательно роли производства и обмена в товарной экономике, которые Рубин вынужден был значительно переработать в 3-м издании. В этих рассуждениях содержатся весьма точные формулировки «меновый» теории стоимости, своего рода собственной разработки Рубина, развиваемой с 1923 г. в 1-м и во 2-м изданиях «Очерков»⁴⁷.

Согласно Рубину, во 2-м издании производство в целом является частной сферой, так как продукт и труд товаропроизводителей общественным становится лишь при обмене, в среде их социальных контактов. Таким образом, не стоит вопрос об абстрагировании труда и генерации стоимости в сфере производства, так как она полностью частная. Указанное может иметь место лишь в процессе рыночного обмена. Далее приведены выдержки из текста, наиболее полно выражающие данную идею:

«Каждый из последних [товаропроизводителей] действует в своем предприятии автономно и самостоятельно. Только в тот момент, когда продукт его труда выносится на рынок и противопоставляется бесконечному ряду других фигурирующих на рынке продуктов, приравниваясь в определенной пропорции каждому из них, — товаропроизводитель испыты-

46. Рубин И.И. Очерки ... 3-е изд. С. 3–4.

47. В западных странах в спорах о природе стоимости периода 1970–1980-х гг. похожие предложения звучали в следующей работе (хотя ее автор, возможно, не знал об этом факте): De Vroey M. Value, Production, and Exchange // The Value Controversy. London: Verso Editions and NLB, 1981.

вает на себе воздействие всего рынка, т.е. трудовой деятельности остальных членов общества, и в свою очередь оказывает через продукт своего труда обратное воздействие на них. [...] Пока товаропроизводитель занят своим конкретным, специальным трудом, последний представляет труд частный; общественным он становится только через посредство акта рыночного обмена, т.е. в виде приравнивания продуктов самых различных видов труда, в виде труда абстрактного»⁴⁸.

Та же идея еще точнее выражена в следующих цитатах: «Абстрактный труд появляется только в действительном акте рыночного обмена. [...] Последний [абстрактный труд] рождается только в обмене. [...] Абстрактный труд создается обменом»⁴⁹. Они взяты из трех первых предложений трех последовательно идущих абзацев на одной и той же странице. Рубин целых три раза настолько настойчиво повторяет одну и ту же мысль, хоть и в весьма сжатой форме, что у читающих его работу может сложиться представление о стойкой его приверженности теории обмена, способное оттолкнуть некоторых из них. Действительно, эти цитаты после выхода 2-го издания постоянно подвергались нападкам критиков и в третьей редакции были удалены.

Здесь производство рассматривается как сфера, полностью изолированная от любых социальных контактов и управляемая исключительно частной инициативой. Обмен же, напротив, предстает той средой, где частный труд и его продукты, полностью отделенные от общества, «впервые за все время их существования» могут участвовать в социальном взаимодействии и быть социализированы. В ответ на критические комментарии Шабса Рубин говорит, что обмен в его понимании есть общественная форма процесса воспроизводства, т.е. особая форма производства, полностью охватывающая процессы производства и обмена, во всей полноте их отдельных этапов⁵⁰. Но, как и ответ Рубина

48. Рубин И.И. Очерки... 2-е изд. С. 101.

49. Там же. С. 103.

50. Рубин И.И. Очерки... 4-е изд. С. 256.

на критику, рассмотренный нами в предыдущем пункте, это высказывание может показаться довольно казуистическим. В контексте фраз, приведенных выше, естественно было бы рассматривать обмен как отдельную конкретную фазу, стоящую до и после отдельной конкретной фазы производства. Шабс далее критикует приведенные выше высказывания Рубина: «Автор совершенно неосновательно исходит здесь из противоположности производства как сферы частного к обмену как сфере общественного. Результатом такого ошибочного противопоставления является то, что и производство и обмен представлены односторонне, следовательно, как взаимоисключающие друг друга самостоятельные моменты процесса. [...] Мы имеем здесь налицо отрицание частного момента в обмене, как и общественно-го в производстве, короче говоря отрицание двойственного, противоречивого характера всего процесса»⁵¹. «Он [Рубин] трактует строение общества как механически связанную сумму обособленных частных производителей, в направлении своей производительной деятельности полностью изолированных от воздействия общественных процессов, т. е. не только формально, но и экономически независимых от общественного целого. [...] Лишь в непосредственных актах обмена, по его представлениям, общественная «взаимобусловленность» частной трудовой деятельности приобретает характер экономической реальности и имеет экономическую значимость. До акта обмена и вне его общественный производитель не осознает себя как зависимую от общества единицу и общественное производство представляет, по видимому, *membra disjecta* [аллюзия на цитирование Марксом Гомера [*disjecta membra poetae*] в главе 12 «Разделение труда и мануфактуры» первого тома «Капитала», MEW, Bd. 23a, S. 385]. В таком именно виде выступает характер товарного общества в его формулировке двояких определений труда»⁵².

51. Шабс С. Указ. соч. С. 24.

52. Там же. С. 48.

В своей книге Шабс развивает положения, прямо противоположные таковым у Рубина во 2-м издании (преувеличение общественного характера производственного процесса в товарной экономике): абстрактный труд проявляет себя еще в процессе производства; товары выходят на рынок уже наделенные некоторой стоимостью, на основе которой они обмениваются друг на друга в определенных пропорциях. Не считая собственного вклада Шабса, его критика Рубина (вплоть до положения, что некий общественный характер может быть обнаружен и в самом процессе товарного производства) является вполне обоснованной. Во 2-м издании Рубин понимает независимость товаропроизводителей в их производственной деятельности не только лишь как личную — от других производителей, но и как от любых экономических отношений с ними. По этой причине лишь фаза обмена, противопоставленная фазе производства, придает производителям общественный характер. Сам же производственный процесс, напротив, предстает «изолированным царством» независимых и свободных товаропроизводителей, где и труд, и его продукты носят исключительно частный характер. В этом смысле производство и обмен оказываются полностью разделены.

Как и Шабс, Вознесенский критикует упомянутые цитаты 2-го издания: «Поскольку производство является товарным производством, т.е. поскольку уже заранее, при самом производстве продуктов, «принимается во внимание» (Маркс), что они производятся как товары, постольку же здесь, в процессе производства, они не выступают как потребительные ценности, а следовательно, и конкретный труд модифицируется в абстрактный труд, и последний уже имеет место»⁵³. Акт производства в товарной экономике носит, несомненно, частный характер, но даже здесь производители не могут действовать полностью самостоятельно, они ограничены различного рода экономическими отношениями с другими производителями (отношениями обмена). Из этого следует, что товарная эконо-

53. Вознесенский А.А. Указ. соч. С. 126.

номика, будучи частной, не может в то же время оставаться исключительно ею. Столкнувшись с этой критикой, Рубин отказался от крайней поляризации «частного» и «общественного» при рассмотрении производства и обмена и в 3-м издании выдвигает новую точку зрения на отношения производства и обмена.

Во 2-м издании Рубин был склонен рассматривать и производство, и обмен как отдельные, конкретные процессы, случающиеся раз и навсегда (по крайней мере, явно они не выступают этапом повторяющегося процесса воспроизведения), но в 3-м издании «Очерков» он в целом переходит на позиции воспроизводства. Именно исходя из этой точки зрения, он развивает теперь новую аргументацию по проблеме связей между производством и обменом, принимая во внимание абстрагирование труда и производство стоимости. В этом контексте производство понимается как продолжающая цепь предыдущих повторяющихся актов производства и обмена и, таким образом, помещается в контекст обмена (торговли). «Наш товаропроизводитель производит продукты для продажи, на рынок, и потому уже в процессе непосредственного производства вынужден считаться с предполагаемыми условиями рынка, то есть вынужден принимать во внимание трудовую деятельность других членов общества, поскольку она оказывает влияние на движение товарных цен на рынке»⁵⁴. Производители, следовательно, выполняют теперь социально значимый (т.е. создающий стоимость) акт производства, так как принимают во внимание состояние рынка на основе информации, полученной в предыдущих процессах. Так как производство постоянно трансформируется под воздействием результатов предыдущих актов производства и обмена, то оно более не принадлежит «изолированному царству». И все же производство в товарной экономике остается частным актом, основывающемся на частной собственности на средства производства и на личном решении.

54. Рубин И.И. Очерки... 4-е изд. С. 12.

Подобная частная деятельность и производство стоимости связаны следующим образом: «Так как товарное производство уже заранее рассчитано на обмен, товаропроизводитель уже в процессе непосредственного производства, до акта обмена, приравнивает свой продукт определенной сумме стоимости (денег), а тем самым свой конкретный труд определенному количеству абстрактного труда. Но, [...] это уравнение труда носит еще предварительный или «мысленно представляемый» характер и должно быть еще реализовано в действительном акте обмена»⁵⁵. «Это сведение конкретных видов труда к труду абстрактному осуществляется окончательно в процессе обмена, а в процессе же непосредственного производства носит еще предварительный или идеальный характер, поскольку производство заранее рассчитано на обмен»⁵⁶. Схожий с этой цитатой отрывок из 2-го издания: «Это сведение конкретных видов труда к труду абстрактному совершается в акте рыночного обмена, связующем отдельных товаропроизводителей»⁵⁷. Однако же здесь не упоминается сам процесс производства.

В свете этой взаимосвязи производства и обмена жесткие «обменные» формулировки 2-го издания, приведенные выше («абстрактный труд создается обменом»), в 3-м издании модифицированы следующим образом: «абстрактный труд проявляется и развивается по мере того, как обмен становится социальной формой самого процесса производства, превращающегося таким образом в товарное производство. При отсутствии обмена, как социальной формы производства, не может быть речи об абстрактном труде»⁵⁸. Здесь, как и во 2-м издании, стоимость не создается без обмена, но последний, как «социальная форма производства», объявляется условием существования абстрактного труда. Это понятие обмена, наряду с концепцией «обмена как отдельного этапа»,

55. Там же. С. 65.

56. Там же. С. 126.

57. Там же. 2-е изд. С. 102.

58. Там же. 4-е изд. С. 127.

составляет «два понятия обмена»⁵⁹, впервые выдвинутые в «статье 27 года» и вошедшие в 3-е издание практически без изменений. С помощью этих «двух понятий обмена» Рубин пытается дать новое объяснение абстракции труда и производства стоимости с точки зрения воспроизводства.

Обмен как общественная форма воспроизводства и как его отдельный этап (два понятия обмена)

Среди всех критиков теории абстрактного труда 2-го издания «Очерков» именно Шабс чаще других выступает с критическими ремарками по поводу места производства и обмена в товарной экономике. Его книга, упомянутая ранее, немногим превышающая своим объемом 150 страниц, полностью посвящена полемике с Рубиным по этому вопросу. Как и в случае с ответом на критику Дашковского (мы имеем в виду категориальный аппарат «трех видов равного труда»), статья, опубликованная в 1928 г. в журнале «Под знаменем марксизма» (переиздана в третьем издании как часть «Ответа критикам») состоит из ответных нападок в свете новых аргументов, выдвинутых в соответствии с замечаниями критиков. Более того, «два понятия обмена», развиваемые Рубиным в ходе спора с Шабсом и используемые им как орудие контркритики, сами по себе сформированы под воздействием предложений, выдвинутых в книге Шабса⁶⁰. Там мы можем найти отрывки, позволяющие сделать подобное предположение (на самом деле он пишет, что обмен трансформирует производство в ходе его повторения), но сами эти «два понятия обмена», впервые детально представленные в «статье 27 года» и добавленные практически без изменений в главу 14 3-го издания, без сомнения принадлежат Рубину. Хотя его «статья 27 года» хронологически предшествует работе Шабса, ответ Рубина на его критику, естественно, появляется позже публикации работы последнего. В такой

59. Там же. С. 130.

60. Шабс С.С. Указ. соч. С. 48–49.

ситуации сложно сказать наверняка, кому из них первому пришла идея двух понятий обмена. В любом случае верно было бы утверждение, что идея эта возникла в процессе их диспута, как непреднамеренный его результат.

Шабс пишет, что производство в товарной экономике не является полностью частным, каковым его полагал Рубин: «частный товаропроизводитель в капиталистическом обществе в такой мере зависим в своей «частной» трудовой деятельности этой сфере его полновластия от общественного процесса в целом, что только лишь приобщение его общественно-целесообразной производительной деятельности ко всей системе производства а priori обеспечивает ему возможность реализовать а posteriori в обмене свой частной труд как общественно-необходимый»⁶¹. «Обмен предвосхищается производством, он заключен в самих условиях производства. [...] Поскольку целью производства для капиталиста является получение прибавочной стоимости, прибыли, реализация которой обусловлена общественно-целесообразным характером его производительной деятельности, вовсе исключено, чтобы он производил «какой угодно продукт» да еще при помощи «каких угодно средств производства»⁶². (В своем ответе Шабсу Рубин подчеркивает несправедливость критики, говоря что «нелепо отрицать общественный характер производства» и что «все эти нелепые выводы являются исключительно плодом фантазии моего критика и никак не могут быть приписаны мне»⁶³. Рубин вдобавок обвиняет Шабса в том, что тот не различает «два понятия обмена»⁶⁴. Но по нашему мнению, что касается 14 главы 2-го издания, критические комментарии Шабса не могут быть названы неверными, а «контратака» Рубина не обоснована.

Шабс, таким образом, подчеркивает общественно определяемый характер производства в товарной экономике. Он

61. Там же. С. 48.

62. Там же. С. 51.

63. Рубин И.И. Очерки... 4-е изд. С. 256.

64. Там же. С. 257–258.

возводит свою позицию в противоположную крайность, отрицая частный характер товарного производства. «Поскольку производство рассматривается в его круговом движении как единство производства и обмена в их взаимной обусловленности, постольку труд частного товаропроизводителя, или частный труд каждого отдельного индивида, обуславливается в самом своем функционировании всем общественным целым (доставляющим ему средства производства и эквивалент за его продукт), а потому уже непосредственно в производстве определяется в своем общественном назначении и, следовательно, общественной значимости; частный труд приобретает в то же время характер общественного, труд приобретает двойственный характер. Акт обмена только реализует этот факт, но не создает его»⁶⁵. Другими словами, если мы посмотрим на товарную экономику как на процесс воспроизводства, в котором производство и обмен повторяются поочередно, хотя производство и выполняется частными экономическими единицами, располагаемая прибыль частного производителя стремится к нулю, а его деятельность подвергается социальным ограничениям. Товарное производство становится, таким образом, полностью социализированным, а товарный обмен представляет собой не «сальто-мортале» от частного к общественному, а рассматривается как процесс, с помощью которого нечто уже общественно значимое лишь постфактум подтверждается. С позиции Рубина, это служит координации частной сферы как самостоятельной единицы внутри сферы общественной, что означает полное снятие проблемы относительной автономии частного сектора в рамках товарной экономики.

Но, несмотря на то, что позиция Рубина касательно общественного характера товарного производства, несомненно, противоположна позиции Шабса, приведенной выше, в 3-м издании он также последовательно развивает фундаментальный взгляд на характер взаимоотношений

65. Шабс С.С. Указ. соч. С. 55.

производства и обмена, учитывающий оба момента в их «круговом движении как единстве производства и обмена в их взаимной обусловленности». Из «двух понятий обмена» обмен как «социальная форма производства», что особенно подчеркивается, может быть понят только с позиций воспроизводства. Как показано выше, во 2-м издании Рубин многократно отмечает абстракцию труда и создание стоимости в процессах обмена, однако, здесь место воспроизводства не ясно, по крайней мере, из самого текста, несмотря на «апологетическое объяснение», которое он дает впоследствии. Таким образом, обмен, как этап создания стоимости, может быть интерпретирован как «особая фаза этого воспроизводственного процесса, перемежающаяся с фазой непосредственного производства»⁶⁶, несмотря на заявления Рубина в «Ответе критикам». Однако, в 3-м издании Рубин объясняет, как он понимает производство при товарной экономике: «Так как люди производят сегодня не в первый день, так как производитель производит после того, как он вступал в последующие акты обмена, то и процесс непосредственного производства приобретает определенные социальные признаки, соответствующие организации товарного хозяйства на началах обмена»⁶⁷. Такая характеристика производства отсутствует во 2-м издании, она сформулирована в ходе прений с Шабсом. В свете диспута, рассмотренного выше, эта характеристика в определенной степени порождена аргументацией Шабса («две концепции обмена», рассматривающие производство и обмен как взаимопроникающие процессы с точки зрения воспроизводства, основываются на методологическом подходе, схожем с методологией анализа овеществления Рубина, представленной в первом разделе «Очерков»⁶⁸.

66. Рубин И.И. Очерки... 4-е изд. С. 131. Ср.: Рубин И.И. Абстрактный труд... С. 102.

67. Там же. С. 131 3-го изд.; там же. С. 103.

68. См.: гл. 3 третьего (четвертого) издания, включающую в себя основное содержание работы Рубина «Производственные отношения и вещные категории» (Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11. С. 115–132).

В любом случае, производство перестает быть полностью частным и наделяется «некоторым общественным характером» (следовательно, и способностью производить стоимость). Однако, Рубин, в отличие от Шабса, явно не считает, что стоимость и ее величина определяются в производстве. «Трудовая деятельность товаропроизводителей в сфере производства является непосредственно частным и конкретным трудом и лишь посредственно, косвенно или скрыто (*latent*), как выражается Маркс, является трудом общественным»⁶⁹. Если в процессе воспроизводства производство наделяется некоторым общественным характером, обмен (как общественная форма процесса воспроизводства) подвергается в свою очередь определенным ограничениям со стороны производства. То есть характер продуктов и способ их производства определяет в некоторой степени успех или неудачу факта обмена, равно как и его пропорцию (цену).

На первый план здесь выходит вопрос о том, насколько и каким образом «количество абстрактного труда», определяющее стоимость и ее значение, связано с количеством труда (конкретного труда) в производстве как в «материально-техническом» процессе. Физиологисты, как мы уже наблюдали, упорствовали в стремлении отделять абстрактный труд от конкретного, сводя конкретные формы существования последнего к затратам «физиологической энергии». Хотя и признавая технические сложности подобного приведения, Кон и другие физиологисты полагали, что в принципе это возможно. Таким образом, «количество абстрактного труда» как основа количества стоимости рассматривалось физиологистами как количество «физиологической энергии», которая может быть выражена в естественно-научных единицах (к примеру, в калориях). В этом положении они видят основание материального базиса, т.е. материалистического, научного характера трудовой теории стоимости. Но теория абстрактного труда Рубина имеет совершенно

69. Рубин И.И. Очерки... 4-е изд. С. 132; ср.: Рубин И.И. Абстрактный труд... С. 104.

иной характер. Противопоставляя физиологической интерпретации абстрактного труда свою собственную, в конце 14 главы 2-го издания Рубин заявляет следующее: «Спрашивается, что же означает положение Марксовой теории стоимости: стоимость создается трудом. Если стоимость есть свойство общественное, может ли она быть создана трудом, хотя бы и абстрактным. Пока мы видим в абстрактном труде понятие физиологическое, он не может, конечно, быть создателем стоимости, как общественного свойства. Но иное дело, если абстрактный труд есть понятие социальное, выражающие общественную форму организации труда в товарном хозяйстве, а именно организацию в виде совокупности независимых автономных товаропроизводителей, связанных разделением труда и осуществляющих эту связь в обмене. Этот абстрактный труд, иными словами, товарная форма хозяйства и создает стоимость продуктов труда, т.е. то свойство их, которое является следствием данной общественной (товарной) формы производства, но приписывается вещам»⁷⁰. Другими словами, абстрактный труд есть «товарная форма общественного», которая и создает стоимость. Если так, то как объяснить количество стоимости и ее вариации? Одним из пунктов спора вокруг 2-го издания был вопрос о количестве стоимости. Читая отрывки, исправленные для 3-го издания, мы находим Рубина в весьма затруднительном положении. В «статье 27 года» он не говорит ничего о количественном измерении стоимости, и лишь в тексте 3-го издания и в «Ответе А. Кону», опубликованном впервые в приложении к этому изданию, развивает некоторую аргументацию по этому вопросу. Это означает, что он мог (или был вынужден) что-либо сказать по обсуждаемому вопросу лишь в заключительный момент окончательного ответа на критику. Такая задержка в ответе также доказывает, насколько этот вопрос был неудобен для теории абстрактного труда Рубина.

70. Рубин И.И. Очерки... 2-е изд. С. 109.

Материально-технический процесс производства и количество абстрактного труда

Критические доводы по поводу возможности объяснения количественного детерминизма в теории абстрактного труда Рубина единодушно приводятся Вознесенским, Шабсом и Коном в соответствующих работах, указанных ранее. В ходе дебатов, продолжавшихся после выхода 3-го издания «Очерков» до конца 1930 г., т. е. после того, как Рубин его публикацией дал своего рода предварительный ответ, со стороны лагеря «антирубинской школы» повторялась весьма схожая критика. Но, пока речь шла об означенной проблеме, реакция Рубина не была своевременной. Шабс, в своем ответе на отзыв Рубина о его критике, пишет следующее: «Автор «Очерков» предпочел вовсе уклониться от положительного обсуждения [...] количественной проблемы труда. [...] Он] сосредоточил свои усилия лишь на доведении до абсурда построения противника, дабы хоть на время отсрочить открытое признание банкротства собственной точки зрения»⁷¹.

Рубин не дает практически никакого ответа на критику по этому вопросу вплоть до выхода 3-го издания «Очерков», что и могло спровоцировать Шабса на упомянутую весьма поспешную «декларацию триумфа». Далее мы рассмотрим общую схему объяснения, данного Рубиным на добавленных последних страницах 14 главы 3-го издания, того, как изменение «количества абстрактного труда» определяет величину и изменение стоимости.

«Абстрактный труд имеет определенную величину»⁷², но эта величина «не число фактически проработанных часов и не сумма фактически затраченной физиологической энергии, а число единиц общественного труда, т. е. общественная

71. Шабс С. Еще раз о проблеме общественного труда в экономической системе Маркса (ответ на антикритику Рубина) // Под знаменем марксизма. 1928. № 7/8. С. 137.

72. Рубин И.И. Очерки... 4-е изд. С. 133.

величина)»⁷³. «Общественная величина» абстрактного труда имеет природу полностью отличную от количества труда в материальном, техническом отношении (хотя, на самом деле, определить это количество не так и просто). В этом заключена фундаментальная позиция Рубина. Следовательно, производство и количественное определение абстрактного труда становится возможным лишь в процессе обмена, который уравнивает (социализирует) частный труд путем приравнивания продуктов труда. Критики 2-го издания «Очерков» обвиняли теорию абстрактного труда Рубина именно за такое понимание вопроса, за «идеализм», оторванный от материальных оснований процесса производства в его материальном, техническом значении, а сам абстрактный труд Рубина называли «эфиром», его теорию – «воздушным замком». Стратегия, которую Рубин применяет в 3-м издании для решения этой проблемы, состоит в попытке каким-либо образом избежать подобных обвинений, сохранив при этом упомянутую фундаментальную позицию. Конкретнее, он пытается теоретически оправдать тезис, что количество абстрактного труда, хотя и не свободное полностью от ограничений материального, технического процесса производства, тем не менее, окончательно определяется в обмене, когда товар действительно продается по определенной цене. «Социальное уравнение труда в процессе обмена происходит вне всякой зависимости от количественных моментов, характеризующих труд в процессе непосредственного производства (напр., от его продолжительности, интенсивности, продолжительности подготовки к данному квалифицированному труду и т. д.), [...] лишено всякой закономерности, будучи определено исключительно стихией рынка»⁷⁴. Эту теоретическую позицию приписывают ему критики, но его теория абстрактного труда «не имеет ничего общего с указанным ложным предположением»⁷⁵.

73. Там же. С. 134.

74. Там же. С. 136.

75. Там же.

Рубин с помощью «двойственного характера труда» пытается объяснить, что количество абстрактного труда, как сущность стоимости, ограничено количеством труда конкретного в материальном процессе производства. Это объяснение дважды повторяется в 3-м издании «Очерков» (хоть логика построения там обратна). «Движущий толчок к изменению всей системы стоимостей исходит из материально-технического процесса производства. Развитие производительности труда выражается в уменьшении количества конкретного труда, фактически затрачиваемого в среднем на производство. Но тем самым, в силу двойственного характера труда как конкретного и абстрактного, уменьшается количество этого же труда, рассматриваемого в качестве «общественного» или «абстрактного», т. е. как доля совокупного однородного труда общества. Развитие производительности труда, изменяя количество абстрактного труда, необходимого для производства, вызывает изменения стоимости продуктов труда»⁷⁶. «Величина стоимости изменяется в зависимости от количества абстрактного, общественно-необходимого труда, а благодаря двойственному характеру труда изменения количеств абстрактного, общественно-необходимого труда вызываются в свою очередь изменениями количеств конкретного труда, т. е. развитием материально-технического процесса производства, в частности производительности труда»⁷⁷.

Начнем с того, что в «Очерках» идея Маркса о «двойственном характере труда», ставящая вопрос о различиях и связях между конкретным и абстрактным трудом, не является предметом обсуждения (кроме краткого упоминания абстрактного труда в начале 14 главы только лишь для того, чтобы ввести само понятие в ход рассуждений), и у читателя, несомненно, складывается впечатление, что этот концепт резко выдвигается на первый план в процитированных выше отрывках. Пока речь идет про две упомянутые цитаты, логика Рубина сводится к утверждению, что «благо-

76. Там же. С. 61. Отрывок изменен в 3-м изд.

77. Там же. С. 105. Отрывок написан для 3-го изд.

даря двойственному характеру труда изменения количества абстрактного, общественно-необходимого труда вызываются в свою очередь изменениями количества конкретного труда», что по сути является чистой тавтологией. Задача состоит в объяснении, как эти два вида труда связаны друг с другом (почему уменьшение конкретного труда с развитием производительности сопутствует всегда изменению в количестве труда абстрактного). Но Рубин словно стремится избежать этого основного объяснения, выдвигая на первый план своего рода волшебную карточку с надписью «двойственный характер труда» (вместо того, чтобы дать анализ самого этого концепта).

В 3-м издании «Очерков» Рубин посвящает последние страницы 14 главы обсуждению этой проблемы, но оно не выходит на качественно новый уровень по сравнению с двумя приведенными цитатами. Его действия можно приблизительно интерпретировать следующим образом: под давлением критиков он в спешке добавляет, что абстрактный труд «в конечном итоге» определяется конкретным трудом — фраза, дополняющая фундаментальную позицию, которой он придерживался со времени 2-го (или, скорее, 1-го) издания, и обозначающая основное различие в природе абстрактного и конкретного труда. Суммируя доводы, приведенные ранее (на предыдущих страницах), Рубин в последнем параграфе этой главы еще раз повторяет: «Количественная характеристика абстрактного труда причинно обусловлена рядом признаков, отличающих труд с его материально-технической и физиологической сторон в процессе непосредственного производства, до процесса обмена и независимо от него. Но, хотя данные две трудовые затраты независимо от процесса обмена отличаются известной продолжительностью, интенсивностью, степенью квалификации и технической производительности, социальное уравнение этих трудовых затрат происходит в товарном хозяйстве только через посредство процесса обмена; а вместе с этим социально-уравненный или абстрактный труд качественно и количественно отлича-

ется от труда, рассматриваемого с материально-технической или физиологической сторон»⁷⁸. Вкратце, конкретный труд трансформируется «в процессе обмена» в труд абстрактный, качественно отличный от первого, таким образом, последний подчиняется некоторым количественным ограничениям со стороны первого.

Здесь стоит снова подчеркнуть, что для Рубина труд в товарном производстве приравнивается к другому труду не напрямую в форме определенного количества, измеряемого в физических терминах, а косвенно, путем обмена товаров как продуктов труда. Таким образом, стоимость как социальная величина труда товаропроизводителя может появиться только как физическое количество других товаров, обмененных на данный товар (или приравненных к нему), в конечном итоге — в форме определенного количества денежного товара, который служит общим эквивалентом (овеществление человеческих общественных отношений как методологический базис Рубина в его интерпретации теории стоимости Маркса). Поэтому невозможной и ошибочной представляется попытка напрямую измерить стоимость товара в виде определенного физического выражения количества труда. Исходя из такой точки зрения, Рубину пришлось столкнуться с рассмотренными выше сложностями, связанными с попыткой показать, что стоимость как выражение абстрактного труда не оторвана полностью от конкретной производственной деятельности (труда в материальном, техническом отношении). «Количество абстрактного труда» может проявляться лишь в форме физического количества денег в условиях товарно-денежных отношениях. Но конкретный физический труд, требующийся в определенный момент для их создания в определенном производственном процессе, не обязательно выражает себя как стоимость в форме социальной величины. В любом случае, дилемма «количества абстрактного труда», неотделимого от

78. Там же. С. 139. Отрывок написан для 3-го изд.

труда конкретного, не была Рубиным решена, равно как и проблема применимости, оправданности позиции, которую он принял на последнем этапе своих построений в рамках спора о природе стоимости.

Приложение: Рубин в Японии

Среди прочих современных индустриальных государств мира Япония со времени начала Реставрации Мейдзи в 1867 г. следует путем модернизации. Спустя почти 250 лет изоляции страны от внешнего мира, в начале эпохи Мейдзи Японии пришлось осознать факт своей серьезной отсталости во многих отраслях. Япония лишь перенимала у развитого Запада все созданное им до того, включая современные западные общественные науки. Она была и остается по сей день одной из тех стран, в которых ученые и писатели крайне внимательно и чувствительно относятся к новым разработкам других стран в различных сферах культуры.

В этих условиях, с начала эпохи Мейдзи, начались переводы и публикации множества классических работ в области экономической науки, включая и труды Маркса, Энгельса и их последователей. В этом контексте получили известность среди японских исследователей и дебаты о природе стоимости в Советском Союзе 1920-х гг. Некоторые важные работы того периода, включая и статьи Рубина, были переведены и опубликованы практически в то же время: первый сборник статей по данной тематике, отобранных и отредактированных самим переводчиком, появился в Японии в 1929 г. и представлял собой выборку важных статей, опубликованных в ведущих советских журналах в период с 1927 г. Также были переведены работы других современных советских марксистов. Перевод главной работы Рубина, «Очерков теории стоимости Маркса», был запланирован и готовился к публикации. Публикация была объявлена, названы имена автора и переводчика, однако, по неизвестным причинам, книга так и не вышла.

В то время гонимые советские авторы, обвиняемых в ересьх всех видов (ревизионизме, антисоциализме, объявленные врагами народа и т.д.), рассматривались наравне с людьми во власти или сакрализированными (в первую очередь, Лениным и Сталиным, но также Троцким, Бухариным и т.д.). В этом контексте Рубин и другие участники советских дебатов о природе стоимости и стали известны в Японии. Но с началом Второй мировой войны все издания марксистской литературы, даже не упоминающие о марксистском движении (коммунистической партии и т.д.), подвергались жесткой политической цензуре и к концу 1930-х гг. полностью исчезли.

Капитуляция Японии и других «стран оси» кардинально изменила ситуацию. В процессе демократизации, проводимом союзниками (США), оккупировавшими Японию, марксистские экономисты, возвращаясь из тюрем на посты в университетах, активно продолжали свою исследовательскую и общественную деятельность. Этот феномен выделял Японию среди прочих развитых капиталистических стран. В ней до половины преподавательского состава экономических факультетов многих университетов составляли марксистские экономисты различного толка. Одной из причин такого положения вещей стали особенностей развития экономической науки со времен эпохи Мейдзи. Японские экономисты, безусловно, оказались свободны от политического и идеологического вмешательства государства. Но вместо этого подвергались сильному воздействию со стороны Коммунистической партии Японии, основанной в 1922 г. как подразделение Коминтерна. В этих исторических условиях значительная часть японских марксистских экономистов (и научного сообщества в целом) традиционно находилась под большим или меньшим влиянием советской марксистской экономической науки.

Одной из наиболее важных задач марксистских исследователей было, разумеется, изучение экономической теории самого Маркса. Но оригинальные тексты, в первую очередь

«Капитал», не были первыми в списке приоритетов. Основной акцент делался на изучении известных, широко признанных и, что наиболее важно, авторитетных трактовок, призванных познакомить читателя (студентов, потенциальных будущих исследователей) с общепринятым в политических движениях и в институциональной академической среде языком дискуссии. В сравнении с обучением по таким пособиям чтению оригинальных текстов Маркса уделяли второстепенное значение, во многих случаях первоисточники изучались лишь после ознакомления с интерпретациями, через призму их трактовки. В это время японскими учеными был написан ряд подобных пособий, но во многих случаях они были сделаны по шаблону (или, более откровенно, являлись прямыми копиями) авторитетных советских учебников. Среди последних, одним из наиболее известных и стандартизированных были «Комментарии к «Капиталу» К. Маркса» Д.И. Розенберга (1879–1950). Этот советский экономист занял видное положение в начале 1930-х гг., после окончания предшествующих дебатов о природе стоимости. «Комментарии» Розенберга в Советском Союзе публиковались на протяжении долгого времени и после его смерти, а первый их перевод на японский появился в 1933 г., более поздние выходили сразу после войны и до самого конца 1960-х гг.

В некоторых изданиях своей книги он упоминает Рубина, дает ему официальную негативную оценку, называя «ремесленником социального фашизма». Легко объяснимо, почему японские исследователи Маркса были проникнуты идеей, оказавшей, должно быть, на них сильное влияние: нет нужды изучать то, что случилось в маленьком уголке советского академического мира до установления сталинской ортодоксии, необходимо это игнорировать и заранее отрицать. Приблизительно таким был образ Рубина, распространенный среди большинства японских марксистских экономистов после войны.

Учитывая существование Советского Союза и предлагаемой им работающей модели в виде социалистической

плановой экономики, русский язык для многих японских коммунистов и социалистов был вторым языком марксизма (а марксизм был для них практически синонимом Истины) после немецкого, его изучение настоятельно рекомендовалось перспективной молодежи «левой» культурной среды. Предполагалось, что достигшие определенного уровня студенты должны были ехать в Советский Союз на учебу в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, который, если рассматривать его с позиций современности, в действительности служил для подготовки будущих советских агентов в зарубежных государствах.

В заново разгоревшихся на Западе после 1968 г. дебатах о фундаментальных проблемах экономической теории Маркса западные марксистские экономисты проявили интерес к оригинальной трактовке его теории стоимости, разработанной Рубиным за много лет до этого. Первый английский перевод «Очерков», опубликованный в 1972 г. (затем последовали немецкий перевод 1973 г. и французский 1978 г.), возможно, был вызван этой ситуацией. Немедленно за появлением этих переводов «Очерков», последовали немецкие и английские переводы некоторых других важных работ Рубина (среди прочих: «Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса» (1927) и «История экономической мысли» (первое издание 1926)). Таким образом, в течение десяти лет с начала 1970-х гг. была выпущена целая серия переводов Рубина. Но марксистские экономисты на Западе составляли лишь малую часть академических сообществ в своих странах. Напротив, в Японии марксистские исследователи все еще занимали заметное место. Но в силу устойчивой тенденции, упомянутой выше, лишь немногие из них обратили внимание на возрождение интереса к Рубину на Западе. Для большинства, как и ранее, имя Рубина было табуировано и отвергалось автоматически. Схожая реакция на Рубина сохраняется среди некоторых марксистских исследователей, особенно старшего поколения, даже сегодня. Несмотря на традиционный интерес ко всему новому

и модному на Западе, японская версия «Очерков» в этот период так и не вышла. Как исключение, стоит отметить перевод профессором Кинзабуро Сато двух статей Рубина, изначально опубликованных в 1929 г. в 4-м номере «Архива Маркса и Энгельса», бюллетеня Института Маркса и Энгельса под руководством Рязанова: «К истории текста первой главы «Капитала» К. Маркса, гл. I: Стоимость и меновая стоимость в «Критике» и «Капитале», «гл. II: Маркс и Бэйли». (Они были опубликованы в 1981 г. в виде скромных статей в журнале факультета, где работал переводчик.)

Несколькими годами позже, 4-е издание «Очерков», считавшееся отсутствующим в обороте за пределами бывшего Советского Союза, было случайно обнаружено Йосихиро Такасуго среди книг, хранящихся в библиотеке университета Хитоцубаси (Hitotsubashi University) в Токио, в коллекции, подаренной Ичиро Накаяма, бывшим учеником Шумпетера в Бонне и, позднее, профессором университета Хитоцубаси. Во время своего нахождения в Германии до Второй мировой войны он приобрел огромное количество западных книг (это, кстати говоря, было довольно обыкновенным занятием японских студентов, отправленных на обучение в Европу до войны). По рекомендации Такасуго я перевел эту «призрачную версию» классической работы Рубина, до того не имевшую японского варианта, и опубликовал ее в 1993 г. в Hosei University Press как часть их собрания избранной классики политической экономии. В отличие от переводов, появившихся на Западе в 1970-х гг., японский включал в себя все вспомогательные материалы, присоединенные к 4-му изданию, наряду с основным текстом «Очерков», что проясняло контекст полемики, связанной с этой работой Рубина.

Наряду с этим переводом я провел работу по сбору первоисточников (другие труды Рубина, периодика, газеты), опубликованных в Советском Союзе в период 1920-х и 1930-х гг. и накопленных с довоенного времени в японских университетских библиотеках, архивах и т. д. Основываясь на этих материалах, я написал и опубликовал вместе с тек-

стами Рубина подробный комментарий к истории дебатов 1920-х гг. о природе стоимости в их политическом и социальном контексте. Это в значительной степени отличает японский перевод от западных, изданных в 1970-х гг. — в них опускалось все, кроме непосредственно основного текста «Очерков», что практически скрывало исторический контекст дискуссии, развернувшейся в то время вокруг труда Рубина.

С другой стороны, после падения Советского Союза множество первоисточников, ранее скрытых в архивах и остававшихся недоступными в течение долгого времени для сторонних исследователей, попали в свободный доступ. В таких условиях я смог получить из Москвы определенное количество ранее недоступных фотокопий и отсортировал их, выбирая те, что выглядели особенно важными в качестве дополнительного материала и помогали понять дебаты о природе стоимости 1920-х гг. В сопровождении моего нового комментария, объясняющего то, что я выяснил, изучая эти труды (прототипа настоящей статьи), я перевел и опубликовал их в 1997 г. в Johkyo Publisher.

Однако тот момент времени был крайне неблагоприятен для Маркса и марксизма. Это было связано с выходом бестселлера Френсиса Фукуямы «Конец истории» (1992), громко объявившем о «поражении социализма и окончательном триумфе капитализма». В такой атмосфере мой перевод Рубина остался никем не замеченным, кроме весьма узкого круга специалистов. В дополнение стоит сказать, что по самой природе японского языка, изолированного ото всех других языков, мой перевод остается де-факто неизвестным вне Японии вплоть до настоящего момента, несмотря на некоторые важные особенности, отличающие его от других версий, вышедших на Западе несколькими десятилетиями ранее.

Д. В. Мельник*

МЕЖДУ «МЕХАНИЦИЗМОМ» И «ИДЕАЛИЗМОМ»: И. И. РУБИН И СОВЕТСКАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ

Недавно не только нашей философии, но и нашей экономической науке довольно серьезно угрожала опасность превратиться в скелет из методологических костей. Эта опасность пока устранена...

Е. А. Преображенский

Методологические замечания

История экономической науки советского периода изучена весьма подробно. Отдельные лакуны, безусловно, есть, но особенности развития основных направлений и школ, ход важнейших теоретических дискуссий и вклад в них отдельных ученых и исследовательских коллективов на сегодняшний день, с точки зрения классических историко-экономических методов и подходов, раскрыты. Напротив, история советской политэкономии остается невоссозданной. С позиции самоопределения советской экономической науки как целостной системы экономических исследований, базирующейся на прочном теоретико-методологическом фундаменте, данное утверждение может показаться противоречивым. Представляется, однако, что разделение двух указанных историй обосновано различиями в объектах анализа.

В первом случае его объектом (точнее – объектами) является совокупность экономических исследований («эко-

* К.э.н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ст. науч. сотр. ИЭ РАН.

номических наук»), развивавшихся в рамках определенного хронологического периода. Классифицировать эту совокупность можно по-разному: используя нормативные критерии, сложившиеся в советский период и остающиеся в основе своей неизменными и сегодня (номенклатура специальностей ВАКа и пр.); выделяя географически или хронологически локализованные направления и школы исследований и т.д. Важно подчеркнуть, что ее декларируемая целостность соблюдалась на практике лишь формально, поддерживаясь преимущественно необходимостью следования в письменной и устной речи определенному канону (что особенно очевидно для позднесоветского периода). В остальном советскую экономическую науку отличала не просто дисциплинарная фрагментация (в общем характерная на протяжении XX в. не только для экономической науки и не только в СССР), но, нередко, и несопоставимость исследований, проводимых в рамках одного дисциплинарного пространства. Для экономической науки советского периода не представляется возможным выделение теоретического «мейнстрима» в той степени, в какой это можно сделать применительно к западной экономической науке. Именно поэтому, чем больше сумма накопленных о ней знаний, тем сложнее она поддается систематизации, тем более мозаичной становится ее общая картина (чем и объясняются, как можно предположить, сложности в изложении ее истории в учебных целях).

Во втором случае объект анализа — одно из направлений развития классической политической экономии в ее марксистском варианте. Оно и должно было стать теоретико-методологическим ядром складывающейся «системы экономических наук», обеспечить целостность и непротиворечивость в исследованиях экономических процессов и явлений и в преподавании их результатов. Несомненно, что развитие этого направления является частью истории экономической науки советского периода. Но начавшись в 1920-е гг., проект по созданию советской политэкономии, с аналитической точки зрения, остался незавершенным

(ярчайшим подтверждением чему может служить непростая судьба политической экономии социализма). Вместе с тем, советская политэкономика вполне реализовалась как социальный феномен. Так, рассмотрение весьма плодотворных теоретических дискуссий 1920-х гг. показывает, что их ход, да и суть, невозможно понять исключительно из их аналитического содержания. Еще до того, как в конце 1920-х гг. на них отразилось политическое и идеологическое давление сверху, они стали во все возрастающей степени отражать особенности и закономерности социального поведения ученых. Результатом «государственного заказа» на проект создания новой дисциплины стало то, что ее институционализация осуществлялась таким темпом, который опережал формирование аналитического содержания, — складывалась иерархическая структура, борьба за место в которой все больше и больше стала определять ход теоретических дискуссий, формировался ее специфический дискурс. Это не означает, что советская политэкономика выпадает из предметного поля историко-экономических исследований. Однако особенности объекта анализа в данном случае приводят к необходимости существенной модификации используемых методов. Он не поддается изучению с помощью исключительно классических историко-экономических методов, предполагающих, прежде всего, анализ структуры и аналитического содержания научного знания. Социальный условия составляли не контекст, а элемент развития советской политэкономики, тогда как роль языка в ней была далека от сугубо инструментальной. При изучении советской политэкономики, как представляется, необходимо учитывать особенности поведения субъектов исследовательского процесса и осуществлять критический анализ ее дискурса.

Вызовы марксистской теории рубежа столетий

Творчество И.И. Рубина составляет одну из вершин развития советской политэкономики. Его исследования оказали

значительное влияние на ход ее формирования, а их критика дала начало знаковой для ее истории дискуссии между «механистами» и «идеалистами». Для понимания сущности этой дискуссии и раскрытия теоретического вклада И.И. Рубина необходимо остановиться на исходных условиях формирования советской политэкономии.

Представляя одну из линий развития марксистского варианта классической политической экономии и будучи связана, таким образом, с развитием европейской экономической науки, она, тем не менее, являлась специфически российским феноменом. Ее непосредственные истоки могут быть отнесены к концу XIX в., когда группа молодых интеллектуалов (П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, В.И. Ленин и др.) стала использовать марксистскую теорию в спорах с доминировавшими тогда среди сторонников некапиталистического развития народниками (также опиравшимися на марксизм и немало сделавшими для его распространения в стране). Вскоре после продекларированной победы над народниками (по крайней мере, после обоснования исключительных прав на право называться марксистами в России) раскол произошел среди самих этих интеллектуалов. Выделилась большевистская группа во главе с Лениным, претендующая на право являться носителями чистого «ортодоксального» марксистского знания. Становление марксистской теории на российской почве изначально происходило в атмосфере ожесточенной полемики и ею определялось.

Между тем, марксизм на рубеже XIX–XX вв. столкнулся с серьезными вызовами. Прежде всего, результаты развития естественных и точных дисциплин подрывали устоявшуюся механистическую картину мира, восходящую к открытиям XVII–XVIII вв. Это не могло не затронуть марксизм — к тому времени вполне оформившуюся и претендующую на всеохватность систему мировоззрения с развитой догматикой. Марксисты исходили из того, что им удалось с помощью диалектического материализма связать деятельность челове-

ка, его представления, идеи и объективный мир. Возникала необходимость не просто включения новых открытий в эту систему, но и более тщательного и непротиворечивого обоснования материалистического понимания природы и общества, законов их существования и развития. Некоторые марксисты шли здесь по пути фактического сближения марксизма и позитивизма (влиятельного течения, оказавшего во второй половине XIX в. значительное воздействие в том числе и на радикальные движения в России), стараясь расширить и укрепить «объективное» содержание научных категорий. Они стремились к упрочению марксистской теории на естественно-научных основах и изгнанию из нее «бесов» метафизики. Другие, напротив, обосновывали самостоятельный характер и приоритетную роль исходных абстрактно-логических основ марксизма (что, в свою очередь, вело к необходимости четкого обоснования этих основ и, соответственно, делало неизбежными споры между сторонниками возможных толкований). Эти подходы редко были представлены в чистом виде. Они сталкивались и переплетались в творчестве отдельных исследователей, наслаиваясь на разногласия в комплексе других теоретических, политических, этических, эстетических взглядов и предпочтений. Сам «диалектический метод» многих марксистских авторов (даже весьма эрудированных и глубоких) при попытках разобраться в этом хитросплетении еще более запутывал его, затрудняя проведение строго научной критики и открывая новые возможности для ведения полемики. Так, для Г.В. Плеханова принципиальное отличие материализма Маркса от материализма его предшественников состояло в том, что до Маркса он был механистическим. Он с неизбежностью поэтому вырождался в детерминизм того или иного рода, становясь, таким образом, по своему содержанию идеалистичным. Этот материализм рассматривал внешний мир лишь в форме объекта и игнорировал «деятельную сторону», человека, что и делало его фаталистическим учением. На эту деятельную сторону и обращалось прежде всего внимание

в рамках идеализма¹. Подлинный материализм в данной трактовке выступал как «срединная» и, потому, единственно верная линия. Подобная аргументация (обладающая внутренней стройностью) формировала благоприятные условия для попыток разрешения теоретических споров посредством преимущественно риторических, а не аналитических средств. «Ортодоксальная» защита марксизма чаще всего заключалась в обозначении возможных крайностей (детерминизма и волюнтаризма, механицизма и идеализма и пр.), приписывании этих крайностей конкретным авторам и постулировании единственно верного «диалектического пути» как срединной линии. Такой подход, несомненно, обладал достоинствами с полемической точки зрения. Однако попытки собственно позитивного развития и применения диалектического материализма (а не обоснования ошибочности, «недиалектичности» позиций оппонентов) оказывались, как правило, весьма слабыми и легко подверженными критике.

Необходимость уточнения базовых положений марксизма усиливалась и усложнялась под воздействием извне, прежде всего, со стороны неокантианства. Оно особенно активно распространялось в последней трети XIX в. как реакция на упомянутые изменения научной картины мира, противостоящая позитивистскому и марксистскому подходам (по существу сам марксизм часто рассматривался неокантианцами как разновидность позитивизма). Неокантианство отличало стремление обосновать особый характер общественных наук и устанавливаемых в их рамках законов на основе восходящей к И. Канту теории познания. Однако парадоксальность ситуации заключается в том, что состояние марксизма на рубеже веков вело не только к соперничеству с неокантианством, но и к попыткам союза с ним под девизом «назад к Канту»². К концу XIX в. многие деятели рабочего движения пришли к выводу о необходимости существенной коррек-

1. См.: Бельтов Н. [Г.В. Плеханов]. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. СПб., 1905. С. 180.

2. См., например: Форлендер К. Кант и Маркс. СПб., 1909.

тировки выработанных Марксом положений, которые, как представлялось, все более и более вступали в противоречие с изменяющейся действительностью. В этом и заключались непосредственные истоки той «ревизии» марксизма, которая начала проводиться в рядах немецкой социал-демократии и приобрела четкий программный характер у Э. Бернштейна, распространившись затем и в России. Это требовало пересмотра марксизма не просто на практике, но и в теории. Данная потребность «ревизионистов» совпала с общей направленностью идей тех немецких мыслителей, которые уже с 1870-х гг. начали критиковать положения исторического материализма с кантианских позиций, указывали на принципиальную идентичность этических идеалов Канта и Маркса и пытались поставить марксизм на новую (с их точки зрения, более прочную) философскую основу. Сторонников такого синтеза привлекала возможность установления человекообразности общества и его истории через категории морального закона и целеполагания, а не посредством «слепой» причинности и подчиненности индивида стихийному проявлению «объективных» законов. Но вместе с тем в марксизм привносилась и масштабная ревизия научного аппарата на основе кантианской теории познания, базировавшейся на том, что единственная доступная для восприятия и понимания реальность структурирована в разуме и разумом.

Воздействие неокантианства порождало стремление (пусть и по-разному выраженное) отходить от «наивных», неотрефлексированных с помощью критического разума положений как от метафизических³, проводить пересмотр и уточнение логических инструментов анализа. Интерес к теории познания был связан с проблемой соотношения бытия и

3. Различие теоретико-методологических подходов обусловило и разницу в смыслах используемых понятий. В частности, для «материалистов» «метафизика» означала использование абстрактно-логических категорий в отрыве от «объективно данной реальности» (при всем возможном различии взглядов на то, что эту реальность составляет), для «идеалистов» — попытку совместить в одной плоскости принципиально различные и несводимые друг к другу абстрактно-логические категории и феномены окружающего мира. Непонимание этого усиливало накал дискуссий, что проявилось и в 1920-е гг.

сознания («объективно данной реальности» и ее мысленного представления) в исследовательском процессе. Позитивным вкладом самих неокантианцев в решение данной проблемы стало разграничение номотетических и идеографических методов познания. Ответ со стороны «материалистов» был сформулирован, прежде всего, в виде «теории отражения». Детальный анализ дискуссий о теории познания выходит за рамки данной работы. Здесь следует отметить, что поставленные в конце XIX в. в наиболее общем виде проблемы теории познания (а значит, и достоверности результатов исследовательской деятельности), предложенные подходы к их решению оказывали влияние на разработку ряда специальных вопросов исследователями следующих поколений. Так, результаты дискуссии рубежа веков явно сказались на развитии и применении статистических и эконометрических методов экономического анализа, в частности при рассмотрении вопросов соотношения вероятности и действительности, статистически устанавливаемых закономерностей и реальности⁴. Несомненно, отразились они и на проекте создания советской политэкономии.

Наконец, серьезное воздействие на марксизм оказала критика основ теории стоимости и (шире) последствия маржиналистской революции в экономической науке. Полемика вокруг теоретических положений учения Маркса, получившая новый импульс после выхода в свет III тома «Капитала», вынудила даже ортодоксальных марксистов заново осмысливать казалось бы очевидные до этого позиции, ставила проблему их аналитического обоснования. Но споры о трудовой теории стоимости с неизбежностью затрагивали и вопросы методологии. Не случайно О. Бём-Баверк, один из самых активных критиков марксистской системы, отмечал, что ее фундаментальный порок заключается в выведении теории из чистой абстракции. «Вместо того, чтобы обосновывать

4. См., например: Клюкин П.Н. Статистический метод в анализах проблемы «социальной экономики» в работах Н.Д. Кондратьева и Е.Е. Слуцкого // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Серия 5 «Экономика». Вып. 3.

свое положение эмпирически или психологически... Маркс предпочитает... путь чисто логического доказательства, диалектической дедукции из сущности обмена»⁵. Марксистская экономическая наука оказалась в огне критики, и, исходя из последующего развития марксистской экономической науки, критика трудовой теории стоимости стала наиболее серьезным вызовом.

Перед сторонниками марксистской ортодоксии, таким образом, стояли непростые задачи. Но большевистский вариант марксизма был в наименьшей степени подготовлен для их решения. Развитие данного направления изначально было связано преимущественно с практическими целями подпольной революционной борьбы силами незначительной группы, большинство из лидеров которой в предреволюционное десятилетие оказались рассеяны по Европе и всему миру. Теоретический задел этой группы не был единой системой, представляя собой, по сути, сборник очерков и фрагментов, созданных по случаю, между делом и направленных на оправдание (нередко задним числом) того или иного зигзага в практической деятельности большевистской партии. Полемический уклон приводил к приоритету риторического способа доказательства. После революции 1917 г. и победы в Гражданской войне большевистскую политэкономия (как и общественное знание в целом) только предстояло создать. И эта потребность была, опять-таки, практической по преимуществу: теория была нужна для решения идеологических и дидактических задач. Необходимо было при этом создать не только саму теорию, но и ее историю. Иными словами, требовалось одновременно решить две задачи: во-первых, создать цельную и непротиворечивую теоретико-методологическую базу экономической науки победившего социализма; во-вторых, обосновать ее как логическое следствие и вершину предшествующего развития, с одной стороны, радикального движения в России (по пути, предначертанному Лениным:

5. Бём-Баверк О. Критика теории Маркса. Челябинск: Социум, 2002. С. 77.

от декабристов, через Герцена, к революционному движению 1860-х — 1880-х гг.) и, с другой — западной экономической мысли (от У. Петти и физиократов к Д. Рикардо и К. Марксу). При этом собственно «большевистские кадры» либо не обладали ни специальной теоретической подготовкой, ни навыками и способностями к исследовательской работе, либо вынужденно занимались теоретическими вопросами лишь урывками. Опора на «попутчиков», не входивших в большевистский круг, была неизбежной. И.И. Рубин принадлежал к считанному числу ученых, которыми могла располагать новая власть для решения задач на теоретическом фронте.

«Защита Рубина»

На сегодняшний день мы не имеем возможности воссоздать интеллектуальную историю формирования взглядов Рубина. В свои опубликованные экономические работы он предстает уже вполне сложившимся исследователем. Можно лишь предположить, с некоторой степенью вероятности, что в период своего становления как экономиста он активно воспринимал новейшие на тот момент тенденции в развитии марксизма, равно как и его критику. Рассмотрение работ Рубина как ответа на внутренние и внешние вызовы марксистской догматике, как защиты «подлинного» Маркса от нападок и непонимания может способствовать, по моему мнению, более четкому пониманию их аналитического содержания. С этой точки зрения, работы Рубина направлены на реконструкцию марксистской теории с учетом ее более поздней критики и на основе кропотливого анализа текстов Маркса. Рубин, как и большинство марксистов, исходил из того, что Марксу удалось, в общем, создать законченную, цельную и верную теорию общества и процессов, управляющих его развитием. Поэтому его подход к реконструкции предполагал очищение, во-первых, первоначального корпуса марксистской теории от порожденных (самим Марксом) неточностей — на основе гегелевской философии как логи-

ческой первоосновы марксизма, во-вторых, от привнесенных позднейшими критиками и последователями разночтений — главным образом, позитивистского (поиск «реального» содержания марксистских категорий) и неокантианского (представлении о теории лишь как о гипотезе) толка.

«Защита Рубина» осуществлялась путем реконструкции социологического содержания базовых марксистских категорий на основе возвращения к Гегелю. Такой подход, отметим, предвосхитил позднейшее развитие марксизма на Западе, в частности, в рамках «франкфуртской школы», а также по итогам так называемого «открытия молодого Маркса». Вместе с тем, особенность рубинского подхода заключалась в том, что система Маркса мыслилась как единое целое, которое не может быть без ущерба для содержания разделено на социологическую, политическую, экономическую и иные автономные подсистемы. Подобно тому, как с точки зрения марксизма реальность общественного целого структурируется и движется экономикой, реконструкция самой марксистской теории проводилась Рубиным на основе и в рамках политической экономии.

По Рубину, экономисты, отображая реальность, могут придерживаться двух методов: «практического» и «диалектического». Именно последний является подлинно «теоретическим», научным методом, который объясняет реальность, тогда как первый лишь фиксирует или моделирует те или иные ее проявления. Та реальность, которую описывает экономическая наука и в соответствии с которой строится система ее категорий, — это реальность общества. Задача экономиста-теоретика объяснить, как устроено общество, в котором производство на рынок связывает независимых товаропроизводителей, а накопление капитала определяет распределение общественного труда. Именно исходя из этого, Рубин обращается к анализу противоречивого единства общества товаропроизводителей, считая концепцию товарного фетишизма важнейшим исходным пунктом марксистского анализа. От этой исходной концепции рекон-

струкция Рубина движется к уточнению и обоснованию концепции абстрактного труда — результата «уравнивания» автономных товаропроизводителей посредством рыночного обмена. Следующим пунктом анализа является концепция стоимости, позволяющая раскрыть механизмы этого «уравнивания», поддержания противоречивого единства разделенного общества.

Такой подход дает возможность критикам выдвигать обвинения в неокантианстве (в частности, в связи с концепцией Р. Штаммлера⁶). В одном аспекте взгляды Рубина действительно смыкаются со взглядами Штаммлера, а именно в критике практического метода (у Рубина) или в критике присущего политической экономии «обычного приема», когда понятие хозяйства приобретает самостоятельное и самодостаточное значение (у Штаммлера)⁷. Для обоих именно социальная жизнь в ее определенных формах должна быть исходной точкой для проведения экономических исследований. Но содержание представлений об обществе у них различно. С точки зрения Штаммлера, «невозможно установить отдельные политэкономические принципы, которые были бы необходимы, общезначимы и независимы от ... содержания отдельных правовых укладов»⁸. Напротив, Рубин исходит не из неокантианской трактовки целеполагания (и его практического выражения в правовом регулировании) как конституирующего общества принципа, а из реальности общества как системы в рамках данной социально-экономической формации и законов ее движения.

Рубин считал ответ на критику методологических основ и аналитического содержания теории стоимости Маркса,

6. См.: Батищев С. «Диалектика» И. Рубина // Рубинщина или марксизм. Против идеализма и метафизики в политической экономии: Сб. статей / Под ред. С.А. Бессонова, А.Ф. Кона. М.-Л., 1930. С. 106.

7. См.: Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. В 2-х т. Т. 1. СПб., 1907. С. 11.

8. Там же. С. 230.

данный Р. Гильфердингом,⁹ началом (но лишь началом) «правильного понимания» социологического характера теории стоимости Маркса¹⁰. По Рубину, ее отличительная черта состоит в том, что Маркс «обосновывает ее не свойствами «стоимости», т.е. акта приравнивания и оценки вещей, а свойствами «труда» в товарном обществе...»¹¹, приравнивающего автономных агентов экономического процесса, вовлекающих их в единую систему. «Равенство товаров в обмене не является выражением не их количественного, субстанциального равенства, а равенства свободных, независимых товаропроизводителей, на которых не воздействуют силы внеэкономического принуждения»¹². Правильное выражение теории стоимости, по мнению Рубина, состоит не в том, что стоимость определяется общественно необходимыми затратами труда. Исходным пунктом анализа выступает не стоимость, а труд, притом с точки зрения его особой социальной формы. «В товарно-капиталистическом хозяйстве производственно-трудовые отношения между людьми неизбежно принимают форму стоимости вещей и только в этой вещной форме и могут проявляться; труд может найти свое выражение только в стоимости». Сами «акты рыночного обмена — лишь только выражение внутренней структуры общества»¹³. Исходя из этого, Рубин отмечает: «Марксова теория стоимости представляет собой не «диалектическую дедукцию из свойства обмена», как утверждает Бём-Баверк, а анализ определенной социальной форм производства, а именно товарного хозяйства»¹⁴.

9. См.: Гильфердинг Р. Бём-Баверк как критик Маркса. М.: Московский рабочий, 1923 (первое издание на немецком: *Hilferding R. Böhm-Bawerks Marx-Kritik*. In: *Marx-Studien. Blätter zur Theorie und Politik des wissenschaftlichen Sozialismus*. Band 1, Wien 1904, S. 1-61.)

10. Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. 1-е изд. М.-Л.: Гос. изд., 1923. С. 33.

11. Там же. С. 40.

12. Там же.

13. Там же. С. 34.

14. Рубин И.И. Очерки по теории денег Маркса // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М.: Изд-во ВШЭ, 2011. С. 505–506.

Однако, что такое стоимость сама по себе, каково содержание этой категории? Ведь даже среди марксистов бытовали различные подходы к ответу на этот вопрос. В частности, широкое распространение в до- и послереволюционной марксистской литературе приобрела трактовка, непосредственно отождествляющая затраты труда и величину стоимости. Наиболее последовательное и строгое изложение данного подхода было связано с работами А.А. Богданова и его сторонников, придерживающихся «энергетической» (позитивистской в своей основе) трактовки стоимости. Представление о тождестве труда и стоимости для Рубина ложно. Стоимость представляет труд, но стоимость не есть труд¹⁵. Исходящие из позитивистских установок подходы во всех случаях предполагали взгляд на теорию стоимости как на обоснование количественной соизмеримости товаров на рынке. Из этого вытекала необходимость обоснования неизбежности исходного принципа непосредственной связи затрат труда и величины стоимости с учетом тех проблем, которые соизмеримости между ними в чистом виде препятствовали (проблема сведения сложного труда к простому, проблема отклонения цен производства от стоимостей). Рубин последовательно исходил из того, что категории политической экономии являются социальными по своему содержанию и ничего другого кроме реальности общества с той или иной степенью абстракции не отображают. Его подход поэтому предполагал отказ от попыток не только найти «реальное», физическое содержание стоимости, на основе которого можно было бы обосновать действие «закона стоимости», но и формально-аналитически обосновать теорию стоимости, порожденных критикой маржиналистов, — т.е. от попыток разрешения высвеченных критикой формальных противоречий путем обоснования «решаемости» соответствующей системы уравнений. Такой подход соответствовал бы для него не подлинно теоретическому, а «практическому» методу анализа.

15. См.: Рубин И.И. Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. М.: 5-я тип. «Транспечать» НКПС «Пролетарское слово», 1928. С. 20.

Рубин дает однозначный ответ как тем критикам марксизма, которые указывали на методологическую и аналитическую бесосновательность выдвижения затрат труда в качестве регулятора движений экономической системы, так и тем его сторонникам, которые пытались развивать марксистский анализ исходя из представлений об особой роли и особых качествах труда как основы и регулятора стоимости (а значит, и системы цен). Трудовая теория стоимости не связана ни с представлением о труде как об особом «факторе производства», имеющем приоритетное значение в образовании и определении стоимости, ни с нахождением именно в нем «мерила стоимости», позволяющего анализировать изменение меновых пропорций. Эта теория говорит «о трудовой деятельности людей как основе жизни общества, и о тех социальных формах, в которых этот труд организован»¹⁶. Как таковая она «в действительности ... имеет совсем другую задачу, теоретическую, а не практическую. Нам незачем искать практическое мерило стоимости, которое сделало бы возможным сравнение продуктов труда на рынке. Такое сравнение реально происходит ежедневно в процессе рыночного обмена, в котором стихийным путем выработалось необходимое для этого мерило стоимости, деньги, и который ни в каком мериле, теоретически придуманном экономистами, не нуждается. Задача теории стоимости совсем другая, а именно теоретически понять и объяснить реально происходящие на рынке процессы ..., т.е. отразить причинную связь между процессом уравнивания товаров в обществе и процессом уравнивания и распределения общественного труда»¹⁷. Труд действительно определяет изменение пропорций обмена в том смысле, что «количественные изменения производительности труда являются причиной изменений стоимости товаров. Это положение в переводе на язык гегелевой философии гласит, что труд является “имманентною мерою”

16. Там же.

17. Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. 4-е изд. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. С.109–110.

стоимости»¹⁸. Но ни труд, понимаемый как физиологические затраты энергии, ни какая-либо другая субстанция, «ответственная» за количественную соизмеримость товаров на рынке, не могут быть положены в основу экономического исследования. «Не показать, в чем пшеница равна железу, а открыть закономерность объективного социального факта рыночного приравнивания пшеницы железу — такова задача экономиста-теоретика»¹⁹.

Здесь возникает соблазн сопоставить возможную траекторию развития советской политэкономии по «рубинскому» пути с действительным формированием критических по отношению к неоклассике подходов в зарубежной экономической науке XX в. (Задача сопоставления действительного хода развития советской и западной экономической науки выходит за рамки настоящей работы.)

Проблема формально-аналитического («практического») обоснования теории стоимости решалась в XX в. и на Западе. Решающую роль сыграло здесь, как представляется, неорикардианское направление классической политической экономии. Интерпретация Рубина, несомненно, противостоит неорикардианской, предложенной П. Сраффой. Как известно, в своем прочтении Д. Рикардо Сраффа придавал огромное значение попыткам нахождения неизменного стандарта — «мерила» стоимости. Сформулированное позднее самим Сраффой понятие «стандартного товара» стало его аналитическим ответом на эту проблему. Подход Рубина здесь диаметрально противоположен: «Рикардо прежде всего решительно отбросил всякие поиски неизменного мерила стоимости и неоднократно возвращался к доказательству невозможности найти такое мерило. Научно-причинный метод, для упрочения которого в политической экономии классическая школа много сделала, был Рикардо с полной последовательностью проведен и в теории стоимости. Рикардо ищет причины количественных изменений

18. Рубин И.И. Очерки по теории денег Маркса. С. 507.

19. Там же. С. 508.

стоимости продуктов и хочет формулировать законы этих изменений»²⁰.

Основные положения неорикардизма стали формироваться в конце 1920-х гг.²¹ Однако общий контекст его развития включал и воздействие философии позитивизма,²² и попытки формально-аналитического ответа на критику трудовой теории стоимости рубежа XIX–XX вв. Несомненно, что Сраффа, как и Рубин, и многие другие исследователи, стремился сформулировать свой ответ на вызовы, возникшие перед марксизмом. Но если Рубин стремился очистить марксистскую теорию и придать ей новый импульс с помощью возвращения к Гегелю, если многие сторонники марксизма стремились «назад к Канту», то ответ Сраффы может быть сформулирован так: «прочь от метафизики и назад к Петти»²³. Основы развития неорикардизма и «классического» марксизма изначально были различны. Фундаментальные, теоретико-методологические по своему характеру различия продолжают проявляться в дискуссиях сторонников обеих интерпретаций²⁴.

Со второй половины XX в. в неорикардизм стало, вероятно, наиболее влиятельным направлением современного «гетеродоксального» экономического анализа, развивающим положения теории стоимости и распределения классической школы. В то же время развитие посткейнсианства основывалось на разработке динамических концепций и проведении денежного анализа экономики. Весьма приме-

20. Рубин И.И. История экономической мысли. 4-е изд. М.-Л., 1930. С. 232.

21. См., например: *Garegnani P.* On a turning point in Sraffa's theoretical and interpretative position in the late 1920s // *European Journal of the History of Economic Thought*. 2005. Vol. 12(3).

22. См.: *D'Orsi A.* Piero Sraffa e la "cultura positiva": la formazione torinese. In: *Il Pensiero Economico Italiano*. Anno VIII, n. 1, 2000.

23. См.: *Елисева И.И., Мельник Д.В.* Международная научная конференция «К 50-летию книги Пьеро Сраффы «Производство товаров посредством товаров», 1960–2010» // *Финансы и бизнес*. 2011. № 2. С. 221–222.

24. Ярким примером этому может служить дискуссия между П. Гареньяни и Д. Фоули, одними из наиболее значительных представителей этих течений. См.: *Classical theory and policy analysis. A Round-Table.* (Pierangelo Garegnani, Duncan K. Foley, Massimo Pivetti, Fernando Vianello). Roma: Aracne, 2004.

чательно, что Рубин в своем восхождении «от простого к сложному» пришел к анализу денег как продукта общественных отношений и инструмента поддержания единства общества при товарной экономике. Можно предположить, что представление о роли денег как конечной, непосредственно доступной для наблюдения категории анализа закладывало методологическую базу для переориентации на исследование номинальных, а не реальных величин. При несомненной опоре рубинской интерпретации на тексты Маркса, такой подход был нехарактерен как для предшествующего, так и для последующего развития экономического анализа в русле классической политической экономии. В советской литературе появлялись отдельные плодотворные исследования денег и денежного обращения (не только прикладного, но и теоретического характера), имелись они и на Западе. Но они оставались на периферии экономического анализа, вне его теоретико-методологического ядра. Ярким примером здесь может служить развитие неорикардизма²⁵. Лишь теория Дж. М. Кейнса во второй половине XX в. повлияла на распространение денежного анализа в «гетеродоксальной» литературе. Однако в целом задача объединения неорикардизанской и посткейнсианской исследовательских программ до настоящего времени не решена — в том числе, как представляется, в силу различных подходов к пониманию роли денег в экономике.

«Защита Рубина», конечно, не являлась бесспорной, но она обладала внутренней стройностью, позволяла двигаться по перспективным (с учетом дальнейшего развития зарубежной марксистской мысли) траекториям развития. Однако, мы можем лишь предполагать, каким выглядело бы здание советской политэкономии, возведенное на «рубинском» фундаменте. Он был разрушен. На его месте остался лишь заполненный обломками котлован.

25. Интересным, но едва ли не исключительным примером развития денежного анализа в рамках неорикардизма является работа итальянского экономиста М. Пиветти — *Pivetti M. An Essay on Money and Distribution. London: Palgrave Macmillan, 1991.*

Дискуссия и ее перелом

К концу 1930 г. дискуссия по работам Рубина была свернута, а сам ученый арестован²⁶. Это стало концом проекта по созданию советской политэкономии в его начальном варианте. Сказанное не означает, что «рубинский» подход был безальтернативным или единственно правильным. Напротив, уже на начальных этапах его критики были выявлены проблемы, которые остались в его рамках неразрешенными или попросту не нашли рассмотрения. Процесс институционализации советской экономической науки после свертывания дискуссии не только не замедлился, но и ускорился: именно в 1930-е гг. она стала оформляться как четкая иерархическая система производства и распространения знаний. Однако этот процесс уже не был связан с какой-либо исследовательской программой: риторика на долгое время вытеснила аналитику в качестве инструмента реализации стоящих перед научным знанием задач. Критерием истинности стало следование канону, а право на толкование этого канона было вынесено за пределы собственно экономической науки — на уровень высшего партийного руководства.

Саму по себе дискуссию нельзя считать единственным теоретически значимым событием 1920-х гг., равным образом ее прекращение не было единственным примером вмешательства партийного руководства в экономическую науку. Но перелом дискуссии ознаменовал переходный этап в развитии экономической науки советского периода, когда социальные факторы стали доминировать в ее развитии над аналитическими. И произошел это еще до 1930 г.

Обсуждение концепции Рубина началось практически сразу же после публикации в 1923 г. первого издания «Очер-

26. См.: Васина А.А. И.И. Рубин и его рукопись «Очерки по теории денег Маркса» // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. С. 488–491.

ков по теории стоимости Маркса»²⁷. По словам одного из участников событий А. Леонтьева (на тот момент – сторонника Рубина): «Работа Рубина является непосредственным продолжением той антибогдановской (и антикаутскианской, можно было бы прибавить) разработки основных вопросов экономической теории Маркса, которая связана с прежними работами по методологии и теории ценности Гильфердинга и Бухарина, в первую очередь, и которая базировалась на правильном понимании духа экономического учения Маркса и Ленина»²⁸. Более того, в 1929 г. Леонтьев подчеркивал, что теоретические вопросы, включая и «знаменитый ныне» вопрос об абстрактном труде, на начальном этапе дискуссии «представлялись подчиненными частями концепции»²⁹. В качестве центрального вопроса он выделял борьбу с «богдановщиной». Рубинская работа, таким образом, представала теоретическим опровержением концепции А.А. Богданова. Именно на этой концепции, по мнению борцов с «механистами» образца 1929 г., и основывалось, в конечном счете, механистическое направление в политической экономии. Представляется, однако, что это утверждение отражало реалии конца, а не начала 1920-х гг. Как мы попытались показать выше, концепция Рубина действительно изначально несла в себе критический заряд. Но направлен он был не только и, может быть, даже не столько против конкретных советских экономистов того времени: Рубин первоначально сосредоточился не на критике толкований, а на реконструкции теоретических основ марксизма.

С аналитической точки зрения богдановская и рубинская интерпретации политической экономии фундамен-

27. «Ее основные положения были еще раньше известны довольно широкому кругу товарищей, работавших под руководством И. Рубина над детальным изучением проблем теоретической экономии» (Леонтьев А. Об одной теоретической дискуссии и ее уроках // Против механистических тенденций в политической экономии. Сб. статей / Под ред. Б. Борилина и А. Леонтьева. М.-Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 10.)

28. Там же. С. 10–11.

29. Там же. С. 10.

но отличались. Но далеко не все «антирубинцы» могут быть с полным основанием отнесены к «богдановцам», тем более, что уже к середине 1920-х гг. влияние последней школы было существенно подорвано. В 1927 г. С.С. Шабс констатировал: «Развернувшаяся за последние годы в нашей экономической литературе настойчивая полемическая кампания, устремленная к установлению господства единого понимания ... [теоретических вопросов] окончилась пока к сожалению, лишь обессилением и взаимным ниспровержением борющихся течений...»³⁰. С учетом того, что автор этого высказывания стремился опровергнуть как «оттесняемое» физиологическое или «энергетическое» толкование абстрактного труда, так и «новейшую по времени своего оформления» (т.е., рубинскую) трактовку,³¹ его вряд ли следует считать полностью справедливым. Однако его работа, вышедшая в начале 1928 г., может рассматриваться как последняя веха относительно спокойного и выдержанного (с учетом последующих событий) хода дискуссии.

Важным фактором в ходе «рубинской» дискуссии стало ее сближение с философской дискуссией между «механистами» и «диалектиками», начало которой может быть отнесено к 1924 г.³² Это сближение не было полностью бесосновательным, однако к собственно научным вопросам оно отношения уже не имело. Относительно свободные дискуссии 1920-х гг. проходили на фоне борьбы внутри высшего партийного руководства. К концу десятилетия ситуация стала изменяться. Устранение основных политических соперников в борьбе за власть дало Сталину возможность обратиться к установлению контроля над идеологической сферой. Общественным наукам предстояло пройти тот же

30. Шабс С.С. Проблемы общественного труда в экономической системе Маркса. Критика «Очерков по теории стоимости» И. Рубина. М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 3.

31. Там же. С. 13.

32. О ходе философской дискуссии см.: Делокаров К.Х. Философия и наука: проблемы взаимодействия в советский период отечественной истории // Философия естествознания: ретроспективный взгляд. М.: Ин-т философии РАН, 2000; Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30-е годы). Нью-Йорк: Chalidze Publications, 1981.

путь, что большевистской партии: выделения и сраживания между собой «уклонов».

В апреле 1929 г. в Коммунистической академии проходила Вторая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научных учреждений. На ней победа «диалектиков» над «механистами» в философской дискуссии была закреплена организационно. Одна из сторон получила политическую поддержку и право на недолгий триумф. Этот успех стремились закрепить за собой и экономисты. Представители «школы Рубина» (но не он сам!), объединив своих разномастных противников в единый «механистический» уклон, обвиняли их «в сознательном или бессознательном перенесении в область экономической теории основных ошибок механистов-философов. Объективно продолжая дело богдановско-степановского направления в политической экономии, представители механистической концепции в значительной степени повторяют старые ошибки этого направления в новом виде»³³.

Период триумфа был недолгим — в политической экономии он продлился еще меньше, чем в философии. Рубежом стало выступление Сталина на конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г. Победившие философы в своей борьбе с «правыми механистами» сделали заявку «на роль ортодоксальных марксистов, но это место уже было прочно занято самим Сталиным. Им оставалась лишь роль философской платформы оппозиции — эту роль и предстояло сыграть «диалектикам», которых стали соответственно именовать меньшевистствующими идеалистами»³⁴. Борьба с «рубинщиной» стала, пользуясь одним из излюбленных терминов того времени, «диалектическим» продолжением борьбы с «богдановщиной». Сам Рубин и его теперь уже «школка», «рубиноиды» стали объектом ожесточенной ругани, личных выпадов вчерашних побежденных против их поверженных победителей: «Рубин является в настоящий

33. Против механистических тенденций... С. 3.

34. *Делокаров К.Х.* Указ. соч. С. 192.

момент одним из наиболее опасных наших врагов»³⁵. Следует еще раз отметить, что Рубин держался в стороне от политической борьбы. Он, видимо, не ассоциировал себя со своей школой, воздерживаясь от политических обвинений и навешивания ярлыков. И в пору триумфа своих сторонников, и в пору ожесточенной травли он старался, до самого конца, придерживаться правил научной дискуссии.

В конце марта 1930 г. на пленуме Центрального Совета Союза воинствующих безбожников Ем. Ярославский разъяснял слушателям: «Надо выправить и ошибки диалектиков точно так же, как это сделали в отношении Рубина и других в области политэкономии. Думаю, что здесь нельзя проводить такого водораздела, — мол, здесь правильная марксистская линия, а это — еретики. Ведь так думали и в отношении Рубина, а в конце концов оказалось, что это не так, и проглядели за этим спором о пустяках большие серьезные вопросы, в которых как раз те, которые считали себя ортодоксальными людьми, оказались неправы»³⁶. Столь резкий зигзаг в партийной линии вызывал явный диссонанс с дидактически выверенной картиной мира. Один из слушателей недоумевал: «Нас учили ... когда мы были здесь на полуторамесячных курсах, что механисты проповедают метафизическую точку зрения и что это разновидность идеализма. Так ли это? — Так. С другой стороны, мы ведем борьбу с идеалистами, мы проводим чистку профессуры и мы стремимся тех, которые проповедают идеалистическое направление, снять с той или иной кафедры. Но в результате мы наблюдаем обратное положение...»³⁷. Завершающим аккордом установления идеологического контроля, вновь приводящим разболтанные знания в гармонию, стало уже не один раз с успехом опробованное до того учение о «борьбе на два фронта». Именно конструирование этих «двух фронтов» и задавало «динамические» пределы, между которыми пролегла генеральная линия.

35. Рубинщина или марксизм... С. 4.

36. Цит. по: *Яхот И.* Указ соч. Гл. 3, разд. 2.

37. Там же.

Заключение

И.И. Рубин внес неоценимый (пусть и редко признаваемый или осознаваемый впоследствии) вклад в решение обозначенных выше задач теоретического и исторического обоснования советской политэкономии. Его трактовка фундаментальных проблем теории стоимости, несомненно, повлияла и на некоторое отдаление от популярных («вульгарных») разъяснений проблем теории стоимости, и на разворот советской политэкономии от «позитивистских» концепций и подходов, преобладавших в начале 1920-х гг. Его работы по истории экономической мысли стали одним из канонов советских (и большинства постсоветских) учебных текстов по истории зарубежной экономической мысли. Но эти аспекты наследия Рубина сказались прежде всего на попытках решения дидактических задач. На аналитическом уровне его достижения провалились в рукотворную пропасть между «механицизмом» и «идеализмом». Дискуссия, начавшаяся с обсуждения весьма отвлеченных теоретических вопросов, стала битвой за право толкования Маркса, а значит, за право доминирования в экономической науке.

Ярлыки, навешанные на отдельные фигуры или направления анализа на заре институционализации экономической науки советского периода, до сих пор оказывают влияние на понимание ее истории. Оценки творчества Рубина служат тому ярким подтверждением.

Можно ли понять истоки критики Рубина исходя только из самого содержания его подхода? С моей точки зрения, лишь отчасти. Творчество Рубина принадлежит к вершинам советской политэкономии. Но его критика была преимущественно связана с логикой борьбы между представителями различных групп, претендующих на лидерство в политической экономии, — борьбы, давшей возможность партийному руководству, искусно группируя соперников, выбирать «генеральную линию» в процессе установления идеологического диктата.

Э. Асквери*

ИСААК РУБИН И АРГЕНТИНСКИЕ ЛЕВЫЕ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О НЕОДНОЗНАЧНОЙ РОЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Насколько мне известно, во всем множестве работ Исаака Рубина Аргентина лишь единожды упоминается следующим образом: «Расширение сельскохозяйственных земель в далеких Аргентине или Канаде может привести к падению сельскохозяйственного производства в Европе только одним способом: за счет падения сельскохозяйственных цен на рынке»¹.

Согласны ли мы с этим замечанием российского экономиста или нет, но именно читатели из «далекой Аргентины» первыми — в испаноязычном мире — получили возможность прочитать работы Рубина на языке Сервантеса². Это произошло в сентябре 1974 г., когда в аргентинской провинции Кордоба были опубликованы «Очерки по теории стоимости

* Assistant Professor of Economic Policy, Universidad Nacional de Moreno (Buenos Aires). Текст подготовлен автором специально для настоящего издания. Перевод с англ. яз. М.В. Маркова, М.И. Мирякова.

1. *Rubin I.I. Ensayos sobre la Teoría Marxista del Valor. Cuadernos de Pasado y Presente / 53. Córdoba, 1974.*
2. Мигель де Сервантес Сааведра (1547–1616) считается одной из самых значительных фигур испанской литературы и автором получившего мировую известность произведения «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», которое, согласно многим литературоведам, стало первым современным романом и одним из величайших произведений мировой литературы.

К. Маркса». Почему там? Почему в такое турбулентное время? Что это издание значило для левого движения в Аргентине? Ответы на эти вопросы составляют предмет данной работы.³

Здесь необходимо сделать краткое отступление, чтобы определить наше понимание закона стоимости.⁴ В диалектической взаимосвязи общественных производственных отношений и производительных сил собственно отношения производства (т.е. технические основания процесса материального производства) не входят в общественные производственные отношения, относясь к сфере производительных сил. Изменчивые и непостоянные взаимодействия, составляющие общественные отношения людей, определяются в конечном итоге материальными условиями. Действия людей подчинены силе — власти, как подчинению (*Macht*)⁵. Но власть,

-
3. Согласно «Замечаниям редактора», «для этого издания книги Рубина на испанском мы пользовались переводом на английский язык третьего (1928 г.) издания «Очерков...», подготовленным Milos Samardzija и Fredy Perlman и опубликованным в издательстве Black & Red в 1972 г. в Дейтройте, поскольку получение хотя бы одной копии этой книги на языке оригинала оказалось абсолютно невозможным». Аргентинское издание включало также предисловие Fredy Perlman «Очерк о товарном фетишизме».
 4. Интересный анализ метода Маркса представлен в: *Harvey D. History versus Theory: A Commentary on Marx's Method in Capital // Historical Materialism. 2012. Vol. 20. Pp. 3–38.*
 5. Следует обратить внимание, что понятие «власть» многозначно. В английском языке слово power имеет много синонимов, ни один из которых не передает в полной мере все значения. Это же относится и к испанскому poder. Однако в немецком можно выделить три значения власти, определяющиеся словами: Kraft, Macht и Gewalt. Все эти значения позволяют передать сложность динамической системы, раскрываемой историческим материализмом. «Власть» в значении Kraft используется для обозначения рабочей силы (Arbeitskraft), производительной силы (Produktivkraft) или силы природы (Naturkraft) — это власть производительная или созидательная. «Власть» в значении Macht обозначает вид подчинения, т.е. возможность управлять, оказывать влияние — мистическую власть подчинения одних людей другими. Macht по сути своей проистекает из власти-силы Kraft, но это начало противостоит последней. Поэтому подчиняющая власть Macht остается непознанной, сохраняет свой мистический ореол для людей, не могущих охватить и понять ее истоков и сущности, но признающих и подчиняющихся ей. «Власть» в значении Gewalt обозначает насилие и принуждение; эта власть оказывает разрушительное воздействие на людей. Власть в этом значении противоположна «власти» в значении Kraft. Gewalt имеет своим началом Macht; первая уже содержит в себе последнюю как потенцию и разворачивается в нее при определенных условиях. Другими словами, власть как насилие и принуждение есть концентрированное выражение власти как подчинения. Таким образом, власть как сила Kraft разворачивается во власть как подчинение Macht, а она, свою очередь, разворачивается во власть как насилие и принуждение Gewalt. В результате Gewalt становится разрушительной по отношению к Kraft. Подробнее по этому

подчиняющая волю людей, определяется материальными отношениями производства. Поэтому власть этих материальных отношений выступает как фактор, определяющий исторический процесс. Разумеется, сдвиги в материальных отношениях могут иногда происходить насильственно, подчиняясь в этом случае власти как насилию и принуждению (*Gewalt*). Деньги, машины и многие другие элементы в этом случае будут выступать в качестве проводников такой власти. Власть как насилие и принуждение (*Gewalt*) выступает в конечном итоге разрушительной и антагонистической силой по отношению к творческой созидательной власти — *Kraft*. В современном обществе власть — *Gewalt* может воплощаться во власти государства (*Staatsgewalt*). В этой форме она приобретает наиболее законченное выражение.

Таким образом, отношения по поводу производства как форма технической организации труда существуют в любом обществе, является оно разделенным на классы или нет. Но общественные производственные отношения конституируют права на общественный продукт, и они не существуют в примитивных обществах или, шире, во всяком бесклассовом обществе. Эти права скрыты, они не даны в явном виде. Они логически и исторически составляют исходную категорию. Это приводит нас к закону стоимости, который есть не закон определения количеств, а закон общественных отношений и их динамики. Говоря кратко, он представляет собой закон распределения производительных сил и конечного результата их приложения (продукта) между различными видами деятельности в обществе, состоящем из независимых держателей титулов (прав) собственности⁶.

вопросу см.: *Karato S.* The Power and Structure. Hokudai Economic Papers. Hokaido University, 1983. Pp. 25–34. Альтернативный, хотя, пожалуй, и дополняющий анализ представлен в: *Balibar É.* Violence: Idéalité et Cruauté. En: Séminaire de Françoise Héritier: De la violence. Paris: Odile Jacob, 1996.

6. В этом отношении важно не смешивать эти права (*rights*) с правом (*law*), иными словами, с легальным оформлением, выражающим эти права и вписывающим их в общественный строй. Легальное оформление носит вторичный и преходящий характер. По данной проблематике см.: *Emmanuel A.* El Intercambio Desigual. México: Siglo XXI (1972), в особенности его дискуссию с Charles Bettelheim.

Такое понимание закона стоимости объясняет, почему в заглавии данной работы место экономической теории определяется как «неоднозначное». У аргентинских левых она никогда не использовалась для понимания того, что в условиях современного процесса накопления на мировой арене основное противоречие проявляется в столкновении развивающихся стран с небольшим островком процветания, известным также как «центр» или развитые страны. И пусть оценка в наибольшей степени относится к периоду пика политической активности аргентинского левого движения, который пришелся на середину 1970-х гг., последствия такого подхода ощущаются и сегодня⁷.

В свете поставленных выше вопросов подходящим отправным пунктом для попытки ответа на них можно считать рубинский анализ связи исторического материализма и экономической теории. Рубин подчеркивал, что «марксова теория исторического материализма, как и его экономическая теория, вращается вокруг основной проблемы: связи между производительными силами и производственными отношениями». Отсюда он делал следующий вывод: «Обе области исследования имеют одинаковый предмет, а именно

7. По истории и тенденциям развития левого движения в Аргентине см.: *Altamirano C.* Peronismo y Cultura de Izquierda. Buenos Aires: Temas Grupo Editorial, 2001; *Coggiola O.* Historia del Trotskismo Argentino (1929–1960). Centro Editor de América Latina, 1985; *Gilbert I.* El Oro de Moscú: Historia Secreta de la Diplomacia, el Comercio y la Inteligencia Soviética en la Argentina. Buenos Aires: Sudamericana, 2007; *Gilbert I.* La Federa. Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 2011; *Merchensky M.* Las Corrientes Ideológicas en la Historia Argentina. Buenos Aires: Hachette, 1985; *Real J.J.* Treinta Años de Historia Argentina: Acción Política y Experiencia Histórica. Buenos Aires: Ediciones Crisol, 1976; *Rot G.* Los Orígenes Perdidos de la Guerrilla en la Argentina: la Historia de Jorge Ricardo Masetti y el Ejército Guerrillero del Pueblo. Buenos Aires: Ediciones El Cielo por Asalto, 2000; *Tarcus H.* El Marxismo Olvidado en la Argentina: Silvio Frondizi y Milcíades Peña. Buenos Aires: Ediciones El Cielo por Asalto, 1996; *Tarcus H.* Diccionario Biográfico de la Izquierda Argentina: de los Anarquistas a la “Nueva Izquierda”, 1870–1976. Buenos Aires: Emece, 2007; *Terán O.* Nuestros Años Sesentas: la Formación de la Nueva Izquierda Intelectual en la Argentina, 1956–1966. Puntosur, 1991; *Tortti M.C.* La Nueva Izquierda en la Historia Reciente de la Argentina. Se.Di.C.I. Servicio de Difusión de la Creación Intelectual UNLP, 2006. Disponible en: <http://www.sedici.unlp.edu.ar?id=ARG-UNLP-ART-0000004443>; *Werner R., Aguirre F.* Insurgencia Obrera en la Argentina, 1969–1976: Clasismo, Coordinadoras Interfabriles y Estrategias de la Izquierda. Buenos Aires: Ediciones Ips, 2009. Хотя этот список и не является исчерпывающим, он представляет хорошую выборку различных, часто противоположных подходов.

изменения в производственных отношениях в зависимости от развития производительных сил»⁸.

В нынешних условиях фрагментарности «автономных» общественных наук, разделенных между собой жесткими границами, схожий с рубинским подход к отражению общественных феноменов выражал И. Валлерстайн. Он призывал «передумать» (unthink) общественные исследования в области истории, втиснутые в ложную, с его точки зрения, дихотомию номотетических и идиографических наук. Исходя из этого, он предлагал план корректировки «наиболее устойчивого (и вводящего в заблуждение) элемента наследия общественных наук XIX века – разделения области общественных исследований на три раздела, три подхода и три «яруса»: экономический, политический и социокультурный. Эта триада до сих пор сдерживает наш интеллектуальный прогресс»⁹. Сам Валлерстайн делает акцент на критическом анализе и «передумывании» концепции развития, которая, как он полагает, являлась наиболее существенной и в то же время наиболее спорной в общественных науках, укорененных в традиции XIX в.¹⁰ Теория общества должна быть единой и включать в себя несколько областей исследования, покоящихся на общей теоретико-методологической основе: политические науки, право, социология, экономика, клиометрика,¹¹ международные отношения – каждая из них со своими особыми задачами, позволяющими использовать их как инструменты по управлению историческими процессами¹².

В этом отношении Рубин указывал, что «конечной целью науки является представление капиталистической экономики

8. *Rubin I.I.* Op. cit. P. 48.

9. *Wallerstein I.* *Impensar las Ciencias Sociales.* México DF: Siglo XXI, 1998a.

10. С точки зрения рассмотрения этой эпистемологической проблемы, особый интерес представляют колебания во взглядах выдающегося Эрика Хобсбаума. См.: *Hobsbawm E.* *Sobre la Historia.* Barcelona: Critica, 1998.

11. В этом отношении большое значение имеет дискуссия между Robert W. Fogel and G. R. Elton (*Fogel R.W., Elton G.R.* ¿Cuál de los Caminos al Pasado? México DF: FCE, 1989).

12. Указанная эпистемологическая задача в конечном итоге сталкивается с препятствиями, когда эти «области исследований» начинают нуждаться в собственном теоретическом определении общества как предмета анализа.

как единого целого, как особой системы производительных сил и производственных отношений между людьми». Он предупреждал при этом, что для достижения данной цели «наука, прежде всего, должна четко различать ... два различных аспекта капиталистической экономики, а именно, технический аспект и социально-экономический аспект, т.е. материально-технический процесс производства и его общественную форму». Потому-то эти аспекты экономического процесса и составляют предметы различных дисциплин. С одной стороны, «наука социальной инженерии, пусть и будучи новой, должна изменить производительные силы общества в их взаимосвязи с производственными отношениями», с другой — «теоретическая экономия изучает специфические для капиталистической экономики производственные отношения вместе с производительными силами общества». Такая связка означает то, что «хотя политическая экономия и фокусируется на производительных силах, она подразумевает, что существует неразрывная связь с материально-техническим процессом производства и в своих исследованиях предполагает наступление конкретной фазы развития материальных производительных сил и развития обмена»¹³. Взаимосвязь между этими двумя дисциплинами, обозначенными Рубиным, является прелюдией к его очерку о статусе исторического материализма.

Приспособление производственных отношений, т.е. процесс, определяемый типами назревающих противоречий между ними и производительными силами, а также типами общественных потрясений, порождаемых этими противоречиями, является основным предметом теории исторического материализма.

Таким образом, по Рубину, применяя этот общий методологический подход к торговому капиталистическому обществу, мы получаем марксову экономическую теорию. Она изучает производственные отношения в капиталистиче-

13. *Rubin I.I. Op. cit. P. 47–48.*

ских обществах как процесс, развивающийся под влиянием изменений в производительных силах и проявляющийся в противоречиях, которые в общем виде выражаются в ходе кризисов¹⁴.

Цитируемый отрывок, в котором автор ограничивает область исторического материализма¹⁵, заканчивается следующим примечанием: «Здесь мы оставляем в стороне ту часть исторического материализма, которая имеет дело с законами развития идеологии»¹⁶.

Но это именно то, что в данной работе не оставляю в стороне я. Здесь «законы развития идеологии» рассматриваются применительно к реалиям аргентинского левого движения и ситуации в экономической науке периода первой публикации Рубина на испанском языке. В конечном итоге сам Рубин посвятил всю первую часть своих «Очерков»

14. Ibid. P. 48.

15. Одним из немногих немарксистских экономистов, созвучных нам, был Джон Кеннет Гэлбрейт, пусть он и сделал это по-своему. В работе «Новое индустриальное общество» в центре его внимания были игроки, влияющие на экономические силы, а также складывающийся баланс между ними. Такой подход привел его к пониманию предмета экономической теории, не сильно отличающемуся от данного в рубинской реконструкции Маркса: «В течение прошлого столетия, внимание экономической науки было обращено на проблему стоимости или цены. В этом [XX] веке внимание сместилось к общей величине выпускаемого продукта и к средствам его увеличения. Однако оба этих вопроса неразрывно связаны с экономической властью. Эта проблема имела также ключевое значение для выживания капитализма. Как таковая, она была явно сформулирована Марксом. Но она редко возникала в анализе других экономистов» (*Galbraith J.K. El Poder Económico y la Supervivencia del Capitalismo. En «¿Adónde Va el Capitalismo?», Shigeto Suro, ed. Barcelona: Oikos, 1970. P. 125*). Когда Эммануэль обратился к проблеме «выживания капитализма», он отметил, что в этом отношении «наиболее ярким и, потому, наиболее интересным примером является Великобритания 1979 г., т.е. капитализм, выживший несмотря на свои врожденные пороки. Изучение этого примера вполне могло бы объяснить, почему спустя 130 лет после выхода «Манифеста» и 70 лет спустя большевистской революции никакая промышленно развитая страна не последовала по пути социалистических преобразований и вряд ли сделает это в обозримом будущем» (*Emmanuel A. L'Exploitation Internationale et le Déblocage du Centre. Communiqué au Colloque «Problèmes des Théories de Développement/Sous –Développement». Reimprisé en: La Dynamique des Inégalités, Paris: Editions Anthropos, 1985. P. 197*). Эммануэль связывал такую невозможность с динамикой «неравного развития», тогда как у Гэлбрейта она определялась появлением индустриальной демократии: организации масс, создавшей «уравновешивающую силу» и позволившей уменьшить потери от экономической силы. Здесь возникает искушение сказать, что без наличия «уравновешивающей силы» трудно было бы представить тот путь, по которому в действительности пошло «неравное развитие».

16. *Rubin I.I. Op. cit. P. 337.*

товарному фетишизму, подчеркивая, что теория товарного фетишизма переходит в общую теорию производственных отношений товарного хозяйства, в пропедевтику политической экономии. Строго говоря, в отношении заявленной цели я рассмотрю лишь отдельный аспект этой обширной проблематики, далеко выходящей за пределы краткого очерка, взаимосвязь идеологии¹⁷ и экономической теории.

Для преодоления препятствий, возникающих при рассмотрении эволюции экономической мысли, Морис Добб¹⁸ начал свое изложение истории экономических доктрин с анализа понятия идеологии. В этом он отталкивался от подхода Йозефа Шумпетера, четко разделявшего идеологию и ценностные суждения. Он указывал, что хотя ценностные суждения могут выражать идеологию того или иного автора, они не обязательно составляют ее с необходимостью.

Добб критиковал предложенный Шумпетером подход исходя из собственной задачи раскрытия пути развития теорий стоимости и распределения начиная с Адама Смита. В рамках этого подхода «видение» становится исходной категорией. Будучи выявлено, оно открывает дорогу экономическому анализу и, вместе с ним, научному прогрессу. Шумпетер полагал, что «видение» является первым шагом в любом исследовательском начинании, и научный анализ фактов отталкивается от того, «что, с нашей точки зрения, составляет их важнейшую характеристику»¹⁹. Таким образом, «аналитическая работа следует материалу, поставлен-

17. В практических целях я буду следовать определению идеологии, данному М. Доббом: «[...] она обозначает систему мысли в целом, связанный набор мнений и идей, формирующих каркас – или группу понятий высшего уровня, позволяющих вывести более частные или специальные понятия, оценки, приложения или выводы. Как таковой, данный термин часто связан с определенной деятельностью или политическими акциями, но не всегда прямым, очевидным и простым образом. Для самих вовлеченных сторон эта связь может быть до конца неясной или неулавливаемой. Идеология, в своем более широком значении, составляет философскую точку зрения, которую можно обозначить как социальную философию (при условии, что приписываемые ей значение не будет чрезмерно формальным или методологическим)» (*Dobb M. Teoría del Valor y de la Distribución desde Adam Smith. Ideología y teoría económica. Buenos Aires: Siglo XXI, 1975. P. 13*).

18. *Dobb M. Op. cit.*

19. *Schumpeter J.A. Historia del Análisis Económico. Barcelona: Ariel, 1971. P. 561–562.*

ному нашим видением проблемы, и это видение, почти по определению, является идеологическим»²⁰.

Шумпетер считал, что как «политическая экономия», так и «экономическая мысль» (в понимании Дobbа) должны быть «едва ли не неизбежно идеологически заданы “экономическим анализом”, который сам по себе может рассматриваться как независимый и объективный». Он отражает «научный прогресс» при переходе от одного автора к другому, поскольку является «жестким ядром техник и инструментов, подчиняемых внеисторическим правилам и нормам, и может оцениваться самостоятельно». Это делает возможным «создание самостоятельной истории, позволяющей четко ответить на вопрос о том, можно или нет говорить о “научном прогрессе” при переходе от одного автора к другому и так далее»²¹.

По итогам своего сжатого изложения запутанных связей между экономической теорией и идеологией, построенного на основе анализа в работах наиболее примечательных авторов, писавших два века спустя после Смита, Дobb утверждает, что «предложенное Шумпетером разделение между экономикой как чистым анализом и экономикой как видением экономических процессов, включающим в себя предубеждения и налет идеологии, не может быть доказано», а, если и может, то «исключительно в отношении формальных деклараций и утверждений, а не самой экономической теории как выражения сути составляющих хозяйство действительных отношений». Следуя пути реализма, экономическая теория с необходимостью вбирает в себя историческую интуицию, перспективу и социальное видение. Поэтому уместно и необходимо «характеризовать и классифицировать даже наиболее абстрактные экономические теории исходя из того, как они описывают структуру и принципы общества, а также в соответствии с их значением современного им исторического и социального контекста». Это является «существенным эле-

20. Ibid. P. 42.

21. Dobb M. Op. cit. P. 16.

ментом интеллектуальной интерпретации рассматриваемых теорий, равно как и определения их места в истории идей; без проведения соответствующей оценки теряется ключ к пониманию отдельных теоретических положений». В противном случае «отдельные положения и теории предстают в разрозненном виде и могут рассматриваться исключительно с точки зрения их внутренней логической структуры», т.е. без возможности понимания их места и значения в процессе развития экономической мысли. Поэтому формальные структуры «должны рассматриваться лишь как сугубо технические достижения». Связь между такими структурами и реальностью, иными словами, релевантность анализа, определяется «наличием или отсутствием у теории предмета, а также степенью достоверности социальной теории в целом»²².

Представленный подход указывает на то, что для понимания смысла рубинского текста для аргентинского левого движения необходимо знать, каким образом на теорию тогда оказывала влияние идеология. В связи с этим уместно вспомнить вопрос Перри Андерсона: «Какова природа отношений между марксизмом и социализмом?» Казалось бы, ответить на него можно просто: «Первый относится к теории, ставшей действенной силой, второй — к обществу». Однако такой ответ скрывает действительные проблемы и сложности в связях между этими понятиями. Они в немалой степени связаны с тем, что «социализм» это не только цель, достижимая в результате исторического процесса. «Это также и идеальное движение принципов и ценностей, поддерживаемых страстями и дискуссиями, которое является действенным и открытым в настоящем, имея за собой два столетия истории». Таким образом, по Андерсону, «социализм представляет собой область культурных и политических сил, которая предшествует марксизму и превосходит его. Поэтому [марксистская] теория не обладает монополией на исторический материализм»²³.

22. Ibid. P. 49–50.

23. Anderson P. *Tras las Huellas del Materialismo Histórico*. Madrid: Siglo XXI, 2007. P. 105.

Вместе с тем, сам Андерсон задается и другим вопросом: «В чем причины абсолютного доминирования исторического материализма в социалистической мысли и культуре в целом, иначе говоря, в чем заключается уникальность марксизма и как далеко она простирается?»²⁴. Согласно Андерсону, причины превосходства исторического материализма основаны на:

- а) характере его интеллектуальной системы;
- б) характере его теории исторического процесса;
- в) его значении как проверенного инструмента исторических преобразований.

Все альтернативы ему в лучшем случае были фрагментарными. Конечно, его позиции оказались подорваны после изменений в мир-системе с 1980-х гг. Но он продолжает оставаться «единственной интеллектуальной парадигмой, способной объединить в рамках единой теории развития общества социализм в качестве идеальной перспективы, с одной стороны, и анализ противоречий настоящего с его обусловленностью прошлыми структурами, с другой». Поэтому «марксизм не должен оставлять идею архимедовой точки опоры: поиска субъектов, способных на реализацию действенной стратегии по изгнанию объективных структур»²⁵.

Пути левого движения в Аргентине

Анализ отношений между аргентинскими социалистами и коммунистами показывает, что аргентинские левые никогда не подходили к нахождению действенных субъектов исторического процесса. В лучшем случае их усилия были бесплодными, в худшем – служили лишь усилению реакции. В своем описании Маркос Мерченский (Marcos Merchensky) возвел истоки подобных результатов к основателям социалистического движения в Аргентине, в особен-

24. Ibid.

25. Ibid. P. 132.

ности к Хуану Хусто (Juan B. Justo)²⁶. Мерченский обращает особое внимание на дебаты между Хусто и немецко-аргентинским социалистом Германом Аве Лаллемантом (German Ave Lallemand)²⁷. Ко времени основания Аргентинской социалистической партии в конце XIX в. последний «пытался укоренить зарождающееся движение на национальной арене, то есть выявить и представить общие национальные интересы, которые в стране, лишь недавно вошедшей в капиталистический мир, должны были возвыситься над интересами групп или партий». Лаллемант, однако, проиграл Хусто и результаты этого «столкновения между попыткой понимания подлинных реалий страны и ложным универсализмом», не осознающим имеющихся ограничений, отразились на «сущности теории и практики Хуана Хусто». В силу этого «он и его партия позднее перешли на позиции оппортунизма и порвали с доктринальными основами. Это объясняет его постоянную нерешительность, равно как и последующий развал основанного им движения»²⁸.

Коммунистическая партия откололась от социалистического движения в конце 1920-х гг. под влиянием Октябрьской революции и связанных с нею дискуссий в Европе. Коммунисты покинули «уже и без того не имеющую гражданства Социалистическую партию, не взяв с собой ничего, что могло бы приблизить их к пониманию национальных реалий»²⁹. Более того, «если Хусто остался глух к идеям

-
26. Биографические материалы по Хусто и оценки его исторической роли см.: *Cúneo D.* Juan B. Justo y las Luchas Sociales en la Argentina. Buenos Aires: Alpe, 1956; *Portantiero J.C.* Juan B. Justo: Un Fundador de la Argentina Moderna. Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 1999. Хусто стал преемником переводчиком «Капитала» на испанский, а Аргентина — первой страной испаноязычного мира, где этот перевод был опубликован.
 27. Биографические материалы по Аве Лаллеманту и различные взгляды на его дебаты с Хусто представлены в: *Tarcus H.* Marx en la Argentina. Sus Primeros Lectores Obreros, Intelectuales y Científicos. Buenos Aires: Siglo XXI, 2007; *Tarcus H., Ehrlich L.* Op. cit.
 28. *Merchensky M.* Op. cit. P. 194–195. Социалистическое движение не только с самого начала, с 1945 г., оппонировало перонизму, оно исторически поддерживало идею свободы торговли, жестко противостоя, таким образом, идеям индустриализации (примеч. научн. ред.).
 29. В действительности же они унаследовали еще одну неприятную черту. «Коммунисты унаследовали у социалистов метод зачистки партии от любых диссидентов, даже если эти диссиденты и составляли большинство» (*Merchensky M.* Op. cit. P. 212).

Лаллеманта, коммунисты уже попросту не вспоминали их, равным образом они не обращали внимания на все попытки, сделанные в недрах своей старой партии, направленные на применение доктрины для нужд развивающейся страны». В результате, «международное событие – предполагаемая мировая революция, было поставлено выше проблем страны и ее жителей. Это является специфической чертой аргентинского коммунистического движения и иных подобных движений, существовавших в отсталых странах»³⁰.

Данный первородный грех предопределил то, что «[аргентинские] коммунисты никогда не обращали внимание на анализ “национального вопроса” [...]». По сути, «как бы мы ни старались, в истории коммунизма в Аргентине невозможно обнаружить даже малейшего вклада в универсальное дело социализма, который был бы основан на учете национального опыта». Именно «отсутствие национальной специфики у аргентинского коммунизма объясняет его повторяющиеся ошибки»³¹.

Итак, в своих поисках «субъектов, способных на реализацию действенной стратегии по изгнанию объективных структур», аргентинские левые отталкивались от ложного образа потерянного рая. С самого начала они полагали, что объективной структурой, требующей разрушения, является капитализм, на который надвигается абсолютно идеализированный социализм и субъекты, готовые свершить мировую революцию. Строго говоря, объективными структурами, требующими слома в молодой развивающейся стране, были препятствия на пути развития,³² а также сопротивление со

30. *Merchensky M.* Op. cit. P. 213.

31. *Ibid.* P. 220.

32. Здесь следует заметить, что со времени своей независимости и даже ранее – как колония – Аргентина развивалась под воздействием капиталистического способа производства. Это отличает ее от других стран Южной Америки, в которых существовали элементы феодального способа производства. Это важно учитывать, поскольку в противном случае, как показывают примеры отдельных авторов, в особенности Франка (*Frank A.G. Capitalism and Underdevelopment in Latin America*, revised edn. New York and London: Modern Reader Paperbacks 1969; first edn 1967) и Валлерстайна (*Wallerstein I. The Modern World System*. New York: Academic Press, 1974), можно прийти к ошибочным заключениям о характере

стороны консервативных сил по включению трудящихся в дело национального развития.³³ Если какие-то сомнения и

отношений эксплуатации. Это особенно заметно у Франка. Один из критиков указывал: «Фактически, Франк строит свою модель, абстрагируясь от массы исторических элементов. Если ему так угодно, то, что получается в результате, вполне можно обозначить как “капитализм” [...] Но нельзя принять того, что Франк считает свой подход совместимым с марксистским понятием капитализма [...] Ключевое экономическое отношение составляет свободное распоряжение рабочим своей рабочей силой, необходимым предшествующим условием чего является потеря непосредственным производителем собственности на средства производства» (*Laclau E. Politics and Ideology in Marxist Theory. London: New Left Books, 1977. P. 23*). Завершая свой критический разбор он писал: «Если мы хотим показать, что [...] процесс развития порождает отсталость, мы должны доказать, что сохранение докапиталистических производственных отношений в периферийных регионах является необходимым условием для осуществления процесса накопления в развитых странах» (*Ibid. P. 37*). Согласно Лакао (с чьим мнением я согласен), именно этого Франк и не сделал. Другие подходы к историографии аргентинского развития представлены в: *Ortiz R. Historia Económica de la Argentina. Buenos Aires: Plus Ultra, 1978; Halperin D.T. Proyecto y Construcción de una Nación (1846–1880). Buenos Aires: Ariel, 1995; Barsky O., Gelman J. Historia del Agro Argentino. Desde la Conquista hasta Fines del Siglo XX. Mondadori/Grijalbo, 2001.*

33. В этом отношении весьма показательны отношение Аргентинской компартии к событиям 17 октября 1945 г. (массовому митингу в Буэнос-Айресе с требованием освобождения генерала Перона, назадолго до того смещенного с поста вице-президента и арестованного. Выступление было организовано профсоюзами и достигло своей цели. Через несколько месяцев Перон был избран президентом, а этот день считается символическим началом перонизма. — *Примеч. науч. ред.*) Хуан Хосе Реал справедливо отмечал, что «17 октября знаменует, с одной стороны, начальный пункт, а с другой — историческую преемственность. Это не день, когда зародилось национальное движение, а день, когда оно вступило в пору расцвета, неконтролируемый взрыв потряхнул летаргию, последовавшую после падения Иригойена (Иполито Иригойен (Hipólito Yrigoyen) был президентом Аргентины в 1916–1922 и 1928–1930 гг. Он проводил политику социальных реформ и был популярен среди рабочих. В 1930 г. он был свергнут в результате военного переворота. — *Примеч. науч. ред.*). Перонизм лишь внес в это движение новые элементы, порожденные экономическим и социальным развитием с 1930-х гг.» (*Real J.J. Op. cit. P. 96*). Напротив, тогдашний секретарь аргентинской компартии Викторю Кодовилья (аргентинский политик итальянского происхождения, скончался и похоронен в 1970 г. в Москве, его именем названа одна из московских площадей. — *Примеч. науч. ред.*) предупреждал: «Мы не должны обманываться: наци-перонизм бесстрашен и энергичен. Забастовка и волнения, подготовленные вооруженными перонистскими силами были попыткой наци-перонистов начать гражданскую войну» (*Codovilla V. Batir al Nazi-Peronismo para Abrir una Era de Libertad y Progreso. (Informe presentado en la Conferencia Nacional del Partido Comunista el 22 de diciembre de 1945). Buenos Aires: Anteo, 1945. P. 95*). Характеристика этого периода, принадлежащая Хобсбауму (и относящаяся не только к Аргентине, но и ко всему региону), дает нам адекватный контекст: «В Латинской Америке влияние фашизма было значительным и открыто признаваемым и узнаваемым как в личностях, таких как колумбиец Хорхе Гайтан (Jorge Gaitan, 1903–1948) (колумбийский политик, возможный кандидат на пост Президента Колумбии от левых сил, был застрелен — как раз в тот день, когда второй встречи с ним ожидал молодой Фидель Кастро, находившийся под большим впечатлением от его личности и его идей. См.: <http://www.cuba.cu/gobierno/reflexiones/2008/rus/f170708r.html>). — *Примеч. науч. ред.*) и аргентинец Хуан Доминго

могли иметь место, то после Ялты и Потстадама³⁴ в условиях холодной войны³⁵ цель достижения социализма стала явной исторической аберрацией.

Материальные условия исторической блокировки развития

Очевидный вопрос состоит в следующем: почему аргентинские левые должны были отказываться от социалистических идеалов ради целей капиталистического развития? Следует начать с того, что социализм представляет собой организацию труда на базе общественно необходимых затрат рабочего времени. Но исторические события протекают не только во времени, но и в пространстве. Пространство разделено между нациями, различными их типами. Некоторые из них процветают, тогда как другие бедны или очень бедны³⁶. Иными словами, возникновение этого типа общества, окончательно консолидированного к концу XIX в., было обусловлено разделением мира на:

Перон, так и в режимах, таких как бразильское «Новое государство» (Estado Novo) во главе с Жетулио Варгасом» в 1937–1945 гг. [...] И в то же время – насколько отличались от их европейских моделей деятельность и достижения людей, открыто признававших влияние на себя Муссолини и Гитлера! [...] Важнейшей опорой Перона был рабочий класс, и его политическая машина функционировала как своего рода рабочая партия, организованная на базе профсоюзов, которые он поддерживал. Этому же пути следовал Жетулио Варгас в Бразилии. Это армия свергла его в 1945 и привела к самоубийству в 1954, и это городской рабочий класс, которому он обеспечивал социальную защиту в обмен на политическую поддержку, оплакивал его как отца народа. Тогда как европейский фашизм уничтожал рабочее движение, латиноамериканские лидеры, вдохновленные его примером, создавали его. Несмотря на интеллектуальное родство, эти движения были различны (Hobsbawm E. Op. cit. P. 140–141).

34. Место в этом разделении Аргентины и форм, в которых правящие классы представляли разделение мира на зоны влияния, закрепленные после Второй мировой войны, см.: Frondizi A. El Movimiento Nacional. Fundamentos de su estaegia. Buenos Aires: Losada, 1975. P. 83–89).
35. Характеристика «холодной войны» и ее различных этапов см.: Gaddis J.L. The Long Peace. Inquiries Into the History of the Cold War. Oxford: Oxford University Press, 1989; Ball S.J. The Cold War: An International History 1947–1991. London & New York, 1998; Hobsbawm E. Primer Mundo y Tercer Mundo después de la Guerra Fría. En Revista de la CEPAL. Santiago de Chile. Abril. 1999. No. 67.
36. Интересный обзор дебатов по понятиям «центр», «полупериферия», «периферия» представлен в: Babones S.J. The Country-Level Income Structure of the World-Economy // Journal of World-Systems Research. 2005. Vol. XI. No. I. Pp. 20–55.

- значительную по своим размерам периферию из разделенных на классы наций, где в соответствии с традиционной моделью одни классы производили прибавочную стоимость, а другие присваивали ее;
- небольшой центр, состоящий из присваивающих классов, т.е. предпринимателей и рабочей аристократии.

Если понятия «центр» и «периферия» не являются просто пустыми словами, то они должны обозначать части системы, которая в разделенном на классы мире не может быть не какой иной кроме классовой, и отношения между этими частями должны быть подобны отношениям между классами. В капиталистическом обществе такие отношения должны поддерживаться и воспроизводиться через перемещение прибавочной стоимости. Они не могли бы существовать, если бы классы, составляющие капиталистическое общество, были бы равномерно распределены по странам мира. Общества в развитых странах — это общества без пролетариата, состоящие почти исключительно из получателей прибавочной стоимости, будь то работодатели, землевладельцы или рабочая аристократия. Такое общество не может существовать без миллионов «доноров» во всем остальном мире³⁷.

Из этого следует, что в странах центра подлинная политическая борьба становится все менее возможной: она превращается в столкновения по поводу сугубо экономических вопросов, вполне обычных в рамках одного класса. В определенной степени это означает также, что периферийные страны уже довольно давно составляют основную и единственную область, в которой возможны изменения. Поэтому противоречия, сохраняющиеся между классами в богатых странах, становятся вторичными. Основное противоречие — определяющий фактор перемен — переносится в область международных экономических отношений.

37. Теория неравноправного обмена по существу и изучает механизмы перемещения прибавочной стоимости из мест производства в места присвоения. См.: *Emmanuel A. Op. cit.*

Такое положение вписывается в категорию «пространство—время», предложенную Валлерстайном³⁸. Базу для нее составляет множественность времен, выявленная Фернаном Броделем: эпизодического, циклического, структурного и «времени мудрецов», ставящих под сомнение обыденную человеческую уверенность в пространстве и времени, чтобы постичь всю сложность геоисторических социальных систем. Центр развивается, подчиняясь структурному измерению пространства—времени. Он историчен, встроен в исторический процесс. Напротив, периферия принадлежит конъюнктурно-идеологическому измерению пространства—времени. Его движения подчиняют и закрепляют страны в этой группе, синхронизируя циклические колебания их экономик.

В рамках этой логики существует лишь ограниченное число решений: либо капитализм лишается власти принятия решений по инвестициям, что равносильно революции, либо инвестиционные решения продолжают подчиняться логике извлечения прибыли. Господствующий класс, и только он, обладает властью определять разделение труда и распределение ресурсов общества. Эта власть также не подлежит обсуждению, как и доля продукта, изымаемая эксплуататорскими классами предшествующих способов производства. Мы можем упразднить эту власть и заменить ее другим динамическим фактором, в частности, централизованным планированием. Но мы не можем сократить ее и противостоять ей. Революционная партия может выдвигать требования, ведущие к ухудшению работы системы, ослабляющие ее и снижающие производимый в ее недрах доход. Однако снижение прибавочной стоимости ниже определенной величины ухудшит функционирование рыночной экономики, сказавшись на обществе в целом, включая и эксплуатируемый класс.

Именно здесь в анализ проникает категория пространства—времени. Проблемой Аргентины всегда была (и остается)

38. Wallerstein I. Impensar ... Pp. 149–163.

ся до сих пор) консолидация нации как исторического субъекта. Ее решение зависит от того, насколько быстро экономическая система способна проводить процесс накопления. Борьба левого движения за социализм ослабляла способность к накоплению, что сужало пространство действий для Аргентины (и ее рабочего класса) в мире, где основным является противоречие между антагонистическими типами наций³⁹. Поэтому, смешивая понятие развития с понятием социально приемлемого развития и считая, что последнее достижимо только путем радикальной трансформации общественных отношений производства, они теряли почву под ногами, сталкиваясь с упрямыми фактами реальности. Из-за этой ошибки аргентинские левые целиком и полностью зависели от сугубо идеологической картины исторического процесса страны и в силу этого вынуждены были игнорировать факт того, что экономическая теория является разделом исторического материализма⁴⁰.

-
39. По словам Мерченского, «...Таков жизненный цикл коммунистической партии в нашей стране [Аргентине]. Основанная для распространения русской революции по всему миру, она почти всегда выступала проводником влияния другой страны. Не имея национальных корней и служа интересам России, она постоянно играла в игру по британским правилам. Так или иначе, интересы Англии и России на мировой арене совпадали, тогда как интересы России и США в общем были антагонистичны» (*Merchensky M.* Op. cit. P. 229). Рассуждения Мерченского соответствуют следующей идее Валлерстайна: «Можно сказать, что в 1917 г. зародилась великая идеологическая антиномия XX века — вильсонизм против ленинизма. Я исхожу из того, что она исчезла в 1989 г., и что, кроме того, ключевой проблемой, которую обе идеологии пытались решить, была политическая интеграция периферии в мир-систему. Наконец, я полагаю, что интеграционным механизмом как для вильсонизма, так и для ленинизма выступало “национальное развитие”, а различия между ними сводились к разным пониманиям путей такого развития» (*Wallerstein I. Después...* P. 6) Валлерстайн доказывает, что вильсоновско-ленинистский консенсус сплетался из идеи самоопределения. Вытекающий из него девеломенталистский архетип господствовал на обоих геополитических полюсах короткого XX в. и разделялся практически всеми ведущими политическими лидерами и движениями на периферии и полупериферии. Смертельные раны ему были нанесены двумя событиями: мировой революцией 1968 г. и мировой экономической стагнацией в период между 1970 и 1990 гг. (*Wallerstein I. Ibid.* P. 112–114)
40. В дискуссии с Беттхайм Эммануэль настаивал, что, хотя эксплуатация одной нации другой немислима без эксплуатации человека человеком, из последнего не следует с необходимостью первого. Именно это, однако, отказывались признать аргентинские левые. Поэтому, рассуждая логически, чтобы избавиться от оков эксплуатации Аргентине следовало дожидаться исчезновения эксплуатации пролетариата (*Emmanuel A.* Op. cit. P. 367).

Все способы производства обладают определенным потенциалом для экономического развития, которое составляет их основу и, вместе с тем, определяет их исторические границы. Но в случае с капиталистическим способом производства историческое значение экономического развития несравненно выше, поскольку оно непосредственно связано с положением правящего класса. Мы можем выявить пределы конкретного способа производства, рассматривая особенности развития отдельных стран в определенные исторические периоды. Но мы совершенно точно не можем представить какой-либо способ производства как антоним развитию.

Подобно тому, что происходит в отношениях между пролетариатом и капиталистами в рамках одной страны, отношения между странами порождают и закрепляют бедность и эксплуатацию. Но если этот процесс может быть объяснен простым указанием на разделение мира на богатые и бедные страны, то вопрос о причинах такого разделения более сложен. Диалектика отношений между бедностью и эксплуатацией определяет воспроизводство этих отношений, но не их происхождение. Здесь снова следует обратиться к аналогии отношений антагонистических классов в рамках одной страны. Всякий акт получения капиталистической прибыли требует предварительного наличия капитала. А всякий акт получения заработной платы — предварительного существования пролетария — человека бедного настолько, что ему нечего предложить в пользование другим ничего, кроме пары своих рук, поэтому требуется ее выплата, предшествующая данной, притом в размере недостаточном для образования у держателя рабочих рук хоть какого-нибудь излишка. Это обеспечивается отделением рабочего от средств производства.

Если заработная плата создает бедность, а прибыль — капиталистов, и, будучи запущены, эти отношения продолжают воспроизводиться, то необходимо наличие исходного «капитала», как продукта чего-то отличного от прибыли, и первичного пролетариата, не происходящего из системы

наемного труда. У Маркса эти условия объясняются через понятие первоначального накопления, движимого прямым насилием. Соответственно, на международном уровне эту роль играет применение насилия со стороны одних стран по отношению к другим. Поскольку капитализм уже установился повсеместно, теперь существуют народы и страны, эксплуатируемые ненасильственно, — это сделали возможным предшествующие акты насилия⁴¹. Таково, в частности, положение Аргентины и Латинской Америки в целом.

Зависимость и развитие

Аргентинские левые изначально полагали, что необходимо лишь отождествить экономическое развитие с насильственными преобразованиями. Эта позиция оказалась абсолютно ошибочной в мире, в котором капитализм был и продолжает оставаться господствующим способом производства, и капиталистические страны находятся на переднем крае экономического развития.

Поскольку экономический рост выдвигается в качестве фактора, в конечном итоге определяющим социальный прогресс, вполне возможно объяснять задержки в развитии любой страны, скажем Аргентины, условиями ее включения в глобальный капитализм, приписывая провалы в социальном развитии провалам развития экономического. Однако такой логический ход сам по себе никак не обосновывает отставания в экономическом развитии.

Было время, когда можно было говорить о развитии, не сталкиваясь с проблемой определения. Во всем мире под «развитием» понималось не что иное, как рост производительных сил. В этом смысле развитие и отсталость определяются через сравнение (количественное) технических и

41. Этот процесс, например, описывается в двух работах (*Bairoch P. Las Grandes Tendencias a las Disparidades Económicas Nacionales después de la Revolución Industrial. En: Historia Económica: Nuevos Enfoques y Nuevos Problemas. Barcelona: Crítica, 1981; Bairoch P. Economics and World History: Myths and Paradoxes. London: Hemel Hempstead, 1993*). См. также: (*Baran P.A. La Economía Política del Crecimiento. México: FCE, 1975. P. 197*).

технологических потенциалов в рамках господствующего способа производства в определенный промежуток времени.

Если развитие заключается в увеличении производительных сил, а они определяются, с одной стороны, качеством (уровнем квалификации) рабочей силы, а с другой — качеством и количеством средств производства (выражаемым через единый измеритель), то тогда оно подразумевает рост как первого, так и второго. Здесь очевидна важность общественных производственных отношений в определении условий фактического появления излишка (прибавочного продукта) и его использования в целях накопления, т. е. перехода от потенциального избытка к действительному.

В дебатах среди аргентинских левых на момент публикации Рубина попытки критического рассмотрения проблемы развития фактически были отброшены, вместе с попытками анализа условий и факторов предшествующей траектории экономического развития. Очевидной и единственной причиной, объясняющей неразвитость Южной Америки с характерным для этого региона доминированием транснациональных корпораций, стало считаться их пагубное влияние, ведущее к закреплению отсталости в каждой отдельной стране и в регионе в целом⁴².

При переходе к гораздо более широкому понятию зависимости (*dependence*)⁴³ ситуация становится еще проблематичнее, поскольку каких-либо систематических усилий по четкому его определению никогда предпринималось. Все всегда начинается с объяснения того, как зависимость в случае каждой конкретной страны или их группы тормозит экономическое развитие. Неудивительно, что в этом случае

42. В случае, если степень проникновения иностранного капитала считается ключевым фактором отсталости, мы должны признать, что Канада является наиболее отсталой, а Индия — наиболее развитой страной мира, так как первая бьет все рекорды по доминированию иностранного капитала в отечественной промышленности, а в последней при проведении индустриализации ставка была сделана на национальную буржуазию, при относительно низком привлечении зарубежных инвестиций. См.: *Maddison A. La Economía Mundial. Una Perspectiva Milenaria*. Madrid. OCDE: Ediciones Mundi-Prensa, 2002.

43. См.: *Cardoso F.H., Faletto E. Dependencia y Desarrollo en America Latina*. México: Siglo XXI, 1969; *Furtado C. Desarrollo y Subdesarrollo*. Buenos Aires: EUDEBA, 1964.

нет особых стимулов к установлению причинно-следственных связей между зависимостью и отсталостью, поскольку последняя, по определению, тождественна первой. Как только этот логический шаг сделан, само развитие начинает выступать синонимом независимости. В этом случае, однако, требуется разрешить еще одну логическую проблему — включения в систему тех стран, которые являясь в существенной степени зависимыми, демонстрируют неоспоримые результаты развития производительных сил и значительные темпы роста производительности труда и ВВП. Решить ее помогает понятие «рост», как нечто совершенно отличное от «развития». В этой перспективе, например, Тайвань, Аргентина или Бразилия предстают не полностью развитыми, но, несомненно, растущими экономиками. Так разрешается «парадокс» стран, представляющихся зависимыми и в то же время демонстрирующих значительные темпы индустриализации.

Данная линия аргументации приводит к необходимости разделения иллюзорного, не имеющего под собой реальной базы роста и подлинного развития. В основе этого разделения — представление о том, что современная индустриализация периферийных экономик структурно отличается от предшествующей индустриализации экономик центра. Согласно предлагаемому объяснению, индустриализация в центре стимулировалась диффузией технологий и формированием массового рынка, всеобщим распространением потребления новых товаров, ростом реальной заработной платы. Напротив, в современных условиях «зависимые» периферийные страны проводят индустриализацию, полагаясь на потребление узкой прослойки элиты, тогда как широкие массы населения живут вне этого островка, являясь резервуаром дешевой рабочей силы для продвинутых секторов и предъявляя качественно иной потребительский спрос.

Говоря об элитном потреблении и маргинализации широких масс сегодня, мы часто забываем, что на аналогичных стадиях экономическая активность в ныне развитых странах вращалась почти исключительно вокруг прядностей,

драгоценных металлов, тканей и прочих товаров роскоши, доступных незначительной части населения. Те, кто утверждает, что отставание является чем-то действительно отличным от относительной задержки в развитии, мягко говоря, не могут предоставить убедительных аргументов в пользу этого. Кроме того, следует добавить, что понятие развития включает в себя более равномерное распределение доходов. Исходя из этого, разделение роста и развития является абсолютно бесплодным, поскольку исторические данные свидетельствуют: устойчиво высокие темпы экономического роста в длительной перспективе всегда приводили к такому выравниванию. Оно и обеспечивало расширение внутреннего рынка, которое стимулировало, в свою очередь, процесс дальнейшего роста и развития. Исходя из этого, дальнейшее развитие Аргентины за определенными пределами невозможно без существенного увеличения заработной платы и соответствующего расширения внутреннего рынка.

Издание Рубина и его редакторы

Выступая за развитие на словах, на деле аргентинские левые вплоть до 1970-х гг. не разрабатывали для этого никакой программы в духе исторического материализма. Они вели войну против иностранного капитала во имя независимости,⁴⁴ призывали к экспроприации крупных поместий для

44. Кубинский эксперимент и идеи П. Барана (*Baran P. Op. cit*) сыграли здесь значительную роль. По мнению Барана, на определенном этапе капитализм приводит к эффективному росту, но в настоящее время социализм способен лучше справиться с этой задачей. Исходя из этого, понятие роста должно было быть концептуализировано вне зависимости от общественных отношений – таким образом, чтобы обеспечить сопоставимость данных, характеризующих и капиталистическую, и социалистическую системы. Вне зависимости от происхождения отсталости Баран полагал, что структура, а также социальные и экономические характеристики отсталых стран препятствуют развитию. Отсутствие роста в них он объяснял особенностями использования излишка, а не его величиной. Излишек в этих условиях недоступен для инвестиций, поскольку доходы либо утекают в развитые страны, либо поглощаются в непроизводительных целях. Но даже если эти факторы не оказывали влияния, доходы по-прежнему не будут направляться на инвестиции, так как стимулы для них слишком слабы. В обоих случаях это выражается в установлении своего рода равновесия, характеризующегося низкими темпами роста. В отношении программы аргентинских левых, характер-

сохранения места Аргентины в международном разделении труда⁴⁵ и всячески демонстрировали бесплодный антиамериканизм⁴⁶.

Концепция «народной и длительной войны» левого крыла перонистов и других тяготеющих к ним левых групп, равно как и традиционный советский сателлитизм, представленный левыми сталинистского толка, не включали в программу действий решения проблем переходного периода: они попросту не рассматривали вопрос о накоплении капитала. Это ярко характеризует уровень политического сознания левого движения того периода.

На отмеченном разделении левого движения стоит остановиться подробнее. К середине 1970-х гг. в нем четко выделялись два основных сектора, каждый из которых, в свою очередь, дробился на фракции. Один из них был представлен последователями традиционного подхода в русле сталинизма с характерным безразличием к исторической субъектности аргентинского народа и отсутствием предложений по преодолению отставания страны в развитии⁴⁷. Другой — теми,

но, что Баран не поддерживал аграрной реформы, если она направлена только на облегчение бремени изъятий и разделения больших владений. Это может быть успешным только в контексте развития промышленности и государственной политики по содействию росту капиталистической промышленности. Объяснение отсутствия промышленного развития, которое предлагал Баран, содержало много взаимосвязанных элементов, имеющих важное значение для понимания отставания в развитии. Иностраный капитал противостоит развитию, потому что опирается на дешевую рабочую силу. Наряду с иностранным капиталом существует мощный блок национальных коммерческих интересов. Поэтому, несмотря на то, что мобилизация излишка, а не его величина имеет значение, единственный безопасный путь для развития — переход к социалистическому планированию.

45. Критический обзор программных идей, разделяемых в целом теми фракциями, на которые были разделены аргентинские левые, см.: *Frigerio R. Estatuto del Subdesarrollo*. Buenos Aires: Librería del Jurista, 1983. P. 110–116.

46. Энрике Алонсо отмечал, что «хорошие отношения, скажем, с Вашингтоном, также важны для нас как те, которые мы традиционно стремились достичь со странами Южного Америки» (*Alonso E. Notas sobre la Política Exterior Argentina // Coyuntura y Desarrollo*. 1991. No. 160, diciembre. Buenos Aires. FIDE. Pp. 32–37). Однако, по словам Алонсо, «это никоим образом не должно быть истолковано как стремление к адаптации наших собственных политических целей к доминирующей силе...» (*Ibid.* P. 33).

47. За исключением идеализированных образов социализма. Перри Андерсон замечал по поводу этой традиции: «...Марксистско-ленинская идеология в своем более или менее сталинистском облики была способна порождать в сценариях, свободных от капитализма, [образы]

кто осознавал, что без союза с рабочими, которые были преимущественно перонистами, у левых идей нет шансов на практическое воплощение.

Одну из фракций в рамках последнего сектора представляла группа интеллектуалов, исключенных из Аргентинской компартии в начале 1960-х гг. Они находились под влиянием идей Антонио Грамши и основали журнал «Прошлое и настоящее» («Pasado y Presente») ⁴⁸. Можно

общества, передового по отношению к нему. Это привело в 1960-е и 70-е гг. в рамках собственно марксизма к популярности представления о том, что производственные отношения обладают приоритетом в сравнении с производительными силами или даже определяют их. Однако аргументацию Маркса опровергнуть не так легко. В конце концов производительные силы дали о себе знать с развалом СССР: более высокая производительность экономик стран, в которых революция должна была произойти, но не случилась, разрушила те экономик, в которых она произошла» (*Anderson P. Las Ideas y la Acción Política en el Cambio Histórico. En: La Teoría Marxista Hoy. Problemas y Perspectivas. Atilio A. Boron, Javier Amadeo y Sabrina González (compiladores). Buenos Aires: CLACSO, 2006, P. 386*). Ярким примером экономической программы такого рода стала программа Национального собрания аргентинцев (*Encuentro Nacional de los Argentinos, ENA*), сети левацких групп, тяготеющих к Компартии Аргентины, которая была организована в преддверии предидентских выборов 1973 г., положивших конец восьми годам военной диктатуры. Один из исследователей отмечает «глубоко антипромышленную направленность» программы ENA и критикует отсутствие в ней цели «превращения Аргентины в ведущую промышленную державу, в которой внутренний рынок поддерживает развитие сельского хозяйства через цены и технологии». Эта программа, напротив, ставила целью «ре-аграризацию страны путем трансформации производственных отношений» (*Frigerio R. Op. cit. P. 116*). Для характеристики военных переворотов, происходивших в Аргентине с 1930 г., см.: *Potash R.A. El Ejército y la Política en la Argentina, 1928–1945. De Yrigoyen a Perón. Buenos Aires: Sudamericana, 1971; Potash R.A. El Ejército y la Política en la Argentina, 1945–1962. De Perón a Frondizi, Buenos Aires: Sudamericana, 1980; Potash R.A. El Ejército y la Política en la Argentina, 1962–1973. De la caída de Frondizi a la restauración peronista, Primera parte, 1962–1966. Buenos Aires: Sudamericana, 1994; Potash R.A. El Ejército y la Política en la Argentina, 1962–1973. De la caída de Frondizi a la restauración peronista, Segunda parte, 1966–1973. Buenos Aires: Sudamericana, 1994*. Этот анализ был доведен до 1973 г. В отношении последнего переворота, приведшего к власти кровавый военный режим 1976-83 гг., см.: *Muleiro V. 1976 - el Golpe Civil. Buenos Aires: Planeta, 2011*.

48. Исчерпывающий список группы самопровозглашенных «аргентинских грамшианцев» (термин José Aricó) группировавшихся вокруг журнала «Pasado y Presente», представлен в: *Burgos R. Los Gramscianos Argentinos. Cultura y Política en la Experiencia de Pasado y Presente. Buenos Aires: Siglo XXI, 2004*. Первый выпуск этого издания вышел в 1963 г. под редакцией Oscar del Barco и Aníbal Arcondó. В 1964 г. José Aricó, Carlos Assadourian, Francisco Delich, Carlos R. Giordano, César Guíñazú, Samuel Kieczkovsky, Juan Carlos Portantiero, Luis J. Prieto, Héctor Schmucler, Juan Carlos Torre присоединились к участию в журнале. До 1965 г. всего было издано 9 выпусков. Издание возобновилось в 1973 г. — всего на один год. В 1968 г. начался выпуск серии «Cuadernos de Pasado y Presente», в которой было опубликовано 98 работ марксистских авторов, практически неизвестных испаноязычным левым того времени. Среди них был и И. Рубин.

с уверенностью сказать, что это издание играло ключевую роль в попытке возрождения теории и культуры марксизма в Аргентине⁴⁹.

1970-е гг. были ознаменованы выбором несталинистского сектора аргентинских левых в пользу вооруженной борьбы⁵⁰. Представления же об экономических вопросах находились под влиянием концепции зависимости и базировались на идее приоритета производственных отношений над производительными силами. Несоответствие между представлениями о реальности и самой реальностью сказывалось на подходе наиболее проникательных интеллектуалов, включая и редакторов «Cuadernos de Pasado y Presente». Яркой иллюстрацией этому стало предисловие Арико к изданию рубинских «Очерков...», которое он озаглавил как «Предупреждение»⁵¹. Для него пример Рубина и представителей его школы, преследовавшихся и умолкнувших в сталинских лагерях с навешанным ярлыком «меньшевистствующего идеализма», представляет значимый эпизод интеллектуальной оппозиции оформлению в 1920-х гг. «советского

49. Название журнала отсылало к шестой из «Тюремных тетрадей» (Quaderni del carcere), впервые опубликованной в Италии в 1951 г. как раз под таким названием.

50. По истории феномена герильи в Аргентине см.: *Anguita E., Caparros M.* La Voluntad. Buenos Aires: Planeta, 2006; *Gillespie R.* Soldados de Perón. Historia Crítica Sobre Montoneros. Buenos Aires: Sudamericana, 2008. Его описания, однако, часто не учитывают последствий того, что Валлерстайн назвал «Мировой революцией 1968 г.» Согласно Валлерстайну, «до 1968 г. идеология, которую можно обозначить как центристский либерализм доминировала в интеллектуальной, политической и экономической сферах по всему миру на протяжении целого века и даже больше. Эта идеология маргинализовала как консервативные, так и радикальные доктрины, превращая их в аватары центристского либерализма. После 1968 г. предположение о единственно правильном взгляде на мир – исходящем из центристского либерализма – было разбито вдребезги, и мы вернулись к трем равно возможным идеологическим подходам: подлинному радикализму, подлинному консерватизму и центристскому либерализму. Последний, конечно, сохранился, но теперь он выступает лишь одним из трех возможных подходов» (цит. по: *Schouten P.* 'Theory Talk No. 13: Immanuel Wallerstein on World-Systems, the Imminent End of Capitalism and Unifying Social Science', Theory Talks. 2008. P. 3. <http://www.theorytalks.org/2008/08/theory-talk-13.html> (04-08-2008)).

51. Согласно Орасио Креспо (*Crespo H.* Celebración del Pensamiento de José Aricó. Ponencia presentada en el "Seminario de Historia Intelectual" en el Colegio de México, 2002. P. 94), хотя предисловие подписано «Pasado y Presente», его авторство принадлежит Арико.

диалектического материализма», пусть и оставшийся менее известным по сравнению с примерами Лукача и Корша⁵².

Арико настаивал на необходимости прочтения «Очерков» в общем контексте экономических дискуссий 1920-х гг. и в свете того факта, что конечной их целью (при описании участников которых в ретроспективе термины «волютаристы» и «детерминисты» оказываются более емкими, чем тогдашние ярлыки «левые» и «правые») было создание модели экономического роста на базе форсированной индустриализации, которая позволила бы достичь «наивысшей производительности» в глобальном соревновании с капиталистической системой⁵³.

Арико довольно недвусмысленно выражал то, что «форсированная индустриализация» стала едва ли не символом веры аргентинского левого движения. При этом идеологический крен в сторону фундаментальной роли производственных

52. *Rubin I.I.* Op. cit. P. 5. С этого времени имя Рубина традиционно выступает для аргентинских левых символом антисталинизма. Так, современный аргентинский философ-марксист Нестор Коган (*Néstor Kohan*) посвятил свою работу о связи идей Грамши и Маркса «памяти Исаака Ильича Рубина и Давида Рязанова, уничтоженных в период сталинизма за то, что они поддерживали пламя диалектики и нещадно критиковали фетишизм». На некоторых курсах по экономической философии Университета Буэнос-Айреса в список работ, предназначенных для чтения, включены студентские переводы текстов Рубина по истории экономической мысли. Они же входят в список обязательной библиографии для собеседования в области международных отношений. В обоих случаях эти тексты представляются как объект сталинских преследований. В современной Аргентине экономисты Кисильоф и Староста, представляя критический обзор рубинских «Очерков...» (на нем мы остановимся ниже), считают необходимым отметить: «все это, разумеется, не означает, что мы представляем Рубина сталинистом. И все же убийство Рубина в эпоху Сталина не свидетельствует с необходимостью о критической и революционной природе его трудов. Это выступает свидетельством степени идеологического и физического насилия, проявленного централизованным процессом накопления капитала как государственной собственности в условиях его первоначального накопления и необходимости обеспечения расширенного воспроизводства. Даже расплывчатость формулировок Рубина оказалась недостаточной, чтобы избежать сталинских репрессий, и он, несомненно, расплатился за это своей жизнью [...] Принималось лишь полное и догматическое соответствие каждой букве сталинской кодификации марксизма в качестве государственной идеологии. В такие жестокие формы с необходимостью облекался тот абсолютно централизованный процесс накопления!» (*Kicillof A., Starosta G. On Materiality and Social Form: A Political Critique of Rubin's Value-Form Theory // Historical Materialism. 2007. Vol. 15. P. 40. ; footnote No. 97*) (Один из этих авторов, Аксель Кисильоф, в 2013–2015 гг. занимал пост министра экономики и финансов Аргентины. — *Примеч. науч. ред.*)

53. *Rubin I.I.* Op. cit. P. 6.

отношений искажал перспективу движения к индустриализации. Скованные теорией зависимости с ее подспудным ленинизмом и концепцией П. Барана о неважности абсолютного размера излишка, аргентинские левые в целом, включая и тех из них, кто отстаивал идеи Грамши, подняли флаг борьбы с транснациональным капиталом. Без его участия, однако, всякое движение в сторону «форсированной индустриализации» было бы обречено. Они, таким образом, в силу собственной идеологической зашоренности выбирали такие средства для движения к поставленной цели, которые делали ее недостижимой⁵⁴. Как будто этого было недостаточно, они вдобавок либо не ставили под сомнение место Аргентины в международном разделении труда, либо принимали его за данность⁵⁵.

-
54. В отношении «идеологии» полезно напомнить следующую мысль: «В рамках марксистской традиции есть два классических понимания идеологии. Часто, но не всегда, они были представлены как дополняющие друг друга. В рамках первого под идеологией понимался уровень обобщения социального целого, в рамках второго — ложное сознание. Оба они были дискредитированы в результате кризиса, в который были ввергнуты их фундаментальные принципы. Может показаться, поэтому, что сам подход, в котором первоначально понятие идеологии обрело смысл, утратил свое значение — а вместе с этим потеряло смысл и понятие. Но я не считаю это подходящим решением [...]. Как представляется, можно продолжать опираться на это понятие, при условии, что мы перевернем его традиционное содержание. Идеология тогда будет обозначать не ложную репрезентацию позитивной сущности, а ровно наоборот: непризнание сомнительного характера всяких позитивных форм... Идеология тогда станет обозначать те дискурсивные формы, посредством которых общество стремится конституировать себя однозначными и жесткими значениями, отмечающими всякую возможность бесконечной игры оттенков смысла. Идеология тогда станет выражением стремления к тотальности “тотализирующего” дискурса» (*Laclau E. Nuevas Reflexiones sobre la Revolución de Nuestro Tiempo. Buenos Aires: Nueva Visión, 2000. Pp. 103–106. (Aparecido originalmente como “The Impossibility of Society” en el Canadian Journal of Political and Social Theory. 1983. Vol. 7. No. 1 y 2).*
55. В высшей степени иронично то, что левые перонисты, наряду с представителями иных симпатизирующих движений, поддерживали Хосе Бер Гельбарда (José Ber Gelbard), выходца из Польши, прибывшего в Аргентину в раннем возрасте и ставшего министром экономики при Пероне. Гельбард был бизнесменом и убежденным сторонником Коммунистической партии Аргентины. Как таковой он выражал интересы Москвы, желавшей закрепить Аргентину в роли поставщика сельскохозяйственной продукции в системе международного разделения труда (следует заметить, что такая реконструкция советской политики в отношении Аргентины представляется чересчур однозначной и беспешеляционной. — *Примеч. науч. ред.*). И в то же время они присоединились к критике Че Геварой «советского социалистического империализма». Более полная информация по Гельбарду представлена в: *Bonasso M. El Presidente que no Fue. Buenos Aires: Planeta, 1997; Seoane M. El Burgués Maldito. Biografía de José Ber Gelbard. Buenos Aires. Editorial Planeta, 1998; Gilbert I. Op. cit.*

Что касается международного разделения труда, то важно отметить, что хотя некоторые специализации в его рамках более выгодны, чем другие, понятие «конкурентные преимущества» является слишком размытым для их корректного выявления. Эту функцию выполняют только два критерия, которые не зависят от кратковременных колебаний цен и спроса, вызываемых циклическими движениями: отношения капитала к труду и квалифицированного труда к неквалифицированному. Оба они относятся к производительному сектору и характеризуют его с учетом капиталоемкости или трудоемкости отдельных отраслей и производств, а также пропорции относительно более высокооплачиваемого труда специалистов к менее оплачиваемому.

При прочих равных частный инвестор, движимый исключительно стремлением к максимизации прибыли, выбирает в каждой стране те направления для вложений, которые абсорбируют наибольшее количество наиболее дешевого фактора производства. Этой же логики он придерживается внутри каждой отрасли, отбирая методы производства, использующие данный фактор наиболее интенсивным образом. В странах с низкооплачиваемой рабочей силой инвестор будет отбирать наиболее трудоемкие отрасли и методы производства. Из них приоритетом будут обладать те, в которых отношение квалифицированного труда к неквалифицированному является наименьшим (поскольку, в частности, уровень оплаты квалифицированной рабочей силы по всему миру отличается несущественно). В этом сценарии низкооплачиваемые работники будут вытеснять квалифицированных специалистов и технологии из отсталых стран, тогда как машины и инженеры будут замещать высокооплачиваемых рабочих в развитых. Этот механизм замещения факторов, движимый рыночными мотивами, является наиболее значимым элементом, блокирующим развитие периферии и ускоряющим рост в индустриально развитых демократиях.

Рассуждения аргентинских левых о роли транснациональных корпораций наталкивались на реальность, опреде-

ляемую не только положением страны в международном разделении труда, но и тем, что основная проблема капитализма не в производстве, а в реализации. Именно поэтому капиталы перемещаются в страны с высоким уровнем дохода, оставляя страны с низким уровнем оплаты труда беззащитными. И это относится как к потокам иностранного капитала, так и к ограниченному излишку, генерируемому на локальном уровне. Без возможности нахождения привлекательных инвестиционных возможностей на рынках, ограниченных низким уровнем оплаты труда, последний идет либо на потребление товаров роскоши, либо перемещается за рубеж, формируя движение капитала, направленное из бедных стран в богатые⁵⁶.

Диктатура, установившаяся в 1976 г., обратила практические ошибки левого движения в свою пользу. Эти ошибки вытекали как из теоретических заблуждений, отмеченных выше, так и из идеализированного видения опыта кубинской и китайской революций⁵⁷.

56. Указание на такое движение капитала не является исключительной прерогативой левых исследователей. Такой убежденный неоклассик как Jeffrey Frankel констатирует парадокс: «Страны с более низким уровнем дохода обычно имеют и более низкое соотношение капитал/труд», тогда как «из неоклассической модели при наличии однородных производственных функций следует, что они обеспечивают более высокую отдачу на капитал, что, при условии преград мобильности капиталов, должно было бы способствовать притоку в них капиталов. Однако капиталы перемещаются от богатых стран к бедным так же часто, как и в обратном направлении». Затем он обращается к весьма ценимой в рамках неоклассического направления гипотезе: «Общим консенсусным ответом на этот парадокс является то, что низкое качество институтов во многих развивающихся странах препятствует потенциальным инвесторам воспользоваться той высокой ожидаемой отдачей, которую низкое соотношение капитал/труд предполагает в теории» (*Frankel J.A. Monetary Policy in Emerging Markets: A Survey. 2010. NBER Working Paper No. 16125. June. P. 37*). Эта гипотеза недавно была детально разработана и представлена в работе: *Acemoğlu D., Robinson J.A. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty. Profile, 2011*). В отношении последней Sergio Cesaratto (*Cesaratto S. The Surplus Approach and Institutions: Diamond vs. Acemoglu & Robinson. 2012. Disponible en: <http://nakedkeynesianism.blogspot.de/2012/08/the-surplus-approach-and-institutions.html>*) представил критический анализ, выявляющий те присущие ей недостатки, которые фактически делают ее неприменимой.

57. В особенности это относится к опыту «культурной революции» в Китае, который с вниманием отслеживался всеми группами аргентинского левого движения, поскольку обещал переход в другой мир без сложностей, связанных с западными технологиями. Аргументированное описание того тупика, в который завела «культурная революция», представлен в *MacFarquhar R. The Origins of the Cultural Revolution. New York: Columbia*

С учетом всего этого рубинский подход был полезен для Арико. В «Предупреждении» — предисловии к изданию «Очерков...» — он писал: «В конечном итоге как левые, так и правые сделали выбор в пользу «продуктивизма» — выбор, представляющий две стороны одной медали. Именно с учетом этого выбора подход Рубина проявляется во всей своей оригинальности. Его отказ рассматривать экономику на основе модели «социальной инженерии», базирующейся на продуктивистских основаниях, открывает выход из сложившихся теоретических тенет. Мы сталкиваемся с «использованием» овещствления и фетишизма в пространстве конкретного социально-экономического выбора, тогда как именно эти понятия получили надлежащую оценку в условиях того возрождения «философского» интереса к ним в «западном» марксизме, которое проливает новый свет на дебаты как прошлого, так и настоящего»⁵⁸.

Сам Арико, видимо, был склонен связывать «конкретный социально-экономический выбор» с понятием потребительной стоимости, возвращение к которому позволило бы обозначить направление социальной трансформации. Отброшенное самим Марксом понятие было подобрано одним из самых блестящих левых интеллектуалов Аргентины. Во всяком случае, в «Предупреждении» Арико отмечал, что «Рубин написал в 1930 г. «Учение Маркса о производстве и потреблении»⁵⁹ — работу, которая недоступна для исследователей даже сегодня и которая имеет исключительное значение, будучи единственным указанием на важность понятия потребительной стоимости в критическом анализе марксистской политической экономии»⁶⁰.

University Press, 1974; MacFarquhar R. The Origins of the Cultural Revolution. Vol. 2. The Great Leap Forward, 1958–1960. London: Oxford University Press; New York: Columbia University Press, 1983; MacFarquhar R. The Origins of the Cultural Revolution. Vol. 3: The Coming of the Cataclysm, 1961–1966. Oxford: Oxford University Press, 1997.

58. Rubin I.I. Op. cit. P. 6.

59. Рубин И.И. Учение Маркса о производстве и потреблении. М.: Гос. изд., 1930 (Примеч. науч. ред.).

60. Rubin I.I. Op. cit. P. 5.

Спустя много лет после публикации Рубина в Аргентине, два левых экономиста вновь обратились к критическому разбору «Очерков» (и устоявшейся традиции их восприятия), выявив там фундаментальное противоречие. Говоря кратко, центральным для выбранной Рубиным перспективы анализа, сфокусированной на процессе обращения, является аргумент, что абстрактный труд и стоимость могут быть воплощены в реальность только через обмен продуктов на деньги. Именно эта линия аргументации была воспринята в большинстве современных прочтений труда Рубина, также исходящих из этой перспективы. Однако, «[...] рубинская интерпретация теории стоимости Маркса является более многозначной и, в действительности, была неверно воспринята многими из его позднейших последователей. На самом деле [...] можно указать немало мест, где сам Рубин склонен не соглашаться с аргументацией, сфокусированной на процессе обращения»⁶¹.

Соглашаясь с одним из исследователей (M. Mavroudeas) в наличии «Рубина, ориентированного более на процесс производства», они продолжают далее: «Мы не считаем, что «Очерки...» могут быть прочитаны исключительно на основе одной из этих линий аргументации. Напротив, мы покажем, что обе они возможны... Отрывки, упор в которых делается на сторону обращения, с немалыми трениями сосуществуют с многочисленными местами, в которых преобладающей представляется противоположная перспектива»⁶². Более того, согласно авторам, данное противоречие не отражает более общий теоретический недостаток работы Рубина: проблематичную концептуализацию внутренней связи между материальным миром и социальной формой, которая выражается в формалистическом подходе к пониманию формы стоимости. Авторы показывают также, что выявленные противоречия отражают политический и исторический контекст создания «Очерков», отмеченный борьбой и столкновением разных

61. Kicillof A., Starosta G. Op. cit. P. 10.

62. Ibid. Pp. 10–11.

подходов в условиях, когда марксизм превращался в государственную идеологию⁶³.

Авторы следуют путем переоценки главного труда Маркса посредством выявления конфликтов в интерпретации теории стоимости, предложенной Рубиным. Такой подход продолжает дебаты, начавшиеся в 1970-е гг. как реакция на преобладавшее значительную часть XX столетия прочтение Маркса глазами рикардianцев и(или) левых кейнсианцев. В их отношении они замечают, что, с одной стороны, «непосредственное политическое значение дебатов по теории стоимости совершенно четко осознавалось теми, кто принимал участие на этой ранней стадии их возобновления». С другой же стороны, «неспособность многих участников к установлению ясной и четкой связи с конкретными методами политического действия рабочего класса породила представление об отвлеченно-схоластическом характере дебатов, сделав их irrelevantными для тех, кто не относился к академической среде»⁶⁴.

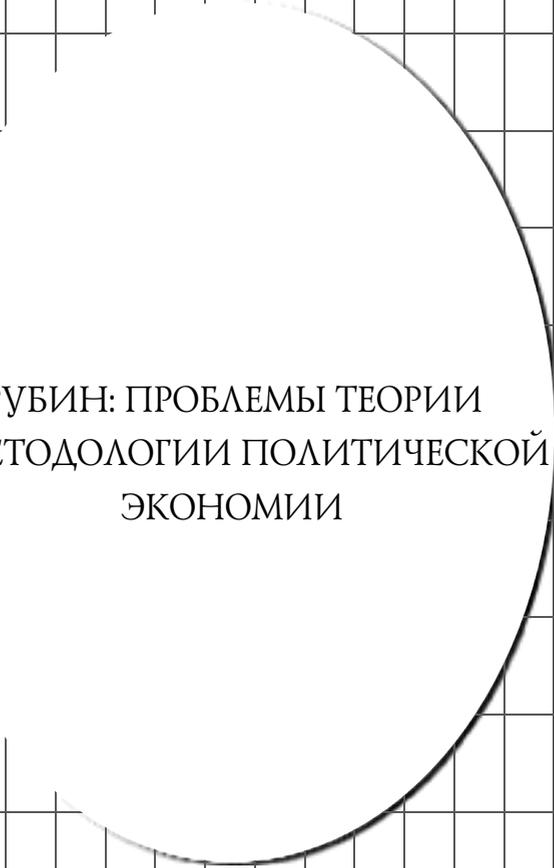
Изучение «Очерков», направленное на установление связи между анализом теории стоимости и «конкретными методами политического действия», привело Кисильофа и Старосту к следующему утверждению: «Осознание рабочим классом своей исторической задачи коммунистического уничтожения капитала подразумевает осознание капитала в его целостности, как единства материального и социального начал. Или, иначе говоря, как особой социальной формы, в которой разворачивается его материальная специфика. Именно это внутреннее единство ускользает из рубинской теории производящего стоимость труда»⁶⁵.

63. Так, они подчеркивают: «[Мы намерены] бросить свет на “темную сторону” работы Рубина, которая почти не отмечается в литературе, посвященной его наследию.. Мы имеем в виду последствия практического воплощения его формалистического подхода. В частности, мы покажем, что, принимая во внимание исторический и политический контекст создания, его подход был не так радикален, как это часто представляют. Критика, поэтому, необходима, чтобы избежать не критического восприятия и последующего воспроизводства присущих [подходу Рубина] недостатков» (Ibid. P. 11).

64. Ibid. P. 10.

65. Ibid. P. 42.

Но именно этот «недостаток» и привлекал в Рубине левых грамшианцев, которые справедливо считали, что без привлечения на свою сторону рабочих-перонистов любая попытка общественных преобразований будет обречена. Они заблуждались, однако, в своем понимании задач и перспектив процесса капиталистического накопления в Аргентине. Дилемма, стоявшая перед экономикой стран, проходила не по линии капитализм против социализма, а по линии — отсталый капитализм против развитого капитализма. Их заблуждения были не случайны, а проистекали из самого подхода, в котором не было места для анализа мира как он есть. В силу этого пространство для маневра и мобилизации большинства на национальной арене с целью обеспечения социальных изменений сужалось вплоть до исчезновения. А вместе с тем не оставалось и места для экономической теории в практике исторического материализма в Аргентине. Это касалось аргентинских левых вообще, но более всего затрагивало их грамшианское крыло. Наследие Рубина занимает в Аргентине ровно то место, которое оно должно было занять в таких условиях. Вклад «Очерков» определяется не достоинствами их теоретической конструкции, а ее ограничениями.

РУБИН: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И МЕТОДОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ

М.И. Воейков*

И.И. РУБИН И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Штрихи интеллектуальной биографии: стиль

Кто-то удачно сказал: человек — это прежде всего стиль. Действительно, чтобы понять человека, надо понять его стиль. Стиль ученого — это, прежде всего, стиль его книг и статей, его письменной речи, манера собирания материала и его подачи. Во всех этих смыслах Исаак Ильич Рубин, несомненно, обладал своеобразным стилем, который резко выделял его из массы марксистских теоретиков 1920-х гг. в России. На фоне боевых революционных деятелей Рубин отличался высокой диалектической культурой мысли, громадными знаниями, утонченным категориальным аппаратом, умением глубоко анализировать книжные тексты и, видимо, пристрастием к такому занятию. Можно сказать, что Рубин в первую очередь был книжным интеллектуалом.

Исаак Ильич Рубин (1886–1937) — выдающийся отечественный экономист-теоретик, работы которого послужили предметом острых политэкономических дискуссий среди советских экономистов 1920-х гг. и оказали громадное влияние на последующее исследование методологических проблем советской политической экономии. К сожалению, критика Рубина в советский период была очень предвзятой и односторонней, что сказалось в недооценке его как крупнейшего советского политэконома. Обсуждая сегодня судьбу

* Д.э.н., профессор, ИЭ РАН.

политической экономии как науки, думается, будет весьма полезно заново проанализировать вклад Рубина в ее развитие в нашей стране.

Рубин родился в Двинске в состоятельной еврейской семье. В 1910 г. закончил юридический факультет Петербургского университета и некоторое время работал юристом. В 1904 г. стал социал-демократом, членом партии «Бунд» и в последующем принимал активное участие в деятельности меньшевиков. С 1919 г. преподавал политическую экономию в различных вузах Москвы, привлекался к переводу и комментированию сочинений К. Маркса, трудов западноевропейских экономистов. С начала 1920-х гг. стал одним из ведущих теоретиков политической экономии и истории экономических учений. После выхода в 1923 г. первого издания книги «Очерки по теории стоимости Маркса» стал непревзойденным авторитетом в области методологических проблем политической экономии. Однако, с 1921 г. Рубина в связи с его активной деятельностью как меньшевика периодически арестовывали, ссылают — и так вплоть до расстрела в 1937 г.¹ В связи с нарастанием репрессий по отношению к Рубину усиливалась в научной печати и его критика, которая с начала 1930-х гг. переросла в политические обвинения. Тем не менее усиливалось влияние работ Рубина, которое можно заметить и в политэкономических исследованиях советских экономистов даже в 1960-е и 1970-е гг. Итак, рассмотрим, что же такого сделал Рубин для отечественной политической экономии.

В первую очередь поражает бесподобная его эрудиция. Видимо, он много читал, глубоко понимал прочитанное и хорошо запоминал нужное. Вот пример. Мы часто встречаем в разнообразных текстах французскую фразу: «Laissez faire et laissez passer». Но только у Рубина я прочитал, что впервые ее часто употреблял физиократ маркиз Д' Аржансон (1694–1757): «Не вмешивайтесь (Laissez faire) — таков должен быть

1. Васина Л.А., Рокитянский Я.Г. Страницы жизни и творчества экономиста И.И. Рубина // Вестник Российской академии наук. 1992. № 8.

девиз каждой публичной власти». И далее Рубин пишет, что впоследствии «вероятно Гурнэ» дополнил ее словами «et laissez passer» (История. С. 90)². Примеров такого рода можно приводить много. Даже поражаешься, как человек, никогда не выезжавший за пределы России, не стажировавшийся и не бывая в европейских университетах, не общаясь с европейскими учеными, накопил такие колоссальные знания из области экономической теории, такое глубокое понимание экономических текстов и реальных процессов. Таков Исаак Ильич Рубин. Правда, у него были хорошие учителя и коллеги и, видимо, главное, — Серебряный век и русская революция.

Но при всем при этом в стиле Рубина можно обнаружить и, так сказать, шероховатости. Иными словами, глубина его мысли не всегда находила адекватное литературное выражение. Один из редакторов перевода работ Рубина на немецкий язык квалифицировал его текст как «утомляющий, странный, беспомощно-ученический и сверх того слишком академичный»³. С такими ощущениями немецкого редактора в общем и целом согласиться можно, ибо читать тексты Рубина не самое легкое занятие. Любопытно, как сам Рубин характеризует литературный стиль Д. Рикардо: «Вместо живых, увлекательных описаний Смита читателя ждет отвлеченное и сухое изложение, трудность которого усиливается тем, что читатель ни на минуту не должен упустить из виду множество предпосылок, явно или молчаливо предполагаемых автором» (История. С. 228). Во многом это свойственно литературному стилю и самого Рубина. Все время приходится «не упускать из виду» множество нечеткостей, недоговоренностей и то, что подразумевается, но не говорится. Трудно сказать, делалось ли это Рубиным сознательно, в целях избежания лишних придиорок и обвинений, или же таков был его стиль. Скорее последнее, ибо

2. Здесь и далее ссылка на издание: Рубин И.И. История экономической мысли. 3-е изд. М.-Л.: Госиздат, 1929.

3. См.: Rubin J.J., Bessonow S.A. Dialektik der Kategorien: Debatte in der UdSSR (1927-29). Westberlin: VSA, 1975. S. 137.

сознательное усложнение текста практиковали некоторые советские политэкономы значительно позднее, имея опыт разнузданной критики 1930-х и последующих годов. Однако же, чтение текстов Рубина очень полезно. Не зря его переводили и переводят на иностранные языки. Но темные места в текстах Рубина встречаются.

Многие критики Рубина цеплялись за такие трудные места и фразы, преувеличивали их значение и составляли себе известный капитал на этих недоговоренностях, неточностях, противоречивости. Таких примеров не очень много, но они есть. Так, в полемике с С.А. Бессоновым Рубин пишет: «Капитал должен быть представлен в какой-нибудь вещи, должен быть прикреплен либо к деньгам (денежный капитал), либо к готовым товарам (товарный капитал), либо к элементам производственного процесса (производительный капитал)». И тут же: «Совершенно нелепо приписываемое нам критиком мнение, что деньги сами по себе составляют капитал» (Очерки. С. 343–344)⁴. Здесь неточность двоякого рода. Деньги – это не вещь, а символ, или, лучше сказать словами самого Рубина, социальная форма особого экономического отношения. Далее, «деньги сами по себе» – это металл или бумага. Эти материальные носители денег становятся деньгами, когда выражают (отражают) определенные экономические отношения, тогда деньги становятся капиталом и «сами по себе». Критик С. Бессонов придрался к Рубину исключительно по литературному поводу, из-за нечетко сказанной фразы. Но Рубин вместо спокойного и обстоятельного разъяснения стал, что называется, выкручиваться и допустил еще большую путаницу.

Или вот в другом месте Рубин пишет, что «под обменом труда здесь понимается процесс социального уравнивания, а не рыночного приравнивания» (История. С. 178). Но ведь это же одно и то же. Рыночное приравнивание индивидуального труда и есть в то же самое время процесс его социального

4. Здесь и далее ссылка на издание: *Рубин И.И.* Очерки по теории стоимости Маркса. 4-е изд. М.-Л.: Госиздат, 1929.

уравнения, превращение индивидуального труда в общественный. Зачем Рубин отмечает «а не» — непонятно. Такие места в текстах Рубина есть. Это надо признать честно.

Но есть и другое. Есть поразительные по глубине и отточенности фразы и положения, которые выражают самую глубинную сущность исследуемых Рубиным явлений и категорий. В одной рецензии он пишет: «Учение Маркса, как всякая абстрактная теория, ставящая себе целью не простое описание, а причинное объяснение явлений, представляет собою... логическое обобщение действительности»⁵. Здесь обращает на себя внимание то, что Рубин трактует марксизм не как революционное учение, а как «логическое обобщение действительности», да к тому же как «абстрактную теорию». Должен сказать, что эти формулировки очень правильные и точные. Это, конечно, не значит, что у марксизма нет второй, революционной стороны. Но главное и основное в учении Маркса — это объяснение или, скажем словами Рубина, «логическое обобщение» капиталистической действительности. В этом и состоит научное значение теории марксизма. Также, кстати говоря, трактовали марксизм Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве, М. Туган-Барановский и многие другие ученые, в том числе, или прежде всего, немецкие катедер-социалисты Л. Brentano, Р. Гильфердинг, В. Зомбарт, Г. Шмоллер и др. А вот у советских экономистов такую трактовку марксизма встретить было почти невозможно.

Кроме того, Рубин не боялся отмечать противоречия и несогласованности в текстах Маркса, в частности в «Капитале». В конце своих «Очерков» он пишет, что «мы отнюдь не отрицаем того, что и в 17-й главе III тома и особенно в 6-й главе II тома встречаются несогласованные места, терминологическая неясность и отдельные противоречия» (Очерки. С. 234). Интересно, что через 80 лет А.Д. Некипелов высказал ту же самую мысль, правда, с изысканной вежливостью: «У меня есть такое подозрение (я, конечно, нисколько на

5. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса / Под ред. Д. Рязанова. Кн. IV. М.-Л.: Госиздат, 1929. С. 487.

этом не настаиваю и убежден, что это может рассматриваться как чистой воды спекуляция), что Маркс не закончил 3 том и не опубликовал его потому, что чувствовал большое количество противоречий, которые там есть, и не мог вырваться из них. Может, я не прав»⁶. Но все же первым был Рубин, который в самый разгар становления сталинизма не побоялся критически, т.е. научно, отнестись к некоторым текстам Маркса. За это вскоре и поплатился, но, конечно, не только за это.

Некоторые советские экономисты, наоборот, смачно и развязно ругали такой подход к марксизму. Так, например, А.И. Пашков, прочитав статью Р. Гильфердинга «Историческая подготовка политической экономии Маркса», которая, кстати, была опубликована в одном сборнике 1924 г. под редакцией Рубина, пишет: «Гильфердинг совершенно выхолощивает революционную сущность, материалистическую диалектику из учения Маркса»⁷. А вот и про Рубина: «Другой лакей буржуазии — И. Рубин — призывает в свою очередь марксистов благодарить Штольцмана, Шпанна, Петри, ныне якобы развивающих и углубляющих дальше научную политэкономию и метод Маркса». И дальше: «Рубинская меньшевистская «критика» буржуазной политической экономии протаскивалась у нас и в работах некоторых наших экономистов, не усвоивших марксизма—ленинизма»⁸. Вот и я, видно, не усвоил «марксизма—ленинизма», ибо мне больше нравятся формулировки Рубина, чем развязный тон Пашкова.

Рубин действительно был идейным меньшевиком, даже членом ЦК меньшевистской партии в последний ее период, и теоретически наследовал не только Маркса, но и немецких катедер-социалистов, прежде всего Р. Гильфердинга⁹ и, как

6. Некителов А.Д. О противоречиях марксовой теории стоимости // Экономическая теория марксизма и современность / Под ред. В.А. Медведева. М.: ИЭ РАН, 2009. С. 250–251.

7. Пашков А.И. Вопросы экономической науки. М.: Наука, 1973. С. 46.

8. Там же. С. 48.

9. «Только после работ Гильфердинга, — замечает Рубин, — стало намечаться правильное понимание социологического характера теории стоимости Маркса» (Очерки. С. 56).

это не покажется на первый взгляд странным, также некоторые положения Розы Люксембург.¹⁰ Интересно, что могло бы их объединять? И, тем не менее, или в соответствии с этим он полагал, что капитализм имеет не только «исторически-преходящий», но и «исторически-необходимый» характер (История. С. 323).

Товарный фетишизм и форма стоимости

Книга «Очерки по теории стоимости Маркса» уже давно заняла одно из выдающихся мест в истории политической экономии. Несмотря на то, что на эту тему писали многие, только Рубину удалось осуществить очень глубокий и даже виртуозный, во всех смыслах блестящий анализ стоимостных и вещных отношений буржуазного общества. Только через несколько десятилетий социальная мысль достигла такого же уровня в анализе.

Рубин начинает свою знаменитую книгу с раздела «Теория товарного фетишизма Маркса» и здесь он в частности пишет: «Теория фетишизма представляет собой основу всей экономической системы Маркса и в частности его теории стоимости». В чем же состоит эта теория Маркса? «В том, что Маркс увидел под отношениями вещей отношения людей, в том, что он вскрыл иллюзию человеческого сознания, порождаемую товарным хозяйством и приписывающую вещам свойства, которые вытекают в действительности из общественных отношений людей в процессе производства» (Очерки. С. 9). И дальше: «В товарном хозяйстве общественные производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму и не могут проявляться иначе, как через посредство вещей». И, наконец: «Теория товарного фетишизма превращается в общую теорию про-

10. Так, Рубин называет своих теоретических авторитетов в такой последовательности: Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин, Гильфердинг, Люксембург (*Рубин И.* Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса // Под знаменем марксизма. 1929. № 4. С. 86). См. также: *Рубин И.И.* Очерки по теории стоимости Маркса. С. 310, 333, 362.

изводственных отношений товарного хозяйства, в пропедевтику политической экономии» (Очерки. С. 10), а сама политическая экономия «как наука о товарном хозяйстве имеет дело с вещными категориями» (там же. С. 45).

В первом томе «Капитала» К. Маркса в первой главе есть превосходный 4-й параграф «Товарный фетишизм и его тайна», где речь идет о фетишизации, обожествлении товаров и товарного мира. В советское время некоторые глубокие философы выделяли этот параграф и придавали ему исключительно важное значение. Но в то время на студенчество этот параграф не производил сильного впечатления, ибо советская жизнь, а жизнь студентов тем более, была далека от фетишизации именно товарного мира. В советской экономике и в советской жизни товар не был господствующей категорией. Нам казался товарный мир подорванным, гниющим и уходящим. Правда, и в реальности товаров было не много. Но сейчас этот гниющий товарный мир пришел, все заполнил и поглотил. И в настоящее время этот 4-й параграф первой главы «Капитала» оказался чрезвычайно актуальным. Сегодня, пишет Ж. Бодрийяр, «фетишизм товара, фетишизм денег: то, что у Маркса является описанием повседневной идеологии капиталистического общества... — этот фетишизм стал лакомым кусочком современного анализа»¹¹. Однако, привлекательность этой категории одним из первых заметил Рубин.

Так что же такого интересного написал Маркс в 4-м параграфе? Вот его текст: «Стол остается деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле всеми своими четырьмя ножками, но становится пред лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать... Сле-

11. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М: Библион, 2004. С. 94.

довательно, таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы». ¹² Иными словами, люди оценивают других людей и отношения между людьми, т. е. человеческие отношения, через товары, вещи. Чем у человека больше вещей, тем он лучше, значительнее. О нем пишут в газетах, показывают по телевидению, говорят и стараются быть в курсе даже его личной жизни. Товарный мир, вещи определяют качество человека и качество человеческих отношений. Соответственно, экономическая наука все больше и больше начинает изучать отношения не между людьми, а между вещами (функциональные связи), где люди низводятся к передаточному механизму в процессе обмена вещей. Современная западная экономическая теория даже самого человека готова рассматривать как вещь, например, в теории человеческого капитала.

Итак, почему придается такое великое значение теории фетишизма? Рубин отвечает так: «Взаимодействие и взаимовлияние трудовой деятельности отдельных товаропроизводителей происходит исключительно через вещи, продукты их труда, поступающие на рынок» (Очерки. С. 12). «Трудовая деятельность одного члена общества может воздействовать на трудовую деятельность другого только через посредство вещи». Таким образом, «Производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму» (Очерки. С. 13). И еще важный момент: «Движение цен вещей на рынке — не только отражение производственных отношений людей, а единственная возможная в товарном обществе форма их проявления» (Там же. С. 14). Таким образом, «тесная связь производственных отношений людей с движением вещей в процессе материального производства приводит к «овеществлению» производственных отношений людей»

12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1955–1974. С. 81–82.

(Там же. С. 21). Такова, по мнению Рубина, общественная форма процесса производства, которую и изучает политическая экономия. Таким образом, трактовка Рубиным категории товарного фетишизма, как овеществления отношений людей, предвосхитила построения франкфуртской школы этого же феномена. Примерно в это же время и примерно в том же ключе феномен овеществления описал Г. Лукач в своей знаменитой книге «История и классовое сознание». Однако, как отмечается в современной литературе, позиция Рубина была менее амбициозной и радикальной, чем Лукача. «В то время как Лукач искал место для “отчуждения” в своей теории овеществления, Рубин склонялся к взгляду на теорию овеществления как научной реконструкции утопической теории отчуждения. Однако, оба – и Лукач, и Рубин, были жестко атакованы как “гегельянцы” и “идеалисты” со стороны официальных представителей III-го Интернационала»¹³. Итак, делает вывод Рубин, «центр тяжести теории фетишизма заключается не в том, что под вещными категориями политической экономии она вскрывает производственные отношения людей, а в том, что эти производственные отношения людей в товарно-капиталистическом хозяйстве неизбежно принимают вещную форму и только в этой форме могут осуществляться. Аналогично этому надо понимать и теорию стоимости Маркса» (Очерки. С. 56–57).

Теперь настало время поговорить о стоимости, центральной категории политической экономии. Рубин даже писал: «Основные понятия политической экономии построены на понятии стоимости и на первый взгляд даже представляют как бы логическую эманацию этой последней». (Очерки. С. 80). Вообще говоря, стоимость, наверное, самое сложное или, откровенно говоря, самое темное понятие экономической науки. Как-то Д. Рикардо заметил: «Ничто не порождало так много ошибок и разногласий в этой науке, как именно неопределенность понятий, которые связывались

13. Petrovic G. Reification // A Dictionary of Marxist Thought. 2 edition. Edited by T. Bottomore. Oxford: Blackweel, 1995. P. 464.

со словом «стоимость»¹⁴. И это действительно так, вплоть до сегодняшнего дня. Возможно, поэтому в «экономикс» вообще обходятся без этой категории. Да и в нашей литературе понятие «стоимость» путается с понятием «ценность».

Правда, сегодня этот вопрос оказывается еще больше запутанным. Так, Андре Горц, рассуждая о современном нематериальном производстве, так сказать, о «брендовом производстве», делает такое заключение: «Уже не затраченное на работу время, а «компонент поведения» и мотивация считаются важнейшими факторами создания стоимости». И далее: «Кризис измерения стоимости заставляет пересмотреть саму сущность этой категории, а тем самым и систему эквивалентностей, на которых основывается товарный обмен»¹⁵. Однако, пересматривать сущность категории «стоимость» не нужно, если изначально ее правильно понимать. И ключ к такому правильному пониманию в свое время дал И.И. Рубин.

В главе «Овеществление производственных отношений людей и персонификация вещей» своих «Очерков» он писал: «Если данная вещь дает своему владельцу возможность вступить в отношение обмена с любым другим товаровладельцем, то вещь приобретает особое свойство обмениваемости, имеет стоимость» (Очерки. С. 22). Данная вещь «выполняет также социальную функцию связывания людей» (там же. С. 23). И еще: «Наличие у данного лица вещи с определенной социальной формой побуждает его вступать в определенное производственное отношение, сообщает данному лицу особый социальный характер. Овеществление производственных отношений людей дополняется теперь персонификацией вещей» (Очерки. С. 24). И, наконец, общее определение: «В товарно-капиталистическом хозяйстве производственно-трудовые отношения между людьми неизбежно принимают форму стоимости вещей и только в этой вещной форме

14. Рикардо Д. Начала политической экономики и налогового обложения // Рикардо Д. Соч. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 35.

15. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. С. 13, 42.

и могут проявляться» (Очерки. С. 57). Уже в этих небольших выдержках можно видеть тяготение Рубина к социальной версии стоимости, ее понимание не как издержек производства, а как социального отношения, аккумулирующего все аспекты рационального экономического поведения человека. В другой работе Рубин писал, что теория стоимости отражает «трудовую деятельность людей как основу жизни общества и те социальные формы, в которых этот труд организован»¹⁶.

И вот, пожалуй, самая яркая трактовка стоимости, данная Рубиным: «Теория трудовой стоимости утверждает не материальную конденсацию труда как фактора производства в вещах..., а фетишизированное, овеществленное выражение общественного труда в стоимости вещей. Труд “кристаллизуется” или оформляется в стоимости в том смысле, что принимает социальную “форму стоимости”, в ней выражается или “представляется” (Очерки. С. 66). Более того, Рубин называет двусмысленным выражение, что труд «создает стоимость». На самом деле «речь идет о социальном, а не материально-техническом процессе. “Овеществление” труда в стоимости означает... фетишизированное, “вещное” выражение производственных отношений людей» (Очерки. С. 236).

Многие критики Рубина упрекали его в том, что он отрывает стоимость и, следовательно, производственные отношения от материально-технической базы, от конкретного труда в материальном производстве. И действительно, социальная версия стоимости в своем последовательном развертывании отрывается от фактических затрат физического труда (от своей технической предпосылки) в конкретном производстве. Именно последнее было характерно для механистической версии стоимости, против которой много и убедительно боролся Рубин. Но его критики были правы, когда обвиняли социальную версию и Рубина в том, что он приближается к маргиналистской теории предельной полезности.

16. Рубин И.И. Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. М., 1928. С. 20.

В той дискуссии 1920-х гг. столкнулись две версии трудовой теории стоимости: социальная, учитывающая общественную потребность (полезность), и механистическая, сводящая стоимость к фактическим затратам труда¹⁷. Это была очень интересная дискуссия, где социальная версия очень близко подошла к теории предельной полезности, но при этом не покидала рамок марксистского анализа¹⁸. Все это имело практическое значение для нормализации ценообразования в советской экономической системе. Стоял практический вопрос: как надо определять цены в безрыночном хозяйстве? Многие тогдашние экономисты считали, что это надо делать на основе фактических затрат труда на изготовление определенного продукта. Так было проще и понятнее. Естественно необходимые затраты труда (ОНЗТ) они понимали как фактические, которые в принципе можно подсчитать. В Академии наук в 1960-е гг. была даже создана специальная комиссия под председательством академика В.С. Немчинова по расчету стоимости. Но так ничего и не подсчитали. Участники дискуссии по проблемам ценообразования стремились подкреплять свои позиции различной интерпретацией теории стоимости Маркса. При этом они или не читали, или не обратили внимания на следующие слова Рубина, обращенные почти прямо к ним: «Указанные экономисты не могли освободиться от ошибочного представления, давно свившего себе гнездо в политической экономии и приписывавшего теории стоимости совершенно несвойственную ей задачу нахождения практического мерил стоимости. В действительности теория стоимости имеет совсем другую задачу, теоретическую, а не практическую. Нам незачем искать практическое мерило стоимости» (Очерки. С. 109). Но в

-
17. Против механистических тенденций в политической экономии: Сб. статей / Под ред. Б. Борилина и А. Леонтьева. М.-Л.: Госиздат, 1929; Рубинщина или марксизм. Против идеализма и метафизики в политической экономии: Сб. статей / Под ред. С.А. Бессонова, А.Ф. Кона. М.-Л.: Госиздат, 1930.
18. Рубин про сторонников механистической версии стоимости писал: «Они совершенно не поняли качественной, социологической стороны марксовой теории стоимости» (Очерки. С. 67).

советской экономике как бы рынка не было, т.е. не было рыночного уравнивания товаров. А цена и ценообразование были, и надо было все это обосновывать теорией стоимости Маркса. Конечно, из текстов Маркса можно «вытягивать» многое, потому-то рублинцы и механисты проделывали это с одними и теми же текстами Маркса.

В этой связи к социальной версии стоимости лучше подходит слово «ценность», а не «стоимость». Ибо «стоимость» в русском языке ассоциируется прежде всего с фактическими затратами, а «ценность» — с общественным цением. Вот почему, когда получила преобладание механическая версия стоимости, т.е. сведение последней к фактическим затратам, то философы из этой дискуссии выпали. Однако, все же немецкое слово «wert» я бы переводил как «ценность», ибо для слова «стоимость» в немецком языке есть особый термин «kosten». Более того, можно утверждать, что перевод слова «wert» как «стоимость», утвердившийся в нашей литературе, оказался очень удобен не только для механистической практики советского «планового ценообразования», но и для соответствующего понимания социализма.

Итак, две линии или версии стоимости (социальная и механистическая) до сих пор сидят в головах отечественных ученых и никак не могут примириться¹⁹. Так, например, с точки зрения механистической школы, чтобы быть современным, надо дополнять теорию стоимости Маркса теорией предельной полезности, ибо, согласно этой версии, у него доминируют фактические затраты труда без учета социальной потребности (полезности) продукта. С точки зрения социальной версии ничего дополнять не надо, ибо трудовая теория стоимости Маркса уже включает в себя момент социальной полезности товара. В работах некоторых ученых ЦЭМИ эта версия уже в 1970-е гг. получила довольно

19. А.Д. Некипелов сравнительно недавно признал, что «полный отказ от трудовой теории стоимости мне как ученому, получившему марксистское образование, дался с большим трудом» (Некипелов А.Д. Становление и функционирование экономических институтов. М.: Экономика, 2006. С. 10). Но как можно понять из текста этой работы, он разделял как раз механистическую версию стоимости, обычную для большинства советских экономистов.

широкое распространение²⁰. Так что данная версия стоимости в теории Маркса уже «сидит». И это стало ясно после работ Рубина, хотя его позиция в дискуссиях 20-х гг. была отвергнута. В.А. Медведев, заставший отголоски этой дискуссии в Ленинградском университете, пишет, что она закончилась, естественно, поражением идеалистической версии, а ее лидер И.И. Рубин стал жертвой сталинских репрессий. Но отзвуки этой дискуссии еще долго сохранялись среди экономистов»²¹. Это замечание В.А. Медведева вызывает много вопросов. Например, почему используется слово «естественно»? Но в целом это наблюдение В.А. Медведева вполне справедливо. В данном случае Рубин, хотя теоретически был прав, потерпел поражение. Почему?

Сам Рубин в этом вопросе не всегда был последователен, использовал формулировки, допускающие и механистическую трактовку стоимости. Так, он пишет: «Увеличение или уменьшение спроса при неизменившихся технических условиях производства не может повысить или снизить стоимость продукта, но может вызвать расширение или сокращение производства в данной отрасли. Стоимость же продукта определяется исключительно состоянием производительных сил и техникою данного производства. Спрос, следовательно, не влияет на величину стоимости» (Очерки. С. 168). И далее: «Следовательно, остается в полной силе основное положение марксовской теории, что изменения стоимости определяются исключительно техническими условиями производства. Спрос может воздействовать на стоимость не непосредственно, но лишь косвенно, посредственно, видоизменяя размер производства и тем самым технические его условия» (Очерки. С. 181). Однако, все-таки Рубин признает, что спрос может влиять на величину стоимости. Таким образом, влияет

20. См.: *Петраков Н.Я.* Общественная потребность и проблемы планового ценообразования // Проблемы общественной полезности продуктов труда при социализме (Доклады на сессии научного совета). М.: ИЭ АН СССР, 1975.

21. *Медведев В.А.* Заключительное слово // Экономическая теория марксизма и современность / Под ред. В.А. Медведева. М.: ИЭ РАН, 2009. С. 298.

и то, и то. Ведь изменение технических условий производства произошло под влиянием изменения спроса. Поэтому стоимость определяется техническими условиями, но в рамках потребности (спроса). То есть стоимость включает не только затратные характеристики товара, но и полезные.

Как уже говорилось, вопрос о стоимости изначально не был простым и ясным. И в теории стоимости Маркса также можно обнаружить темные места, которые, к стати говоря, и создают питательную почву для заметно различающихся «марксистских» трактовок одного и того же. Порой эти интерпретации поражают высшей степенью схоластической казуистики. Непревзойденным мастером этой диалектики был Рубин. Анализируя нюансы текста первой главы «Капитала» Маркса, Рубин пишет: «...если определенное количество одной потребительной стоимости приравнивается в обмене определенному количеству другой потребительной стоимости, то оба должны быть равны чему-то третьему, а именно той стоимости, которая присуща каждому из них. Равенство двух потребительных стоимостей в обмене предполагает равенство обеих чему-то третьему...»²². Но дело в том, что ничего третьего нет. Стоимость есть внутренняя характеристика самих этих потребительных стоимостей. Это не третье, а особое качество первых двух. Использование понятия «третье» в данном случае некорректно. Но это «третье» употребил сам Маркс в следующей очень противоречивой фразе: «Одна и та же стоимость существует в двух различных вещах, в квартере пшеницы и в «а» центнере железа. Обе, следовательно, равны порознь третьему...»²³. Буквальное прочтение этой фразы создает впечатление, что наряду с «квартиром пшеницы» и «центнером железа» есть еще и третье, подобное первым двум. На самом деле, стоимость это не третье, а сторона первых двух. Особое качество, общее для них как товарам.

22. Рубин И. К истории текста первой главы «Капитала» К. Маркса // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. IV / Под ред. Д. Рязанова. М.-Л.: Госиздат, 1929. С. 81.

23. Там же. С. 82; Капитал. Т. 1. М., 1953. С. 43.

В теории стоимости Маркса есть весьма темное место, касающееся понимания абстрактного труда, которое уже более 150 лет является камнем преткновения для многих политэкономов. Не вдаваясь в подробности дискуссии об абстрактном труде, скажем лишь, что именно из разных интерпретаций этой категории и выросли две версии стоимости: социальная и механистическая. У самого Маркса можно найти основания для такой их интерпретации, что Рубин и делал. Абстрактный труд – это действительно реальный труд в материальном производстве, который содержится в различных товарах и проявляется в их рыночном приравнивании? Он создает стоимость, на основе которой и происходит рыночный обмен. Или же абстрактный труд – это некая идеальная форма выражения конкретного труда в материальном производстве, которая лишь появляется в рыночном обмене? Рубин склонялся ко второй позиции, но и, как сам Маркс, не был последователен в этом вопросе.

Более того, Рубин обратил внимание на разную трактовку стоимости Марксом в его текстах. В «Теории прибавочной стоимости» Маркс пишет: «...например, квартал пшеницы обменивается в разнообразных пропорциях с другими товарами. Тем не менее меновая стоимость его остается неизменно...». Далее Рубин приводит то же место из 1-го издания «Капитала»: «квартал пшеницы... обменивается в разнообразнейших отношениях на другие товары. Следовательно, пшеница, вместо одной, имеет много меновых стоимостей...». Эта же редакция дана и во французском издании «Капитала»²⁴. Однако «много меновых стоимостей» и «меновая стоимость остается неизменной» – принципиально разные вещи. Рубин пишет, что это было сделано Марксом в целях «провести строгое различие между стоимостью товара и его меновой стоимостью, выраженной в других товарах». Или в другом месте: «Мы должны, следовательно, отличать стоимость холста, которая остается одинаковой во всех этих актах обмена,

24. Рубин И. К истории текста первой главы «Капитала» К. Маркса. С. 82.

от различных форм проявления ее в хлебе, кофе и т.д., т.е. от меновой стоимости»²⁵. Но во всех этих актах обмена стоимость холста остается неизменной и форма ее не меняется в зависимости от конкретного акта. В данном случае никакой разницы между меновой стоимостью и стоимостью вообще нет. Другой вопрос, если под стоимостью понимать индивидуальную, еще не усредненную стоимость производителя, которая есть, собственно, еще не стоимость в точном смысле слова, а просто затраты труда. Но вынося товар на рынок, т.е. усредняя его стоимость, социально выравнивая ее, превращая ее в стоимость как социальное отношение, мы получаем меновую стоимость, которая, собственно, и есть общественная (т.е. социально уравниваемая) стоимость.

Во всей этой теме есть одна проблема, которая очень неясно представлена у Маркса и которая породила много противоречий у Рубина, — как понимать и трактовать абстрактный труд и стоимость. Тут может быть два подхода. Первый связан с сведением абстрактного труда к затратам физической энергии человека, что можно измерить во времени или в калориях. Затраты таким образом понимаемого абстрактного труда и создают стоимость. А товар продается по меновой стоимости, что отличает ее от просто или вообще стоимости. Второй — понимание абстрактного труда как социальной формы, которую принимают индивидуальные затраты труда, пройдя через рыночный обмен. То есть абстрактный труд — это не просто физические затраты труда, а лишь те, которые могут быть признаны рынком. Только в обмене индивидуальные затраты получают эту социальную форму и, собственно, становятся абстрактным трудом. А эта социальная форма и называется стоимостью, которая окончательное свое завершение получает как меновая. Таким образом, стоимость и меновая стоимость — это не две разные категории, а две стадии развития одной и той же категории.

25. Там же. С. 80, 83.

Сегодня ситуация усложнилась. Мощность инструментария современной экономической науки настолько сильна, что готова «сжевать» все подряд, все стороны человеческой деятельности, не исключая даже физиологию. Современная экономическая теория (мейнстрим) все подряд превращает в товар: брак, семью, здоровье, культуру, образование, счастье, доверие, солидарность и т.д., наверное, полагая, что тем самым наука проникает в глубинный смысл этих явлений. Верней, она об этом даже и не задумывается, ограничиваясь переворачиванием и рассматриванием поверхностных форм, которые можно математически подсчитать. Но стоимость такая категория, которую подсчитать невозможно. «Понятие стоимости и всеохватывающие отношения стоимости, — пишет А. Горц, — недоступны наглядному мышлению. Последствиями этой недоступности выступают денежный и товарный фетишизм, превращение жизни и личности в деньги»²⁶.

Современный фетишизм товарной формы, отрывая ее от экономического содержания, переносится и вовсе на бессодержательные формы. Действительно, если «экономикс» ограничивается анализом внешних функциональных зависимостей товарного мира, то появляется желание перенести его и на явления нетоварного мира. Если для современной экономической теории суть экономического явления не представляется важной, то, естественно, богатый и мощно разработанный инструментарий экономической науки соблазнительно приложить куда угодно. И дело тут не в том, что вещи превращаются в символ благополучия и преуспевания, так называемый вещизм, а в том, что процедуры и виды человеческой деятельности, которые ни с какой стороны вещами и товарами не были, превращаются в товары. Например, процедура демократических выборов («покупка голосов» избирателей), исполнительское искусство (коммерческая «раскрутка» претендентов), спорт (покупка и продажа игроков и целых команд) и т.д. Тем самым товарный

26. Горц А. Указ. соч. С. 118.

фетишизм распространяется и на нетоварный мир²⁷. При этом оговоримся, что в этом деле, т.е. товарной фетишизации нетоварного мира, виновата, конечно, не современная экономическая наука, в частности «экономикс», а сама жизнь мегаполисов, где все оценивается в долларах.

Теперь попробуем ответить на вопрос — почему социальная версия стоимости Рубина, несмотря на свою теоретическую правоту, потерпела поражение в дискуссии с механистической версией? На мой взгляд, главным образом потому, что Рубин, понимая стоимость как социальную форму вещных отношений, не сводил ее к фактическим затратам индивидуального труда, к натурализации экономических отношений и, соответственно, натуральным пропорциям распределения общественного труда. А советская хозяйственная действительность, особенно второй половины 20-х гг., требовала натурализации. Переход к ускоренной индустриализации и мобилизационной экономике в целом требовал ограничения рыночного саморегулирования, выхода товарно-денежных отношений, низведения денег, цены и других экономических категорий к простым учетным единицам.

Советская идеология, отворачиваясь от реальности, твердила о социальной однородности труда, социальном равенстве при социализме. При этом почему-то не отрицалась марксистская экономическая теория, которая, по справедливому замечанию Рубина, «заранее предполагает классовое неравенство капиталистического общества», а политическая экономия как наука, изучающая это общество как раз и «отражает социальную структуру капиталистического общества» (Очерки. С. 81). И только рынок через стоимость уравнивает частных товаропроизводителей. Но дальше Рубин пишет не совсем точно следующее: «Так как отношения

27. Еще раз процитируем современного исследователя этого вопроса. Если Маркс соотносил товарный фетишизм, пишет Ж. Бодрийяр, с некоей определенной формой, «то сегодня можно увидеть, как этот фетишизм эксплуатируется на предельно эмпирическом уровне в виде некоей суммы: фетишизм предметов, фетишизм автомобиля, фетишизм секса, фетишизм каникул и т.д.» (Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 94).

между классами в капиталистическом обществе происходят в форме отношений между независимыми товаропроизводителями, то исходным пунктом исследования берется стоимость, предполагающая социальное равенство участников менового акта» (там же). В чем тут неточность? В том, что в буржуазном обществе не может быть фактического социального равенства, коли есть меновой акт. Социальное уравнивание труда в акте рыночного обмена не приводит и не может приводить к социальному равенству. Ибо достижение социального равенства в капиталистическом обществе сделало бы ненужным меновой акт и остановило бы экономический процесс. Участники рыночного процесса формально равны политически, как граждане, но сам он ведет к фактическому экономическому неравенству и, стало быть, к последующему социальному неравенству. То есть в данном случае можно говорить о формальном социальном равенстве в буржуазном обществе и фактическом социальном неравенстве. Интересно это сравнить с постановкой Я.А. Кронрода о формальном равенстве производителей при социализме («отношения непосредственно общественной коллективности») и их же фактическом неравенстве («неравное присвоение — использование») ²⁸. Тем самым из формулы Кронрода можно было делать вывод о существовании буржуазного общества в СССР. Тем более, что вся его концепция была направлена на доказательство необходимости рынка и рыночного регулирования в советской экономике.

Рубин же считал и писал, что обмен, т.е. рынок, регулирует пропорции производства. Обмен вещей в товарном хозяйстве происходит посредством общественного уравнивания труда на рынке. «Понятие «общественного равенства труда», — писал Рубин, — мы должны связать с понятием равновесия между отдельными видами труда или между отдельными отраслями народного хозяйства» (Очерки. С. 89). И дальше: «Состоянию общественного равновесия произ-

28. Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. М.: Мысль, 1966. С. 359.

водства соответствует обмен продуктов труда различных отраслей по их стоимости, общественное равенство различных видов труда» (Очерки. С. 90). На это критики Рубина отвечали: «Правый уклон смешивает пропорциональность и равновесие общественного производства, как таковые, с определенной исторической формой их установления, а именно с товарно-рыночной формой. Из того, что советское хозяйство есть хозяйство с наличием товарно-рыночных явлений, правый уклон делает вывод, что пропорциональность в нашем хозяйстве может быть достигаема теми же методами, что и в товарном обществе, т.е. через рынок, через вещи. Рубин точно так же не знает никаких производственных отношений кроме отношений обмена, отсюда его презрение к неовещественным производственным отношениям и сфере производства вообще и величайшее внимание к сфере обращения»²⁹.

Рубин, анализируя теорию стоимости Маркса, писал, что «только обмен превращает «скрытый» общественный труд в действительный общественный труд» (Очерки. С. 261). И при этом речь не шла о противопоставлении обмена и производства. Рубин специально отмечал, что в товарном производстве «обмен уже включен в самое производство как его социальная форма» (Очерки, с. 360). Иными словами, только пройдя через обмен труд, воплощенный в каком-либо продукте, становится нужным обществу, становится общественным. И в подтверждении своих слов ссылается не только на Маркса, но и на работы «известных марксистов». Первая ссылка идет на политэкономическую работу Розы Люксембург, где она заявляет: «Обмен управляет обществом»³⁰. Это место как раз и стало предметом критики советского экономиста в 1989 г. Так, например, Е.И. Рузавина считает ошибочной трактовку Розой Люксембург соотношения обмена и производства. Прицепившись к фразе Розы Люксембург, что «обмен управляет обществом», автор делает вывод о «небрежении к глав-

29. Бессонов С.А. Заключительное слово // Проблемы экономики. 1929. № 4–5. С. 235–236.

30. Люксембург Р. Введение в политическую экономию. М: Соцэкгиз, 1960. С. 236.

ному постулату научной политической экономии – примату производства по отношению к сфере обращения»³¹. Но в данном случае Роза Люксембург, как и Рубин, абсолютно права, ибо в товарно-капиталистическом хозяйстве именно обмен управляет производством. Обмен, т.е. рынок, решает что производить, как производить и сколько производить. От этого, конечно, примат производства никуда не исчезает, так как для обмена сначала нужно что-нибудь произвести. Просто эти вещи нужно рассматривать в разных плоскостях. Одно дело экономическая цепочка: производство – обмен – потребление. Другое – что регулирование этого процесса в рыночной экономике осуществляется через обмен, закон стоимости. Поэтому данные возражения советских экономистов можно квалифицировать как придирку или плохое знание марксистской политэкономии.

Таким образом, в 1980-х гг., как и 1920-х гг., крупнейших марксистов обвиняли примерно в тех же самых грехах. Но ставить в вину Люксембург и Рубину, что они плохо знали или плохо изучили марксизм, просто смешно. Видимо, авторы, которые искали политэкономические ошибки у Розы Люксембург в 1989 г. и у Рубина в 1929 г., сами плохо разбирались в марксистской политической экономии или выполняли чей-то социальный заказ. А может быть у критиков Рубина и Люксембург был какой-то свой, особый «марксизм»?

Итак, зачатки современной интерпретации товарного фетишизма, так модного среди части западных философов, мы находим в работах Рубина. И как отмечают современные исследователи, его интерпретация теории фетишизма наиболее аутентична научному содержанию «Капитала» в гуманистической критике отчуждения и индивидуализации в мире вещей. Эти положения можно встретить в работах Л. Альтюссера и его учеников³². Классическая политическая

31. Рузавина Е.И. Роза Люксембург. М.: Экономика, 1989. С. 58.

32. См.: *Rubin J.J. A History of Economic Thought* / transl. and ed. by D. Filtzer; afterword by C. Colliot-Thelene. L.: Ink Links, 1979. P. 399.

экономика изучала и изучает все же товарный (вещный) мир. Возникшая сравнительно недавно новая политическая экономика изучает уже овеществление, например, демократических процессов, которые принимают форму политического торга (товарной сделки), т.е. рыночизации процедуры политических выборов. И в чем-то «новая политическая экономика» Дж. Бьюкенена напоминает «политическую экономию в широком смысле» А.И. Пашкова. Но об этом ниже.

О политической экономике

Политическая экономика сегодня в России каким-то непонятным образом заняла место генетики сталинских времен, т.е. стала если не запрещенной, то явно гонимой наукой. Ее выгнали из наших университетов, из учебников, из государственных стандартов. Но если генетика в те незабвенные годы объявлялась буржуазной наукой, то сегодняшние российские власти, видимо, считают политическую экономию «социалистической наукой», неподходящей для нынешней буржуазной России. В истории многое повторяется, только с другим знаком. Если по поводу генетики трудно (или невозможно) определить ее отношение к пролетариату, то политическая экономика действительно буржуазная наука³³. Несколько перефразируя слова Рудольфа Гильфердинга, можно сказать, что политическая экономика есть самосознание буржуазной эпохи. Такая интерпретация политической экономики в 1920-х гг. была широко распространена среди марксистских интеллектуалов. На одной дискуссии в Коммунистической академии в январе 1926 г. А.А. Богданов эмоционально воскликнул: «Я не стою за политическую экономию, само название этой науки буржуазно»³⁴. Поэтому можно

33. Словосочетание «пролетарская политическая экономика» остается пустой красивой фразой. Маркс был критиком буржуазной политической экономики, но никакой пролетарской политэкономии он не создал и не собирался это делать. Все традиционные категории классической политической экономики принадлежат буржуазному способу производства и никакого отношения не имеют к тому, что было до него и, возможно, будет после него.

34. Вестник Коммунистической академии. Кн. XV. М., 1926. С. 214.

понять первых большевиков, которые в 1920-е гг. отменили политическую экономию. Но как понимать нынешние российские власти?

Прежде чем перейти к роли Рубина в интерпретации и развитии политической экономии, отметим одно его свойство. Рубин видел и понимал то, что другие не видели и не видят до сих пор. Так, в самом начале учебника «История экономической мысли» в «Предисловии» ко второму изданию он пишет: «Требования экономической политики оказывали мощное воздействие на направление экономической мысли» (История. С. 3). Сегодня многие почему-то думают, что, наоборот, экономическая мысль (т.е. экономическая наука) оказывает воздействие на экономическую политику. И почему-то все беды экономики связывают с неправильным ходом экономической мысли. Рубин же четко и ясно сказал, что история экономической мысли показывает ее зависимость от экономической политики, т.е. не экономическая наука (экономическая мысль) определяет экономическую политику, а, наоборот, последняя составляет питательную почву для формирования и развития различных экономических концепций. Так было раньше, так есть сегодня, но будет ли завтра — неизвестно.

Ответ Рубина на вопрос — с чего начинается политическая экономия — не оригинален. «Она началась, — пишет Рубин, — с рассуждений и споров меркантилистов XVII в. о заработной пссовокупной стоимости между различными общественными классами. Она отражала борьбу общественных классов за их позиции в данной системе производственных отношений людей. Политическая экономия сложилась в результате ожесточенной борьбы разных классов и групп. Она сложилась, как наука о заработной плате, прибыли, ренте, словом, как наука о системе стоимостей, или производственных отношений людей»³⁵. Но начало политической экономии в строгом смысле слова Рубин связывает исклю-

35. Рубин И. Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса // Под знаменем марксизма. 1929. № 4. С. 85.

чительно с Адамом Смитом и его трудом «Исследование о богатстве народов» (1776 г.). Именно с этого момента, пишет Рубин, «политическая экономия перестала быть собранием отдельных рассуждений или придатком к философии и естественному праву: она выступила как самостоятельная, систематически и связно изложенная теоретическая наука» (История. С. 154). Решающая заслуга Смита, отмечает далее он, состоит в том, что «он поставил политическую экономию на путь теоретического изучения реальных явлений капиталистического хозяйства. На этой заслуге основана слава Смита как основателя политической экономии» (там же. С. 165). Правда, в другом месте Рубин называет «отцом современной политической экономии» Франсуа Кенэ (История. С. 344). Возможно, основатель и отец политической экономии – это разные вещи?

Сегодня почему-то популярным стало называть Антуана де Монкретьена, который в 1615 г. выпустил свою единственную книгу «Трактат по политической экономии», ее первооткрывателем. Возможно, он был первым, кто случайно наткнулся на этот термин. Но и что толку? Об этом Монкретьене, «малозначительном авторе XVII века», по мнению И. Шумпетера³⁶, очень трудно найти в литературе что-либо вразумительное³⁷. Рубин даже труд Дж. Стюарта «Принципы политической экономии», который вышел в свет за десять лет до книги А. Смита, считает полным «неразработанных и ложных положений». Иными словами, мерканти-

36. Шумпетер И. История экономического анализа. В 3-х т. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 25.

37. Исключение составляет издание «Мировая экономическая мысль сквозь призму веков», где в 1 томе даются выдержки из единственного труда Монкретьена и небольшой очерк о нем М.А. Слудковской. Последняя пишет, что «Трактат» Монкретьена последний раз был переиздан лишь в 1889 г. Однако, далее М.А. Слудковская, вероятно единственный отечественный читатель этого трактата, пишет, что «старофранцузский язык, стиль многовековой давности, бесчисленные подробности делают чтение произведения Монкретьена чрезвычайно долгим и трудным» (Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. Т. 1. М.: Мысль, 2004. С.168). Да и сами приводимые выдержки из «Трактата» убеждают в том, что это всего лишь набор многословных, порой изысканных советов «королю и королеве» в обычном меркантилистском духе.

листы и физиократы — это еще не политическая экономия. Именно выделение труда как основы экономического процесса и соответственно политической экономии составляет заслугу классической школы политической экономии. «В труде, — пишет Рубин, — они нашли глубокую скрытую основу всех экономических явлений и свою теорией трудовой стоимости заложили основы политической экономии, как науки социальной» (История. С. 280).

Таким образом, политическую экономию Рубин начинает с Адама Смита и заканчивает товарно-капиталистическим хозяйством, т.е. тем анализом, который осуществил Карл Маркс³⁸. Он писал: «Теоретическая политическая экономия изучает определенную экономическую формацию общества, а именно товарно-капиталистическое хозяйство» (Очерки. С. 5). В этой связи возникает проблема границ политической экономии.

О границах политической экономии

Теперь рассмотрим вопрос о границах политической экономии или о ее предмете. Он имеет определенную историю. О конце политической экономии много говорилось у нас в 1920-х гг., вслед за немецкими социал-демократами, точнее, катедер-социалистами. Так, в немецком журнале «Neue Zeit» в начале XX в. Р. Гильфердинг вывел очень емкую формулу: «История политической экономии представляет самопознание буржуазного общества»³⁹. Наш М.И. Туган-Барановский, повторяя немцев, писал: «Есть полное основание признавать судьбу политической экономии, как своеобразной науки о

-
38. Политическая экономия, которая развивалась в течение столетий, писал Рубин, «получила завершение в системе Маркса» (Проблемы экономики. 1929. № 4–5. С. 204). И это вполне созвучно современным представлениям. А.И. Татаркин и В.Л. Берсенеv также пишут: «Экономическая теория К. Маркса фактически завершила эволюцию классической школы политической экономии» (Татаркин А.И., Берсенеv В.Л. Политическая экономия и есоnотiс: особенное и общее // Журнал экономической теории. 2006. № 4. С. 6).
39. Гильфердинг Р. Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса // Основные проблемы политической экономии: Сб. статей / Под ред. Ш. Дволайцкого и И. Рубина. М.: Госиздат, 1922. С. 108.

причинно-функциональных соотношениях хозяйственных явлений, тесно связанной с современным народным хозяйством. Вместе с ним она возникла и развилась и вместе с ним должна сойти со сцены. В социалистическом строе для этой науки места не будет, хотя именно в этом строе практические знания, относящиеся к области экономической политики, и все необходимые для этого вспомогательные научные дисциплины — например, статистика — должны получить чрезвычайное развитие. Политическая же экономия частью превратится в теорию экономической политики, а частью войдет в состав более общей науки об обществе — социологии»⁴⁰. Поразительно, как Туган-Барановский угадал судьбу политической экономии и предсказал то, что сегодня происходит в западных странах.

Но Туган-Барановский был не одинок. То же самое говорила Роза Люксембург в своих лекциях: «Политическая экономия представляет собой науку о специфических законах капиталистического способа производства, ее существование и функции связаны с последним, и она теряет свою базу, коль скоро прекращается этот способ производства...»⁴¹. Тогда политическую экономию в марксистской литературе прочно связывали с товарно-капиталистическими отношениями и рыночным хозяйством. Об этом писал и Н.И. Бухарин, будучи одним из ведущих теоретиков большевистской партии: «Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т.е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве... Конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии»⁴². Затем была пущена в оборот формула о политической экономии «в широком смысле» — «как единой экономической теории, изучающей главным образом и прежде всего специфические, свойственные каждой формации исторически ограниченные законы, а также общие

40. Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. 3-е изд. Петроград, 1915. С. 20.

41. Люксембург Р. Указ. соч. С. 97–98.

42. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. С. 82–83.

законы, свойственные всем общественным формациям»⁴³. Однако никто из советских экономистов никаких общих законов, свойственных всем общественным формациям, так до сих пор и не продемонстрировал.

Центральное место в обсуждении этого вопроса занимает дискуссия 1925 г., в которой по известной причине Рубин не мог принимать участие. О ней в советский период довольно много писали, еще больше упоминали, превратили ее в легенду советской политэкономии. Но, как правило, все исследователи этого периода, писали, что правильную, т.е. «марксистскую», позицию там заняли кроме докладчика еще один или двое участников. Все остальные, включая крупнейших марксистских идеологов того времени (например, Н.И. Бухарин, Е.А. Преображенский и др.), выступали с «неправильных» позиций, за что в советский период эти идеологи считались плохими марксистами. По сути дела, все участники дискуссии кроме самого докладчика (И.И. Скворцова-Степанова) и историка М. Покровского держались, по мнению советской прессы, «неправильной», «немарксистской» точки зрения. И, тем не менее, делался очень странный вывод, что эта дискуссия послужила первым шагом к формированию правильного вывода о политической экономии в широком смысле. Детальный анализ этой дискуссии в советский период встречался очень редко⁴⁴. Однако, при всем уважении к авторам такого анализа, ибо они в жестких условиях советской идеологической цензуры, делали почти невозможное, честно излагая действительную суть дела, нужно подчеркнуть, что все-таки их общие выводы делались, как теперь можно сказать, с неправильных методологических позиций. Поэтому остановимся на этой дискуссии подробнее.

43. Пашков А.И. Вопросы экономической науки. М.: Наука, 1973. С. 474.

44. Пожалуй, наиболее развернутый и обстоятельный анализ дискуссии 1925 г. в советский период дан в следующих работах: Маневич В.Е. Проблемы методологии политической экономии в советской литературе 20-х годов. М.: Наука, 1970; Широкопад Л.Д. Методологические проблемы политической экономии социализма в советской экономической литературе переходного периода. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974; Он же. Идеологическая борьба и развитие политической экономии социализма в СССР в переходный период. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.

Она была организована в Коммунистической академии в начале 1925 г. по докладу И.И. Скворцова-Степанова «Что такое политическая экономия?»⁴⁵. В ходе дискуссии впервые в отечественной экономической литературе был поставлен вопрос о политической экономии в широком смысле. Хотя именно таким термином ни сам докладчик и никто из его оппонентов тогда не пользовались, он тогда еще не был в ходу. В советской энциклопедии «Политическая экономия» в 1979 г. было написано, что И.И. Скворцов-Степанов «в докладе «Что такое политическая экономия?» восстановил марксистско-ленинское понимание исторических границ предмета политической экономии, подвергнув решительной критике взгляды Н.И. Бухарина и его сторонников, отрицавших необходимость и возможность создания политической экономии в широком смысле слова, политической экономии социализма»⁴⁶. Удивительно, как все или почти все в советский период переворачивали с ног на голову. В этом докладе Степанов никого не критиковал, тем более Бухарина. Наоборот, все выступающие и, первый среди них, Бухарин критиковали докладчика. Ни о какой политической экономии социализма докладчик прямо не говорил, ограничиваясь некоторыми намеками. Далее, докладчик не «восстановил марксистско-ленинское понимание», ибо такого в природе тогда не было, а просто запутал марксистское понимание политической экономии как таковой.

Первым во время дискуссии выступил Бухарин и, говоря прямо, камня на камне не оставил от всех построений Скворцова-Степанова. Он в частности сказал: «И.И. ссылается на широкое понятие политической экономии у Энгельса. Что сказано у Энгельса, если лучше посмотреть? Там сказано — что это есть наука, изучающая «отношения производства и обмена» и т.д. Если вы, И.И. мне докажете, что обмен существует в натуральном хозяйстве, а не в товарном, тогда я с вами поговорю». «Для т. Скворцова буржуазной полити-

45. Вестник Коммунистической академии. 1925. Кн. XI. С. 257–346.

46. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М., 1979. С. 562.

ческой экономии не существует, он борется лишь с «троцкизмом» в политической экономии». И конечный вывод Бухарина: «Политическая экономия есть теория капиталистического хозяйства»⁴⁷. Именно в данной фразе содержится зерно, которое давало повод советским экономистам приписывать влиянию Бухарина распространение узкой трактовки предмета политической экономии, которая превратилась «чуть ли не в догму».

Интригующе и в общем-то провидчески Скворцов-Степанов закончил свое выступление: «Итак, товарищи, еще раз повторяю: я не ожидал, что нападки на меня будут так мягки... Ясно, что первобытная чистота и наивность в области политической экономии скоро будут вами утрачены»⁴⁸. И это оказалось верным. Были «утрачены» не только «чистота и наивность» многих участников дискуссии, но в конце 1930-х гг. были «утрачены» почти все участники этой дискуссии за исключением самого докладчика. Но что бы это могло значить, что имел в виду докладчик? Остается неясным.

Итак, чем важна эта дискуссия сегодня? Тем, что она возвращает нас на исходные позиции развития политической экономии в России, после которых уже в конце 20-х гг. был взят принципиально неверный курс на политическую экономию социализма. Поэтому, чтобы понять место и функции политической экономии в современном общественном сознании, надо и переосмыслить ту дискуссию.

Вместе с тем, формула о политической экономии в широком смысле слова давала надежду на существование этой науки в советском социалистическом обществе. Когда в начале 1920-х гг. сочли, что политическая экономия не нужна при строительстве социализма⁴⁹, у многих политэкономов появи-

47. Вестник Коммунистической академии. 1925. Кн. XI. С. 296, 298.

48. Там же. С. 346.

49. Следовало бы уточнить предположение, высказанное в содержательной и информационно насыщенной статье В.Л. Берсенева и А.П. Горста о том, что в 1920-х гг. было «весьма популярным мнение о ненужности экономической науки обществу, где победила революция...» (Берсенов В.Л., Горст А.П. Генеалогия термина «политическая экономия» // Журнал экономической теории. 2005. № 4. С. 50). Речь тогда шла, за некоторыми исключениями, о ненуж-

лась некоторая раздвоенность, интеллектуальная неуютность. Как же так! С одной стороны, политическая экономия хорошая наука, которая как никакая другая способна объяснить экономический процесс, характерный не только для более передовых западных стран, но и для советской экономики. Ведь все 1920-е гг. почти официально экономический строй в СССР назывался государственным капитализмом, и все товарно-денежные категории (товар, деньги, цена, кредит и т.п.), традиционные для классической политической экономии, активно использовались в реальной жизни. С другой стороны, надо отказываться от этой науки, потому что неуклонно приближается социализм, где отношения между людьми не будут опосредоваться вещами. А ведь тогда не вызывало возражений марксистское положение, которое Рубин сформулировал так: «Политическая экономия как наука о товарном хозяйстве имеет дело с вещными категориями» (Очерки. С. 45). Социалистические отношения теряют вещную оболочку, а значит, теряют свое содержание и смысл традиционные товарно-денежные категории. Значит, должна терять смысл и политическая экономия. Все логично. Но в реальной жизни и в 1920-х гг., и в 1930-х гг., и позже люди все-таки зависели и зависят от вещей и их производства. Такие категории, как стоимость, товар, цена и т.п., продолжают играть существенную роль. Без них невозможно представить нормальное функционирование даже планового советского хозяйства. Тут как нельзя кстати подвернулась формула о политической экономии «в широком смысле». И, видимо, многие искренне ухватились за эту формулу, оправдывающую их многолетнюю деятельность и даже существование как политэкономов в советском социализме. В общем и целом это понятно.

Интересно и показательно, что автор знаменитых «Комментариев к «Капиталу» К. Маркса» Д.И. Розенберг, который,

ности именно политической экономии, а не экономической науки вообще. Наоборот, многие конкретные экономические дисциплины активно осваивались и развивались. Например: планирование народного хозяйства, народнохозяйственный баланс и балансовый метод планирования, организация хозяйства, экономика промышленности и т.д.

видимо, находился под большим влиянием Рубина, в первом из изданиях (1929 г.) воспроизвел формулу о политической экономии как науки товарно-капиталистического хозяйства. В последующих изданиях он перешел на формулу политической экономии «в широком смысле». А вот в последней своей книге, над которой Розенберг работал в конце 1940-х гг., сказано довольно четко: «Подлинно научная политическая экономия может быть построена, если отправным пунктом исследования взять частную собственность и отчужденный или наемный труд»⁵⁰. Это положение начисто перечеркивает все остальные упражнения автора в духе «политической экономии в широком смысле», ибо частная собственность и наемный труд свойственны, как доминирующие отношения, только капиталистическому производству. Думается, что при написании этой фразы в самом конце жизни Розенбергом двигала высокая политэкономическая культура, основанная на многолетнем изучении трудов К. Маркса и влиянии Рубина, а не текущая конъюнктура. О последней он, видимо, в данный момент забыл.

Рубин четко очерчивал границы политической экономии: «Я прямо утверждаю, что все экономические явления, изучаемые нашей наукой, связаны именно с данной, капиталистической, системой хозяйства и при другой системе хозяйства не могут иметь места»⁵¹. И в другой работе: «Политическая экономия изучает не материально-техническую сторону капиталистического процесса производства, а его социальную форму, т.е. совокупность производственных отношений людей, образующих «экономическую структуру» капитализма» (Очерки. С. 6.). Вот уже здесь Рубин специально выделяет слова «социальная форма» или «социальная сторона» экономического процесса. Это породило громадную дискуссию в советской литературе о включении в предмет политической экономии производительных сил и обильные

50. Розенберг Д.И. Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 126.

51. Рубин И. Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. С. 93.

обвинения Рубина в протаскивании идеализма в политическую экономию.

О предмете политической экономии

Итак, если соглашаться с Рубиным, что политическая экономия как наука начинается с Адама Смита, то вот уже более 200 лет идет нескончаемый спор о ее предмете. Что изучает политическая экономия? Сначала полагали, что это — богатство народов, все народное хозяйство, вся экономическая система. Постепенно, по мере дифференциации экономических наук, стали суживать и предмет политической экономии. Дело дошло до постановки вопроса — а есть ли вообще место политической экономии в системе экономического знания?⁵² Таким образом, до сих пор консолидированного мнения большинства специалистов о предмете политической экономии нет. Особенный разброд и живые дискуссии по этому вопросу были среди советских экономистов. И думается, правильным будет сказать, что законодателем моды в этом деле был Рубин. Более того, он прояснил многое такое, что в 20-х — 60-х гг. прошлого века было не очень интересно и понятно, а сегодня стало чрезвычайно актуально.

Рубин писал: «Политическая экономия изучает трудовую деятельность людей не со стороны ее технических приемов и орудий труда, но со стороны ее социальной формы. Она изучает производственные отношения, устанавливающиеся между людьми в процессе производства» (Очерки. С. 31). Или вот еще: «Предметом изучения политической экономии являются “экономические формы”, типы производственных отношений людей в капиталистическом обществе, которые имеют свою предпосылку определенное состояние

52. Под таким названием в конце 2010 г. прошла научная конференция в Институте экономики РАН, которая вызвала известный интерес среди политэкономов. См: *Либман А.М.* Есть ли место политэкономии в современной экономической науке? (Конференция НЭА и ИЭ РАН) // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 8; *Анисимова Г.В.* Проблемы политической экономии (о научной конференции «Есть ли место политэкономии в современной экономической науке») // Вопросы экономики. 2011. № 8.

материального процесса производства и входящих в его состав технических факторов» (Очерки. С. 40). При этом, как следует уже из приведенной цитаты, Рубин не отбрасывал и производительные силы: «Для нас в политической экономии непосредственным объектом исследования являются производственные отношения людей. Предпосылкой же нашего исследования являются материальные производительные силы». И подчеркивал, что слово «предпосылка» не противопоставляется нами слову «движущая причина»⁵³. Его оппоненты, не замечая нюансов, парировали, что по Рубину «производительные силы – не содержание общественной формы, а ее предпосылка»⁵⁴. Но у Рубина слово «предпосылка» относится к исследованию, а не к самим производственным отношениям. Бессонов же этого не заметил или не понял. Интересно, что современный исследователь этого вопроса О.И. Ананьин пишет совершенно в духе Рубина: «У Маркса потребительная стоимость занимает совершенно четкое место - ее наличие фиксируется как предпосылка при анализе товара»⁵⁵. Здесь также используется слово «предпосылка», но не самого товара, а лишь при его анализе. Так что, рубинская интерпретация и даже термин «предпосылка» продолжают быть актуальными и сегодня.

Позиции Рубина, которая более адекватно отражала классическое марксистское представление о предмете политической экономии, противостояло так называемой механистическое направление. Представители последнего утверждали, что «политэкономия изучает материальное производство в его социальной форме, т.е. единство содержания и формы»⁵⁶. На что Рубин отвечал следующим образом: «Для объяснения изменений производственных отношений людей мы должны искать соответствующую причину в материаль-

53. Рубин И. Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. С. 83.

54. Бессонов С.А. Указ. соч. С. 234.

55. Ананьин О.И. В системе Маркса есть несколько теорий // Экономическая теория марксизма и современность / Под ред. В.А. Медведева. М: ИЭ РАН, 2009. С. 268.

56. Бессонов С.А. Указ. соч. С. 234.

ном процессе производства. Но непосредственным предметом нашего исследования в теоретической политической экономии остаются производственные отношения людей»⁵⁷. Очень разумная и четкая позиция. Но критики выхватывали вторую фразу и обвиняли Рубина в идеализме.

По этому поводу возникла известная дискуссия, которая шла с различной интенсивностью почти весь советский период. В частности, Я.А. Кронрод, анализируя эту дискуссию, писал: «В итоге дискуссии были преодолены обе рассмотренные ошибочные концепции, и советские экономисты развили и обосновали в целом правильный взгляд на политическую экономию как науку, изучающую производственные отношения в их неразрывной связи с производительными силами и обусловленности развития первых развитием последних»⁵⁸. Надо сказать, что эта формулировка существенно ближе к рубинской, если не простой ее перифраз, и достаточно точно передает смысл позиции Рубина. Поэтому не получилось «борьбы на два фронта», как того требовали некоторые рьяные охранители марксизма—ленинизма⁵⁹. Победил Рубин.

Почему так рьяно шла эта дискуссия? Объяснение мне видится в следующем. Рубин, отстаивая формулу производственных отношений как социальную форму, выводил материально техническую сторону производства из сферы интереса политической экономии. Политическая экономия, таким образом, сводилась к тому, чем, например, сегодня занимается социология. Экономико-технологический, собственно, производственный мотив из нее выхолащивался. Это вело к обвинениям Рубина в идеализме, увлечении формой без содержания, отрыве от материализма и т.п. Так, С. Бессонов писал, что политическая экономия по Рубину превращается в «на редкость чистую «социологическую» науку об абсолютно

57. Рубин И. Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. С. 88.

58. Кронрод Я.А. Указ. соч. С. 17.

59. См.: выступление И. Лаптева на дискуссии в Институте красной профессуры // Проблемы экономики. 1929. № 4–5. С. 225.

чистых и абсолютно социальных отношениях»⁶⁰. А ведь все советские экономисты и прочие ученые в 1920-е гг. должны были быть материалистами. Поэтому Рубин начинал употреблять более сложные фразы и логические конструкции и, что называется, выкручивался. От него и пошла формула, что политическая экономия изучает производственные отношения в связи с развитием производительных сил. Вот цитата Рубина: «Политическая экономия изучает производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества» (Очерки. С. 308). Хотя эта формула получила довольно широкое распространение в советской политэкономической литературе (см. выше у Кронрода), но она достаточно бессмысленная. Ведь и так ясно, что производственные отношения есть лишь форма производительных сил, и, стало быть, изучая первые, никак нельзя игнорировать вторые. Наука, которая изучает растения, не может игнорировать почву, на которой они вырастают, но почву изучает другая наука.

Итак, победил Рубин. Однако в связи с моим выводом о победе Рубина у информированного читателя могут возникнуть серьезные вопросы. Ведь по проблеме стоимости концепция Рубина потерпела поражение, а предмета политической экономии вдруг победила. Но ведь факты говорят именно это. Значит, остается ответить на вопрос: почему? Объяснение видится в следующем. Социальная версия стоимости Рубина потерпела поражение потому, что в советском хозяйстве возобладал натуральный подход, товары превратились в продукты, деньги в учетные квитанции, равновесие достигалось не на рынке, а в плане, т.е. на бумаге. Но политическая экономия не может изучать натуральные пропорции, производительные силы сами по себе, потребительную стоимость как таковую. Политическая экономия изучает социальную форму производственного процесса. Но вещная, товарно-капиталистическая форма была неприемлема для советской идеологии.

60. Бессонов С.А. Против выхолащивания марксизма // Проблемы экономики. 1929. № 1. С. 144.

В этих условиях было бы проще запретить политэкономии и забыть о ней, но в жизни ведь были реальные политэкономические категории (товар, деньги и т.д.), которые надо было как-то объяснять. Поэтому сохраняли политическую экономию с ее традиционным предметом исследования в рубинской трактовке, как самой удачной. Но реальное содержание политической экономии свели к изучению производительных сил и организационно-экономических отношений. В связи с этим в советской действительности существовала некая двойственность: в теории одно, на практике – другое.

В этом споре есть один любопытный момент, который сегодня способен пролить некоторый свет на нынешнюю дискуссию по поводу «экономикса» и его соотношения с политической экономией. Этот вопрос в нашей литературе сегодня широко и живо обсуждается. «В настоящее время, – пишут А.И. Татаркин и В.Л. Берсенева, – продолжается так называемый «терминологический спор» на тему, что первично: политическая экономия или *economics*. Можно даже утверждать, что за противостоянием двух терминов стоит идеологическая непримиримость адептов Карла Маркса, с одной стороны, и Альфреда Маршала, с другой... Данный спор интересен хотя бы тем, что побуждает у сторонних наблюдателей желание выяснить, что же скрывается за тем и другим термином в ретроспективном плане»⁶¹. Однако, думается, что вопрос этот более сложный и интересный, чем просто «терминологический спор». Он упирается в диверсификацию экономического знания, специализацию отдельных экономических дисциплин. Поэтому полезно ознакомиться со взглядами Рубина, высказанными им еще в 1920-х гг. и сегодня достаточно актуальными.

Обсуждая проблемы предмета политической экономии, Рубин выделял две науки: наряду с ней он предполагал

61. Татаркин А.И., Берсенева В.Л. Указ. соч. С. 5. Надо заметить, что литература «адептов Карла Маркса», которые громят и уничтожают «*economics*», достаточно обширна (см., например, уже четыре выпуска трудов кафедры политической экономии МГУ «Капитал» и «экономикс» / Под ред. В.Н. Черковца, М.: ТЕИС, 2011), а вот издания «адептов Альфреда Маршала», которые с таким же упорством громили бы политическую экономию, мне что-то не попадались.

возможным формирование особой науки, которая должна изучать общественную технику. Вот, что он пишет в связи с этим: «В чем же заключается мое «разъяснение»? Оно заключается в признании мною существования двух наук: 1) науки об общественной технике, которая должна изучать производительные силы общества в их взаимодействии с производственными отношениями людей, и 2) политической экономии, которая имеет предметом своего изучения собственные капиталистическому хозяйству производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества» (Очерки. С. 306). Или в другом издании: «Для изучения закономерностей развития производительных сил при капитализме нужно собрать обширнейший материал, нужно подвергнуть его тщательному анализу и исследованию, нужна специальная наука, которая отчасти и создается»⁶².

Вот мне и представляется, что наука, которая изучает производительные силы (общественную технику), и есть современный «экономикс». Он демонстрирует аналитический подход в изучении функциональных связей в экономике, объясняет «как это делается», но не исследует «почему это делается». Именно так писал Рубин, имея в виду математическую школу: «Она не спрашивает, почему изменяется цена, но лишь показывает, как происходят параллельные изменения цены, с одной стороны, и спроса и предложения, с другой» (Очерки. С. 184). Разумеется, вряд ли Рубин предвидел собственно «экономикс», но его обоснование второй экономической науки наряду с политической экономией можно рассматривать как гениальный прогноз. Поэтому противопоставление в современных дискуссиях политической экономии и «экономикса» — кто лучше и стройнее — на мой взгляд, бессмысленно. Политическая экономия и «экономикс» должны не замещать друг друга, а существовать вместе. Как производственные отношения и произ-

62. Рубин И. Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. С. 87.

водительные силы, существуя вместе, но не сливаясь во что-то одно бесформенное, тем не менее, составляют единую экономическую систему. Аналогию можно подобрать из области архитектуры и строительства. Архитектор, как политэконом в строительстве, создает общий проект здания, обосновывает его предназначение, учитывает особенности, привязку к окружающей сфере и т.п. Инженер-строитель, как аналитик, решает конкретные вопросы техники строительства: как соединить строительные элементы, как рассчитать нагрузку на несущие конструкции, как проложить отопительные и сантехнические системы и т.п. Архитектор объясняет — что это за здание и для кого. Инженер-строитель — как его строить.

Кроме всего прочего, Рубин пролил некоторый свет на вопрос: почему на Западе стал сегодня моден так называемый аналитический марксизм. Приведем несколько длинную цитату, из которой многое станет ясно. Внимание Маркса, пишет Рубин, «направлено на анализ социальных форм хозяйства и на законы их возникновения и развития, на «действительный процесс образования форм (Gestaltungsprozess) в различных его фазах». Этот генетический (или диалектический) метод, включающий в себя и анализ, и синтез, Маркс противопоставляет односторонне-аналитическому методу классиков. Особенность этого генетического метода Маркса заключается, как видим, не только в его историческом, но и в его социологическом характере, в пристальном внимании к социальным формам хозяйства» (Очерки. С. 41–42). Рубин указывает, что одна сторона экономического марксизма — аналитическая — в духе и стиле классиков, получившая сегодня название аналитического марксизма, вполне безболезненно вписывается в основное течение экономической науки (мейнстрим). Но другая сторона марксизма, которая занимается изучением социальных форм, по мнению Рубина, как раз и составляет величайшее достижение Маркса. И надо сказать, что эта социологическая сторона марксизма стала предметом всеобщего интереса лишь во второй половине

XX столетия. Но Рубин был одним из первых, кто указал на ее значение.

Говоря о трактовке Рубиным производственных отношений как специфической социальной формы, нельзя обойти еще один важный вопрос. Рубин естественно увлекался диалектикой и любимым его пассажем было утверждение, что «одни социальные формы возникают из других социальных форм под давлением развития производительных сил»⁶³. Но его часто обвиняли в склонности к «саморазвитию понятий» (С. Бессонов), в том, что он играет в диалектику форм, забывая об их содержании, т.е. о производительных силах. На что Рубин отвечал, что нельзя каждую экономическую форму рассматривать как «непосредственный пассивный рефлекс» изменения в материальном производстве. Ибо изменение материального процесса производства и новые производственные отношения или новая социальная форма появляются не как «пассивный рефлекс» нового состояния производительных сил, эта новая форма «возникла не непосредственно из производительных сил, а из предыдущей, более простой социальной формы»⁶⁴. Мысль Рубина верная и правильная, но выражена очень неуклюже. Действительно, если буквально понимать Рубина, то получается что новая форма растет из старой. Было бы точнее сказать, что с развитием производительных сил совершенствуется и их социальная форма, которая на новом этапе отражает современное содержание производительных сил, но вырастает при этом из старой формы. Хотя Рубин и без меня, и лучше меня мог формулировать достаточно глубокие положения. Так, относительно диалектики социальной формы он писал: «Каждая следующая категория является не только дальнейшим развитием предыдущей, но и ее отрицанием»⁶⁵. Заслуга Рубина в этом вопросе состоит в том, что он обратил внимание на очень сложную диалектическую связь производительных сил

63. Там же. С. 96.

64. Там же. С. 91.

65. Там же. С. 96.

и производственных отношений и указал, что новые производственные отношения (новая социальная форма) наследуют что-то от старых.

Подспудно в этом расхождении между Рубиным и его оппонентами (марксистами-ленинцами) лежала проблема отделения производственных отношений молодого советского общества от старых отношений дореволюционной России. Оппоненты хотели доказать (показать), что новые производственные отношения принципиально, по всем параметрам отличаются от старых, их вполне можно называть социалистическими. Рубин же старался показать, что и они наследуют старые, что и в них еще что-то осталось от прежних отношений. Все это усложнялось советской практикой 1920-х гг. На словах об этом много говорилось, должны были развиваться новые социалистические отношения, в действительности же продолжали существовать старые товарно-рыночные. Рубин эту дилемму пытался как-то объяснить, правда, очень сложно и порой схоластично. Его критики цеплялись за не очень удачные формулировки, примитивизировали позицию Рубина, но логически и теоретически серьезно ему противостоять не могли.

Однако, ситуация, видимо, была сложнее. Во всей этой дискуссии была какая-то недосказанность. Рубин не мог сказать прямо и откровенно, как говорили меньшевики в эмиграции, что советская действительность 20-х гг. была буржуазной и построение социализма в отдельно взятой стране с марксистской точки зрения есть нонсенс. Так, Ю. Мартов в программной статье «Наша платформа», опубликованной в «Социалистическом вестнике» в октябре 1922 г., писал: «Поскольку государственное хозяйство неизбежно останется, оно не имеет ничего общего с социализмом, являясь государственным капитализмом в точном смысле этого понятия (а не в большевистском извращении)»⁶⁶. Более того, в резолюции Бюро ЦК РСДРП от 2 февраля 1923 г. «Об

66. Мартов Ю. Избранное. М.: РОССПЭН, 2000. С. 502.

основных положениях партийной платформы», документ к которому Рубин имел непосредственное отношение, ибо был членом этого Бюро меньшевистской партии, а в очередной раз был арестован только 27 февраля того же года, сказано: «Представление о том, что в российском хозяйстве имеются социалистические элементы, является вреднейшей иллюзией. Эти же данные определяют неудержимое перерождение большевистской власти...». «Вырождение большевистской власти и насыщение ее буржуазными и бонапартийскими настроениями идет быстрым шагом... Таким образом, если объективные условия социальной обстановки все более отрывают большевистскую власть от пролетариата и содействуют ее буржуазному перерождению, то с другой стороны – внутренние ее условия, заложенные в коммунистической диктатуре, не позволяют ей придти в полное соответствие с экономическим базисом»⁶⁷. Сам же Рубин был в меньшевистской партии центристом и, видимо, разделял «реформистский» курс партии по отношению к советскому режиму⁶⁸. То есть действуя легально, путем реформ, надо подталкивать правящую коммунистическую партию к созданию демократической республики и постепенному развитию демократического социализма. Но ни в печати, ни в письмах эти вопросы Рубин не затрагивал. В своих научных трудах он ограничивался лишь интерпретацией и комментированием классиков экономической науки и, прежде всего, Маркса.

Рубин выстраивал виртуозную теоретическую конструкцию, которая могла бы это доказывать и которую понимали далеко не все. Но некоторые его критики, неспособные сокрушить всю конструкцию, ибо это был бы выпад и против марксизма, цеплялись за отдельные не очень удачные фразы и положения Рубина и занимали победную позу «ревнителей марксизма». Трезвомыслящие сторонники Рубина отмечали этот момент. Так, Гр. Деборин писал: «Вместо того,

67. *Меньшевики в 1922-1924 гг.* М.: РОССПЭН, 2004. С. 352.

68. *См.: Меньшевики. От революции 1917 года до Второй мировой войны / Под ред. Л. Хеймсона.* М.: Собрание, 2009. С. 349, 354.

чтобы критиковать то неточное и неправильное, что иногда встречается в работах тов. Рубина... они («ревнители марксизма». — М.В.) пытаются исказить Маркса»⁶⁹. При этом, видимо, чувствуя инородное тело в ровных рядах марксистов-ленинцев, они обвиняли его в антисоциалистических устремлениях. «Нам кажется поэтому, — говорил Бессонов, — что концепция Рубина есть теоретическая база для критики нашего социалистического строительства справа»⁷⁰. И Бессонов в этом пункте был прав. Хотел того Рубин или нет (скорее, конечно, нет), но его виртуозный анализ текстов Маркса действительно составлял теоретическую базу для критики того «социалистического строительства», которым начали заниматься с конца 1920-х гг. Но и Рубин был прав. Он показывал несовместимость классического марксизма с тем, что стало твориться в то время в стране. «Рубин является в настоящий момент, — утверждали его противники, — одним из наиболее опасных наших врагов»⁷¹. Его теоретическая конструкция имплицитно была направлена против иллюзий «социалистического строительства».

Рубин и рубинское направление, наверное, действительно являлись отражением троцкизма в политической экономике.⁷² Поэтому становится понятна его тотальная критика со всех сторон.

69. *Деборин Гр.* Предмет политической экономики в современных спорах // Под знаменем марксизма. 1929. № 4. С. 109.

70. Проблемы экономики. 1929. № 4—5. С. 236.

71. Рубинщина или марксизм. Против идеализма и метафизики в политической экономике. С. 4.

72. Это мое утверждение на первый взгляд может показаться весьма спорным, но оно имеет некоторые основания. Конечно, Рубин никакого отношения не имел к Л. Троцкому и к буквальному троцкизму, но некоторые критики их объединяли. Так, в типовом учебнике политической экономики начала 1930-х гг., после разбора и критики взглядов Рубина как идеалистических, отрывающих производственные отношения от производительных сил, есть такой пассаж: «Идеалистическое понимание соотношения производительных сил и производственных отношений свойственно также и троцкизму, типично для него: троцкизм также отрывает производственные отношения от производительных сил». (Политическая экономика. Учебник для комвузов и вузов / Под ред. Б.Д. Кофмана. Т. 1. 3-е изд. М.-Л.: Партиздат, 1932. С. 36). Нельзя также упускать из виду, что основная теоретическая позиция меньшевиков и троцкистов была схожей: невозможность строительства социализма в одной отсталой стране.

Рубин и его критика

Эта тема достойна большой монографии, а возможно и не одной. Трудно найти какого-либо другого советского экономиста-теоретика, которого критиковали столь долго, много, смачно и зря. Конечно, можно назвать имена Л. Троцкого или Н. Бухарина, критика которых для некоторых людей превратилась в разновидность профессиональной деятельности. Но то были прежде всего политические деятели, прямые или косвенные конкуренты сталинской монополии на власть. Рубин, хотя и был в некотором роде и некоторое время активистом меньшевистской партии, но отнюдь не политическим деятелем. Не было у него формальных учеников (аспирантов, сотрудников, близких коллег), заметной должности, даже ученой степени. Но были мысли и идеи, которые и сегодня поражают глубиной, утонченностью и современностью. Главное его теоретическое достижение состояло в изумительной по глубине интерпретации основных положений марксизма, в частности, социальной формы экономических отношений.

Влияние Рубина на все последующее развитие политической экономии в СССР было колоссальным. Ведь критика Рубина, продолжавшаяся десятки лет, и была, собственно, свидетельством этому. Наука — это критика. Критическое рассмотрение многих положений Рубина на самом деле означает их научное освоение, движение вперед в накоплении научного знания. Даже в 60-е и 70-е гг. прошлого века многие советские политэкономы, формально отмежевываясь от Рубина, повторяли и воспроизводили его основные положения. Это было свойственно некоторым представителям кафедры политической экономии МГУ, а также другим ученым, например, Я.А. Кронроду.

Некоторые коллеги и оппоненты Рубина, яростно с ним споря, тем не менее, признавали его авторитет и даже против своей воли попадали под его влияние. Так, С.А. Бессонов в специальной статье с убийственным названием «Против выхолащивания марксизма» (К 3-му изданию «Очерков»

И. Рубина) отмечал «заслуженную популярность «Очерков», бесспорную талантливость автора, его «крупную теоретическую силу» и тем не менее заключал: «Недостатки Рубина, как комментатора Маркса, являются продолжением его достоинств»⁷³.

В «исправленных» изданиях «Комментариев», начиная, наверное, с 4-го, в начале 1930-х гг. Д.И. Розенберг пытается полемизировать с рядом положений Рубина. Так, по поводу последнего, Розенберг пишет: «По Рубину исходным пунктом политической экономии является товарный фетишизм, «социальная форма вещи». Материальное производство Рубин всячески изгоняет из политической экономии»⁷⁴. Здесь он очень точно ухватил суть подхода Рубина, но непонятно, почему такой подход плох. Ведь материальное производство политическая экономия изучает не как таковое, а лишь со стороны социальной формы. В данном случае придирка к Рубину несправедлива, сам же Розенберг лучшие страницы своих трудов посвятил именно «социальной форме». И в первом издании 1929 г. он вполне корректно цитирует Рубина и даже берет на вооружение его методологическую конструкцию.

А вот что отмечали через год в итоговой статье, написанной «по поручению ЦК ВКП(б)», В. Милютин и Б. Борилин: «Выразителем и представителем идеологии теоретиков II Интернационала в политической экономии является у нас И.И. Рубин. Кантианскую схоластику эпигонов буржуазной науки гибнущего капитализма И.И. Рубин ставит выше объективного научного анализа классиков политической экономии. ... Оставаясь на позициях международного меньшевизма, И.И. Рубин не понимает и не может понять, что политическая экономия апологетов капитализма принципиально и непримиримо враждебна пролетариату. В общеполитических позициях И.И. Рубина лежит корень

73. Бессонов С.А. Против выхолащивания марксизма. С. 123.

74. Розенберг Д.И. Комментарии к первому тому «Капитала» Карла Маркса. 4-е изд., доп. и испр. М.-Л.: Московский рабочий, 1931. С. 32.

того, что вся его концепция ограничена, замкнута в рамках общих абстрактных вопросов. И.И. Рубин отрывает общеметодологические проблемы политической экономии от проблем советского хозяйства и послевоенного империализма, старательно обходя и игнорируя эти последние. Методологическая «утонченность» работ И.И. Рубина сводится поэтому к бесплодной игре понятий, к чисто схоластическим упражнениям... Работы И.И. Рубина и спор вокруг них отвлекают теоретическое исследование от разработки проблем советской экономики...».⁷⁵

В настоящем тексте не время и не место разбирать всю критику Рубина, ибо во многом она была ненаучной и предвзятой. Но последняя фраза, что «работы Рубина отвлекают теоретическое исследование от разработки проблем советской экономики» очень, видимо, точна и в ней заключается суть вопроса. Действительно, зачем так много и обильно критиковать человека, который начитавшись работ Гегеля или Канта, увлекся схоластическим комментированием К. Маркса? Кому от этого плохо? Но дело в том, что теоретическая ситуация в конце 1920-х – начале 1930-х гг. была не просто сложной, но тупиковой для политической экономии. Как уже говорилось, большинство экономистов того времени считали политическую экономию наукой, которая изучает исключительно товарно-капиталистическое хозяйство. В социалистическом обществе политическая экономия не нужна, ибо там экономические отношения не должны прикрываться вещной формой. Стало быть, политэкономии там изучать нечего. И в это время был взят идеологический курс на «победу социализма» в одной стране. Но сохранялись и многие, если не все, категории рыночного хозяйства (прибыль, цена, кредит, деньги и т.д.), которые и выражают эту самую вещную форму экономических отношений. А именно их изучает и объясняет политическая экономия. Поэтому

75. Милютин В., Борилин Б. К разногласиям в политической экономии // Большевик. 1930. № 2. С. 56. Хотя сам Б. Борилин годом раньше на дискуссии в Институте красной профессуры в 1929 г. защищал позиции Рубина и, стало быть, принадлежал к рубинскому направлению.

политэкономия, с одной стороны, оказалась нужной, а с другой — усеченной, без разрешения объяснять — какие же отношения выражаются в вещной форме, и есть ли вообще это форма в советском социализме. Рубин же доказывал, что политэкономия изучает только эту форму, и если ее нет, то нет предмета и для политической экономии. Но если политическая экономия нужна, если для нее есть исследовательское поле, то, стало быть, имеются и вещные формы экономических отношений. Ведь в реальной жизни эта вещная форма была, это все (или многие) видели и чувствовали, значит, должна была быть и политэкономия. Но чтобы она не напоминала классическую политическую экономию, изучающую товарно-капиталистическое хозяйство, нужна новая, какая-то иная, другая. И была придумана «политическая экономия в широком смысле».

Тут как нельзя кстати подвернулась механистическая трактовка производственных отношений, основу которой составлял натуральный процесс производства и распределения общественного продукта, а социальная форма в расчет не бралась. Хотя эта позиция в 20-х гг. была раскритикована и, прежде всего, Рубиным, но уже в 30-х гг. она, что называется «тихой сапой», стала господствующей. И все годы этот механистический или натуральный подход был свойственен для многих экономико-теоретических построений. В этом русле, например, лежали попытки подсчитать стоимость товаров при социализме, трактовка ОНЗТ как затрат физического труда, господство натуральных пропорций в планировании и т.д. И все это объявлялось социализмом и социалистическим хозяйством. На деле товарные отношения выхолащивались в суррогаты, политическая экономия превращалась в пустую болтовню. Для мобилизационной экономики это было не очень важно, но научному пониманию реального экономического процесса это не способствовало. Рубин же стоял в начале разработки понимания экономического процесса, который облекается в специфическую вещную форму товарно-капиталистического

хозяйства, что и является предметом изучения политической экономики.

Таким образом, можно утверждать, что Рубин своим виртуозным анализом доказал, что социализма в СССР не было и не могло быть. Вот чего и испугались идеологические власти. И это действительно можно интерпретировать как «троцкизм в политической экономике».

ДИСКУССИЯ ОБ АБСТРАКТНОМ ТРУДЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА «КАПИТАЛА» К. МАРКСА

Дискуссия об абстрактном труде, начало которой было положено обсуждением доклада И.И. Рубина в Коммунистической академии, имела куда как более серьезное значение для развития марксистской теории, нежели просто уточнение понимания данной категории или даже разработка ряда аспектов трудовой теории стоимости К. Маркса. И в ходе самой дискуссии, и в написанных под ее влиянием последних выпусках «Очерков по теории стоимости К. Маркса» И.И. Рубина (которые впервые были опубликованы еще в 1923 и 1924 гг., еще до самой дискуссии) поднимался целый ряд принципиальных вопросов, касающихся теоретического багажа «Капитала» и, в особенности, примененного в нем метода. Хотя И.И. Рубин (в отличие от своего брата) не занимался специальной разработкой философских аспектов марксова наследия, его подходы к трактовке теории К. Маркса давали достаточные основания для определенных выводов методологического характера.

Не случайно, что теоретическое наследие самого И.И. Рубина послужило, по существу, одним из важнейших отправных моментов для поднявшейся с середины 50-х гг. XX в. новой волны творческого развития теории и метода К. Маркса в СССР. Точно так же указанная более широкая трактовка значения дискуссии об абстрактном труде дает возможность более глубокого понимания причин ее офици-

* Д.э.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова.

альной оценки, прозвучавшей в 1930 г., а равным образом и последствий принятых решений, как для участников дискуссии, так и для развития марксистской теории в последующие два с половиной десятилетия.

Какие же проблемы, затрагивавшиеся как в ходе дискуссии, так и в работах И.И. Рубина, имеют, на мой взгляд, наиболее серьезное методологическое значение? Во-первых, это теория товарного фетишизма, во-вторых, проблема диалектики двойственного характера труда, заключенного в товаре, и, в-третьих, концепция формы стоимости.

Теория товарного фетишизма образует исходный пункт понимания процесса образования в рамках капиталистического способа производства многообразных превращенных форм, т.е. таких поверхностных, чувственно воспринимаемых форм движения производственных отношений капитализма, которые превратно отражают собственное содержание. Кроме того, теория товарного фетишизма раскрывает социально-экономическую подоплеку происходящего при капитализме отчуждения человека от своих общественных отношений, превращения их в самостоятельные, противостоящие человеку силы.

Не случайно именно теория товарного фетишизма К. Маркса служила на протяжении всего XX в. теоретическим источником для многообразных разработок в области социально-философской теории марксизма — как в СССР, так и на Западе.

Одновременно данная теория является необходимым условием для понимания той специфической формы, которую принимает при капитализме двойственный характер человеческого производства вообще, как производства одновременно и жизненных средств человеческого общества, и самих общественных отношений людей. В этом смысле теория товарного фетишизма образует неотъемлемую составную часть марксовой трактовки диалектики двойственного характера труда, заключенного в товаре. Эта диалектика проходит через всю структуру «Капита-

ла», раскрывая процесс капиталистического производства одновременно как процесс создания материальных благ и как процесс производства стоимости (и всех последующих стоимостных отношений – денег, прибавочной стоимости, прибыли и т.д.).

И.И. Рубин сосредоточил свое внимание на диалектике двойственного характера труда, заключенного в товаре, применительно к первым отделам «Капитала», к трудовой теории стоимости. Дискуссия, как известно, развернулась вокруг трактовки категории абстрактного труда, и это не было случайностью. Именно понимание того обстоятельства, что категория абстрактного труда в «Капитале» К. Маркса выражает не свойства человеческого труда вообще, а ту особую социально-экономическую форму, которую этот труд принимает только в условиях товарного производства, является одним из необходимых условий осмысления методологических оснований всей теоретической конструкции «Капитала». Как раз такое понимание И.И. Рубину и приходилось отстаивать в дискуссии со своими оппонентами.

Все эти соображения позволяют подойти к оценке того значения, которое имело прекращение дискуссии об абстрактном труде в 1930 г. Тот способ, с помощью которого была прекращена дискуссия, надолго вывел из научного оборота достигнутые в ее ходе результаты и, особенно, вклад самого И.И. Рубина в разработку теоретических и методологических аспектов наследия К. Маркса. Хотя формально было указано на ошибки, допущенные в дискуссии обеими основными сторонами, а впоследствии основные участники дискуссии, также с обеих сторон, попали под удар политических репрессий, с точки зрения судьбы развивавшихся в ходе дискуссии взглядов последствия были далеко не равнозначными.

Если позиция, отстаиваемая И.И. Рубиным, была оценена как идеологически и политически враждебная («меньшевиствующий идеализм»), то взгляды его оппонентов, развивавших так называемую механистическую трактовку

абстрактного труда, такой негативной политической оценки не получили. В результате в официальной науке закрепилась трактовка проблем трудовой теории стоимости К. Маркса, весьма близкая к той, которую отстаивали сторонники механистической версии в дискуссии об абстрактном труде. Почему же официальные власти сделали тогда именно такой выбор?

Дать правильный ответ на этот вопрос невозможно без понимания той политической обстановки, в которой в СССР осуществлялись разработки в области марксистской теории на рубеже 20-х — 30-х гг. XX в. Наличие крайне серьезных социально-экономических проблем, с которыми столкнулось партийно-государственное руководство в конце 20-х гг., и допущенные в этих условиях значительные просчеты в экономической политике вызвали немало критических выступлений. В них давалась оценка сложившихся проблем именно с позиций марксистской теории (например, «Заметки экономиста» Н.И. Бухарина). Способность к самостоятельной теоретической оценке ситуации на основе знания марксизма рассматривалась как необходимое политическое качество члена ВКП(б), а отказ от теории, как инструмента анализа практических проблем, резко осуждался (публикации Л.А. Шацкина и Я.Э. Стэна, выступления Д.Б. Рязанова).

Руководители страны крайне болезненно воспринимали ситуацию, когда их действия могли получить критическую оценку со стороны представителей ими же исповедовавшейся официальной идеологической доктрины. Перед ними встала проблема — как, не отказываясь от ее использования, лишить ее критического потенциала.

Разумеется, были использованы методы административных запретов и политических репрессий. Но под эти меры надо было подвести и некое идеологическое и теоретическое обоснование — ведь полный запрет на использование аппарата марксистской теории был несовместим с сохранением марксизма в качестве официальной партийной идеологии. Поэтому огонь официальной критики был направлен,

во-первых, против тех, кто вообще осмеливался на самостоятельные исследования в области марксистской теории, а также ставил вопрос о том, что именно такие исследования должны служить руководством к практическим действиям, и, во-вторых, против тех, кто занимался разработкой методологического аппарата для таких исследований. Если самостоятельные изыскания в сфере марксистской теории не нужны и, более того, вредны, то и владение марксистским методом, и разработка его так же являются излишними и вредными.

В результате репрессии в той или иной форме затронули наиболее крупных и самостоятельных представителей марксистской мысли, а исследования в области марксистского метода были поставлены под идеологическое подозрение. Одновременно под удар попали и представители немарксистских направлений в экономической теории и философии, не желавшие некритически воспринимать явно необдуманные решения партийно-государственного руководства.

Понятно, что в подобных условиях закрепились такая трактовка вопросов, поднимавшихся К. Марксом в первых отделах «Капитала», которая носила наиболее упрощающий и наименее диалектический характер. Совершенно закономерным образом в тот же период идейно-политическому погрому были подвергнуты и марксистские кадры, занимавшиеся проблемами диалектики (школа Деборина).

Итогом этой идеологической кампании (усугубившейся репрессиями 1937 г.) стали общее понижение уровня теоретических и методологических исследований в области марксизма, отказ от свойственного марксизму критического восприятия действительности, превращение марксистской науки в аппарат идеологического обслуживания решений партийно-государственного руководства. Лишь некоторое потепление политического климата во второй половине 50-х гг. позволило восстановить и в значительной мере повысить уровень понимания марксистской теории и метода по сравнению с тем, каков он был к концу 20-х гг. Большую

роль в этом процессе сыграло освоение не утраченного полностью наследия специалистов того периода.

Как же повлияло наследие И.И.Рубина на развитие марксистской мысли в СССР, начиная со второй половины 50-х гг.? Хотя сам И.И. Рубин не был философом, его работы оставили заметный след в разработке проблем диалектического метода в «Капитале» К. Маркса у такого известного советского философа, как Э.В. Ильенков. И исследование Рубиным теории товарного фетишизма, и его «социологическая» трактовка абстрактного труда сыграли свою роль как в исследовании Э.В. Ильенковым метода восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале», так и, в особенности, при разработке им своей оригинальной концепции идеального.

Исследования метода «Капитала» К. Маркса в рамках университетской («цаголовской») школы политической экономии привели в это же время к выработке такого понимания теории товара и стоимости у Маркса, которое сближалось с версией, представленной в работах И.И. Рубина. Так же как и у И.И. Рубина, в исследованиях университетской школы было обращено внимание на чрезвычайно важное значение развитой Марксом концепции формы стоимости для понимания специфики марксистской версии трудовой теории стоимости. Именно исследование формы стоимости наглядно демонстрировало, как именно производственные отношения людей могут проявляться через вещи и воплощаться в них.

Следует отметить, что к аналогичному использованию наследия И.И. Рубина (правда, значительно позднее, после публикации в 70-е гг. прошлого века работ Рубина в переводах) обратились и представители западного марксизма. Это хорошо прослеживается, например, в труде Кристофера Артура, посвященном диалектике «Капитала». А западные философы марксистского направления обратились к использованию развитой Рубиным концепции товарного фетишизма в «Капитале».

Однако это восстановление и развитие марксистской теории и метода, несмотря на впечатляющее продвижение в отдельных областях, достигнутое в СССР примерно за три десятилетия, оставалось все-таки весьма ограниченным. Жесткие идеологические рамки, в которые была поставлена марксистская наука, и постоянный политический контроль над ведущимися разработками и дискуссиями, установленные с начала 30-х гг. прошлого века, никуда не исчезли. Этот контроль смягчился и, если так можно выразиться, «рационализировался», т.е. стало уделяться гораздо меньше внимания тем областям исследования, которые не задевали непосредственно политических интересов руководства КПСС, но он оставался фактом, с которым приходилось считаться. Поэтому критическая природа марксизма практически не могла найти себе применения, что обесценивало результаты разработок в области марксистской теории и делало бесплодными исследования в области марксистского метода. Марксизм в СССР превратился в засохшее дерево, украшенное лишь отдельными зелеными побегами у самых корней.

Тем не менее, развитие марксизма в нашей стране, пусть и в столь неблагоприятных условиях, продолжалось. И если использование критического потенциала марксизма было почти невозможным или, в самом лучшем случае, должно было приобретать крайне замурованный характер, то разработки в области метода исследования уже не подвергались неумолимому политическому и идеологическому ostracismu. Хотя и в этой области проявления «опасной пытливости ума» (пользуясь словами из пьесы Н.А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты») отнюдь не поощрялись, все же как раз методологические аспекты марксистских исследований в области политической экономии пользовались наибольшей свободой дискуссий. В результате в политической экономии именно через освоение и развитие метода «Капитала» К. Маркса сохранялась и развивалась культура марксистского исследования вообще.

Дискуссия 70-х гг. прошлого века о предмете первого отдела первого тома «Капитала» К. Маркса во многом опиралась на постановки соответствующих проблем в работах И.И. Рубина. Таким образом И.И. Рубин внес достойный вклад в развитие марксистской теории и метода.

Следует признать, однако, что методологический потенциал этой дискуссии не был до конца использован. Интересный эксперимент с построением на основе метода «Капитала» системы категорий и законов политической экономии социализма оказался зажатым тесными рамками схоластического теоретизирования. Ведь анализ действительных отношений, сложившихся в советском хозяйстве, был допустим лишь в той мере, в какой это не противоречило принятым политико-идеологическим догмам, а потому критический и революционный дух марксистской диалектики не мог проявиться в этой теоретической конструкции. Однако, думается мне, и этот опыт не совсем напрасный. Во-первых, он все же не был полностью оторван от советской действительности. Во-вторых, даже в узких рамках возможного и допустимого в тех условиях сама попытка широкомасштабного применения метода К. Маркса для построения теоретической системы, описывающей новый объект, дала бесценный опыт — как в позитивном, так и в негативном смысле.

Кризис социалистического движения и социалистической теории, наступивший после распада мировой социалистической системы, по-разному сказался на судьбе исследований в области марксистского метода политической экономии. В России диалектика «Капитала» ушла в тень, и сохраняющиеся приверженцы марксизма в основном ориентируют свои исследования на теоретическую полемику по актуальным социально-экономическим проблемам современности. В западном же марксизме именно последние два десятилетия характеризуются некоторым ростом внимания к методологическим вопросам. Полагаю, что в России решение в основном вопросов выживания марксизма как определенного течения в общественных науках также должно

привести к восстановлению интереса к марксистскому методу. Ведь без его развития и совершенствования невозможно добиться новых результатов в области теории.

Забвение методологических проблем обрекает марксизм на теоретическое бесплодие.

Ж. Факкарелло*

ЗАКОН СТОИМОСТИ И ПРОБЛЕМА КООРДИНАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

I

По случаю многочисленных торжеств, приуроченных к 100-летию со дня смерти К. Маркса, и в период, когда марксистские исследования после всплеска шумных и скандальных дискуссий постепенно «выдыхаются», полезно привлечь внимание к автору, долгое время неизвестному, вышедшему на короткое время из забвения и тотчас забытому вновь — И.И. Рубину.

Его наследие, недавно возрожденное благодаря переводу его «Очерков по теории стоимости Маркса»², может быть лучше осмыслено после публикации его «Истории экономической мысли»³ и серии лекций, прочитанных им в 1927 и 1929 гг. на темы «Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса» и «Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса»⁴.

* Emeritus professor, Panthéon-Assas University, (Paris, France); Founding editor, The European Journal of the History of Economic Thought.

1. Опубликовано в журнале «L'homme et la société» («Человек и общество»). 1983. No. 67–68. Pp. 153–177. Настоящая статья представляет собой краткое историческое исследование теоретических принципов, развиваемых в двух предшествующих (1981 и 1982 гг.), и подробно рассмотренных в нашей монографии (1983 г.), к которой мы позволим себе отослать читателя, интересующегося этими проблемами. Перевод с фр. яз. А.В. Одинцовой.
2. *Roubine I.I.* Essais sur la théorie de la valeur de Marx, troisième édition, Moscou; trad. franç. Paris: François Maspéro, 1978 (1928).
3. *Roubine I.I.* A History of Economic Thought, 2ème éd., Moscou, trad. anglaise. Londres: Ink Links, 1979 (1929).
4. *Roubine I.I.* “Abstrakte Arbeit und Wert im Marxschen System”, trad. dans I.I. Roubine, S.A.

Важность деятельности Рубина трудно переоценить. Начиная с 1920-х гг., он решает или ставит проблемы, с которыми различные авторы столкнутся лишь несколько десятилетий спустя. Например, вопрос о разграничении производительного и непроизводительного труда, на который недавно был получен ответ в работах С. Colliot-Thélène⁵, был четко поставлен уже в «Очерках»⁶. основополагающие вопросы природы абстрактного труда, субстанции стоимости и связи теории стоимости и теории «фетишизма», являющиеся одним из направлений исследований Л. Коллетти⁷, уже тогда представляли собой основной вектор размышлений Рубина. Наряду с этим неоднозначность дедукции понятий в «Капитале», к которой вновь привлёк внимание в короткой статье два десятилетия назад Н. Г. Backhaus⁸, была неявно отмечена Рубиным еще в 1928–1929 гг.

Однако интерес, который может вызвать творчество Рубина, связан не только с более ранней постановкой им некоторых вопросов. Оригинальность его наследия заключается в том, что он одновременно логично и последовательно рассматривает проблемы, которые другие исследователи обнаружат лишь позднее, к тому же изолированно друг от друга – в этом его сила. Слабость же заключается в том, что логика его исследования не была доведена до конца; в том, что не были сделаны выводы, к которым неизбежно ведут все его рассуждения: необходимость пересмотра самой конструкции текстов Маркса и их значимости.

Bessonov u.a., *Dialektik der Kategorien*. Berlin: V.S.A., 1975, (1927). Pp. 7–53; *Roubine I.I.* “Die dialektische Entwicklung der Kategorien im Oekonomischen System von Marx”, dans *Roubine, Bessonow u.a., op. cit.*, 1929. Pp. 55–68 et débat Pp. 68–135.

5. *Colliot-Thélène C.* “Contribution à une analyse des classes sociales”, *Critique de l'Économie Politique* 1975, n° 19, Pp. 27–47, et n° 21, Pp. 93–126.

6. *Roubine I.I.* *Essais...* Chapter 19.

7. См., например: *Colletti L.* “Bernstein e il marxismo della seconda internazionale”, introduction à *Bernstein, Socialismo e Socialdemocrazia*, Laterza, Bari; repris dans *Colletti, Ideologia e Società*. Bari: Laterza, 1968. Pp. 61–145; *Colletti L.* *Il Marxismo e Hegel*. Bari: Laterza, 1969.

8. *Backhaus H.J.* “Dialektik der Wertform”, dans A. Schmidt (sous la direction de), *Beiträge zur marxistischen Erkenntnistheorie*. Francfort-sur-le-Main: Suhrkamp, 1967.

Однако, анализ основополагающих идей Рубина интересен также и в другом аспекте, на котором мы остановимся в данной статье. Его наследие представляет собой логическое завершение особой интерпретации теории, развиваемой в «Капитале». Речь идет о трактовке закона трудовой стоимости как основы регуляции и координации различных видов экономической деятельности в атомизированном обществе независимых товаропроизводителей. Подобная интерпретация всегда была маргинальной (более того, в некоторые исторические периоды она полностью отсутствовала) среди толкователей Маркса. Она родилась (и можно даже сказать умерла) в исключительно интересный и богатый разнообразными дебатами период — когда отмечалось пятидесятилетие со дня смерти Маркса⁹.

Почему наследие Рубина заняло столь специфичное место? Потому, что оно было с одной стороны, полезным в дебатах с оппонентами марксизма, а с другой — опасным для рождающейся в то время (а затем ставшей господствующей) ортодоксии. Для того чтобы понять это, необходимо хотя бы в общих чертах определить историческое место творчества Рубина в исследовании совокупности затрагиваемых проблем. Такой подход позволит нам оставить в тени многие вопросы, которые напрямую не касаются нашего предмета.

II

Прежде чем приступить к вопросу о месте и значимости закона стоимости, необходимо подчеркнуть важность в этом отношении проблемы «трансформации» стоимости в цену производства. Этот вопрос интересует нас здесь в ином, отличном от преобладающего в настоящее время и связан-

9. Для того, чтобы получить представление об этих дебатах, можно обратиться к работам: *Colletti L.* “Bernstein e il marxismo della seconda internazionale”. Pp. 61–145; *Colletti L.* *Il Marxismo e Hegel*; *Dostaler G.* *Valeur et prix: histoire d’un débat*, Grenoble: PUG-Maspéro, 1978 (в частности, гл. 2 и 4); *Finzi R.* (sous le direction de). *Neo-Ricardiana*: Sraffa e Graziadei, Bologne: P Mulino, 1977 (статья о A. Graziadei) и к первым томам «Истории современного марксизма» (*Histoire du Marxisme Contemporain*, Paris: U.G.E., 1976, Volumes 1 et 2).

ном с работами Л. Борткевича 1906–1907 гг. ключе. Сегодня известно, что предпринятая Марксом в третьем томе «Капитала» попытка решения была неудачной¹⁰; и вопросы о применимости теории стоимости, сформулированные по итогам ее анализа в 1880–1910-х гг., представляются закономерными и оправданными. Однако, в то время эти вопросы могли показаться надуманными.

Рассуждения о них обычно сводились к следующему. В той мере, в какой товары обмениваются в соответствии не с их стоимостью, а ценой производства, значимость закона стоимости становится сомнительной, так же как и значимость теории эксплуатации, которую она пытается обосновать. Ведь трудовая стоимость была задумана как теория отношений обмена: все, что противоречило обмену в соответствии со стоимостью, подрывало основы этого закона. Такая постановка может оказаться естественной у таких авторов как О. фон Бём-Баверк, однако, она весьма неожиданна у Вернера Зомбарта и особенно у Конрада Шмидта¹¹. Не указывалось ли, что «способ, которым Маркс выводит среднюю прибыль из прибавочной стоимости, впервые отвечает на вопрос, который до него экономическая наука даже не поднимала, а именно: каким образом определяется величина средней нормы прибыли, и почему средняя норма прибыли увеличивается, например, на 10 или 15 %, а не на 50 или 100%?»¹². Ответ, который приходит сразу на ум, — что цены и норма прибыли не могут быть определены раньше стоимости, отвергался с ходу¹³. Те же, кто как Зомбарт и

10. См.: *Faccarello G.* Travail, valeur et prix. Une critique de la théorie de la valeur. Paris: Anthropos, 1983.

11. О Конраде Шмидте см.: *Besnier B.* “Conrad Schmidt et les débuts de la littérature économique “marxiste””, dans *VVAA.*, 1976, tome 1. Pp. 383–445.

12. *Engels F.* “Complément et Supplément” au livre 3 du Capital de Marx, dans *K. Marx, Le Capital, Livre 3, tome 1*, Paris: Éditions Sociales, 1895. Pp. 26–44.

13. Хотя это решение сразу принимается Рубиным (*Roubine I.I.* *Essais...* Pp. 293, 327–332). Трактовка трансформации, изложенная в «Очерках», весьма традиционна и в этом заключается наименее интересная сторона работы (Pp. 293–337). Интересным представляется тот факт, что Рубин не воспринял значимости аргументов Борткевича — автора, которого он хорошо знал и которого часто цитировал (Op. cit. P. 145).

Шмидт желали сохранить значимость теории стоимости, пытались обосновать свою точку зрения более окольными путями.

Зомбарт настаивал на факте, что стоимость представляет собой всего лишь теоретическую идею, позволяющую выразить особую форму реализации разделения труда в рыночном обществе. «Он приходит к выводу, что [...] стоимость — не эмпирический, а мысленный, логический факт; понятие стоимости в ее материальной определенности есть у Маркса не что иное, как экономическое выражение того факта, что общественная производительная сила труда есть основа хозяйственного бытия; при капиталистическом строе хозяйства закон стоимости господствует над экономическими явлениями в конечном счёте и для этого хозяйственного строя в самом общем виде означает следующее: стоимость товаров есть специфически историческая форма, в которой осуществляется определяющее действие производительной силы труда, в конечном счете господствующей над всеми экономическими явлениями»¹⁴.

Столкнувшись с подобной идеей, Энгельс ограничивается высказыванием: «Нельзя утверждать, что этот способ понимания значения закона стоимости для капиталистического способа производства является неточным». Но «он не исчерпывает всего содержания и значения закона стоимости для других этапов экономического развития общества, управляемых этим законом»¹⁵.

Что касается Конрада Шмидта, то для него закон стоимости представляет простую научную гипотезу, фикцию, необходимую для анализа. «Он называет его научной гипотезой, выдвинутой для объяснения фактического процесса обмена, гипотезой, которая оправдала себя как необходимый теоретический исходный пункт, объясняющий даже явления конкурентных цен, как будто совершенно противоречащие ей; без закона стоимости, по его мнению, невозможно какое

14. Engels F. Op. cit.

15. Ibid.

бы то ни было теоретическое понимание экономического механизма капиталистической действительности»¹⁶.

Интересно отметить, что Энгельс ошибается в понимании смысла высказываний К. Шмидта. «Вы, — пишет Энгельс, — низводите закон стоимости к фикции, подобно тому как Кант бытие божие низводит к постулату практического разума. Ваши упреки по адресу закона стоимости относятся ко *всем* понятиям, рассматриваемым с точки зрения действительности. [...] Иначе: то и другое, понятие о вещи и ее действительность, движутся вместе, подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая. [...] По той причине, что понятие [...] не совпадает прямо [...] с действительностью, из которой только оно и может быть выведено, по этой причине оно всегда все же больше, чем фикция; разве что Вы объявите все результаты мышления фикциями»¹⁷.

Однако в дальнейшем Энгельс исправляет свою ошибку: речь не идет об соотношении понятия (стоимости) и реальности (цены), а о теоретической корректности концептуальной дедукции: «Я весьма Вам обязан за Ваше упорство в отношении “фикции”. Здесь, действительно, имеется трудность, которую я преодолел лишь благодаря тому, что Вы настаивали на “фикции”»¹⁸. Предложенное им решение, основанное на отрывке из третьего тома Капитала, представляет процесс трансформации как исключительно историческую проблему, а понятия стоимости и цены развиваются параллельно с эмпирическими трансформациями рыночной реальности¹⁹.

Известно, что ответ Энгельса не только не решает проблему, а, напротив, — лишь усугубляет ее. «Историче-

16. Ibid.

17. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 354.

18. Письмо К. Шмидту, 6 апреля 1895 г. Там же. С. 381.

19. Хотя Рубин и принимает в целом некоторые методологические предпосылки Энгельса, он отвергает «историческую» концепцию трансформации и пытается объяснить смысл связанных с ней высказываний Маркса, которые Энгельс цитирует в качестве подтверждением своего тезиса.

ская интерпретация вопроса», — справедливо подчеркивает Рубин, — «приводит нас к [...] игнорированию исторического характера категории стоимости»²⁰. Но, для нас здесь важно то, что вырисовывается 2 направления: закон стоимости как историческое выражение общественного разделения труда, с одной стороны, и (или) как простой продукт разума, как необходимая фикция, с другой. В начале XX в. первое направление получило развитие в работах Р. Гильфердинга²¹; второе — в работах Ф. Петри²². Последний, в частности, в контексте «понимающей социологии», проводил радикальное разграничение между количественным аспектом «Капитала», восходящим к наукам о природе и к наследию (пагубному) предшествующей Марксу политической экономии, и качественным, свойственным историческим и социальным наукам, позволяющим проводить анализ с учетом и с пониманием капиталистической действительности (наследие гегелевского идеализма и подлинная новизна марксистской теории стоимости).

III

В том, что касается нашей темы, другие элементы контекста можно почерпнуть из памфлета Бём-Баверка²³ против теории Маркса (и, впоследствии, из ответов в ее защиту В. Зомбарта и Гильфердинга (1904)). Марксистские комментаторы очень часто уделяли внимание первым трем частям произведения 1896 г., а также достаточно легко формули-

20. Roubine I.I. Essais... P. 336.

21. Hilferding R. "Böhm-Bawerks Marx-Kritik", dans Marx Studien, Vienne; trad. dans P. M. Sweezy, Karl Marx and the Close of his System (regroupe les contributions de Böhm-Bawerk, 1896, Hilferding, 1904, ainsi qu'un article de Bortkiewicz datant de 1907), trad. it., Florence: La Nuova Italia, 1971, 1949. Pp. 113–175.

22. Petry F. Der soziale Gehalt der Marxschen Werttheorie, Iena: Fischer, 1915. Petry F. Projekt Klassenanalyse, Zur Debatte über das System der Kritik der Politischen Oekonomie in der UdSSR, annexe à Roubine. 1975 [1929]. Pp. 137–190.

23. Böhm-Bawerk E. von. Zum Abschluss des Marxschen System, trad. dans P. M. Sweezy, Karl Marx and the Close of his System (regroupe les contributions de Böhm-Bawerk, 1896, Hilferding, 1904, ainsi qu'un article de Bortkiewicz datant de 1907), 1949 (1896) Pp. 3–110.

руемым ответам, которые были адресованы им в 1904 г. Гильфердингом. Четвертая и пятая части работы Бём-Баверка («Ошибка марксистской системы, ее происхождение и разветвления» и «Апология Вернера Зомбарта»), напротив, были практически проигнорированы. Однако, отталкиваясь от аргументов, сформулированных впервые еще в 1884 г., эти части превосходят по своему критическому потенциалу предшествующие. В частности, в них рассматриваются вопросы о том, каким способом Маркс представляет (вводит) понятие стоимости, как она сводится исключительно к затраченному труду и как происходит дедукция абстрактного труда в качестве субстанции стоимости. Они позволили поставить под сомнение самую легитимность рассуждений в терминах «естественных цен», независимых от спроса. Наконец, очень подробно и въедливо анализируется реальная значимость стоимости в качестве «исключительно концептуальной величины» (по Зомбарту). Иначе говоря, речь идет о деликатных моментах, о которых обычно обходили стороной защитники системы Маркса.

Заслугой Гильфердинга является попытка найти ответ на очень весомый аргумент: абсолютно произвольный характер отождествления (идентификации) стоимости и труда в «Капитале». Нет уверенности в том, что этот момент был хорошо понят впоследствии, поэтому следует остановиться на этом еще раз. Рубин в своих рассуждениях часто будет ссылаться на него.

Критика, адресованная Бём-Баверком, основана на эксплицитной гипотезе, согласно которой теория трудовой стоимости не могла быть ничем иным, нежели теорией отношений обмена: именно с этим связана представленная Марксом дедукция соизмеримости товаров и равенства стоимости в обмене, иначе говоря, уравнивания продуктов абстрактного труда. Гильфердинг, даже если впоследствии он сам себе будет противоречить, поставил вопрос иначе — закон стоимости не обязательно является теорией отношений обмена; Марксом не обоснованы (не дедуцированы) основы закона

стоимости, он их не доказывает; он просто и непосредственно определяет предмет исследования. «Критический вопрос Бёма, на который Маркс, якобы, дал столь неправильный ответ, сводится к тому, насколько Маркс имел право объявить труд единственно созидающим ценность, и наша антикритика должна, прежде всего, показать, что анализ товара содержит в себе искомый ответ»²⁴.

Вклад Гильфердинга заключается в указании на «анализ товара», отличный от анализа, традиционно выводимого на основе первых страниц «Капитала». Возвращаясь к вопросу, уже затронутому Зомбартом, Гильфердинг в предложенном им подходе делает акцент на специфическом характере общественного разделения труда в обществе, основанном на рыночных отношениях. Эта тема, конечно эксплицитно, присутствует на многих страницах «Критики политической экономии» и «Капитала» — в особенности в пассажах, посвященных «товарному фетишизму». Но непосредственной точкой отсчета для формулирования ответа Гильфердинга стало письмо Маркса Кугельману от 11 июля 1868 г.²⁵ В нем Маркс действительно утверждает, что «если бы в моей книге и вовсе не было главы о «стоимости», то анализ реальных отношений, который я даю, все равно содержал бы в себе доказательство и подтверждение действительного отношения стоимости». Естественно, что стоит уточнить содержание понятий «реальные отношения» и «действительные отношения» стоимости. «Болтовня по вопросу о необходимости доказывать понятие стоимости, — продолжает Маркс, — покоится лишь на полнейшем невежестве как в отношении того предмета, о котором идет речь, так и в отношении метода науки. Всякий ребенок знает, что

24. Hilferding R. "Böhm-Bawerks Marx-Kritik". P. 12.

25. Письма Маркса Кугельману были опубликованы в 1902 г., в год смерти адресата. Известно, однако, со слов Гильфердинга, что реплика Бём-Баверку, опубликованная в 1904 г., была изложена в своей основной части в конце 1902 г. Удивительная аналогия между знаменитым письмом от 11 июля 1868 г. и содержащимися в тексте мыслями, указывает, по нашему мнению, на то, что Гильфердингу было известно содержание письма, и он находился под его влиянием.

каждая нация погибла бы, если бы она приостановила работу не то что на год, а хотя бы на несколько недель». Таким образом, вопреки обычной точки зрения анализ ведется на глобальном уровне отраслей и распределения «общественного труда». «Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта *необходимость распределения общественного труда в определенных пропорциях* никоим образом не может быть уничтожена *определенной формой общественного производства*, — измениться может лишь форма *ее проявления*».

Эта «необходимость» имеет силу «естественных законов». Но что же тогда означает понятие «стоимость»? Всего лишь специфическую «форму», в которой осуществляется распределение «общественного труда» в обществе, где априори отсутствует всякое регулирование производства. «Измениться, в зависимости от исторически различных состояний общества, может лишь *форма*, в которой эти законы прокладывают себе путь. А форма, в которой прокладывает себе путь это пропорциональное распределение труда, при том состоянии общества, когда связь общественного труда существует в виде *частного обмена* индивидуальных продуктов труда, — эта форма и есть *меновая стоимость* этих продуктов»²⁶.

В атомизированном обществе независимых производителей именно обмен формирует общественные отношения, что и порождает, прежде всего, присущие им проблемы. Индивидуальный, частный труд не является с самого начала общественным. Он должен таковым стать. Каким способом? Посредством доказательства общественной полезности, т.е. факта, что его продукт найдет потребителя на рынке. Таким образом, на первый план выдвигается роль обмена, рынка

26. Цитаты из письма Кугельману приводятся по: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 32. С. 460–61.

и, соответственно, денег. Именно эту проблему, в формулировке Кугельмана, поднимает Гильфердинг в 1904 г. Ее же он достаточно четко резюмирует в 1910 г. в первой главе «Финансового капитала», ссылаясь на этот раз на анализ «товарного фетишизма»: «Производственное сообщество людей в принципе может быть построено двояким образом. Прежде всего здесь возможно сознательное регулирование. Общество — является ли оно самодовлеющей патриархальной семьей, коммунистическим племенем или социалистическим обществом — создает для себя органы, которые как представители общественного сознания определяют размеры и характер производства и распределяют добытый общественный продукт между членами. Как, где, сколько, какими орудиями производятся новые продукты при наличных естественных и искусственных условиях производства — все это решает *Pater familias* или коммунальные, местные или национальные комиссары социалистического общества [...] Иначе обстоит дело с обществом, не имеющим такой сознательной организации. Оно распадается на независимых друг от друга индивидуумов, чье производство является уже не общественным, а их частным делом. Таким образом, они — частные собственники, вынуждаемые развитием разделения труда вступать во взаимные отношения; акт, которым они это совершают, есть обмен их продуктов. Только этим актом и устанавливается здесь связь, в этом обществе, расчлененном на атомы частной собственностью и обменом»²⁷. Обмен и отношения обмена опосредовано и неизбежно определяют место каждого в производстве, в общественном разделении труда. В этом заключается свойственная рыночному обществу форма регуляции²⁸.

27. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. С. 46–47.

28. «Колебания рыночных цен есть барометр — показатель процессов распределения общественного труда, происходящих в глубине народного хозяйства. Но это — барометр совершенно необычный; барометр, который не только показывает погоду, но и исправляет ее» (Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. М.-Л.: Госиздат, 1929. С. 70).

Таким образом, согласно Гильфердингу, основы трудовой теории стоимости приводят нас к специфической постановке проблемы и ни к чему более. Стоимость является лишь «общественным» аспектом товара, а потребительная — отражает ее «натуральную» сторону. В этом состоит главный смысл выражения Маркса, согласно которому стоимость должна быть сведена к «общественно необходимому рабочему времени». «Но это рабочее время, как таковое, не получает непосредственного выражения, такого, например, как в обществе Родбертуса, где центральная власть непосредственно устанавливает для каждого продукта общественно значимое рабочее время. Оно проявляется лишь в приравнивании одной вещи к другой в акте обмена. Следовательно, стоимость одной вещи, время, общественно необходимое для ее производства, находит себе выражение не как таковое, не как восьми-, десяти-, или двенадцатичасовой труд, а как определенное количество другой вещи». «Выражение стоимости, этого общественного отношения, в другой вещи [...] непосредственно вытекает из природы товарного производства и неотделимо от нее. Ведь только вследствие того, что потребительная стоимость одного становится товаром и вместе с тем потребительной стоимостью другого, — только так и возникают присущие товарному производству общественные отношения между его членами, взаимные связи между ними, как обменивающимися своими вещами. И лишь после того, как обмен совершился, производитель узнает, действительно ли его товар удовлетворяет общественную потребность и правильно ли использовал он свое рабочее время. Он получает подтверждение, что он полноценный член общества товаропроизводителей. Но это подтверждение дает не какое-либо лицо, которое может говорить от имени этого общества [...], его общественная значимость подтверждается посредством той вещи, которую он получает в обмен на свою»²⁹.

29. Гильфердинг Р. Указ. соч. С. 52–53.

IV

Теперь мы можем без особого труда представить, каким образом проблематика, поднятая Гильфердингом, стала одновременно и своевременной, и неудобной. С одной стороны, она прямо опровергает важный аргумент критики Бём-Баверка, с другой — она ставит не менее важные вопросы для самой марксистской теории в ее обычной интерпретации. Имплицитно содержащееся в ней указание на роль рынка и обмена, а не собственно «производства», как места социализации индивидов, оспаривает *содержание* теории трудовой стоимости. «Таким образом, труд является первопричиной стоимости, а закон стоимости является реальностью: не потому, что труд представляет собой технически наиболее важный факт, но потому, что он является общественной связью, которая объединяет атомизированное общество»³⁰. Эта простая фраза, в которой резюмируются предшествующие рассуждения, небезопасна: она требует особого социологического и исторического понимания концепции и основных понятий политической экономии, ограниченной изучением капиталистического способа производства и его овеществленной реальности.

Но Бём-Баверк мог на это законно возразить, что такая характеристика недостаточна, и что закон стоимости Маркса содержит неизбежный количественный аспект, который здесь, очевидно, не учитывается. Совместим ли подход Гильфердинга с определением стоимости, согласно которому она — *количество* «общественно необходимого» труда, содержащегося в товаре? Не находится ли в противоречии глобальный, социологический аспект с индивидуализированным и техническим, связанным с затратами труда? Так же как и Маркс, Гильфердинг не видит противоречия между различ-

30. Hilferding R. "Böhm-Bawerks Marx-Kritik". P. 124. Об этом же пишет и И. Рубин: «Вся критика Бём-Баверка... держится и падает вместе с предположением, на котором она построена: а именно, что первые пять страниц «Капитала» содержат единственное обоснование, которое Маркс дал своей теории стоимости. Нет ничего ошибочнее этой мысли» (Рубин И.И. Указ. соч. С. 56).

ными аспектами анализа: «Если результат общественного процесса производства качественно характеризуется таким образом, то количественно он определяется совокупными трудовыми затратами. В качестве кратной части общественного продукта труда индивидуальный товар количественно определяется долей содержащегося в нем совокупного рабочего времени»³¹.

Однако, как совместить это утверждение с предыдущим, согласно которому количество труда, образующее стоимость, не может быть выражено как таковое до обмена, и что величина стоимости становится известной только после того как он (обмен) осуществлен? Кажется, что теперь не обмен определяется стоимостью, а стоимость обменом. Простой таксономический вопрос, но он вносит путаницу в анализ.

Здесь проявляется важность перемещения вопроса определения величины стоимости на глобальный уровень общества и отраслей общественного производства. Можно предположить, что утверждение, согласно которому «общий продукт труда представляется как совокупная стоимость, которая в отдельном товаре количественно представляется как меновая стоимость»³², является своеобразной попыткой нейтрализации роли рынка. Общее количество стоимости, определяемое «общественным трудом», является величиной данной, она лишь распределяется различным образом между различными совокупностями товаров в соответствии с объемом общественных потребностей. Таким образом, оно покрывает (полностью, частично или сильно несовершенным образом) действительно осуществленные затраты труда по различным отраслям или внутри них, по различным производителям. Таким образом, обмен ничего не создает, он лишь производит трансферы, если рассуждать по аналогии со схемой «трансформации» (которая сильно повлияла на Гильфердинга), хотя здесь это понятие является неадекватным.

31. *Hilferding R.* “Böhm-Bawerks Marx-Kritik”. P. 122.

32. *Ibid.* P. 121.

Такова, в целом, логика Гильфердинга в том виде, как она вырисовывается нам из достаточно кратких и туманных высказываний, посвященных этому вопросу. «Теперь предстоит раскрыть закон этого общества как производственного, как трудового сообщества. Всякая отдельная работа предстает теперь ... как часть того совокупного труда, которым располагает данное производственное сообщество. Только с этой точки зрения труд и является трудом, создающим стоимость»³³. «Но количество [товаров], перемещающееся в акте обмена, приобретает в нем значение только как часть всей массы общественного производства. Последнее же в свою очередь определяется с количественной стороны тем рабочим временем, которое должно быть затрачено обществом на производство всего продукта. Общество берется здесь как единое целое, производящее продукты всей своей рабочей силой; индивидуум с его трудом является лишь органом общества; как такой орган он соучаствует в продукте лишь в той мере, в какой его рабочая сила соответствует общественно средней силе, предполагая, что последняя дана как со стороны интенсивности, так и производительности»³⁴.

Все эти рассуждения, естественно, независимо от проблем, возникающих в плане их внутренней логики (выделение двух уровней анализа, индивидуально-частного и общественно-агрегированного), привязываются к определению, которое можно было бы дать этому «коллективному» или «общественному» труду. Идет ли в нем речь о структуре (системе) или о простой совокупности? Первое решение (или вектор конкретного труда) здесь не имеет никакого смысла. Если речь идет о простой совокупности (сумме), что мы должны складывать? Все трудовые затраты, осуществленные в рыночном производстве? Или только те, которые стали общественно признанными в результате обмена? Так как второй вариант предполагает проблему решенной, то следует остановиться на первом: помимо прочего, он соответствует

33. Гильфердинг Р. Указ. соч. С. 50.

34. Там же. С. 50–51.

идее, высказанной чуть выше: о соответствии между частным и общественным. В любом случае встает проблема гомогенности агрегируемых величин. И в этом пункте Гильфердинг неоднозначен. Когда он говорит о процессе абстрагирования труда, он ссылается на общественное определение; когда же он поднимает вопрос «коллективного труда», он говорит о «абстрактном человеческом» или «общем человеческом» труде.

Итак, он не отдавал себе отчета, что проблема абстрактного труда у Маркса, на которую указал Бём-Баверк, и которую он, как ему казалось, решил, не нашла адекватного разрешения и не исчезла при изменении уровня анализа.

V

Гильфердинг стремился придать своему подходу вид ортодоксии, что помешало ему достичь поставленной цели. Однако, проблематика, которую он обозначил, продолжила самостоятельную, хотя и достаточно скромную, жизнь. Насколько нам известно, мало кто из исследователей занимался ею. Ее можно встретить у Николая Бухарина в начале «Политической экономии рантье» (1919), где она излагается в связи с проблемой товарного фетишизма и смежной с ней темой одновременного конца капиталистического способа производства и политической экономии как науки. Конечно же, она получила значительное развитие у Рубина. Но нельзя пренебрегать и важным промежуточным звеном, представленным в работах Розы Люксембург.

Зададимся вопросом: откуда такое пренебрежение этой проблематикой? Наверное, было бы важно отметить, что для целого поколения работа Гильфердинга 1904 г. представлялась «окончательно» опровержением Бём-Баверка, давая возможность не обращаться более к затрагиваемым там темам всерьез: она позволяла с большими основаниями полагаться на энгельсо-каутскианскую (а затем и ленинистскую) вульгату и, тем самым, набрать себе очки в других дебатах (в част-

ности, по поводу теоретического осмысления империализма, а затем и строительства советского общества). Обсуждение же проблемы стоимости было делом соперников из II, а затем, III Интернационала. Политическая эволюция Гильфердинга в свою очередь способствовала дискредитации его теоретического подхода, также как и весьма маргинальная по отношению к ортодоксии позиция Р. Люксембург. Финальное поражение Гильфердинга окончательно похоронило его учение в бесчестии и забвении, которые всегда были уделом побежденных. Остальное сделал сталинизм.

В сравнении с предшествовавшим развитием проблематики, подход, предложенный Р. Люксембург, представлял собой одновременно частичное отступление и серьезное стратегическое продвижение: первое в той мере, в какой, в целях сохранения согласованности в исходных посылах, она остается менее верной, нежели Гильфердинг, общепринятым взглядам и склоняется к классическому экономическому механизму; второе же заключается в бесспорном развитии понимания всех социально-экономических проблем. Этот последний пункт заслуживает особого внимания, если мы сравним первые страницы «Накопления капитала» (1913)³⁵, где проблема координации не упоминается, с «Введением в политическую экономию» (работа, вышедшая после смерти автора, в 1925 г.)³⁶, где подробности и совершенство ее рассмотрения достигают высочайшего уровня (в частности в том, что касается описания рыночного общества в гл. 4). Р. Люксембург лучше, чем Гильфердинг, и с заметной теоретической остротой устанавливает связь между теорией фетишизма³⁷, один из аспектов которой заключается в сведении категорий политической экономии к овеществленным общественным отношениям, и неизбежно денежным характером рыночного обмена. «Товарообмен немислим без

35. *Luxemburg R. L'accumulation du capital, trad. franç., Paris: François Maspéro, 2 vol., 1969 (1913).*

36. *Luxemburg R. Introduction à l'Économie Politique, trad. franç., Paris; UGE 10/18, 1973 (1925).*

37. *Ibid.* Рубин придавал теории товарного фетишизма огромную важность, посвятив ей семь глав «Очерков».

денег, и колебания цен [...] являются в действительности единственным средством, указывающим производителям товаров, достаточно или недостаточно товаров они изготавливают, больше или меньше труда, чем требуется, они употребили на производство, производят ли они требуемые товары или нет. Если устранить это единственное средство взаимного осведомления между изолированными товаропроизводителями в анархическом хозяйстве, то они совсем потеряются и будут не только глухонемыми, но и слепыми. Тогда производство должно остановиться, а капиталистическая вавилонская башня развалиться. Социалистические проекты, стремящиеся превратить капиталистическое товарное производство в социалистическое путем одного лишь уничтожения денег, являются, следовательно, по существу чистой утопией».³⁸

Конечно, опять встают все те же вопросы: какие отношения существуют, в частности, с теорией трудовой стоимости? Как конкретизировать роль рынка? «Каким бы серьезным и сложным не был труд, он не имеет изначально цель и стоимость с точки зрения общества; только продукт, который может быть обменян, имеет стоимость; продукт, который никто не принимает в обмене, не имеет стоимости, это потерянный труд, каким бы сложным и хорошим он ни был»³⁹, этот труд остается частным и не становится общественным. Именно в этом пункте Р.Люксембург немного отходит от взглядов Гильфердинга. Во-первых, ее определение «общественной работы» как «суммы работ, производимых членами общества друг для друга»⁴⁰, учитывая контекст, как будто предполагает не только потенциальную, но и реальную роль обмена; товары, произведенные сверх необходимого количества («перепроизведенные»), не составляют части общественного труда⁴¹. Такое опреде-

38. Люксембург Р. Введение в политическую экономию. М. Соцэкгиз, 1960. С. 264.

39. Там же. С. 219.

40. Люксембург Р. Накопление капитала. М.-Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1931. С. 231, сн. 1.

41. Там же, сн. 2, в особенности, начиная со слов «соотношение с «потребностями...»

ление *ad hoc* опять отсылает к вопросам таксономии, о которых говорилось выше. Во-вторых, ясно, что Р. Люксембург отказывается от «глобального» подхода к определению стоимости на уровне общества в целом с того момента, как она переходит к чисто «экономическому» анализу. Таким образом, ее логика отлична от логики Гильфердинга. Подход, предложенный в этом отношении Люксембург, сводится к тому, чтобы избежать поднятой проблемы и концентрировать внимание на рассматриваемом классиками механизме тяготения рыночных цен к естественной цене. По крайней мере, именно такой вывод можно сделать из рассуждений, содержащихся на первых страницах «Накопления капитала». Сегодня понятно, что это решение верно только на словах, так как рассмотрение этих механизмов тяготения предполагает однозначное решение вопросов, которые в этих рассуждениях не получают такового и требуют особого доказательства.

VI

Таков теоретический контекст научных споров, в которых принимает участие Рубин. Его воздействие просматривается в названиях статей и книг, цитированных во все еще слабо известных «Очерках по теории стоимости Маркса». С учетом частично пересекающихся исследований, которые были приведены выше, и ставящихся в них вопросов Рубин предпринимает попытку прояснить, насколько это возможно, различные теоретические позиции и с помощью максимально точного и логического анализа трудов Маркса определить используемые понятия и их взаимоотношения в «Капитале». «Только после работ Гильфердинга... стало намечаться правильное понимание социологического характера теории стоимости Маркса. Последняя берет своим исходным пунктом определенную социальную среду, общество с определенной производственной структурой. Это положение неоднократно повторялось марксистами; но до Гильфер-

динга никто не делал его краеугольным камнем всего здания марксовой теории стоимости»⁴².

Конечно, мы не ставим здесь задачу пересмотреть все аспекты комментариев Рубина. Мы остановимся только на том, что непосредственно касается его попытки решения или прояснения проблем, поднятых на предшествующих страницах. Следует еще раз напомнить исходную точку его анализа: простая и абсолютная инверсия традиционного подхода. Теоретический анализ исходит не из стоимости и отношений обмена для того, чтобы прийти к субстанции стоимости, определяющей ее величину, — к труду, но исходит из «труда» для того, чтобы охарактеризовать понятие «стоимости».

«... Нашим исходным пунктом является не стоимость, а труд. Ошибочно представлять себе дело таким образом, будто Маркс исходит из явлений стоимости в их вещном выражении и, анализируя их, приходит к выводу, что общим в обмениваемых и оцениваемых вещах может быть только труд. Ход мысли Маркса по существу обратный. В товарном обществе труд отдельных производителей, который непосредственно является трудом частным, может приобретать характер труда общественного, т.е. он может подвергнуться процессу взаимного связывания и согласования, только через «стоимость» продуктов труда. Труд может найти свое выражение, как явление общественное, только в «стоимости». Своеобразие теории трудовой стоимости Маркса в том, что он обосновывает ее не свойствами «стоимости», т.е. акта приравнивания и оценки вещей, а свойствами «труда» в товарном обществе, т.е. на анализе трудовой структуры и производственных отношений последнего»⁴³.

Таким образом, предметом теории стоимости являются «двусторонние отношения» между различными видами труда в процессе распределения. А значит, изначально подчеркивается качественный аспект закона стоимости, т.е. его социологический и исторический характер, выражающий

42. Рубин И.И. Указ. соч. С. 56.

43. Рубин И.И. Указ. соч. С. 73.

овеществленные общественные отношения. Но способен ли такой инверсивный подход отразить так же и количественный аспект трудовой стоимости, на чем постоянно настаивает традиционное понимание? Именно об этом говорит Рубин, который, помимо прочего, обвиняет Ф. Петри⁴⁴ в том, что он отбросил количественную сторону дела после того как вполне обоснованно доказал социологический характер концепции Маркса. С учетом этого опять ставятся вопросы, поднятые ранее. Что есть стоимость, если речь не идет исключительно о «форме обмениваемости» продуктов труда? Как определить абстрактный труд и конкретный труд, если и здесь речь идет не просто о качественных характеристиках, а о величинах, которые могут и должны быть определены. Наконец, какова роль обмена и рынка в этой конструкции? Несмотря на предпринятые попытки, Рубину не удается склеить осколки вазы, которую он сам окончательно разбил. В этом аспекте, после работ Гильфердинга и Розы Люксембург, творчество Рубина несомненно представляет последнюю точку в *марксистских* комментариях к Марксу.

В «Очерках» Рубина предпринимается попытка, отталкиваясь от исходного понятия «труда», одновременно провести двойной анализ: количественный и качественный. Здесь мы обязаны максимально полно распутать все переплетения тем для того, чтобы проанализировать сущность и согласованность подобного подхода.

Качественный анализ нам уже хорошо известен. Рыночная система экономики требует, чтобы общественное отношение завязывалось на рынке посредством обмена продуктами. Равенство продуктов в обмене, их взаимозамена требуют общественного равенства независимых производителей, а значит – и равенства их труда. Но можем ли мы уточнить природу этого «равенства», в результате которого частный труд превращается в труд общественный? Рубин выделяет три типа «равного труда»: «физиологически равный», «соци-

44. Там же. С. 77.

ально уравненный» и «абстрактный». Критикующий в целом физиологическую концепцию абстрактного труда⁴⁵, он сразу отказывается от первого типа. В отличие от социологической и исторической концепции Маркса, понятие физиологического труда может быть лишь самым общим условием его разделения, изменяющегося распределения труда внутри общества: «Понятие абстрактного труда есть понятие физиологическое, лишенное всяких элементов, социальных и исторических. Оно присуще всем историческим эпохам, независимо от той или иной общественной формы производства»⁴⁶.

Остается социально уравненный и абстрактный труд. В той мере, в какой в организованных экономиках конкретный труд является сразу общественным, понятие абстрактного — специфично для рыночной экономики: оно означает, что процесс обобществления, связанный с обменом, уравнивает опосредованно различные формы труда, посредством абстрагирования от конкретного характера товаров и труда.

Кроме того, в «плановой» экономике труд не обязательно «уравнен», или, по крайней мере, это является второстепенным аспектом процесса распределения общественного труда. В отличие от этого в рыночной экономике труд становится общественным только потому, что он «уравнен», и он «уравнивается» только потому, что на рынке имеет место «абстрагирование» от всех различий. «Итак, в отличие от патриархальной семьи или крепостного поместья, где труд в его конкретном виде имел непосредственно общественный характер, в товарном обществе единственная общественная связь между самостоятельными частными хозяйствами создается через всесторонний обмен и приравнивание продуктов самых различных конкретных видов труда, т.е. через отвлечение от их конкретных особенностей, через превращение труда конкретного в труд абстрактный»⁴⁷.

45. Там же. Гл. 14.

46. Там же. С. 116.

47. Там же. С. 126.

Однако, очевидно, что термин «равный» не содержит здесь ни количественного, ни субстанционального аспекта. Он означает лишь установление соответствия между данным типом труда со всеми другими с помощью обмена. Он подтверждает общественное равенство независимых производителей.

В этой социологической проблематике и с учетом этого первого определения Рубин затем осуществляет сближение между абстрактным трудом, стоимостью и трудом. Так как известно, что рыночные цены служат корректирующим барометром, то распределение общественного труда изменяется под влиянием отношений обмена.

Таким образом, устанавливается связь между стоимостью, абстрактным трудом и процессом труда. Эта связь естественно отлична от той, которая обычно подчеркивается. Очевидна, она ничего не говорит о количественном определении отношений обмена. Но так как используется традиционная терминология, это позволяет Рубину осуществить соединение с количественным анализом. «Стоимость, таким образом, и качественно и количественно является выражением абстрактного труда и через посредство последнего связана одновременно и с социальной формой общественного процесса производства и с его материально-техническим содержанием»⁴⁸.

Переход к этому второму типу анализа осуществляется незаметно, несмотря на то, что он содержит, если к этому быть готовым, субстанциальные изменения. Несмотря на то, что определение процесса абстрагирования очевидно сохраняется⁴⁹, однако абстрактный труд на этот раз сводится к понятию «общественно необходимого труда», который определяется Рубиным как технически среднее необходимое для производства конкретного товара⁵⁰. Здесь автор вновь возвращается к тра-

48. Там же. С. 67.

49. Там же.

50. Там же. Гл. 16.

диционному анализу технического «овеществленного труда». Роль рынка, обмена отходит на задний план, а на передний выдвигаются условия производства. Анализ покидает глобальный и общественный уровень и сводится к индивидуальному и частному аспекту, на котором основан весь конец «Очерков»: главы 16–18 и значительная часть предшествующих глав. Единственным откликом предшествующих рассуждений является частое появление механизма гравитации (т.е. колебания рыночной цены вокруг стоимости), который исправляет, как у Розы Люксембург, нарушения, связанные с вмешательством рынка.

VII

Очевидно, сам И.И. Рубин был уверен в том, что он смог соединить оба аспекта анализа Маркса («количественный» и «качественный»). Однако воссоздание всего дискурса позволяет нам сделать совсем другой вывод: теоретическое единство является иллюзорным, оно основано лишь на общем терминологическом аппарате, который в каждом аспекте анализа имеет собственное содержание. Что бы ни говорил автор, переворачивание с ног на голову традиционного анализа для обоснования социологической концепции закона стоимости не позволяет ему вновь вернуться к привычному подходу для того, чтобы дать определение нормальным отношениям обмена. Два подхода (две логики) диаметрально противостоят друг другу. Их соединение возможно только на том основании, что используется один язык: потому что мы называем «абстрактным» трудом и трудом «конкретным» две различные реальности; отождествляем движения цен и роль рынка, свойственные историческому подходу, и механизм гравитации классической политической экономии; для этого исторического подхода мы устанавливаем связь между стоимостью, абстрактным трудом и процессом производства, игнорируя различное содержание одних и тех же по форме понятий, но выводя из них понятие «овеществленного

труда». Рассуждения Рубина в этом отношении характеризуются постоянным сползанием в риторику, основанную на чистых вербальных аналогиях. В результате ортодоксия все же одерживает победу.

VIII

В качестве хорошей иллюстрации предшествующих выводов посмотрим, что Рубин говорит об «общественном труде» и роли рынка. Его сомнения по этому поводу достаточно явны и отражают столкновение двух противоположных и несовместимых вопросов (проблематик).

Совокупный общественный труд сначала рассматривается как сумма потраченных трудовых усилий в различных отраслях производства. Это подразумеваемое определение лежит в основе многих рассуждений. «Производство сукна ... то обгоняет спрос (перепроизводство), то отстает от него (недопроизводство). Иначе говоря, количество общественного труда, затрачиваемого на суконное производство оказывается то чрезмерно большим, то недостаточным»⁵¹. Труд является общественным тогда, когда мы его рассматриваем в качестве части совокупного однородного общественного труда или с точки зрения его «отношения к совокупному труду всего общества». И вновь: «Час труда сапожника и час труда суконщика уравнивается друг с другом, образуя каждый одинаковую долю совокупного общественного труда, распределенного между всеми отраслями производства. Труд, образующий стоимость, выступает таким образом не только в качестве количественно распределенного, но и в качестве социально уравненного (или равного) труда, короче говоря, в качестве «общественного труда», под которым понимается совокупная масса однородного, равного труда всего общества»⁵².

Такой подход, естественно, предполагает традиционную проблематику, в которой труд рассматривается в качестве

51. Там же. С. 59.

52. Там же. С. 60.

«абстрактного» с самого начала производства, и, вследствие его гомогенности, он подлежит агрегированию. Но сам процесс абстрагирования являет проблему.

В других местах, однако, общественный труд определяется как труд, создавший товар, нашедший своего потребителя и оцененный в процессе обмена. Здесь акцент сделан на реальном обмене, а не просто на производстве в целях обмена. «Таким образом в товарном хозяйстве уравнение труда не устанавливается кем-то заранее при помощи определенной единицы измерения, а происходит через посредство уравнения товаров в обмене»⁵³.

Анализ возобновляется в главе 14, после того как Рубин уточняет определяющую роль всеобщего эквивалента (глава 13). Обмен одежды на золото «уравнивает» труд портного с трудом золотодобытчика, а значит – уравнивает и устанавливает связь со всеми конкретными формами труда. Труд портного, уравненный с помощью этих форм, трансформируется из конкретного в абстрактный. Вступая во взаимоотношения с другими видами труда в общей системе совокупного общественного труда, труд портного трансформируется из частного труда в общественный. «Всестороннее уравнение (через деньги) всех конкретных видов труда и превращение их в абстрактный труд одновременно создают между ними общественную связь, превращая труд частный в общественный»⁵⁴. В данном случае превалирует социологический подход. Следовательно, количественное определение затруднено.

Перед лицом этих трудностей, очевидным становится замешательство Рубина, когда он пытается ответить на критику⁵⁵. Вместо того, чтобы дать ответ на вопрос, например, возможно ли дать абстрактному труду, в том виде в каком он определяется Рубиным («общественная субстанция»), количественное определение, он лишь в очередной раз фор-

53. Там же. С. 111.

54. Там же. С. 113.

55. Там же. Прил. 2, 3.

мулирует свою позицию. А параллель, которую он проводит с мерой труда в социалистическом обществе (с нашей точки зрения, весьма и весьма спорную), абсолютно не убеждает. Что касается вопроса о роли обмена, то он старается его обойти, проводя разграничение между обменом как таковым — как фазой, следующей за производством, и обменом в целом — как структурой рыночного общества. Абстрактный труд вытекает из обмена во втором смысле, а в первом — он (абстрактный труд) предшествует ему (обмену). Рубин, однако, не может не отметить, что это предсуществование является, по сути, чисто виртуальным и «требует своего достаточно жесткого подтверждения в процессе обмена» в первом смысле этого слова и добавляет: «Все это доказывает, что не следует подходить к этому вопросу слишком буквально»⁵⁶.

Позволим себе высказать прямо противоположную точку зрения. Данная проблема может быть решена, только если мы возьмем на вооружение буквальное значение утверждений Маркса и не будем абстрагироваться ни от одного из них. Именно в этом заключается цена важнейшего вопроса: формирование вразумительной логически последовательной концепции, которая исключала бы одновременно любые редукционистские трактовки, позволяющие выбирать, в зависимости от обстоятельств, более и менее приемлемые отрывки. Правда и то, что требуемая связность вовсе не требует всех утверждений, которые лежат в основе этой концепции. Нам представляется, что именно к такому пересмотру нас приглашает логика, которая была открыта Гильфердингом и прервана вместе с Рубиным. Может быть, кто-то возразит, что подход, который мы предлагаем, так же как и настоящий исторический экскурс, представляющий своеобразное дополнение к нему, не является единственным путем развития. Это возможно и даже вполне вероятно, однако, следует всерьез отнестись к многочисленным вопро-

56. Рубин И.И. Указ. соч. С. 140.

сам, сформулированным в 1883–1933 гг. Они отражают реальные проблемы, которые затушевываются в рамках догматизма⁵⁷.

57. Здесь мы рассмотрели лишь один аспект наследия И.И. Рубина. Другие вопросы, такие как диалектическая дедукция понятий в «Капитале», остались в стороне, однако, мы постарались напомнить о них (*Faccarello G.* Op. cit.). Отметим, наконец, что если Рубин рассуждает о «стоимости» и «простой рыночной экономике» и отказывается от исторической интерпретации Энгельса, то это означает, что этот аспект вопроса в его глазах является чисто логическим. С другими оценками «Очерков» можно ознакомиться в работах: (*Colliot-Thélène C.* “Afteword” à I.I. Roubine. 1979 [1929]. Pp. 385–431; *Neusüss-Fögen A.* “Einleitung” à l’édition allemande des Essais, 1928, de Roubine Francfort-sur-le-Main; Europäische Verlagsanstalt, 1973. Pp. 7–30; *Perlman F.* “Introduction” à l’édition anglaise des Essais, 1928, de Roubine, Detroit: Black & Red. 1972. Pp. IX-XXXVIII; *Petry F.* Projekt Klassenanalyse. Pp. 137–190 (1975); *Cutler A., Hindess B., Hirst P. et Hussein A.* Marx’s Capital and Capitalism Today, Londres: Routledge & Kegan Paul, 1977.

Д. Фоули*

И.И. РУБИН И ПРОБЛЕМА ОБРАТНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Рубин и проблема абстрактного труда

И.И. Рубин (1886–1937) сыграл необычную и, можно сказать, подвижническую роль в применении логики марксистской критики капитализма в условиях революционного социалистического переворота и последующего восстановления страны. В своих работах Рубин демонстрирует отчетливое понимание основных задач социалистических преобразований и роли в их ясном осмыслении теоретической науки вообще и марксистской теории в частности².

Маркс, следуя примеру Адама Смита и Давида Рикардо, характеризует капитализм как анархичную, хаотическую систему организации сложного общественного разделения труда, базирующегося на противоречивых классовых взаимоотношениях, которые, в свою очередь, определяются социальными отношениями наемного труда как доминирующей формы организации производства. Несмотря на свои противоречия, капитализм, как признает Маркс, способен более или менее успешно организовать производство, удовлетворяющее потребности, связанные с воспроизвод-

* Профессор факультета экономики New School for Social Research (Нью-Йорк, США)

1. Доклад подготовлен для прочтения на организуемом Институтом экономики Российской академии наук «круглом столе» в честь 125-летней годовщины со дня рождения И. И. Рубина. Очень полезными для изложения отраженных в данной работе воззрений стали беседы с Джонатаном Кольяно (Jonathan Cogliano) и его труды по вопросам исследования проблем выравнивания нормы прибавочной стоимости в работах Смита и Маркса. Перевод с англ. яз. Р.Г. Хаиткулова.
2. *Rubin I.I. Essays on Marx's Theory of Value*. Detroit: Black and Red, 1972 (1928); *Rubin I.I. Abstract labour and value in Marx's system / Capital and Class*, 5. 1978.

ством человеческого общества, и осуществлять определенные «исторические» функции, прежде всего, по развитию производительных сил на основе накопления капитала, технологических инноваций и преобразования процесса труда. Проблема социалистического преобразования производства состоит в замещении фетишизированных взаимоотношений капиталистического общества «рациональными» и по-настоящему человеческими отношениями, которые по-прежнему смогут обеспечивать выполнение ключевых воспроизводственных функций по организации развитого общественного разделения труда для удовлетворения потребностей человека.

Следствиями размышлений над данным вопросом стали творческое и глубокое переосмысление тех посылок, из которых исходил Маркс при исследовании капиталистического общества, и, что неудивительно, постановка задачи по разрешению остающихся нерешенными проблем истолкования и понимания предложенных им концепций «абстрактного труда» в терминологии «Капитала»³ и «всеобщего труда»⁴. Суждения Рубина, связанные с данной тематикой, в значительной степени проясняют вопросы социалистического преобразования экономики, равно как и перманентно остающиеся неразрешенными проблемы капиталистического товарного производства, в частности, такие, как теория денег.

Рубин выделяет три смысловых значения понятия «абстрактного труда», достаточно широко использовавшихся в ходе дискуссий по вопросам марксистского учения в 20-х гг. минувшего века. Первое — это представление о том, что в основе всякого труда лежит некий «физиологический» базис (в терминологии Маркса — производительное расходование человеческих нервов и мускулов). Оно весьма близко по смыслу к высказыванию Смита о том, что труд есть та окончательная цена, которую люди платят за полезные для себя продукты. Истоки второго значения мы находим в представлении общественного труда в качестве своего рода

3. *Marx K. Capital. Vol. 1. London and New York: Penguin Books, 1976 [1867].*

4. *Marx K. Capital. A Critique of Political Economy. Vol. 1. New York: Vintage Books, 1977 [1867].*

фонда, который любому обществу, включая социалистическое, надлежит эффективно адаптировать и распределять для использования в целях удовлетворения потребностей общественного воспроизводства. Третье значение относится к весьма специфической форме абстрактного человеческого труда, вызванной к жизни осуществлением товарообменных операций, возникновением понятий цены и денежной формы стоимости в условиях капиталистического производства. Я согласен с замечанием Рубина в отношении того, что «физиологическая» концепция абстрактного труда, являясь, безусловно, необходимым основанием для существования всех прочих, слишком ограничена для того, чтобы рассматриваться в качестве полезного инструментального средства для осмысления более серьезных проблем организации производства в капиталистическом и социалистическом обществах. Ниже я объясню свою позицию подробнее.

Теория стоимости

Как я утверждал в других работах⁵, подход Маркса к пониманию логики товарной формы производства базировался на теории стоимости Смита и Рикардо, которая была общепринятой в качестве метода политической экономии вплоть до возникновения маржиналистского учения во второй половине XIX в. Данная теория стоимости исходит из предпосылки, что за фасадом наблюдаемых и постоянно меняющихся рыночных цен на повседневно производимые товары скрывается система «естественных» цен как центр колебаний (тяготения) цен рыночных и регулятор временной динамики их статистических свойств. Факторы, определяющие естественные цены, относятся к числу основных объектов исследования теории стоимости.

5. *Foley D.K. Adam's Fallacy: A Guide to Economic Theology.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006; *Foley D.K. The long-period method and Marx's theory of value.* In: Caspari V., editor. *The Evolution of Economic Theory: Essays in Honour of Bertram Schefold.* Routledge: Abington and New York, 2011. Pp. 15–38.

Выравнивание нормы прибавочной стоимости

Смит начинает рассмотрение данного вопроса с мысленной модели «первобытного и малоразвитого» общества (не обязательно соответствующего какой-либо конкретной исторической эпохе или антропологической категории), в котором только труд (и, возможно, средства производства, изготовленные самими работниками) производит различные продукты, которые, в свою очередь, обмениваются и тем самым поддерживают сложившееся разделение труда. Смит утверждает, что в состоянии «совершенной свободы» (едва ли достижимом в каком-либо историческом контексте), когда работники могут переходить от *производства одного продукта к производству другого*, естественные цены, по которым эти продукты будут обмениваться (по терминологии Маркса – в качестве «товаров»), будут регулироваться так, что все преимущества и недостатки (*с точки зрения самих работников*) *каждого из производств* будут уравниваться. «Совокупность выгод и невыгод различных применений труда и капитала в одной и той же местности должна быть совершенно одинаковой или постоянно иметь тенденцию к равенству»⁶.

В случае если единственным фактором, оказывающим влияние на видение работниками относительных преимуществ различных отраслей производства, станет время, которое им придется потратить на производство тех или иных продуктов, данная теория утверждает, что естественные цены будут пропорциональны соответствующему количеству рабочего времени.

Смит также замечает, что: «Различные люди отличаются друг от друга своими естественными способностями гораздо меньше, чем мы предполагаем, и само различие способностей, которыми отличаются они в своем зрелом возрасте, во многих случаях является не столько причиной, сколько след-

6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. I. Гл. 10.

ствием разделения труда»⁷. Говоря подобное, Смит имеет в виду, что те существенные различия в индивидуальных способностях отдельных личностей для выполнения каких-либо конкретных задач, которые мы наблюдаем в обществе, есть результат сложного, а, возможно, и достаточно продолжительного процесса адаптации людей к этому явлению. Обратной стороной этого положения является тот факт, что в случае если требования в отношении общественного производства изменяются или проходят некую стадию эволюционного развития, параллельно с ними изменяются или эволюционируют индивидуальные навыки и практические способности. Возможно, это происходит несколько медленнее.

Элементарный анализ формирования естественных цен (его еще иногда называют «законом товарного обмена» («commodity law of exchange»)) в обществе, в котором рабочая сила мобильна и продуцирует свои собственные средства производства, обладает рядом заслуживающих внимания характерных черт, которые будут критически важны для обоснования положений настоящей работы. Первая из них заключается в том, что это своего рода описание и того, каким образом распределяется рабочая сила по различным отраслям производства, и того, как формируются естественные цены. Причем оба этих феномена рассматриваются в неразрывном единстве. Наличие пропорциональной зависимости между естественными ценами и рабочим временем (в упрощенном случае, когда рабочее время, необходимое для производства того или иного продукта, является единственным дифференцирующим фактором между отраслями производства) есть теоретическое утверждение или результат логических рассуждений, но никоим образом не предположение или аксиома. Это в одинаковой степени является результатом как динамического процесса перемещения рабочей силы между различными отраслями производства, так и товарообменного процесса. Вторая черта — это «дол-

7. Там же. Кн. I. Гл. 2.

госрочный метод» (long-period method, как называет его Пьеранджело Гареньяни)⁸, объектом анализа которого являются не турбулентные и хаотичные рыночные цены, а естественные, не поддающиеся непосредственному наблюдению и доступные для исследований только опосредованно, через их влияние на статистическое поведение рыночных цен. Если выражать это в терминологии современных сложных систем, то естественные цены относятся к категории «эмергентных» или «самоорганизующихся» феноменов, характерных для динамики сложных систем, проявляющих, однако, качественно отличное от локальной динамики поведение. Локальная динамика предполагает непрекращающееся перемещение рабочей силы между различными отраслями производства как следствие отклонений рыночных цен от медленно изменяющегося уровня соответствующих естественных. И третья особенность. С точки зрения формальной логики «трудовая теория стоимости» (наличие пропорциональной зависимости между естественными ценами и общественно необходимым рабочим временем, овеществленном в товарах) в данной форме является производной более общей концепции теории стоимости («теоремы», если угодно), а вовсе не самостоятельным допущением.

Выравнивание нормы прибыли

Смит отдает себе отчет в том, что один из основных факторов, препятствующих совершенной (неограниченной) мобильности рабочей силы в реальных секторах экономики, характеризующихся развитым разделением труда, связан с тем, что сами по себе работники недостаточно богаты, чтобы владеть средствами производства или обладать ими на праве собственности. В представлении Смита следствием этого становится отделение собственности на средства производства от непосредственного работника, принимающее

8. *Garegnani P. Value and distribution in the classical economists and marx // Oxford Economic Papers. 1984. Vol. 36. No. 2. Pp. 291–325.*

форму капитала (*capital* – по Марксу и *stock* – в терминологии Смита). В соответствии с тем же «долгосрочным методом» Смит рассматривает ситуацию, когда и капитал, и рабочая сила являются свободными/мобильными в отношении выбора различных отраслей производства, что дает начало развитию конкуренции между капиталами. Она направлена на выравнивание нормы прибыли в различных отраслях производства, следствием чего становится формирование средней нормы. С учетом канонов используемого нами долгосрочного метода такое выравнивание нормы прибыли является турбулентным: система никоим образом не приходит в состояние равновесия, в котором норма прибыли действительно является выровненной, но продолжает претерпевать хаотические изменения в рамках естественных для нее параметров. В экономиках, где средства производства присваиваются как капитал, естественные цены должны уравнивать нормы прибыли в различных сферах производства. Помимо этого, перемещение капитала из одной сферы производства в другую предполагает соответствующее перемещение рабочей силы, а также адаптацию профессиональных навыков и способностей рабочей силы к другим технологическим требованиям⁹.

Маркс очень тщательно исследует теорию стоимости в отношении продолжительного периода времени и приходит к нескольким весьма значимым выводам¹⁰. Он показывает, что присвоение средств производства к форме капитала ведет к трансформации труда в наемный труд и, как следствие, к разделению добавленной стоимости на заработную плату и прибыль (или, точнее, переменный капитал и прибавочную стоимость), что отражает разницу между стоимостью, производимой работниками путем затрат общественного

9. Хорошо известно, что Смит и Рикардо эффективно использовали «долгосрочный метод» в целях разработки транспарентной и очень убедительной теории рентных платежей как фактора выравнивания нормы прибыли при вводе в производство природных ресурсов, характеризующихся отличными друг от друга свойствами.

10. *Marx K. Capital. Vol. 3. Part II. London and New York: Penguin Books, 1981 [1894].*

труда, и стоимостным эквивалентом, который они получают в форме заработной платы. Отношение прибавочной стоимости к величине переменного капитала Маркс называет нормой прибавочной стоимости или нормой эксплуатации. Джонатан Коляно полагает, что Маркс воспринял метод долгосрочного анализа мобильности данной силы, который он обнаружил у Смита, и интерпретировал его как тенденцию мобильности рабочей силы выравнивать нормы прибавочной стоимости¹¹. Вскоре мы увидим, в чем значимость этого момента. Данный аспект исследований Маркса привлек к себе гораздо меньше критического внимания со стороны его последующих истолкователей, нежели его изыскания в отношении выравнивания нормы прибыли. Несмотря на множество технических вопросов, связанных с этой проблемой, достаточно очевидно, что Маркс утверждал, что следствием конкуренции между капиталами станет формирование системы цен производства (соответствующих, по недвусмысленному замечанию Маркса, естественным ценам Смита и Рикардо), которая предполагает выравнивание норм прибыли (с той же оговоркой, что такое выравнивание есть тенденция турбулентной флуктуации, а не реализованного равновесия). Согласно Марксу, это предполагает, что капиталисты с достаточно высокой степенью эффективности разделяют между собой совокупную прибавочную стоимость, созданную в рамках экономики в целом пропорционально стоимостной оценке вложенных ими капиталов. В свою очередь, это предполагает, что прибавочная стоимость может и не быть реализована в тех фирмах и даже отраслях производства, в которых она была создана посредством расходования живого труда, однако по причине определенной конфигурации цен производства может реализоваться в других корпорациях и отраслях. Таким образом, в созданной Марксом системе мобильность рабочей силы выравнивает нормы прибавочной стоимости по отраслям производства,

11. *Cogliano J.F.* The mobility of labor and Marx's equalized rate of surplus-value. New York: NSSR Economics Working Paper, 2010.

тогда как мобильность капитала — нормы прибыли (это — «закон капиталистического обмена»).

Некоторые следствия теории Маркса могут смутить читателя. Во-первых, по этой теории, прибавочная стоимость — движущая сила всей капиталистической системы хозяйствования — непосредственно не наблюдаема на уровне капиталистической фирмы или отрасли (и даже на уровне национальной экономики, рассматриваемой в глобальном контексте), но она в принципе наблюдаема на уровне товарно-капиталистической системы производства в целом. Во-вторых, данная теория предполагает, что отчетность капиталистической фирмы, основанная на денежных потоках и тождестве «валовая прибыль от производства = объем продаж минус себестоимость реализованной продукции = объем продаж минус стоимость приобретенных средств производства минус заработная плата работников», дает достоверную картину присвоения прибавочной стоимости на качественном уровне, но вовсе не обязательно корректна в количественном отношении применительно к индивидуальным капиталам или их совокупностям. Дело в том, что при системе цен производства любое отдельно взятое капиталистическое предприятие или любой отдельно взятый сектор экономики могут заниматься реализацией прибавочной стоимости, созданной в каком-нибудь другом месте, или же, напротив, заниматься производством прибавочной стоимости, подлежащей реализации где-либо еще.

Проблема обратной трансформации

Постановка проблемы количественной определенности прибавочной стоимости у Маркса¹² строилась на разграничении сфер ее производства и реализации, предполагающем наличие системы капиталов, функционирующих по закону товарного обмена, т.е. пропорциональности цен товаров ове-

12. Marx K. Capital. Vol. 3. Chapter 9.

ществленному в них количеству общественно необходимого рабочего времени. Затем Маркс исследовал трансформацию этих цен в цены производства за счет перемещения прибавочной стоимости между секторами экономики, уравнивающего нормы прибыли. На критику и защиту различных аспектов аргументации Маркса по данному поводу было изведено немало чернил. Однако, на мой взгляд, основной недостаток подхода Маркса к рассмотрению данной проблемы состоит в самой постановке вопроса. Допущения, заложенные в исходные марксовы таблицы, несут в себе некое внутреннее противоречие: предметом нашего рассмотрения является капиталистическое производство, т.е. такое, где средства производства находятся в частной собственности и производится прибавочная стоимость, но при этом цены соответствуют некапиталистической форме его организации, при котором абсолютно свободные в выборе места приложения своего труда работники самостоятельно управляют своими собственными средствами производства. Можно спорить о логической состоятельности данной абстрактной конструкции, но с уверенностью можно сказать, что она не соответствует ни одной из наблюдаемых характеристик капиталистического производства.

По существу, то, что мы можем наблюдать и, в принципе, измерять (и мы действительно до некоторой степени осуществляем такую оценку по современным базам статистических данных), есть фактически существующие денежные потоки капиталистических фирм и совокупностей таких фирм, формируемых в соответствии с бухгалтерскими тождествами: «валовая прибыль от продаж = выручка от продаж – стоимость приобретенных средств производства – заработная плата работников = добавленная стоимость – заработная плата работников». Такой тип данных говорит нам о том, где реализуется прибавочная стоимость. Проблема обратной трансформации ставит перед нами вопрос: как, исходя из данных о реализации прибавочной стоимости, сделать заключение о том, где она производится?

Любое разрешение проблемы обратной трансформации должно основываться на некотором допущении в отношении нормы прибавочной стоимости в различных секторах производства. (На самом деле можно формально показать, что любое разрешение проблемы обратного преобразования предполагает наличие некоей особой модели норм прибавочной стоимости в различных секторах производства.) Очевидным выбором в качестве первого шага на пути к этому является допущение того, что нормы прибавочной стоимости по различным секторам производства выровнены. Маркс в качестве иллюстрации своей позиции в рабочем порядке фактически приходит к такому допущению при разработке различных примеров, включая в том числе и таблицы, приводимые им в гл. 9 третьего тома «Капитала». В отношении любых совокупностей капиталистических фирм и совокупности представленных ими отчетов о прибылях и убытках у нас есть возможность произвести оценку общей суммы добавленной стоимости, общего объема выплаченной работникам заработной платы и общей суммы созданной этими предприятиями прибавочной стоимости. Таким образом, мы можем определить и агрегированный показатель нормы прибавочной стоимости. Проецирование этого сводного показателя нормы прибавочной стоимости на нижестоящие уровни агрегирования, таких как секторы, отрасли и/или индивидуальные капиталы, там где можно количественно определить объем выплат по заработной плате, предполагает наличие определенных сумм произведенной прибавочной стоимости. Данная методика гарантированно обеспечивает взаимную согласованность таких оценок произведенной прибавочной стоимости с соответствующими агрегированными показателями. Такая первичная аппроксимация эквивалентна широко используемому методу определения количества затраченного в процессе производства труда посредством взвешивания различных видов конкретного труда по уровню выплаченной заработной платы.

Деньги

Оригинальной и неотъемлемой частью марксовской реконструкции теории стоимости, разработанной классиками политической экономии, является его теория денег, зачастую остающаяся обделенной вниманием исследователей. Подобно Аристотелю, основную проблему толкования категории товарного обмена Маркс усматривает в объяснении того, почему качественно различные продукты человеческого труда в процессе обмена становятся соизмеримыми¹³. Ответом на этот вопрос служит характерное для классической политической экономии представление о товарном производстве как системе распределения однородного фонда потенциального абстрактного человеческого труда. Продукты труда соизмеримы, поскольку сам труд, хотя и проявляется внешне в конкретных и, на первый взгляд, качественно несопоставимых формах, оказывается на поверку единым фондом, который можно измерить как скалярную величину. Механизм распределения фонда общественного труда через обмен товарами требует, прежде всего, чтобы данный труд принимал форму индивидуального, частного и конкретного труда, привязанного к конкретным отраслям производства, но чтобы в конечном счете эти отдельные частные проявления труда признавались трудом общественным через обмен его продуктами, выступающими как товары. Такой обмен предполагает существование некоей скалярной меры стоимости, либо, согласно данному Марксом определению денег, признанного обществом всеобщего эквивалента. Деньги отражают или выражают потенциально взаимозаменяемую природу общественного труда, однако, согласно классической политической экономии, в каждый момент времени способны выполнять эту функцию только приближенно по

13. Парадоксы, возникающие вследствие попыток представителей маржиналистской школы обосновать сопоставимость товаров через функции индивидуальной субъективной полезности, широко обсуждались в литературе. См.: *Mirowski P. More Heat than Light*. Cambridge UK: Cambridge University Press, 1989.

причине отклонений рыночных цен от цен производства и несоответствия последних критерию пропорциональности овеществленного в товарах общественного труда.

В первом количественном приближении мы могли бы использовать просто количество часов производительного труда, затрачиваемых в экономике, в качестве ориентировочной оценки базового фонда общественного труда, подобно тому, как мы зачастую поступаем при исчислении «денежно-го выражения рабочего времени» как отношения добавленной денежной стоимости производства к общему количеству часов производительного труда. Возможно, это несколько не то, к чему на самом деле стремились Смит или Маркс, отчасти в силу гораздо более скромных амбиций в отношении количественного представления капиталистического товарного производства. Тем не менее, для рассмотрения по самой своей природе количественных вопросов политической экономии (в частности, количественного определения средней нормы прибыли и ее флуктуаций) необходимо некое связующее звено между абстрактными концепциями теории стоимости и наблюдаемыми показателями реальных капиталистических экономик¹⁴.

С интеграцией в теорию стоимости понятия денег мы воссоздаем третью описываемую Рубиным форму абстрактного труда, сложное выражение данного взаимозаменяемого труда, описываемого в скалярной форме денежной стоимости капиталистических товарных экономик.

Одним из аспектов работы Рубина, связанной с изучением теории стоимости Маркса, который, на мой взгляд, наиболее поучителен, является его очень доходчивое разъяснение того факта, что марксистская теория денег представляет собой неотъемлемую составляющую данной теории. Из данного наблюдения многие немаловажные вещи могла бы почерпнуть и господствующая на сегодняшний день монетарная теория, которая хроническим образом страдает от

14. *Foley D.K. Understanding Capital: Marx's Economic Theory. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986 (japanese translation, 1988; italian translation 1994 edition).*

различного рода «дихотомий» и «парадоксов», являющихся следствием попыток привить концепцию денег на теорию распределения ограниченных ресурсов. Помимо прочего, настойчивость Рубина в стремлении «вписать» марксистскую теорию денег в контекст теории стоимости стала желанным (для меня) вызовом различным трактовкам экономики Маркса, получившим свое распространение в 60-х гг. XX в. и пытавшимся игнорировать категорию денег вообще. (Надо признать, что непредвиденные институциональные изменения в мировой и национальных денежных системах после кончины Маркса создали условия, при которых буквальное повторение его учения о товарной природе денег становится все менее убедительным. Эта проблема для марксистской традиции до сих пор актуальна.)

Тесная связь между категориями денег и абстрактного человеческого труда до некоторой степени объясняет, почему Рубин настаивал на более скрупулезном и, я надеюсь, более успешном воссоздании оригинальных марксистских теорий стоимости и денег, чем того достигли его современники. В своих исследованиях Рубин предпринимал попытки понять различные способы возможного «уравнивания» общественного труда, прежде всего, в социалистических и/или переходных экономических системах, к каковым относился и Советский Союз в 20-х гг. минувшего столетия. В попытках разрешить данный вопрос Рубин с неизбежностью подошел к рассмотрению проблемы абстрактного человеческого труда и тесно связанного с ней вопроса денег как признанного обществом всеобщего эквивалента, посредством которого произведенные товары выражают свою стоимость.

Тенденции и постулаты

С методологической точки зрения воссоздание оригинальной марксистской теории стоимости, на мой взгляд, связывает Маркса и представителей классической школы политической экономии с идеальными «мысленными экс-

периментами» теоретической физики. Например, теория движения Галилея получила свое начало с абстрактного мысленного эксперимента в отношении падения тяжелого материального объекта в вакууме. Абсолютного вакуума в природе не существует, поэтому априори не предполагается, что этот умозрительный гипотетический эксперимент позволит каким-либо образом истолковать реальные результаты, однако с его помощью можно определить некие базовые исходные данные, с которыми можно будет сравнить данные результаты¹⁵. Абстрактное описание той или иной проблемы предстает перед нами в форме мысленных экспериментов. За построением продуктивных абстрактных моделей следуют абстрактные мысленные эксперименты, которые являются весьма перспективными в качестве моделей систематических первых приближений к объяснению наблюдаемых феноменов. До известной степени отклонения наблюдаемых феноменов от прогнозируемых теорией величин на более низком уровне абстракции, очевидно, могут быть объяснены наличием неких модифицирующих факторов (таких, в частности, как трение воздуха). Выводы, сделанные по результатам абстрактных мысленных экспериментов, принимают форму «теорем», т.е. умозаключений, выводимых путем рассуждений из условий проведения их самих. В моем понимании терминологии Маркса, использованной им для описания этих теорем, эти умозаключения выступают как «тенденции» или «законы». Смысл в том, что все эти постулаты, тенденции и законы не являются гипотезами, выстраиваемыми в отношении непосредственно наблюдаемого мира, а представляют собой умозаключения, обусловленные результатами положенных в их основу абстрактных мысленных экспериментов.

Адам Смит, обращаясь к долговременной традиции размышлений и сочинений на политико-экономические

15. Выбор данного конкретного мысленного эксперимента отделяет Галилея от аристотелевской традиции, базирующейся на обобщении результатов наблюдений тяжелых объектов, движущихся в оказывающей сопротивление среде, каковой, в частности, выступает и атмосфера Земли, в которой объект достигает конечной скорости, когда силы трения нейтрализуют ускорение силы свободного падения.

темы, для объяснения феноменов товарного обмена и цены подсознательно избирает для себя схожий метод. Проводя свои научные наблюдения, Смит отмечает, что хаотические колебания рыночных цен на товары по мере осуществления каждодневных реальных торговых операций в одно и то же время и затевают, и раскрывают наличие лежащей в их основе сложившейся системы «естественных цен», продолжающих свое существование на гораздо более продолжительном отрезке времени и выступающих в качестве регулятора по отношению к быстро изменяющимся рыночным ценам. Смит исследует логику движения этих естественных цен посредством проведения соответствующего мысленного эксперимента. Он ставит перед собой вопрос: каким предстал бы перед нами процесс товарного обмена, если бы непосредственные производители товаров, управляющие собственными средствами производства, обладали бы «совершенной свободой» перемещения своей деятельности из одной отрасли производства в другую? Постулатом, выведенным по результатам поставленного Смитом мысленного эксперимента, стало умозаключение, что вся «совокупность выгод и невыгод» производства в различных отраслях экономики должна быть совершенно одинаковой или постоянно иметь тенденцию к равенству. Далее следовал вывод о том, что, если все «выгоды и невыгоды» определяются общественно необходимым для производства товаров временем, товары будут иметь тенденцию к обмену в соотношении, пропорциональном овеществленному в них количеству рабочего времени.

Изобрел ли Маркс этот метод исследования заново или взял из гегелевской философской традиции, или из прочитанных трудов Смита и Рикардо, он, как я понимаю, использовал его применительно ко многим ключевым проблемам политической экономии, будь то теория денег, эксплуатации и прибавочной стоимости, цен производства, кругооборота капитала, производительного и непроизводительного труда или тенденция нормы прибыли к понижению как следствие неосознанного стремления индивидуальных конкурирующих

капиталов к внедрению снижающих затраты нововведений. Таким образом, чтобы понять, что имеет в виду Маркс под терминами «тенденция» или «закон», нам придется воссоздать тот мысленный эксперимент, который и лежит в основе того или иного теоретического вывода. В противном случае, заключения, сделанные Марксом исходя из результатов проведенной им аналитической исследовательской работы, деградируют до уровня некоего сборника гипотетических предположений или случайных наблюдений, каждое из которых представляет собой более чем привлекательный объект для уничтожающей критики.

Особое внимание Рубин уделяет самому Марксу в отношении использования этого метода в сочинении, известном нам сегодня в качестве «Введения» к «К критике политической экономии».

Рубин, социализм и абстрактный человеческий труд

В заключение позвольте мне вернуться к концепциям абстрактного человеческого труда, к которым обращался Рубин в своей лекции, прочитанной им в 1927 г.¹⁶

Маркс, со своей стороны, прилагает усилия, чтобы объяснить отношения между денежной формой стоимости, абстрактным (или всеобщим) общественно необходимым человеческим трудом и «физиологической» концепцией «производительного расходования человеческого мозга, нервов, мускулов, и т. д.»¹⁷. Но эти усилия, похоже, оказались все же недостаточными из-за неразберихи, возникшей в головах его позднейших читателей. Для Маркса это критически важный пункт, с помощью которого он стремится показать отличие своих воззрений от рассуждений Адама Смита о труде как об окончательной цене, которую люди выплачивают за производимые ими продукты. В любом обществе, при любых общественных отношениях, организующих труд, для произ-

16. *Rubin I.I. Abstract labour and value in Marx's system.*

17. *Marx K. Capital. Vol. 1. Chapter 1.*

водства требуется расходование человеческого мозга, нервов и мускулов, но только в условиях товарного производства такое выражение общественного всеобщего труда обретает форму денежной стоимости.

Однако, как насчет организации производства в социалистическом обществе (вопрос, который со времени вступления Рубина в дискуссию приобретал все большую актуальность)? По мнению Рубина, перед социалистическим обществом стоит проблема если и не идентичная, то аналогичная той, что стоит перед обществом капиталистическим: распределения имеющегося в распоряжении потенциально изменчивого фонда рабочей силы, его приспособления к воспроизводительным и производственным потребностям. Он аккуратно разграничивает понятия «общественно уравниваемого труда» и «абстрактного всеобщего труда», представленного в условиях товарного производства деньгами. Уделяя особое внимание урегулированию данного вопроса, возможно, Рубин ставил перед собой задачу найти решение проблемы количественного распределения рабочей силы в различных системах социального планирования.

Любопытно, что Рубин не упоминает одну работу, где Маркс, как представляется, использует очень схожую концепцию общественно отождествленного труда в социалистическом обществе — «Критика Готской программы». В ней Маркс, возможно, до некоторой степени с целью критики, схематично изображает социалистическую систему, в которой притязания рабочих на общественный продукт пропорциональны количеству рабочего времени, которое они израсходовали на его производство. Очевидно, что это есть форма «общественного отождествления» труда, хотя данное положение подозрительным образом напоминает проекты «трудовых сертификатов» рикардиевских социалистов, которых Маркс подвергает основательной критике в своих работах «Grundrisse» и «К критике политической экономии» за допущение, что конкретный труд может быть «непосредственно общественным».

Возможно, это читается между строк лекции Рубина, но у меня создается ощущение, что он рассматривал дискуссию в отношении «общественно уравненного» труда в социалистическом обществе как вопрос отнюдь не однозначный. Быть может, это было связано с тем фактом, что новая экономическая политика, при которой наряду с социалистическими предприятиями и институтами планирования сосуществовал значительный частный сектор товарного производства, стремительно катилась к своему краху? НЭП представляется мне предметом особого интереса, поскольку Китай, с его до настоящего времени необычайно успешным «чудом» последних трех десятилетий, сегодня представляет собой ничто иное, как узнаваемый последователь советского опыта образца 20-х гг. прошлого века. В обоих случаях правящий режим, по умолчанию основанный на марксистских социалистических принципах, дал «добро» на существование или способствовал зарождению решительно настроенного частного капиталистического товаропроизводящего сектора экономики.

В «Grundrisse» Маркс подвергает подробному критическому разбору работы «рикардианских социалистов» Брэя и Грэя, предлагавших ликвидировать эксплуататорские наклонности капитализма посредством замещения денег системой «трудовых сертификатов». Маркс утверждает, что эти экономисты не смогли понять условный характер процесса уравнивания труда в реальных капиталистических обществах, где он изначально должен обрести форму частного и уравниваться только постфактум, через обмен продуктов труда как товаров. Маркс говорит о том, что система трудовых сертификатов выстраивается исходя из ошибочного представления о том, что труд может быть «непосредственно» общественным. В своем заключении он пишет, что для того, чтобы работать, банку трудовых сертификатов придется самому непосредственно заняться организацией производства.

Подвергая себя риску стать жертвой собственных ментальных спекуляций, не имея на то достаточных фактиче-

ских оснований и данных, могу сказать, что, на мой взгляд, сложившаяся после нэпа советская система планирования в определенной мере страдала от аналогичного заблуждения. Мне кажется, что вторая из представленных Рубиным категорий общественного труда — «общественно уравненного труда», который не выражается как абстрактное общественное рабочее время через деньги и всеобщий обмен продуктами труда, выступающими в качестве товаров, была направлена как раз на то, чтобы осмыслить эту проблему. Насколько мне известно, со времени работы Рубина сколько-нибудь ощутимого прогресса в данном направлении исследований достигнуто не было. Учитывая все то, что мы знаем об истории советского эксперимента, судьба самого Рубина и его критических изысканий предстают перед нами исполненными трагизма и горькой иронии.

С. Армесилья*

**ОНТОЛОГИЯ
И ГНОСЕОЛОГИЯ КАПИТАЛИЗМА:
«ОЧЕРКИ ПО ТЕОРИИ СТОИМОСТИ МАРКСА»
И.И. РУБИНА**

Лишь некоторые из трудов И.И. Рубина были переведены на испанский язык. «Очерки по теории стоимости Маркса» – Нестором Мигезом по предложению Хосе Арико, основателя аргентинского марксистского журнала «Pasado y Presente». В сентябре 1974 г. в Кордове (Аргентина) «Pasado y Presente» опубликовал эту работу в качестве передовой статьи под заголовком «Ensayos sobre la Teoría Marxista del Valor»¹. 27 лет спустя, в марте 2011 г., марксистский экономист, профессор Диего Герреро перевел на испанский язык первую часть «Истории экономической мысли». Он также планирует перевести остальные части этой книги. Ряд испанских экономистов департамента прикладной экономики факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе совместно с Герреро в настоящее время работают над переводами других трудов Рубина для продвижения новых направлений марксистской экономической теории в Испании. Однако в испаноговорящем мире рецепция наследия Рубина не ограничивается лишь сферой политической экономии. Социолог Хуан Мигель Вальдера из университета Гранады в настоящее время проводит интересные исследования социальных отношений между классами

* Euro-Mediterranean University Institute (EMUI) – Complutense University of Madrid (Spain).
Перевод с англ. яз. Р.Г. Хаиткулова.

1. *Rubin I.I.* Ensayos sobre la Teoría Marxista del Valor. Buenos Aires: Cuadernos de Pasado y Presente, 1974.

и институтами в Советском Союзе, опираясь на отдельные идеи И.И. Рубина.

Перевод трудов И.И. Рубина на испанский язык требует тесного международного сотрудничества как с российскими учеными, так и с учеными других стран, в том числе англо-саксонскими, так как там традиция изучения рубинского наследия имеет более давнюю историю.

В данной статье мы постараемся показать, как в трудах Рубина (и, следовательно, в «Капитале» Маркса) можно обнаружить онтологию и гносеологию капитализма. Для выполнения этой задачи нам необходимо сначала прояснить, что мы имеем в виду под ними. Важность работ Маркса (и Рубина) выходит далеко за пределы непосредственно экономической теории. Область его исследований постоянно пересекается с предметами самых разных наук — сферами политического, философского, технологического и психологического. Наш гносеологический подход к политической экономии позволяет увидеть, что она не является «замкнутой наукой», как любая из естественных или точных наук. Так же, как и остальные так называемые «гуманитарные» дисциплины, она тесно связана с другими естественными науками и науками о человеке и обществе и находится под их влиянием.

Кроме того, философия и политическая экономия постоянно испытывали взаимное влияние, и не только потому, что некоторые из наиболее крупных фигур в истории экономической мысли были также философами (А. Смит, К. Маркс, У.С. Джевонс). Это связано и с тем, что их подход к онтологии исследуемой реальности влиял на гносеологические аспекты развиваемых ими экономических теорий. В случае Маркса влияние гегелевской диалектики на «Капитал» очевидно.

Академическое экономическое мышление теоретиков политической экономии тесно связано с тем, что можно назвать «повседневным» экономическим мышлением тех, кто, например, помещает свои деньги в банк, инвестирует капитал в фондовый рынок или компанию, использует средства производства для создания товаров. Отношение

между повседневным и академическим мышлением составляет основу для поля политической экономии, и оба они являются продуктом производственных отношений.

В «Очерках по теории стоимости Маркса» Рубина производственные отношения являются ключевым моментом марксова анализа капитализма. Для Рубина исторический материализм Маркса и его трудовая теория стоимости сосредоточены на основной проблеме: отношении между производительными силами и производственными отношениями. Таким образом, основным предметом обеих теорий является одно и то же, а именно — изменение производственных отношений, зависящее от развития производительных сил. И, если политическая экономия для Рубина является главным образом изучением определенной общественно-экономической формации, то марксова критика политической экономии — это, прежде всего, философская критика этой науки на момент написания «Капитала». Эта критика, которую Рубин продолжил в своих «Очерках», представляет экономическую теорию в марксистско-рубинском ключе, критически изменяющим классификацию экономических категорий. Это изменение классификации экономических категорий является, прежде всего, онтологическим. Если онтология — это учение о бытии, существовании и реальности, то для Рубина—Маркса — это не только изучение экономической системы экономическими методами, но также философское изучение бытия, существования и реальности капитализма.

Капиталистическая система — это совокупность технико-материальных процессов и их общественных форм, т.е. всех общественных производственных отношений. Конкретная технико-материальная деятельность людей в производстве предполагает определенные производственные отношения между ними и наоборот. Конечной целью политической экономии — и этот момент представляет собой основу для изучения онтологии в работах Рубина — является понимание капитализма в качестве целостной конкретной системы

производительных сил и общественных производственных отношений. Однако, чтобы достичь этой конечной цели, политической экономии в первую очередь надо посредством абстракции разделять следующие аспекты экономической системы капитализма: техники и технологии и социоэкономический, технико-материальный процесс производства и его общественную форму, материальные производительные силы и общественные производственные отношения. Согласно Рубину, необходимо понимать, что феномены, рассматриваемые в «Капитале», существуют в конкретной экономической системе. Таким образом, приспособление производственных отношений к производительным силам является основным предметом теории исторического материализма. Следовательно, можно кратко охарактеризовать марксистский метод следующим образом: 1) анализ производственных отношений в капиталистическом обществе; 2) анализ изменений, вызванных эволюцией производительных сил; 3) анализ возникающих противоречий, обычно выражающихся в форме кризиса. Все вместе это составляет чистую онтологию капитализма.

Основным предметом политической экономии является не технико-материальный аспект капиталистического производственного процесса, а его общественная форма, совокупность производственных отношений, составляющих экономическую структуру капитализма. Анализ техники и технологии включен в экономическую теорию Маркса лишь в качестве одного из звеньев, в качестве отправной точки, рассматриваемой только в минимально необходимом объеме, достаточном для изучения подлинного объекта анализа: производственных отношений. Тем не менее, необходимо прояснить один важный онтологический аспект рубинской интерпретации трудовой теории стоимости. Различие между материальным процессом производства вместе с его технологическим сопровождением и их общественными формами является ключевым для Маркса и позволяет ему определить политическую экономию как «общественную и историче-

скую науку». Техничко-материальный процесс производства есть основа возникновения и развития производственных отношений. Согласно Рубину, это положение является ключевым для понимания экономических систем и марксовой онтологии капитализма. Политические общества создают необходимые общественные производственные отношения, так как того требует технология, но необходимо помнить, что технико-технологическая основа и ее общественные формы, т.е. базис и надстройка соответственно, не изолированы друг от друга и нуждаются друг в друге для своего развития.

Базис и надстройка являются сопряженными концепциями. Эта мысль позволяет нам понять рубинскую (и марксову) онтологию. Термин «сопряженные концепции» используется для обозначения парных концепций, где оппозицию между ними нельзя свести к классическим отношениям противоречия, противодействия или корреляции.

В случае разделения базиса и надстройки традиционный марксизм определял экономику (производство, распределение и потребление) как базис, а все остальное (например, право, религию, науку, язык, искусство, философию и т.д.) — в качестве надстройки. Но на самом деле базис подобен корням и листьям дерева. Скелет поддерживает тело, но кости не предшествовали всем остальным тканям тела, они развивались совместно с остальными тканями из оплодотворенной клетки. Рубин в своей концепции капитализма, следуя Марксу, показывает, что базис и его морфология сами по себе структурированы так называемой «надстройкой», которая, таким образом, не сводится только лишь к функции «защитной структуры».

С самого начала существования концепции надстройки к ней относились с предубеждением, рассматривая ее как некий клапан для сброса пара — считалось, что усилия по изменению надстройки являются лишь тратой энергии, которая могла бы быть направлена на более важные цели. Эта идея является неразумной, так как она заставила бы

отнести многие наиболее базовые общественные процессы к культурной надстройке.

Рубин утверждает, что политическая экономия не является наукой, изучающей отношения между вещами, как думали вульгарные экономисты, или между людьми и вещами. Она исследует отношения между людьми в процессе производства, или, что тоже самое, отношения между людьми посредством вещей. Товары и вещи производятся в конкретной исторической экономической системе. Эти вещи включают в себя как средства производства (производительные силы), так и средства потребления, что еще более укрепляет представление о базисе и надстройке как связанных концептах.

Начиная с конкретной структуры экономики, политическая экономия прежде всего объясняет особенности общественных и производственных отношений, специфически свойственных для нее. Маркс приводит эту характеристику в своей теории «товарного фетишизма», которую Рубин называет «общей теорией производственных отношений в капиталистических коммерческих обществах». По Рубину, эта теория лежит в основе всей экономической теории Маркса.

Согласно Рубину, теория товарного фетишизма рассеивает иллюзии в умах людей, преодолевает великий обман, создающий видимость феноменов в рыночной экономике, и дает возможность прекратить принимать ее за истинную суть вещей в экономической сфере. Эта видимость состоит в движении вещей, товаров и их рыночных цен. В действительности теория товарного фетишизма показывает, что общественные отношения производства неизбежно принимают вещественную форму и не могут быть выражены никак иначе, кроме как посредством вещей. Структура рыночной экономики заставляет вещи играть особенную и очень важную роль, благодаря которой они приобретают определенные общественные свойства. Согласно Рубину, Маркс открыл объективные экономические основания, которые обуславливают возникновение товарного фетишизма.

В рыночной экономике все организаторы и управляющие больших и малых производств являются независимыми производителями. Каждая конкретная компания автономна, ее владелец ни от кого не зависит и преследует только свои собственные интересы, решая сколько, каких и какого качества продуктов производить. Он владеет производственными активами и необходимым сырьем как частный собственник, а как законный владелец имеет право на продукт своей компании. Производство управляется непосредственно отдельными производителями товаров в микроэкономическом смысле. Общество напрямую не регулирует трудовую деятельность своих членов. Однако общественное разделение труда объединяет всех производителей труда в унифицированную систему, имя которой – «национальная экономика», и политическая экономия является национальной экономией, так как государство есть важнейшая экономическая переменная и категория. Государство управляет производством, распределением, потреблением и собственностью даже в наиболее «либеральных» своих воплощениях. Согласно Рубину, аксиомой является тот факт, что без государства нет производственных отношений. Без территории, находящейся под контролем государства, не существует отношений между людьми посредством вещей. Без государства также невозможна торговля с другими политическими обществами, так как «национальная экономика» является «производящим организмом», чьи части взаимосвязаны и влияют друг на друга.

Гносеология является термином, противоположным по значению эпистемологии и «теории познания». В обоих своих значениях она не сводится к отношению субъекта/объекта эпистемологии, чисто психологическому, но подразумевает отношение с третьей стороной – истиной. Таким образом, гносеология не работает с истинным или ложным знанием, а с реальностью, познаваемой через действия. Это теория науки (или конвенция), имеющая совершенно особый взгляд на нее – логико-материальный (а не психологический, эпи-

стемологический, социологический, формально-логический или исторический).

Говоря о гносеологии, мы имеем в виду анализ научных дисциплин, таких как геометрия, термодинамика и т.д. По аналогии, гносеология означает также анализ и других дисциплин (технических и технологических), хотя и не все они являются научными в смысле позитивной науки.

Дисциплина неотделима от своего предмета. Дисциплины можно отделять от их областей исследования лишь в той степени, в которой это требуется для сравнения их между собой путем сопоставления сходных или противоположных элементов, отношений или действий. Мы не можем разграничить гносеологический и онтологический элементы в науке, но мы можем отделить гносеологический аспект от определенной онтологической перспективы. Когда мы это делаем, то сначала сталкиваемся с «корпусом» самой дисциплины, а уже потом — с ее предметом, с самой онтологической реальностью. Термины академической экономической теории никогда не смогут стать синтаксически автономными, так как политическая экономия не является ни естественной наукой, ни точной, но реальной. В чем же заключается особенность политической экономии как науки? В «Капитале» и в «Очерках по теории стоимости Маркса» Маркс и Рубин анализируют то, что они считают «клеточкой» политической экономии². Люди в экономической сфере связаны взаимными отношениями посредством вещей, но эти отношения должны быть выражены определенным образом в виде экономической категории. Хотя субъекты экономической сферы, взятые по отдельности, можно рассматривать как источник и меру стоимости, для них невозможно находиться между собой в экономических отношениях, непосредственных вещами. Чтобы проанализировать гносеологию капитализма, о которой мы говорим, нам необходимо определить границы экономической сферы

2. *Marx C. El Capital. Ciudad de México: FCE, 2001; Rubin I.I. Op. cit.*

и рассмотреть товары в качестве физических объектов, так как они объективно исходят от различных частей системы (от рук производительных рабочих, создающих сам товар и его стоимость).

Когда в капиталистической системе часть переменного капитала направляется на воспроизводство рабочего, а не, например, на производство потребительских товаров, в экономике происходит закрытие рабочего периода и одновременно – овеществление труда (что в общем случае подразумевает овеществление общественных производственных отношений). В той или иной степени овеществление всегда является результатом закрытия экономического периода (так происходит, например, при расчете пищевых потребностей рабочих). Таким образом, особенность экономики основывается на определенных установившихся отношениях между людьми, опосредованных товарами. Эти отношения также способны создавать новые товары (и новые условия) в экономической сфере.

Если онтология капитализма, предложенная Марксом и Рубиным, позволяет нам рассматривать процесс общественного производства, взятого в целом, то гносеология должна дать нам возможность выделить необходимые абстрактные формы, которые приобретают отношения между людьми при капитализме, включая технико-материальную сторону процесса производства и сам этот процесс. Именно в технико-материальном аспекте проявляется гносеологическое отношение, связывающее материю, ее формы и истину, так как производство товаров – это кровообращение капиталистической системы, как отмечал Маркс еще в самом начале I-го тома «Капитала». Товары – это общественные, исторические, технологические и конкретные формы, которые приобретает материя под воздействием внешних операций, а стоимости товаров являются гносеологической истиной, выводимой из отношения между материей и ее формами.

Изменения в материальном процессе производства могут повлечь за собой перемены в производственных отно-

шениях, но надо понимать, что первоначальные трансформации наблюдаются в рамках этих отношений и приводятся в движение собственными внутренними силами под руководством соответствующих агентов производства.

В рыночном обществе с точки зрения технического процесса производства каждый товар должен проходить все стадии производства, пока он не приобретет свою окончательную форму и не перейдет от последнего производителя или торгового посредника к потребителю. Но, с учетом автономии и независимости отдельных участников производства, переход товара от одного экономического агента к другому возможен только посредством заключения торгового соглашения, что означает, что между ними возникают конкретные производственные отношения, а именно — купля и продажа. Производственные отношения между людьми устанавливаются во время передачи товаров, а после снова прерываются. Процесс обмена тесно связан с отношениями между людьми и движением товаров в ходе производственного процесса.

Персонификация вещей (еще одна сторона товарного фетишизма) позволяет их обладателям вступать в определенный тип общественных отношений — классовые, в специфические производственные отношения с другими людьми. Маркс рассматривал общественное производство в качестве постоянно протекающего диалектического процесса воспроизводства, где каждое звено этой цепи является следствием предыдущего и одновременно причиной следующего. Общественная форма вещей (товар) одновременно есть результат прошедшего процесса производства и ожиданий относительно будущего.

Вещь (товар) и стоимость (цены) играют роль «посредника» отношений данного произведенного выпуска: в дополнение к своему материальному или техническому бытию в качестве конкретного потребительского блага или средства производства товар приобретает видимость общественного или функционального существования. Стоимость сама по себе есть лишь материальное выражение отношения между

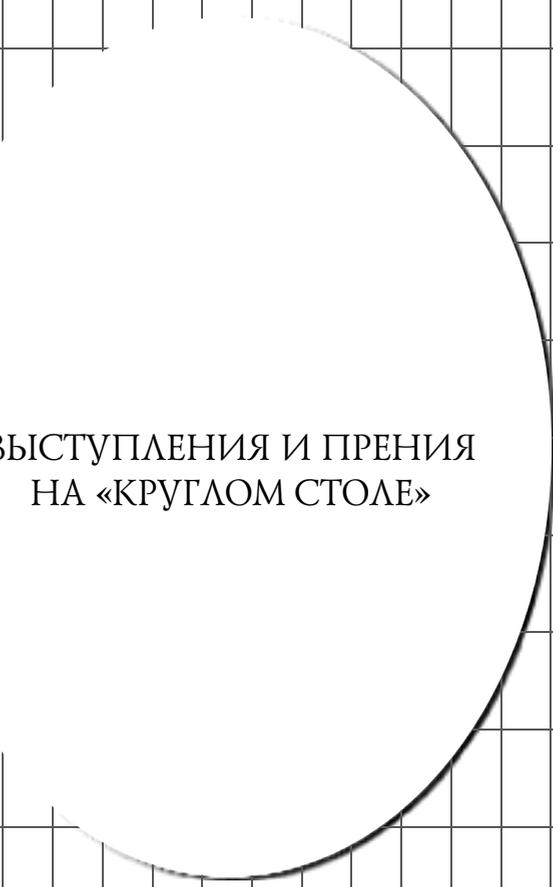
различными производительными деятельностями людей. Стоимость в качестве производственного отношения представлена в товаре, а товар «представляет собой» производственное отношение. Производственные отношения есть общественные формы обращения материи в экономической сфере, а стоимости — их гносеологическая истина, но и то, и то одновременно является частью производственных отношений. Экономические категории есть ни что иное, как теоретическое выражение, «абстракция» производственных отношений. Товарная форма отражает свойства общественной сферы.

Физическое бытие товара не противопоставляется его общественному бытию, потому что второе подразумевает первое, и оба они одинаково материальны. Их общественное бытие, как материальное существование всех произведенных вещей, обеспечивается их обращением при посредстве капитализированной стоимости в денежной форме, стоимости производства, цен производства, рыночных цен и прочих промежуточных звеньев между стоимостью производства и рыночной ценой, а также потребительными стоимостями, институционально и технически классифицируемой организацией наподобие Всемирной торговой организации.

Маркс отмечал, что его интересует, как именно экономические и общественно-исторические формы адаптируются под технико-материальный процесс производства. Таким образом, он закрывает свою категориальную систему: материя, форма, истина. Маркс отмечает конкретные материи, он задается вопросом, каким именно способом они приобретают данную форму (социальную, историческую, технологическую или даже политическую) и определяет (или стремится определить) истину, результат той социальной формы, которую приобретает материя. Стоимость (гносеологическая истина) влияет на общественные производственные отношения между автономными производителями товаров, при этом ее отклонения зависят от изменений в технико-материальном процессе производства и его влияния на

распределение труда в политическом обществе (даже когда государство облагает налогами предприятия и другие буржуазные институты, получая значительную часть произведенной стоимости).

Рыночная цена не пропорциональна стоимости товара. Необходимое количество труда для производства товара пропорционально так называемой «цене производства» (или цене производителя), которая равна себестоимости производства плюс средняя прибыль на вложенный капитал. Стоимость представляет собой средний уровень, вокруг которого колеблются рыночные цены, и с которым цены бы совпали, если бы доступный обществу совокупный фонд труда был бы пропорционально распределен между различными отраслями, что также помогло бы сбалансировать их. Стоимость товаров прямо пропорциональна количеству труда, необходимого для их производства. Обмен товаров разных отраслей по их стоимости соответствует состоянию сбалансированности между этими отраслями. Труд, создающий стоимость, выступает в качестве не только распределенного между отраслями, но и общественным образом «приравненного» труда, т.е. в качестве «общественного», понимаемого как совокупность одинакового и гомогенного труда общества. Труд обладает этими общественными характеристиками не только в капиталистическом обществе, но и в социалистическом, что чрезвычайно важно для понимания гносеологической истины трудовой теории стоимости.

ВЫСТУПЛЕНИЯ И ПРЕНИЯ
НА «КРУГЛОМ СТОЛЕ»

В.А. Медведев*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ НЕ ОДНО И ТО ЖЕ

Я хочу выразить большое удовлетворение от того, что такого рода конференция проводится в Институте экономики РАН. И хочу сказать, то, что я услышал в первой ее части, заставляет задуматься еще и еще раз о судьбах экономической теории и судьбах страны, в широком историко-экономическом аспекте. Я с большим удовольствием прослушал доклад профессора Д. Фули, он очень интересен и уникален по-своему, и приятно осознавать, что такими проблемами занимаются далеко за пределами нашей страны.

Что касается И.И. Рубина, то мне довелось с ним впервые, так сказать, столкнуться, но не с ним, конечно, а с его теорией еще в студенческие годы в Ленинградском университете в 1950-х гг. Я припоминаю, что когда я был где-то на втором или третьем курсе, там состоялась дискуссия по одному, казалось бы, очень конкретному вопросу, с участием двух ведущих профессоров университета — В.В. Рейхардта, декана факультета, и М.Ю. Бортника. Речь шла об источнике избыточной прибавочной стоимости и высказывались диаметрально противоположные точки зрения со ссылкой на К. Маркса. Ссылки не подлежали никакому сомнению. Профессор Бортник утверждал, что избыточная прибавочная стоимость на предприятиях более высокого технического уровня в тех или иных отраслях возникает в результате перераспределения прибавочной стоимости, часть ее, созда-

* Член-корреспондент РАН, гл.н.с. ИЭ РАН.

ваемая на предприятиях более низкого технического уровня присваивается владельцами предприятий более высокого уровня. В связи с этим уважаемый профессор делал ссылку на известное высказывание Маркса об абстрактном труде, что это труд в физиологическом смысле, что это затраты нервов, мозга, мускулов человека и что в единицу времени данный труд такого качества создает одинаковую стоимость. Поэтому создаваемая стоимость на предприятиях отраслей более низкого технического уровня в единицу времени равнозначна другим, но потом перераспределяется в пользу предприятий более высокого технического уровня.

Рейхардт, напротив, доказывал, что избыточная прибавочная стоимость создается там, где она и присваивается. Или наоборот присваивается там, где она и создается. В свою очередь он ссылаясь на известное определение труда у Маркса в I томе «Капитала», которое гласит, что труд более высокой производительности выступает как умноженный, т.е. создает в единицу времени стоимость большей величины, чем средний общественный труд того же рода. Я еще был тогда начинающим студентом, но проштудировав «Капитал», и присоединился к мнению профессора Рейхардта, не зная, что в основе всей этой дискуссии лежит полемика экономистов с Рубиным по этому же вопросу. Но ссылок в той дискуссии и на какую-то критику восприятия Рубина не делалось, потому что это тогда было просто невозможно. Рубин считался антисоветчиком и поэтому ссылаться на него было неприято.

Надо сказать, что я от этой точки зрения не отказывался во всей последующей своей деятельности. В моих работах, в том числе о законе стоимости при социализме, пропагандировалась и развивалась точка зрения на стоимость как создаваемую общественно необходимым трудом, и избыточная прибавочная стоимость присваивается капиталистом не в результате перераспределения, а по месту ее создания. Точка зрения Рубина, как известно, была квалифицирована как идеалистическая. Я считаю, что такое определение неточно,

потому что она не идеалистическая, а реалистическая. Только в отличие от противоположной механистической точки зрения она является социальной. Может быть, и социально-экономической, т.е. никакого отношения к идеологической проблематике марксизма не имеет.

Вместе с тем ознакомление с этой точкой зрения и какие-то размышления, связанные с этим, привели к выводу, что все же Рубин использовал не все аргументы Маркса для доказательства социального понимания стоимости. Дело в том, что в 10 гл. I тома «Капитала» при рассмотрении избыточной прибавочной стоимости Маркс совершенно ясно говорит, что «прибавочная стоимость является результатом более высокой производительности труда и создается там, где эта высокая производительность труда имеется». Более того, мне кажется не использованы аргументы Маркса, содержащиеся и в III томе Капитала, тоже в гл. 10, где он расширяет понятия стоимости и общественно необходимого труда. Я процитирую: «...если... спрос преобладает хотя бы незначительно, то реальную стоимость регулирует индивидуальная стоимость товаров, произведенных при наименее благоприятных условиях». И еще: «Раз определенный товар произведен в количестве, превышающем наличную общественную потребность, часть общественного рабочего времени оказывается растроченной попусту, и вся масса товаров представляет тогда на рынке гораздо меньшее количество общественного труда, чем то, которое в ней действительно заключается»¹. Таким образом, понятие общественно необходимого труда расширяется в том смысле, что оно учитывает и влияние пропорций производства различных товаров, которое выявляется на рынке, и товары, которые пользуются большим спросом, чем предложением. Они заключают в себе по определению большую стоимость, чем товары, которые находятся в избытке. Я считаю, что приведенные мною цитаты не оставляют сомнения в том, что Маркс вплотную при-

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. М.: Госполитиздат, 1962. С. 205.

близился к признанию влияния общественной потребности и востребованных рынком потребностей, потребительной стоимости товара на формирование их стоимости. Это надо учитывать, в том числе и при оценке позиции Рубина, которой он придерживался до конца.

Я хотел бы сказать, что я полностью согласен с Рубиным и в определении предмета политической экономии. Он четко и ясно писал, что им являются экономические отношения, а не производительные силы. Это, конечно, не значит, что производительные силы уходят за пределы экономической науки, но экономическая наука и политическая экономия не одно и то же. Есть еще целый комплекс других экономических наук, в том числе теория предельной полезности, это тема для особого разговора. Но я считаю, что она не является диаметрально противоположной и несовместимой с марксистской теорией стоимости. То с чем можно поспорить, это утверждение, что все производственные отношения овеществляются. Я думаю, что это спорный тезис, правда он подтверждает вывод, что политическая экономия — это наука исключительно о капитализме, где овеществляются производственные отношения. Тут нет возможности развивать эту тему. Но мне думается, что было бы правильным считать, что производственные отношения и при капитализме не овеществляются в полном своем объеме, есть область отношений, которая выступает в непосредственной форме, не говоря уже о других способах производства, укладах, о которых речь сегодня не идет.

Р. Хеккер*

И.И. РУБИН НА ЗАПАДЕ: ЗАМЕТКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Уважаемые коллеги, я очень рад побывать здесь, в Институте экономики РАН и благодарю за приглашение. Я думаю, что сегодняшняя наша конференция представляет собой определенный шаг к полной научной реабилитации И.И. Рубина. Это важно не только для российской науки, но и для всех тех, кто занимается историей экономических учений.

Из доклада Л.Л. Васиной было видно, что Рубин это не только «Очерки по теории стоимости Маркса». Почти все произведения Рубина перечислены в докладе, там 92 наименования, таким образом, у Рубина много произведений. У него был большой интерес ко всем новым течениям в экономике. Он занимался не только Марксом, перевел много работ других западных экономистов и, поэтому, когда мы рассматриваем его «Очерки», мы не должны смотреть узко, мы должны учитывать и все другие его работы.

Очень интересно проследить как он занимался с экономическими работами Отто Бауэра и других. Все это надо учитывать, если мы хотим издавать его рукописи. Я участвую в издании маленькой серии книг об истории издания произведений Маркса и Энгельса. Мы уже выпустили 4 таких тома и зарезервировали 1 том, посвященный Рубину. Мы выпустили 2 тома о Д. Рязанове, специальный — о том, как было прекращено первое издание МЭГА в сталинские времена, еще один о том, как были изданы произведения Маркса и

* Д.э.н., председатель Берлинского Союза поддержки издания МЭГА (Berliner Verein zur Förderung der MEGA-Edition), редактор «Ежегодника исследований о Марксе и Энгельсе» (Beiträge zur Marx-Engels-Forschung).

Энгельса после Второй мировой войны. Вот мы немножко подождали с Рубиным, не хотели идти вперед, ждали пока в России что-нибудь будет издаваться.

Сейчас я узнал, что издана рукопись Рубина «Очерки о деньгах». Мы будем в ближайшем будущем, надеюсь в следующем полугодии, издавать эту рукопись с некоторыми своими комментариями. В Западной Германии был интерес к Рубину в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Известно, что Роман Роздольский назвал в 1968 г. Рубина выдающимся русским экономистом. Но надо сказать, что, когда вышла книга Роздольского, одновременно был опубликован труд Вальтера Тушйера. В списке литературы его исследования представлены все важные рукописи и публикации Рубина — это тоже было в этот период. Я об этом узнал, будучи студентом МГУ в середине 1970-х гг., и читал тогда фотокопии работ, над которыми Тушйер в 1950-х гг. работал в Москве.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. началось новое прочтение Маркса. Тогда появлялись важные исследования, и по сути дела мы уже там встречаем логически-систематическую интерпретацию «Капитала». Вы, наверное, тоже помните, что в это время мы тоже спорили в Москве об этих вопросах, и были очень интересные дискуссии. Я был учеником В.П. Шкредова, и некоторые из вас знают, какие у нас были трудности на экономическом факультете МГУ. Это давняя история.

Но интересно и то, как издавался Рубин на Западе. В Западной Германии тогда было два издания его книг и одно из них называлось «Очерки о теории стоимости». Кстати, перевели с английского и комментарии к этим очеркам были очень путанные. Когда мы их читали, то мало что понимали. В этих комментариях отмечается, почему в «Очерках о теории стоимости» нет понятия «эксплуатация». В другом издании указывалось, что работа Рубина была слишком академической. Таким образом, издатели просто не поняли, какие дискуссии были в 1920-х гг. в СССР и в каких условиях писал Рубин свои рукописи.

Вот поэтому я хотел еще раз обратить ваше внимание на следующее. Мы часто забываем, когда оцениваем работу Рубина, что вообще он мог прочитать. Ведь некоторые рукописи Маркса были ему неизвестны. Л.Л. Васина в своем докладе перечислила несколько таких примеров. Она указала, что Рубин принимал участие в переводе «К критики политической экономии» и выпуске этой книги. Хотел бы только напомнить, что «Экономико-философские рукописи» вышли только в 1932 г., целиком рукопись 1857–1858 гг. была опубликована только в 1939 г. И позвольте напомнить, что «Теории прибавочной стоимости» в 1920-х гг. еще не были опубликованы на русском языке. Известно только издание Каутского, которое он осуществил до Первой мировой войны. И Каутский, как известно, не издавал рукопись целиком, а извлек из нее некоторые части. «Теории прибавочной стоимости» не были опубликованы в первом русском издании сочинений Маркса и Энгельса, а только во втором. Этот том был пропущен из-за начала Второй мировой войны. Это тоже важно иметь в виду. Целиком эта рукопись была опубликована только в 1976 и 1982 гг. Рукопись третьего варианта «Капитала» была опубликована на языке оригинала в 1988 и 1993 гг.

Есть еще одна очень важная, многим неизвестная — рукопись Маркса, написанная, когда он перерабатывал первый том «Капитала» для второго издания. Он внес много изменений, переработал первую главу «Товар и деньги». В следующем году будут опубликованы целиком все рукописи Маркса к «Капиталу» — во втором отделе полного собрания сочинений на языке оригинала, т.е. только сейчас мы имеем возможность сравнивать все эти рукописи и сопоставить их с тем, как издавал Энгельс 2 и 3 тома «Капитала». Только сейчас мы в состоянии все посмотреть и проанализировать в полном объеме.

Я надеюсь, что вы тоже примите участие в этих дискуссиях. По крайней мере, у нас в Германии по этим вопросам проходят большие дискуссии. Во-первых, о работе автора и

редактора «Капитала». В наших журналах уже более 10 лет публикуется много статей о том, как Энгельс интерпретировал 2 и 3 тома «Капитала», в том числе обсуждается вопрос, искажал он текст или нет. Он будет решен в следующем году после полной публикации этой рукописи.

В заключение я хочу сказать, что в дискуссии о Рубине надо уделять внимание тому, в каких исторических условиях он работал, какой характер носили те дискуссии, какая материальная база была тогда, и тогда действительно можно правильно оценить его заслуги. Я думаю, что это очень важно. Я очень высоко оцениваю рукописи Рубина, я надеюсь, что мы на немецком языке опубликуем их в ближайшее время.

А.Д. Широкопад*

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.И. РУБИНА

На нашем заседании говорилось, что И.И. Рубин уже давно стал известен на Западе. В целом это верно, но я должен отметить, что эта известность пока еще весьма скромная, и знакомство с его работами, тем более их исследование на Западе, находится лишь на самой начальной стадии. Даже для многих специалистов по марксистской экономике и по истории советской экономической мысли, которые должны были бы хорошо знать его произведения, в действительности имя И.И. Рубина неизвестно. Так, в книге «A History of Marxian Economics»¹ нет даже упоминания о И.И. Рубине. То же можно сказать и о фундаментальной четырехтомной антологии «Karl Marx's Economics Critical Assessment»². Да и из современных российских экономистов мало кто читал его работы. Одна из причин этого заключается в том, что основные работы И.И. Рубина так и не были переизданы после 1920-х гг., хотя труды очень многих других советских экономистов переиздавались в последние четверть века неоднократно и достаточно большими тиражами. И.И. Рубин является одним из крупнейших марксологов в мире, и хотя бы важнейшие его произведения – «Очерки по теории стоимости Маркса», «История экономической мысли», «Современные экономисты на Западе», а также полемические выступления в ходе общеметодологической дискуссии 1920 – начала 1930-х гг. –

* Д.э.н., профессор, СПбГУ.

1. *Howard M.C., King J.E.* A History of Marxian Economics. Vol. 1. 1883–1929. Macmillan, 1989.
2. *Karl Marx's Economics. Critical Assessment.* Ed. By J.C.Wood. Routledge, 1988.

давно должны были бы быть переизданы. В России есть хорошие знатоки научного наследия И.И. Рубина, хотя их не так много; изучены многие архивные материалы, посвященные его жизни и деятельности. Инициативу в подготовке академического издания работ И.И. Рубина, конечно, должен проявить Институт экономики РАН.

Профессор Р. Хеккер в своем выступлении обратил внимание на необходимость рассмотрения вопроса об историческом контексте общеметодологической дискуссии 1920 — начала 1930-х гг., одним из основных участников которой был И.И. Рубин. Свое краткое сообщение я как раз хотел бы посвятить в основном этому вопросу.

Указанная дискуссия начиналась как высокопрофессиональное обсуждение сложных и актуальных теоретических вопросов, однако постепенно приобретала все более ярко выраженную идеологическую окраску. Это было связано с политической обстановкой в стране в 1920-е гг. Уже в самые первые послереволюционные годы Советское государство все более энергично ставит под свой контроль развитие экономической науки. Попытки независимого исследования в области теоретической экономики и истории экономической мысли вначале допускались, хотя и в определенных, достаточно узких пределах, но постепенно стали наталкиваться на все более резкую и грубую критику, а затем и прямые преследования. По мере того, как немарксисты все более изолировались и в конечном счете лишались возможности заниматься научной деятельностью, борьба не на жизнь, а на смерть развертывалась между учеными, которые провозглашали себя марксистами, за право представлять это учение. Эта борьба умело регулировалась государством: чем более унитарным оно становилось, тем большей унитарности оно требовало от общественных наук, тем в большей степени эти науки нацеливались на решение чисто идеологических задач, все более нетерпимым становилось любое, даже малейшее, даже мнимое отклонение от догматически понимаемого и санкционированного властью марксизма. В этой обстановке

зачастую сектанты (иногда весьма ученые) и просто приспособленцы вытесняли настоящих ученых, воспитанных в дореволюционных российских университетах, где в начале XX в. экономическая наука достигла очень высокого уровня. Это было одно из проявлений неизлечимой болезни, поразившей советскую экономическую науку, в конечном счете приведшей ее к гибели. Болезнь эту можно назвать нетерпимостью к инакомыслию, категорическим отрицанием принципа свободы творчества. В 1926 г. В. Позняков в рецензии на одну из книг И.И. Рубина заявил, что все ее недостатки связаны с отступлением автора от марксизма: «...дать действительно объективную, научную историю экономической мысли, по нашему глубокому убеждению, может только марксистская школа»³.

Разборки, связанные с тем, кто марксист, а кто немарксист или даже антимарксист, доминировали и в дискуссии 1927–1929 гг. Это привнесло в нее совершенно ненаучные элементы, мешало научному анализу. Результаты этой дискуссии могли бы быть значительно весомее, если бы не было ее все большей идеологизации. Сам И.И. Рубин старался дистанцироваться от политических обвинений в адрес своих оппонентов, не подписывал никакие открытые письма против них, хотя все центральные журналы были переполнены обвинительными письмами, которыми обменивались ведущие представители обоих направлений.

На рубеже 1920–1930-х гг. произошел крутой перелом в экономической политике ВКП(б), выразившийся, в частности, в постановке в качестве одной из важнейших задачи ликвидации кулачества как класса, что не могло не привести к резкому обострению классово-борьбы и самым негативным образом отразилось на развитии экономической теории. Ее потенциал предполагалось всецело использовать лишь для теоретического обоснования разработанного руководством партии, на долгие годы оказавшегося под контролем Сталина, механизма развертывания реконструктивных процессов

3. Позняков В. Рецензия на книгу И.И.Рубина «Физиократы. Очерк из истории экономической мысли» // Под знаменем марксизма. 1926. № 1–2. С. 276.

в стране, для критики «буржуазных, неонароднических и меньшевистских» представлений, решения других актуальных, с точки зрения правящей партии, практически-политических задач. В качестве единственно возможной идеологической основы такого рода исследований признавался лишь марксизм-ленинизм. Малейшие отступления от официальной трактовки этого учения воспринимались как идеологическая диверсия, чрезвычайно опасная в условиях политического кризиса. Считалось, что государство диктатуры пролетариата в такой обстановке должно было принимать самые жесткие меры политического и уголовного преследования по отношению к теоретикам, защищавшим, часто якобы в завуалированной форме, интересы и позиции капиталистических элементов в стране.

В середине 1929 г. И.В. Сталин окончательно расправился с «правой оппозицией», которая в то время представляла наибольшую опасность для него. Став хозяином в стране, он сконцентрировался на решении задачи укрепления своего монопольного положения во властных структурах. Для этого было чрезвычайно важно заменить старое руководство, прежде всего, в политической и идеологической сферах. Острая идеологическая борьба происходила в 1920-е гг. не только в политической экономии, но и в других общественных науках. Это дестабилизировало не только идеологическую, но и политическую ситуацию, создавая предпосылки для обострения внутрипартийной борьбы. Поэтому в исторически кратчайшие сроки старые авторитеты в сфере идеологии были заменены новыми, преданными И.В. Сталину. Понимая, сколь важное значение для него имеет формирование и укрепление прочной идеологической опоры, он осуществляет генеральную чистку кадров на «идеологическом фронте». Жертвами этой чистки оказались и крупнейшие советские экономисты, в том числе И.И. Рубин.

Еще в сентябре 1929 г. можно было не только критиковать И.И. Рубина, но одновременно отмечать его существенный вклад в марксологию. Так, Г. Дукор и А. Ноткин

признавали, что «И.И. Рубин обязан своим успехом тому, что выступая с блеском против Богданова и богдановщины, он углубил постановку экономических проблем, удовлетворил тем самым назревшую потребность»⁴. Они отмечали, что «И.И. Рубин выдвинул положения, которые способствовали и способствуют усвоению экономической системы Маркса». В то же время они указывали на «систему извращений» марксизма у И.И. Рубина, на то, что «позиции диалектического материализма в политической экономии можно отстаивать лишь в борьбе как против механистических тенденций Кона и др., так и против идеалистических и механистических ошибок И.И. Рубина...»⁵.

Начиная с рубежа 1929–1930 гг. в теоретические дискуссии между «механистами» и рубинцами все более активно и бесцеремонно вмешиваются влиятельные политические структуры. В октябре 1929 г. в специальном заявлении редакции центральной партийной газеты «Правда» было указано, что: «1. Ведущуюся дискуссию по вопросам теоретической экономики, в частности в связи с работами Рубина, редакция считает далеко не законченной;...3. Редакция считает явно неправильной установку на защиту стопроцентной марксистской ортодоксальности дискутируемых работ Рубина, что фактически ведет к замазыванию ряда его немарксистских положений; ...5. Исходя из основной установки борьбы как против идеалистической опасности, нередко рядящейся в марксистские одежды (здесь явно имеется в виду И.И. Рубин и его школа. — Л.Ш.), так и против механистических пережитков богдановщины, редакция считает необходимым в ближайшее время дать отпор ряду невыдержанных и псевдомарксистских выступлений в области теоретической экономики»⁶.

4. Дукор Г., Ноткин А. Как нельзя бороться «против механистических тенденций в политической экономии» // *Большевик*. 1929 (30 сентября). № 18. С. 112.

5. Там же. С. 130.

6. О дискуссии по вопросам теоретической экономики. От редакции // *Правда*. 1929. 10 окт. № 234. С. 5.

Перелом в сфере идеологии особенно четко обозначился в декабре 1929 г., когда Сталин произнес свою печально знаменитую речь на Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. После этой речи началось «завинчивание гаек» по всему, как тогда говорили, «фронту идеологии».

Во втором (январском) номере журнала «Большевик» была помещена статья В.П. Милютин и Б.С. Борилина «К разногласиям в политической экономии». В работах И.И. Рубина авторы статьи не заметили сколько-нибудь ценного в теоретическом отношении. Более того, по их мнению, «методологическая «утонченность» работ И.И. Рубина сводится ...к бесплодной игре понятий, к чисто схоластическим упражнениям, лишь прикрывает марксистской терминологией их антимарксистское, антиреволюционное, неокантианское содержание. Работы И.И. Рубина и споры вокруг них отвлекают теоретическое исследование от разработки проблем советской экономики... и противоречий мирового империализма». И.И. Рубин в целом был охарактеризован авторами статьи как «выразитель и представитель идеологии теоретиков II Интернационала в политической экономии»⁷ Соответственно был сделан вывод о «ревизионистском, меньшевистском характере взглядов И.И. Рубина»⁸, о его «антимарксизме и антиреволюционности»⁹.

В заявлении редакции журнала «Большевик», которое было напечатано непосредственно после статьи, указывалось: «Редакция считает, что печатаемой статьей гг. Милютин и Борилина дискуссия должна быть закончена и призывает экономистов-коммунистов переключиться на изучение вопросов социалистического строительства и империализма»¹⁰. Так чисто волевым, насильственным образом была

7. Милютин В., Борилин Б. К разногласиям в политической экономии // Большевик. 1930. № 2. С. 56.

8. Там же. С. 60.

9. Там же. С. 59.

10. Там же. С. 63.

прервана одна из интереснейших теоретических дискуссий в советской политической экономии.

Указанная статья В. Милютина и Б. Борилина, поскольку она получила решительную поддержку со стороны редакции «Большевика», была сразу же воспринята как политическая директива и приобрела установочный характер. Она была перепечатана в ряде других журналов, в частности, «Проблемы экономики»¹¹, редакция которого немедленно откликнулась на эту статью еще более обширным заявлением, чем «Большевика». В нем выражалась полная поддержка позиции авторов статьи, а также говорилось: «В редакцию поступили письма и предложения статей по известной экономической дискуссии. Считая дискуссию законченной статьей товарищей Милютина и Борилина и редакционными примечаниями «Большевика» и «Проблем экономики», редакция не считает возможным помещение указанных писем и статей»¹².

В данной связи следует отметить и то, что в начале 1930-х гг. рассматриваемая статья в обязательном порядке изучалась во всех звеньях системы экономического образования.

Столь неординарная реакция на статью В. Милютина и Б. Борилина была связана с тем, что, по более позднему признанию А. Пашкова, она была написана «под непосредственным руководством тов. Сталина»¹³.

Сразу же после публикации указанной статьи в Институте красной профессуры (ИКП), где работал И.И. Рубин, были сделаны соответствующие оргвыводы в его отношении. Вопрос о И.И. Рубине был рассмотрен на заседании учебного бюро экономического отделения и цехового бюро ячейки экономистов ИКП. В принятом на этом заседании решении указывалось, что в новых политических условиях деятельность И.И. Рубина в качестве руководителя общете-

11. См.: Проблемы экономики. 1930. № 2. С. 3–17.

12. Там же С. 145.

13. Пашков А. Политическая экономия перед лицом XVII съезда // Вестник Коммунистической академии. 1933. № 6. С. 48.

оретического семинара в ИКП становится нетерпимой и вредной. «Система его идеалистических ошибок, враждебная марксизму и вытекающая из неокантианской методологии, а также его сознательное замыкание лишь в кругу общих вопросов теории стоимости и упорное отрывание общеметодологических проблем политической экономии от проблем империализма и советского хозяйства, — все это вытекает из его общеполитических меньшевистских позиций... Не может быть ортодоксальной марксистской разработки общих теоретических проблем без правильной общеполитической позиции. Нельзя быть марксистом, не будучи ленинцем». На указанном заседании было принято постановление «снять Рубина с работы в ИКП». Заслушав сообщение об этом заседании, правление ИКП постановило снять Рубина «с руководства семинаром»¹⁴.

С этого времени примирительное отношение к теоретическим разработкам И.И. Рубина становится неприемлемым. Все такого рода попытки, сделанные еще совсем недавно, когда тучи над И.И. Рубиным еще не сгустились, подвергаются жесткой критике. Так, в рецензии на статью Н. Ильюхова «Актуальные проблемы теоретической экономии» М. Моисеев критикует автора за то, что, по его мнению, «Очерки по теории стоимости Маркса» И.И. Рубина «представляются ему в основном правильными и в духе Маркса». Этот вывод Н. Ильюхова представляется М. Моисееву ошибочным и вредным¹⁵.

17 февраля 1930 г. в редакционной статье «Правды» была подвергнута критике «декларация 9-ти» на весеннем (1929 г.) диспуте, в ходе которого работы И.И. Рубина были признаны «марксистскими, развивающими и углубляющими наше понимание марксовой политической экономии»¹⁶.

14. Решение учебного бюро отделения и бюро ячейки экономистов ИКП об И.И. Рубине // Правда. 1930. 1 февр. С. 2.

15. Моисеев М. Рецензия на: Бюллетень заочно-консультационного отделения ИКП // Правда. 1930. 8 февр. С. 5.

16. На новые рельсы (К итогам экономической дискуссии) // Правда. 1930. 17 февр. С.2.

В рецензии В. Мотылева на сборник «Рубинщина или марксизм?» в обобщенном виде была представлена критика теоретической концепции И.И. Рубина. «В работах И.И. Рубина, — читаем мы в этой рецензии, — выявилась целая система идеалистических извращений марксистской политической экономии. И.И. Рубин является по существу проводником в нашей литературе ряда идей неокантианского «социального» направления в политической экономии. Этим идеям он придает марксистскообразный вид, пытается подкрепить их односторонним и тенденциозным подбором цитат из работ К. Маркса, что делает борьбу с этой меньшевистской идеалистической ревизией марксизма чрезвычайно настоятельной»¹⁷.

Что касается Сталина, то свое отношение к общетеодологической дискуссии 1927–1929 гг. он выразил не только через статью В. Милютина и Б. Борилина, но и более непосредственным образом. Так, 9 февраля 1930 г. он дал ей сугубо негативную оценку, причем, как всегда, в очень резкой и грубой форме. «Если отбросить прочь шелуху споров, — заявил он, — то основные ошибки спорящих сторон состоят в следующем: а/ ни одна из сторон не сумела применить как следует метод борьбы на два фронта: как против “рубинизма”, так и против “механицизма; б/ обе стороны отвлеклись от основных вопросов советской экономики и мирового империализма в область талмудизированных абстракций, убив, таким образом, два года работы на отвлеченные темы, конечно, в угоду и к выгоде наших врагов»¹⁸.

Столь обскурантистское отношение к экономической теории уже очень скоро привело к резкому падению тео-

17. Мотылев В. Рецензия на: Рубинщина или марксизм? Против идеализма и метафизики в политической экономии: Сб. статей под редакцией С.А. Бессонова и А.Ф. Кона. ГТЗ. 1930 // Правда. 1930. 1 марта С. 5.

18. Сталин И.В. Ответ товарищам свердловцам // Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. — М.: Госполитиздат, 1952. С. 190. Нельзя не обратить внимание на то, что дискуссии по сложнейшим теоретическим вопросам, не потерявшим актуальности и в наше время, оценивались Сталиным как «область талмудизированных абстракций» и «шелуха споров». Это лишний раз свидетельствует о том, что будучи непревзойденным мастером идеологизации и политизации теории, он был весьма далек от понимания самой теории.

ретического уровня экономических исследований даже по сравнению с 1920-ми гг.. Как заявил в 1931 г. в одной из дискуссий в Коммунистической академии известный советский философ и политический деятель Я.Э. Стэн, «в теперешней напряженной обстановке...создается опасность в области теории вульгарно-эмпирически обобщать и фотографировать действительность»¹⁹. Этот недостаток вскоре был признан и официально, но преодолеть его не удавалось вплоть до смерти Сталина.

В конце февраля 1930 г. член Оргбюро и секретарь ЦК ВКП(б) В.М. Молотов в докладе на заседании расширенного президиума Исполнительного комитета Коммунистического интернационала 25 февраля 1930 г. констатировал, что «в последнее время — не без вмешательства ЦК — ...произошел резкий перелом» в борьбе с рубинщиной. Рубинщина... в основном разоблачена»²⁰. Это означало, что был нанесен смертельный удар по одному из перспективных направлений в методологии и теории марксистской политической экономии и в мировой марксологии в целом.

В январе 1931 г. М.Б. Митин, который как раз в это время оказался одним из ведущих идеологов в окружении Сталина (в 1931 г. он был назначен главным редактором журнала «Под знаменем марксизма»), заявил: «Примерно год тому назад мы имели очень острую борьбу с рубинщиной и свержение этого “теоретического бога”, а ведь он бесспорно занимал, если не полностью, то в значительной степени, господствующее положение в области теории политэкономии»²¹.

Под флагом борьбы с рубинщиной в начале 1930-х гг. осуществлялся процесс дискредитации многих советских экономистов, не вызывавших доверия у властей. Эти репрессии коснулись прежде всего специалистов по истории экономической мысли. Одним из наиболее талантливых из них был И.Г. Блюмин. Будучи еще совсем молодым исследователем, он

19. *Цит. по:* Бюлетень заочной консультации. 1931. №9–10. С. 8.

20. *Молотов В.* О наших задачах // *Большевик*. 1930. № 5. С. 17.

21. *Митин М.* К итогам философской дискуссии // *Под знаменем марксизма*. 1931. № 10–12. С. 26.

начал свой творческий путь с издания в 1928 г. капитальной работы «Субъективная школа в политической экономии» в двух томах. Монография эта в том же году получила высокую оценку таких советских специалистов по истории экономической мысли, как М.Н. Смит и З.В. Атлас. Позднее, уже в 1995 г., известный экономист А.В. Аникин назвал эту работу «шедевром 20-х годов»²².

Второе издание книги И.Г. Блюмина вышло в 1931 г. За короткий срок в три года между первым и вторым изданием политическая ситуация в стране резко изменилась. 21 и 27 января 1931 г. в теоретической секции Института экономики Коммунистической академии состоялось обсуждение работы Блюмина «Субъективная школа в политической экономии» и новой его книги «Очерки современной буржуазной теоретической экономии», изданной в 1930 г. Материалы этого обсуждения были опубликованы в журнале «Проблемы экономики» (1931. № 3). Главными инквизиторами Блюмина оказались А.И. Пашков и И.М. Пильмейстер. Пашков обвинил Блюмина в том, что он «стоит на враждебной марксизму метафизической позиции Рубина... Как и Рубин, Блюмин отрывает социальное от материального, выбрасывает материальное из политической экономии»²³. Учитывая, что Рубин к тому времени был уже арестован, можно представить, сколь серьезными последствиями было чревато это обвинение.

Пильмейстер в своем докладе обвинил Блюмина в ревизии марксизма, в смешении марксизма с вульгарной экономией. По его мнению, в критике социального направления теоретической экономии «Блюмин целиком во власти рубинской концепции...Блюмин целиком продолжает дело Рубина в «критике» вульгарной экономии. И это пишется после того, как т. Сталин заявил о необходимости ликвидировать идейный хлам рубинщины. И эти книги издаются Комакаде-

22. Аникин А.В. Люди науки. М.: «Дело Лтд», 1995. С.56.

23. Критика немарксистских работ о буржуазной политической экономии (о книгах Блюмина, Рубина и др.) // Проблемы экономики. 1931. № 3. С. 157.

мией!»²⁴. Примерно в таком же ключе критиковал Блюмина и третий участник дискуссии — Э.Г. Першман.

В своем выступлении в конце обсуждения Блюмин не только согласился с замечаниями в свой адрес, в частности, подверг суровой критике Рубина, не только несколько раз повторил, что им «допущен вредный перегиб»²⁵, но и осудил Пильмейстера за то, что тот в своем двухчасовом докладе не вскрыл его, Блюмина, центральную ошибку — то, что только если во главу угла марксистской методологии выдвинуть метод материалистической диалектики, можно увидеть, какая глубокая пропасть лежит между марксизмом и социальным направлением в теоретической экономике. «Поэтому, — заявил он, — ...критика т. Пильмейстера должна быть признана недостаточно сильной по существу»²⁶.

После жестокой критики, обрушившейся на Блюмина в конце 1920 — начале 1930-х гг., он все же не был арестован, возможно, потому что очень усердно каялся, но был отстранен от разработки проблем «критики современной буржуазной теоретической экономики» и несколько лет был вынужден заниматься конкретными экономическими проблемами, в которых он не был специалистом. С 1936 г. он переходит на изучение проблем истории русской экономической мысли. За период 1936—1938 гг. им было опубликовано 6 прекрасных статей по этой тематике в журнале «Проблемы экономики». Работа эта завершилась защитой в январе 1938 г. докторской диссертации на тему «Очерки по истории политэкономии в России в первой половине XIX в.». В 1940 г. Блюмин публикует монографию «Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в.». В 1944 г. и она подверглась жестокому идеологическому разному в партийной печати, что было особенно опасно. Эти жизненные уроки не прошли даром. К тому же он всегда помнил о трагической судьбе Рубина. Во многих послевоенных работах Блюмина официальная идео-

24. Там же. С. 161.

25. Там же. С. 175.

26. Там же. С.177.

логия уже преобладала над теорией. Парадоксально, но факт, что именно Сталин, не постеснявшийся представлять себя классиком марксизма-ленинизма и включивший свой лик в символическую «квадригу» Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин, имевшую сакральное назначение в период сталинизма, загубил лучших советских марксологов, в числе которых особое место занимал И.И. Рубин.

На заседании «круглого стола» в Институте экономики РАН 15 декабря 2011 г., посвященном 125-летию со дня рождения И.И.Рубина, были представлены архивные материалы о последнем периоде жизни выдающегося советского экономиста и дана современная оценка его творческой деятельности. В то же время целый ряд проблем был поставлен в дискуссионном порядке и требует дальнейшего обсуждения. Хотелось бы высказать свои соображения по поводу некоторых из них.

В докладе А.И. Колганова сделан ряд чрезвычайно важных выводов. В частности, в нем совершенно справедливо утверждается: «Тот способ, которым была прекращена дискуссия (общеметодологическая дискуссия конца 1920-х гг. — Л.Ш.), надолго вывел из научного оборота достигнутые в ее ходе результаты, и в особенности, научный вклад самого И.И. Рубина в разработку теоретических и методологических аспектов наследия К. Маркса»²⁷.

В то же время нельзя согласиться со следующей его оценкой: «Если позиция, отстаивавшаяся И.И. Рубиным, была оценена как идеологически и политически враждебная («меньшевиствующий идеализм»), то взгляды его оппонентов, развивавших так называемую механистическую трактовку абстрактного труда, такой политической оценки не получили»²⁸.

27. Колганов А.И. Дискуссия об абстрактном труде и проблемы применения метода «Капитала» К. Маркса // Теоретическое наследие И.И. Рубина и судьбы политической экономии. Материалы Круглого стола, посвященного 125-летию со дня рождения И.И. Рубина. 15 декабря 2011 г. М.: ИЭ РАН, 2011. С. 29.

28. Там же. С. 30.

Мне думается, что взгляды «механистов» — оппонентов Рубина получали в период сталинизма не менее жесткую политическую оценку, чем «рубинщина», в немалой степени потому, что «механицизм» рассматривался в тот период как методологическая и теоретическая основа правого уклona. Приведу некоторые доказательства этого утверждения.

16 ноября 1929 г. на общем собрании экономистов Института красной профессуры была принята резолюция, в которой, в частности, говорилось: «Собрание считает, что механистические тенденции, обнаружившиеся в области политической экономии, могут в дальнейшем сомкнуться с теми немарксистскими, недиалектическими, механистическими установками, которые характеризуют Бухарина и его «школу». Поэтому необходимо особо заострить теоретическую борьбу против механистического направления в политической экономии. Наряду с этим собрание находит актуальным и обязательным решительную борьбу с идеалистическим направлением в политической экономии и идеалистическими извращениями марксизма»²⁹.

В начале 1930 г. свою позицию по этому вопросу выразила редакция партийного журнала «Под знаменем марксизма»: «Механисты, непосредственно сомкнувшиеся с правыми уклонистами в области философии, являясь знаменем для самых разношерстных элементов, сопротивляющихся проникновению диалектического материализма в конкретные области знания, по-прежнему остаются главной опасностью. Ни шагу назад в борьбе с механистами!»³⁰.

В конце 1930 г. один из ведущих идеологов сталинизма М.Б. Митин писал: «Механистическая ревизия марксизма продолжает оставаться главной опасностью, ибо она имеет широкую социальную базу в нашей стране. В основном

29. Резолюция по вопросу о современной дискуссии в теоретической экономии (Принятая общим собранием экономистов Института красной профессуры 16.XI.1929г.) // Под знаменем марксизма. 1929. № 10–11. С. 259.

30. От редакции // Под знаменем марксизма. 1930. № 2–3. С. 20.

механистическая методология является теоретической базой правого оппортунизма»³¹.

Можно было бы привести еще множество официальных свидетельств того, что на рубеже 1920–1930-х гг. «механизм» рассматривался правящей партией в качестве главной теоретической опасности именно потому, что он был «теоретической базой правого оппортунизма», который в указанный период действительно представлял наиболее серьезную угрозу лидерству сталинистской группировки в стране. Как подчеркивал Сталин, «...правый уклон является теперь главной опасностью в партии...Потому, что он отражает кулацкую опасность, а кулацкая опасность в данный момент, в момент развернутого наступления и корчевки корней капитализма, является основной опасностью в стране»³².

М.И.Воейков весьма проницательно заметил: «Заслуга Рубина ...состоит в том, что он обратил внимание на очень сложную диалектическую связь производительных сил и производственных отношений и указал, что новые производственные отношения (новая социальная форма) наследуют что-то от старых отношений»³³. Но отсюда он делает вывод, который представляется не очень обоснованным. «Оппоненты (Рубина. – Л.Ш.) хотели доказать..., что новые производственные отношения принципиально, по всем параметрам отличаются от старых, их вполне можно называть социалистическими. Рубин же старался показать, что и они наследуют старые, что и в них еще что-то осталось от старых отношений»³⁴. Мы полагаем, что Рубин вряд ли старался показать, что социалистические производственные

-
31. Митин М. К итогам философской дискуссии // Под знаменем марксизма. 1930. № 10–12. С. 55.
 32. Сталин И. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) // Сталин И. Сочинения. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1952. С. 353.
 33. Воейков М.И. Исаак Рубин: политическая экономия как наука овеществленных отношений // Теоретическое наследие И.И.Рубина и судьбы политической экономии. Материалы Круглого стола, посвященного 125-летию со дня рождения И.И.Рубина. 15 декабря 2011 г. М.: ИЭ РАН, 2011. С. 56.
 34. Там же.

отношения «наследуют» капиталистические и что в них «что-то осталось» от последних. Во-первых, прямых свидетельств этого нет, это всего лишь догадка, вольная интерпретация того, что реально можно вычитать у Рубина. Во-вторых, такая интерпретация рубинского понимания соотношения социалистических и капиталистических производственных отношений противоречит меньшевистской концепции социализма, а ведь Рубин в течение ряда лет был активным деятелем меньшевистской партии. В-третьих, стихией Рубина была теория, а не политика, от которой он старался держаться как можно дальше. В его работах мы не найдем увязывания марксистской теории с практикой социалистического строительства.

М.И. Воейков невольно и сам признает, что в своих работах Рубин отнюдь не пытался подвергнуть критике практику социалистического строительства. «Хотел того Рубин или нет (скорее, конечно, нет), но его виртуозный анализ текстов Маркса действительно составлял теоретическую базу для критики того «социалистического строительства», которым начали заниматься с конца 1920-х гг.»³⁵.

35. Там же. С. 57.

Л.Б. Шейнин*

АБСТРАКТНЫЙ ТРУД И СТОИМОСТЬ В СИСТЕМЕ К. МАРКСА

В 1928 г. в Институте экономики происходило обсуждение доклада И.И. Рубина «Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса». Оно не оставило заметного следа в развитии марксовской экономической теории. (На это были веские причины внешнего порядка.) Между тем, оно дает пищу для освещения некоторых философских сторон теории Маркса, которые (как будто) не привлекают внимания ученых–экономистов.

Ключевое слово – «стоимость», семантика которой в «Капитале» Маркса является фундаментальной. В немецком языке, на котором писал Маркс, оно звучит как Wert, но имеет аналоги и в других языках. Так по-английски стоимость – value, по-французски – valeur. Стоимость – нормальное слово в русском языке, но у него (как и в других языках) не одно, а несколько значений¹. Например, под ней иногда понимают справедливую цену. Чаще стоимость выступает как предварительная (расчетная, «прикидочная») цена. В этом значении она может выступать как цена, которую запрашивает продавец или которую предлагает покупатель. Под стоимостью нередко понимают прогнозную цену; она может отражать и некоторую реальную цену, по которой товар был продан раньше. Однако народная мудрость отказывается ставить расчетную (прогнозную) стоимость наравне с реальной ценой. Пословица гласит, что со своей ценой на ярмарку не ездят. Иными словами, цена и расчет-

* К.ю.н., ИЭ РАН.

1. На неоднозначный смысл термина «стоимость» обратил внимание В. Закошанский. См.: *Закошанский В.* Азбука и арифметика экономики. Рига, 1992. С. 50.

ная стоимость товара могут не совпадать. Другая пословица утверждает, что непродажному коню и цены нет². В бухгалтерском учете под стоимостью обычно понимают те затраты, которые были сделаны для получения ценного предмета.

Из «Капитала» Маркса его последователи извлекли главный рыночный закон — закон стоимости. В кратком виде его можно изложить так: «Товар стоит столько, сколько он стоит», т.е. цена товара должна соответствовать затратам на его создание. Действительно, именно с такой закономерностью повседневно сталкиваются миллионы людей. Этот закон был известен задолго до Маркса; на современном языке его иногда называют законом издержек производства. Однако его нельзя назвать ни точным, ни универсальным. До точности ему далеко, ибо реальные цены могут «отклоняться от стоимости» (как любят выражаться ученые-марксисты) в любую сторону и на любую величину. Он не является универсальным, потому что цену имеют многие природные комплексы, на создание которых не было затрачено никакого труда. Нередко подлежат реализации и получают цену также отходы производства³.

В рыночной экономике применяется, по меньшей мере, два понятия стоимости: одно — для продавца, другое — для покупателя. Для продавца — производителя стоимость товара — это та сумма, в которую ему обошлось его производство. Для покупателя — это та сумма, в которую ему обошлась покупка товара. Обе стоимости не совпадают ни по людям, ни по деньгам. Но та и другая стоимость звучат совершенно одинаково (в том числе в немецком языке — Wert). В то же время стоимость для покупателя — это еще цена товара, которую получает продавец. Цена является объединяющим понятием, как для покупателя, так и для продавца. Отсюда «нетрудно» сделать вывод, что существует не две, а *единая*

-
2. Приведена в Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля. Изд. 1909 г. Т. 4. С. 1273.
 3. В свое время среди слушателей института Красной профессуры в Москве одним из предметов постоянных дискуссий было «распределение» стоимости (в смысле затрат) между зерном злаков и их соломой.

стоимость, как для продавца, так и для покупателя, которая воплощается в цене. Такое понимание (единой) стоимости проскальзывало еще у Адама Смита⁴.

В «Капитале» Маркса стоимость фигурирует не только сама по себе, но также в сочетаниях. Маркс упоминает об «индивидуальной стоимости», «общественной стоимости», «абстрактной стоимости»⁵. Но чем «общественная» или «абстрактная» стоимость отличается от просто стоимости — неизвестно. Не удивительно, что последователи Маркса искали у него более точное определение, что такое стоимость.

Слово «стоимость» имеет у Маркса и особое значение, как «застывшее рабочее время». В менее художественной форме, под ней он понимал рабочее время, употребленное на производство основной массы данного товара «при средних общественных условиях» (с. 327), или рабочее время, общественно необходимое для производства товара (с. 327–328). Маркс логично разделил понятие стоимость на две части: «просто» стоимость и меновая стоимость — цена товара. «Просто» стоимость Маркс принял как затраты производителя, но придал ей несколько иной смысл, чем это делают живые языки. Его стоимость — это затраты на производство основной массы данного товара при «средних общественных условиях» (с. 327). Слов «средние затраты» Маркс избегает. Никакого более точного определения своего ключевого термина «стоимость» Маркс не дает. В ходе своего он не придерживался того (не очень четкого) определения стоимости, которым он чаще всего пользовался. Скорее всего, он сам не вкладывал строгого содержания в этот термин.

Близость в ряде случаев таких понятий, как цена и стоимость, наводит на мысль, что Маркс мог обмануться в словах. Он решил, что эти понятия — одного порядка, и что

4. Как пример смещения можно указать также на замечание Ленина о стоимости и меновой стоимости. В своей статье «Карл Маркс» он мимоходом заметил, что меновая стоимость есть «просто стоимость» (Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. Т. 28. С. 231).

5. Маркс К. Капитал. М., 1969. С. 44–45, 59, 327–328, 417. Здесь и далее (в скобках) указываются страницы «Капитала» этого издания.

одно (цена) прямо вытекает из другого (стоимость в смысле затрат). Но на самом деле, это не так. Правда, когда покупатель и продавец приходят к соглашению относительно цены товара, они обычно принимают во внимание затраты, связанные с его производством. Но произведенные затраты – не единственный фактор, влияющий на цену товара, поскольку есть и другие⁶. Как известно, на цену оказывает влияние несоответствие спроса и предложения. Во многих случаях нет прямой зависимости между произведенными затратами и ценой-стоимостью вещи (услуги), выставленной на продажу. И хотя бы там и тут фигурировал термин «стоимость», он не может служить в качестве указания на «железную» связь между двумя этими величинами.

Такую связь пытались найти не одно поколение марксистов. Как известно, видным представителем одного из них был И.И. Рубин.

Проблема «материализации» стоимости

Предмет, феномен или идея? У Маркса творческим началом для цены товара является его стоимость. Цена колеблется вокруг стоимости, но это (так сказать) частности, показатель несовершенства рынка. В идеале же цена должна совпадать со стоимостью, потому что именно последняя диктует первую. Но приняв тезис, что в основе меновой стоимости (цены) товара лежит стоимость, Маркс должен был столкнуться с затруднением философского порядка. Цена – это реальный феномен, Она представляет собой денежную сумму, которую выплачивает покупатель в обмен на получаемый от продавца товар.

Стоимость по Марксу определяется затратами труда при средних общественных условиях. Но «средние обще-

6. В ряде случаев для цены товара существенное значение имеет то количество труда, которое потребовалось бы покупателю, задумай он сам сделать нужный для него предмет или его заменитель. См: *Shaynín L.B. Proportions of Exchange // The Economic Journal. 1960. Vol. LXX. No. 280. P. 769–782.*

ственные условия» — термин недостаточно «вещественный», скорее он является собирательным. Его можно представить как продукт человеческого ума, т.е. как нечто идеальное. Сам Маркс дал повод для такого понимания стоимости, когда писал, что «...В стоимость не входит ни одного атома вещества природы» (с. 56).

Стоимость — это скорее мысленная категория, тогда как цена — реальная. По Марксу, «общественно необходимые» затраты (если признавать их существование) — даже не расчетная величина, это нечто, «стоящее за плечами» производителей. Получается, что марксова стоимость бестелесна. Ее нельзя поставить на одну доску ни с затратами, реально произведенными для получения данного товара, ни с его ценой. Но тогда встает вопрос: каким образом она может повлиять на цену товара? По-видимому, Маркс чувствовал необходимость ответа на этот вопрос, ибо иначе он не смог бы ликвидировать несоответствие в своей «ступенчатой» системе понятий.

И не только он. На «бестелесную» природу стоимости указывал наш современник проф. А.С. Мендельсон. По его представлениям, стоимость — это вещь в себе. Хотя она строго объективна, но сокрыта в произведенном продукте. Ее нельзя подсчитать с помощью никаких статистических ухищрений. Более того, ее существование нельзя обнаружить никаким прибором. Она почти целомудренна. Она проявляет себя только в том случае, когда один предмет обменивается на другой. Если же обмена не происходит, то и стоимость себя никак не проявляет⁷. Но если стоимость настолько неуловима, что она зачастую никак себя не обнаруживает, то само существование ее оказывается недоказуемым. В ходе дискуссии о стоимости и об абстрактном труде в Институте экономики в 1928 г. А.С. Мендельсон так и заявил, что стоимость Маркса — это аксиома⁸.

7. Мендельсон А.С. Стоимость и цена. М.: Экономиздат, 1963.

8. В данном случае более уместным представляется термин «постулат», поскольку аксиомой обычно называют очевидную истину. Существование же марксовой стоимости таковой не является.

На «скрытую» сущность стоимости намекал и сам Маркс. Он писал, что цена не возникает на рынке сама по себе; она лишь обнаруживает себя. В этом ключе он упоминал о «внутренней меновой стоимости» (с. 44–45). Но в какой форме существует стоимость до ее обнаружения — такого вопроса Маркс не ставил. Между тем, если стоимость существует только в умах людей, то ее «развертывание» в материальную форму представляет достаточно непростой вопрос, который требует прояснения.

Абстрактный труд. В качестве фундамента стоимости Маркс избрал труд⁹. Как известно, по мысли Прудона, час труда одного производителя равен часу труда другого. Прудон считал, что товары должны обмениваться строго по заключенному в них (потраченному на их производство) рабочему времени. Но действительность такова, что при обмене товаров час труда одного производителя вовсе не обязательно приравнивается к часу труда другого. Маркс (как и его последователи) признает этот несомненный факт, вводя в свою теорию понятие квалифицированного и неквалифицированного труда. Но поскольку есть труд более квалифицированный и менее квалифицированный, более и менее интенсивный, возникает проблема их сводимости.

Как их сводить, Маркс не показал, наметив лишь общее направление пути. В этом процессе ему должна была помочь концепция абстрактного труда. Под ним Маркс понимает «труд вообще», освобожденный от тех особенностей, которые присущи труду конкретному¹⁰. Однако сама концепция абстрактного труда у него «скомкана». Так, Маркс не увязал

-
9. В том, что производительный труд является реальностью, ни у кого сомнения нет. Однако споры возникают тогда, когда в производительный включают труд конторского работника, музыканта или производителя табака. В своих не опубликованных при его жизни записях, где он полемизировал с Адамом Смитом, Маркс замечал, что в современном ему обществе производительным является любой труд, приносящий прибыль работодателю. Однако предложенная им формула не затрагивала самостоятельных производителей.
10. Такое логическое построение отвечает реальности. Например, в русском языке есть термин «труд» и более конкретный — «работа». Ф. Энгельс замечал, что в английском языке употребляются слова *labour* и *work* — последнее понятие обозначает конкретную работу (с. 56, примеч.)

понятие абстрактного труда с общественно необходимыми затратами труда, образующими стоимость. Не ясно, объединяет абстрактный труд конкретные виды труда только в одной отрасли производства, или же это понятие более широкое, и оно охватывает конкретные виды труда в разных отраслях.

Сам Маркс многократно упоминал, что стоимость возникает на базе абстрактного труда, причем этот последний он старался представить в вещественном виде. Но «вещественный вид» имеет труд конкретный, а не абстрактный. Тем не менее у Маркса прослеживается явное стремление представить абстрактный труд как некий материальный субстрат.

Согласно представлениям Маркса, абстрактный труд есть «сгусток» труда и даже его «кристалл». У труда есть некие «поры», причем в процессе производства происходит процесс «конденсации труда» и его «уплотнение» (с. 421). Маркс утверждает: «Труд не есть стоимость. Стоимостью он становится в застывшем состоянии, в предметной форме» (с. 62). Или: «Как стоимости, все товары лишь определенные количества застывшего рабочего времени» (с. 48). Все эти высказывания понадобились Марксу для того, чтобы представить абстрактный труд, а через него и стоимость, в виде материальной субстанции. По-видимому, без такого представления было бы невозможно перейти от стоимости к меновой стоимости (цене)¹¹. По Марксу, стоимость опирается на абстрактный труд, т.е. на некий средний труд (необходимый для производства данного товара). Средний труд — понятие собирательное, умозрительное.

11. Правда, у Маркса есть и противоположные высказывания. Так, об абстрактном труде он писал, что это «призрачная предметность» (с. 46), т.е. непонятно какая. Надо сказать, что в свои теоретические построения Маркс нередко вводил противоречащие друг другу утверждения. Это был его стиль. Возможно, что таким приемом он страховал себя от возможной критики. А.А. Богданов, один из внимательных его читателей, справедливо заметил, что Маркс не выдерживал строго ни одного из тех определений, которые он предлагал в своих работах. См.: Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. Доклад и его обсуждение в Институте экономики. М., 1928. С. 36.

Может ли общее (собирающее) понятие существовать в конкретной форме, как вещь или явление? В средние века были известны споры между двумя философскими школами – реалистами и номиналистами. Первые утверждали, что общие понятия – *universalia*, отражают реальные вещи. Вторые же не признавали реальности общих понятий. Они не отрицали полезности универсалий для познания мира, но видели в них только продукты человеческого мышления¹². В истории философии учение первых считается идеалистическим, а вторых – материалистическим¹³.

В учении Маркса об абстрактном труде и стоимости явно прослеживается учение реалистов. Предложенное им понятие абстрактного труда является понятием собирающим. Тем не менее, Маркс выдает его за некую предметную реальность. Такая его позиция выглядит вынужденной. Ведь не признай Маркс материальной сущности (или материальной формы) абстрактного труда, он не смог бы претендовать на придание материальной сущности также «своей» стоимости.

Неясность в вопросе о форме существования стоимости ставит под сомнение связь между нею и меновой стоимостью. Это обстоятельство и попытался выяснить И.И. Рубин в дискуссии, происходившей в 1928 г.

По всей видимости, Рубин исходил из того, что Маркс видел в абстрактном труде идеальную категорию, но в материальной оболочке (сам Рубин, скорее всего, придерживался именно такого взгляда). Иначе трудно объяснить, почему Рубин считал, что в «Капитале» Маркс рассматривал абстрактный труд «в гегелевских категориях»¹⁴. Возможно, Рубин хотел сказать, что Маркс балансировал между идеальным характером и материальной оболочкой абстрактного

12. По поводу этого спора Маркс не высказывался. Не упоминают о нем и многие его последователи, хотя он имеет прямое отношение к марксовской категории стоимости.

13. Учение реалистов я бы назвал не идеалистическим, а сверхматериальным. Материальная форма придается отвлеченным (собирающим) понятиям.

14. Как известно, согласно философии Гегеля, все факты истории, т.е. реальные феномены, вытекают из некой Мировой идеи.

труда¹⁵. В рамках трудовой теории стоимости материальной ее основой мог быть только труд. Понятно, однако, что «в прямолинейном виде» тезис о труде—стоимости был приемлем для Прудона, но не для Маркса. Поскольку Маркс оперировал абстрактным трудом, он должен был (для придания своей теории целостного вида) облечь эту идеальную категорию в материальную форму. Таким мне представляется не высказанное до конца рассуждение Рубина.

Наиболее глубокие последователи Маркса понимали, что философским фундаментом его теории стоимости служит абстрактный труд. Поэтому свой анализ экономической теории Маркса такие исследователи, как Рубин, сосредоточили вокруг абстрактного труда. Такая их позиция не случайная. Поскольку цена товара — это нечто реальное и она вырастает из стоимости, последняя тоже должна иметь если не телесную оболочку, то какую-то материальную основу.

Предмет и явление (оно же отношение, феномен). Маркс почему-то обошел вопрос о том, что в его теории стоимости возникает специфическое философское несоответствие, а именно — материальный предмет ставится на одну доску с отношением. В самом деле, цена есть результат взаимодействия продавца и покупателя по поводу передаваемых денег и товаров. Это — «отношение». Лежащий же в основе стоимости и цены абстрактный труд имеет (по Марксу) «предметную форму». Можно ли из «предмета» прямым ходом получить «отношение»? Понятно, что нельзя. Тем не менее, отталкиваясь от содержащегося в товаре «сгустка труда», «застывшего рабочего времени», через его стоимость Маркс получает его цену (меновую стоимость), т.е. отношение.

По всей видимости, Маркс не был знаком с работой Джона Локка «Опыт о человеческом разуме» (русский перевод 1898 г.). В ней Локк различает феномен и породившие

15. Я бы сказал, что в данном случае прослеживается связь Маркса не столько с философией Гегеля, сколько с воззрениями средневековых реалистов, которые воспринимали общие понятия как реально существующие (см. выше).

его предметы. Он пользуется для этого такими понятиями, как «первичные качества предмета» и его «вторичные качества». По Локку, для проявления у предмета вторичного качества необходимо появление другого предмета, с которым взаимодействовал бы первый. Вторичные качества и составляют «феномен». Но принадлежит феномен уже не одному предмету, а, как минимум, двум.

Маркс не ссылаясь прямо на популярную среди некоторых философов формулу «подобное из подобного», но фактически исходил именно из нее. Об этом можно судить по его сочувственной ссылке на английского автора Рамсея, который так писал об одном из фрагментов цены — прибыли: «Прибыль ...не создается обменом. Если бы она не существовала раньше, она не могла бы существовать и после... сделки» (с. 176, примеч.) Сам Маркс высказал тот же тезис в более общей форме: «Свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении» (с. 67).

Маркс готов слить воедино предмет и связанный с ним феномен. Для него то и другое как бы одинаково предметно. Правда, не всегда. Это видно из следующего его замечания: «...Всеобщее человеческий характер труда образует его специфический общественный характер» (с. 77). Если отвлечься от содержащейся в этой фразе тавтологии, то ее (с привлечением других идей Маркса) можно расшифровать следующим образом: абстрактный труд имеет общественный характер, и это означает, что он не просто «сгусток труда», но и общественное отношение. Таким образом, абстрактный труд получает двойственную реальность. Можно предполагать, что двойное философское понимание абстрактного труда понадобилось Марксу для придания теории стоимости логического основания. Абстрактный труд есть реальность (и даже материальный предмет), и это обстоятельство придает материальный характер базирующейся на него стоимости. Правда, стоимость есть не предмет, а отношение (феномен), но абстрактный труд также является отноше-

нием. Одно отношение как бы поддерживает другое. Но как предмет может одновременно быть еще общественным отношением, Маркс не объяснял.

Если судить по дискуссии 1928 г., то И.И. Рубин и другие последователи Маркса приведенной слабости в теории познания у Маркса не затрагивали.

«Круг в доказательстве». В новаторских понятиях Маркса абстрактный, или средний труд (он называет его также «труд вообще») является как бы исходным. С него он начинает логические построения в своем «Капитале». Было бы оправдано ожидать, что автор покажет, как этот «средний труд» сгущается в стоимость, и как затем образуется меновая стоимость, она же цена товара — единственная категория в марксовой системе понятий, реальность которой не вызывает сомнения. Но ничего этого не происходит. Маркс выходит из положения особым образом. Он намекает, что конкретный труд сгущается в абстрактный на какой-то общественной основе. Но этой общественной основой может служить только признание на рынке за произведенным продуктом товарной ценности. Тем самым в понятие абстрактный труд заранее закладывается условие, что произведенный продукт получит на рынке свою цену. Маркс допускает, что в ходе производства предмета, претендующего стать товаром, его производитель заранее ориентируется на уже существующие рыночные отношения, т.е. на рыночные цены. «Стоимостной (в смысле меновой стоимости. — Л. Ш.) характер вещей принимается во внимание уже при самом их производстве» (с. 81, 83). Получается, что абстрактный труд — не первый кирпичик в марксовой схеме. Он сам зависит от факта реализации произведенного продукта.

Логике Маркса можно выразить также несколько по-другому. Производителю (конкретному ?) труду присущ общественный характер. Этот свой характер труд получает благодаря тому, что продукты человеческого труда обмениваются один на другой. Но тогда получается, что обществен-

ный характер труда зависит от факта реализации продукта в качестве товара, т.е. от его цены. В качестве аргумента Маркс использует «общественно необходимый труд», хотя на самом деле в качестве такового он не годится, ибо для его познания и вычисления приходится пользоваться ценой товара, которая сама зависит от величины этого труда. В логике подобные аргументы носят название «круга в доказательстве». В этом круге «не за что зацепиться», ибо все понятия оказываются взаимно зависимыми.

В ходе своего изложения Маркс практически всегда называет произведенный продукт товаром — хотя на самом деле тому еще предстоит это доказать, когда он попадет на рынок. Это смешение понятий можно было бы отнести за счет неточности выражения. Но в контексте «круга в доказательстве» все сказанное выглядит по-другому. Маркс сознательно называет произведенный продукт товаром. Тем самым он облегчает свою задачу. Он изображает дело таким образом, что когда продукт выходит на рынок, он уже является товаром, а потому имеет цену. Читателю остается догадываться, что цена продукта была заложена в нем изначально. Об адептах Маркса приходится повторить уже сказанное. Ни И.И. Рубин, ни его коллеги не поднимали вопроса о рассуждениях Маркса, как о «круге в доказательстве».

Марксова стоимость и Платоновский гений

Марксово учение о стоимости отвечает (весьма спорно) представлению, согласно которому всякое Конкретное должно иметь свое начало в некоем идеальном Прототипе. Этот Прототип служит как бы образцом для Конкретного. В экономической теории Маркса конкретным является цена товара (его меновая стоимость), а скрытым прототипом — стоимость. Философские представления такого типа известны и до Маркса. Древнегреческий философ Платон учил, что у всякого реального предмета существует некий идеальный прототип, гений, на который этот предмет и дол-

жен равняться. Отклонения, конечно, преобладают, но они свидетельствуют лишь о несовершенстве реального мира¹⁶.

В самом общем виде ту же картину мира представил немецкий профессор Георг Гегель. По Гегелю, миром правит Мировой Дух, или Абсолютная Идея. Все, что случается в человеческом обществе и что выглядит как результат человеческих действий, на самом деле есть проявление этой Идеи. Люди думают, что они борются за свои интересы, добиваются (или не добиваются) нужных результатов, но на самом деле они лишь слепые исполнители некоего Железного Закона, по которому идет развитие самой Идеи. Этот закон нелегко распознать, он проявляет себя не прямолинейно, но общий ход истории от этого не меняется. Все конкретные исторические события — лишь заранее намеченные пункты на пути развития человечества.

Маркс в «Капитале» не ссылался ни на Платона, ни на Гегеля. Тем не менее, как упоминалось, И.И. Рубин замечал связь экономической теории Маркса с системой Гегеля. Но вопрос о том, насколько правильно во всяком Конкретном видеть проявление некоего «подстилающего» его Прототипа, он не поднимал. Возможно, он откладывал его на будущее. Но для него это будущее так и не наступило¹⁷.

Сам факт постановки в 1928 г. доклада Рубина в Институте экономики — знаменательное событие. Он показывает, что в СССР среди последователей марксовской экономической теории было немало таких, которые видели ее недостаточную доказанность, а возможно и внутреннюю противоречивость. Судя по всему, они хотели придать ей большую прочность. Но в ходе обсуждения доклада Рубина они — вольно или невольно — лишь подчеркнули ее слабости. Это не прошло мимо внимания официальной критики. Марксова экономи-

16. Иногда и в реальном мире появляются гении. Известно, что гения чистой (женской) красоты восторженный Александр Пушкин открыл в Анне Керн.

17. Рубин не выражал сомнения в правильности экономической теории Маркса. Тем не менее, он поплатился за свой анализ этой теории. Он был обвинен не только в идеализме, но и в подрывной работе против СССР. Впоследствии он был сослан, а затем расстрелян.

ческая теория была не просто господствующей. Она лежала в основе официальной идеологии СССР. Всякое сомнение в правильности этой теории подрывало уверенность в законности и справедливости нового экономического и политического строя. Поскольку учение Маркса было краеугольным камнем, любое обсуждение этой теории с государственной точки зрения оказывалось подрывной акцией. Рубин и многие его коллеги не рассматривали теорию Маркса как неприкасаемую, и в этом состояла их «ошибка».

Главного инициатора дискуссии — Рубина (надо думать, не только его одного) обвинили в «идеалистической ревизии» и в «прямом извращении» учения Маркса. Рубин выступал, якобы, «как прямой агент мировой буржуазии»¹⁸. Нет ничего удивительного в том, что в последующие годы советские исследователи в области экономической теории ссылались на Маркса в уместных и неуместных ситуациях, не смея вторгаться в лабораторию его мысли. Цитаты из Маркса, правильные и неправильные, понятые и непонятые, принимались без обсуждения.

Этот поистине аракеевский режим в экономической науке самым отрицательным образом повлиял не только на развитие экономической науки в СССР. В реформаторские 1990-е гг. он оставил без надежной теоретической поддержки тогдашних политиков, общественных деятелей и, без преувеличения, — весь народ. Многие допущенные тогда и допускаемые ныне ошибки в экономической политике страны представляют собой печальный результат «недоразвитости» отечественной экономической теории, которая, если не считать официальных (законодательных и близких к ним) материалов, питалась в основном зачитанными параграфами «Капитала».

В нынешней России не восстановлена традиция публичной отчетности хозяйственных учреждений о состоянии дел во вверенной им хозяйственной области; между тем, эта

18. Малая советская энциклопедия. Т. 7. М., 1932. С. 441.

традиция поддерживалась в старой России. Ученые—экономисты публиковали свои исследования отдельных сторон государственного хозяйства; например, в этом преуспел (ныне почти забытый) проф. И.Х. Озеров. Традиция поддерживалась еще в начале 1920-х гг., но впоследствии перестала существовать.

Не так давно президент Белоруссии Лукашенко обвинил белорусских ученых-экономистов в теоретическом бесплодии. Однако он не учел, что по принятому в СССР (еще с 1920-х гг.) порядку поучительные факты хозяйственной жизни было положено знать «кому следует». Все остальные политики, общественные деятели, ученые вынуждены были «питаться» обрывками доступной им экономической информации. Именно такой порядок сохраняется и в нынешней России. Можно надеяться, что когда он будет изменен, ученое сообщество выйдет за пределы обсуждения «голых» экономических концепций, как это пришлось делать в свое время И.И. Рубину и его коллегам.

ДВЕ ЛИНИИ В РАЗВИТИИ МАРКСИЗМА

Уважаемые коллеги я испытываю наслаждение и одновременно погружение в молодость, пребывая на этом «круглом столе». Я вспоминаю, прежде всего, эпоху пяти очень интенсивных лет, когда в МГУ на экономическом и философском факультетах велись дискуссии о феномене товарного производства, об исходном пункте капитала, историческом и логическом, абстрактном и конкретном, и в этих дискуссиях естественно проблема абстрактного труда занимала одно из первых мест. От своего учителя Н.В. Хессина я много знал о дискуссиях 1920-х гг., и студенты тогда читали эти тексты, хотя это было не очень принято, но и запрета уже не было. Мы тогда получили очень интересный импульс для изучения марксизма. Сегодня, глядя на профессора Д. Фуули и вспоминая о встрече с ним в Нью-Йорке в Новой школе социальных исследований, могу подтвердить, что и тогда мы тоже говорили о наследии нашего марксизма. О том, что было бы очень интересно как-то его представить на Западе, где это наследие почти неизвестно или неизвестно вообще.

В этой связи я хотел бы озвучить несколько жестких тезисов, поскольку я только дискусант и не имею возможности для развернутых выступлений. Первый тезис. Я берусь утверждать, что К. Маркс далеко не до конца разработал теорию стоимости, абстрактного труда и товарного производства, хотя фундамент для этого, безусловно, есть, и мы можем и должны опираться на него. Из этого тезиса вытекает то, что нельзя говорить о правильности или неправильности чей-то позиции исходя исключительно из цитат Маркса. Это исход-

* Д.э.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

ный пункт: если Маркс что-то сказал неправильно, значит, он сказал это неправильно. Если он сказал правильно, значит, он сказал правильно. Некорректно оценивать спор Рубина и других или споры вокруг аналитического марксизма исходя только из цитат Маркса.

Второй тезис. Мне кажется, что развитие марксизма после Маркса пошло по двум направлениям: одно — в основном западное, аналитического марксизма, с выходом на проблему соотношения первого и третьего тома и проблему трансформации. Направление, которое, так или иначе, все время пытались сосчитать стоимость, сравнить ее с ценами, с различными другими эмпирическими показателями — прибавочной стоимостью, прибылью, которые часто в западном марксизме отождествлялись. Второе выросло из диалектики, это направление критического советского и постсоветского марксизма. Оно собственно переводит все в другую плоскость. Для понимания природы стоимости первый исходный тезис, который в этом направлении выдвигается, состоит в том, что она есть категория товарного производства, и вне товарного производства ее нет. Мы говорим об исторически конкретных системах производственных отношений, а не о некоторых универсальных категориях, применимых для чего угодно: феодальной системы, советской плановой экономики, рынка, строительства египетских пирамид и пр. Мы должны говорить о категориях, которые имеют специфический вид в рамках товарного производства. Скажем, общественное богатство, которое в рамках товарного производства имеет форму стоимости.

Итак, первый предел, который лишь отчасти просматривается у Рубина и очень мало вообще у кого виден. Во-первых давайте определимся, мы рассматриваем исторически конкретную систему производственных отношений или универсальные категории, применимые к любой экономике. Во-вторых определим абстрактный труд в этих категориях. Профессор Фоули в сегодняшнем докладе, опираясь на Рубина, совершенно справедливо подчеркнул, что можно говорить

об абстрактном труде (а у Маркса можно найти цитаты) как о категории, выражаясь стандартным марксистским языком, «производительных сил», универсальной затрате человеческой рабочей силы безотносительно к особенной социальной форме. Можно говорить об абстракции конкретных видов труда, которые есть всегда и везде. А можно — об абстрактном труде как субстанции стоимости в условиях товарного производства. И в этом случае абстрактный труд окажется завязан на разрешении противоречия между частным и общественным трудом, и в этом состоит специфика нашего подхода. И это то, что специфицирует исторические и логические рамки товарного производства.

Там, где есть противоречия обособленности частного труда, с одной стороны, и общественного разделения труда, общественной взаимосвязи, с другой, — есть товарное производство. Уберите общественное разделение труда и общественный характер связей — получите натуральное хозяйство. Убираете обособленность производителей, вводите общественное регулирование, то чего боится любой бизнесмен, любой рыночник, вы попадаете в систему плановой экономики. Если вы снимаете специфику конкретных рынков труда, вы попадаете в мир всеобщего труда. Здесь возникает проблема перевода на английский. На мой взгляд, русско-немецкий перевод «всеобщего труда» это категория творческой деятельности и мира культуры, где все прямо кооперируются со всеми, а не труда обособленных производителей. Итак, когда мы вводим диалектическое противоречие частного общественного труда и абстрактный труд позиционируем, как разрешение этого противоречия, мы получаем специфически-историческую категорию и дальше мы начинаем работать, когда принципиально исходим из того, что ни абстрактный труд, ни стоимость нельзя сосчитать. Сосчитать можно цену, сосчитать можно меновые стоимости в потребительных стоимостях других товаров, в холсте, если это эквивалент или в баранах или еще в чем-то. Сосчитать стоимость, как субстанцию, как содержательный момент — нельзя, форма и

содержание совершенно различны.

На самом деле Маркс об этом прямо и много раз писал, и все попытки считать стоимость приводили к фиаско, начиная с Прудона и рикардianцев и заканчивая многими проблемами советской плановой экономики. Считать можно нормативные затраты, стоимость считать нельзя, считать можно цены, а не стоимость. Стоимость — это общественное отношение. Абстрактный труд — это общественные отношения. Цена — это выражение стоимости в потребительной стоимости другого товара и тогда появляется количественная определенность. До этого количественной определенности нет. Я попробую очень коротко показать это на примере прибавочной стоимости. Мы в свое время считали прибавочную стоимость категорией опять-таки сущностной и несосчитываемой, являющейся научной абстракцией уровня сущности. Поэтому проблема выравнивания прибавочной стоимости считалась некорректной постановкой в теоретическом отношении. Неправомерной. Это примерно так же, как сосчитать среднее мнение участников нашего семинара. Не действительные споры, не суть противоречий, а среднее мнение участников нашего семинара. Это бессмыслица. На уровне прибыли считать можно, это не есть бессмыслица, потому что это уровень, где происходит перелив капитала и феномены цен. Это уровень превратных форм. Наш тезис исходил из того, что при капитализме можно сосчитывать только превратные формы, которые сильно извращают содержание. Вот такие мы были странные.

Это на самом деле очень тонкий момент, который вне категории сущности и проявления превратной формы содержания не работает. Если мы из этого исходим, то тогда совершенно по-другому видится проблема трансформации. Потому что попытаться сосчитать, как сопрягается стоимость с ценой производства нельзя. Один из этих параметров не считается. Все дебаты оказываются неправомерными. Извините за такую очень жесткую постановку по отношению к грандиозному течению общественной мысли. Они

правомерны в другом смысле, правомерны, что есть вопрос количественных закономерностей и в этом процессе.

И еще один важный момент, на котором я закончу. Это категория, которая практически (коллеги я понимаю, что провоцирую всех на дебаты, но перекричать всех даже с микрофоном у меня не получится) не используется в среде экономистов-теоретиков, за исключением очень узкого круга последователей Э.В. Ильенкова. Это категория конкретно всеобщего, когда общим является не одинаковость, а действительная противоречивая взаимосвязь в историческом развитии. Единством для всех нас является не то, что нам в большинстве своем за пятьдесят, и не то, что здесь у кого-то лысины и еще что-то. Это признаки совершенно неважные для нас. Единством являются те отношения, которые связали нас в диалог. Если диалог распадается — семинара нет. Есть профессор Воейков, Фоули, Ананьин, Бузгалин — но семинара нет. Как только появляется дискуссия, спор, меня начинают перебивать — возникает конкретно всеобщая связь.

Точно также и абстрактный труд. У нас с вами сейчас есть не абстрактный труд, а всеобщий труд — творческий труд. Если бы мы были в условиях рынка и обменивались идеями при помощи денег, то вот здесь был бы абстрактный труд. Единство нас всех, как обменивающиеся продуктами, которые мы произвели в данном общественном отношении. Конкретный труд, в данном случае, есть особенный единичный феномен. Но абстрактный труд, это не то одинаковое физиологическое и нефизиологическое усилие, а та действительно общественная связь, которая объединяет нас в этом противоречивом отношении. При такой трактовке мы получаем совершенно другой взгляд на эти проблемы, восходящие скорее к Рубину, чем к его оппонентам, и прямо связанные с очень сильной традицией и большим количеством работ шестидесятников Советского Союза. Здесь я вынужден поставить многоточие, просто обратить внимание на важность этого другого диалектического взгляда, нынче принципиально не модного.

Я.С. Ядгаров*

И.И. РУБИН И ОСОБЕННОСТИ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОБЛЕМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Я весьма признателен за приглашение и предоставленное слово организаторам этого важного для судеб отечественной теоретической экономики научно-методического и историко-экономического по своей сути мероприятия. Особая благодарность коллегам М.И. Воейкову и О.И. Анянину, обеспечившим сегодня возможность собраться здесь, принять участие в этой конференции и получить огромное, надеюсь, удовлетворение от совместного общения.

Как верно заметил в своем выступлении профессор А.В. Бузгалин, в сегодняшней дискуссии, посвященной творческому наследию И.И. Рубина, «... есть то, что всех нас объединяет». Полагаю, во многом по этой причине творчество Рубина, конечно же, нам не может быть безразлично. Добавлю к этому, что Рубин явился одним из тех отечественных ученых-экономистов, кто пострадал за то, что позволил себе иметь некое разномыслие по отношению к формировавшейся в течение 20-х – 30-х гг. XX столетия так называемой сталинской парадигме марксистско-ленинской политической экономики. Ведь это был тот самый тягостный период в истории нашей страны, который мы не просто пережили, а который имел негативные последствия, по меньшей мере, для всей последующей истории советской экономической науки. Причем они, на мой взгляд, отчасти (явно или неявно) все еще проявляют себя и в наши дни.

* Д.э.н., профессор, ФУ при Правительстве РФ.

Познакомившись с тезисами материалов, которые заранее уже были представлены в печатном виде, услышав доклады и ряд выступлений в контексте их обсуждения, уточнений и дополнений, я для себя уяснил то, что Исаак Ильич Рубин — это ученый, который отнюдь не являлся «интерпретатором интерпретаторов». Он был одним из тех исследователей, кто имел свой четкий взгляд на ключевые проблемы политической экономии, собственную научную позицию и стиль изложения сущностных аспектов важнейших терминов, понятий и теоретико-методологических положений. И едва ли к И.И. Рубину применимо суждение М. Блауга о том, что среди ученых-экономистов нередко встречаются такие, которые творчество К. Маркса (как до него и Д. Рикардо) до такой степени «препарировали, интерпретировали, переинтерпретировали, ...что в ходе этого процесса он стал автором, которого все цитируют, но никто не читает»¹.

Одновременно я утвердился во мнении, что И.И. Рубин, оставаясь последователем учения Маркса, в то же время смело дискутировал с ним, проявляя себя несомненным его оппонентом. Я не скажу, что я единомышленник И.И. Рубина, но при этом, как и он, с уважением отношусь к марксистскому учению. Как многие присутствующие здесь коллеги, полагаю, что учение Маркса на самом деле явилось самым лучшим среди всех представителей классической политической экономии и других направлений экономической мысли середины и начала второй половины XIX столетия.

Однако, оговорюсь, что марксово наследие, на мой взгляд, лучшее именно для того времени в котором жил и творил господин Маркс, и что возможно также полагал и И.И. Рубин. Утверждая так, я исхожу из того, что автор «Капитала» был убежденным последователем методологических и теоретических позиций, как он выражался, «отцов политической экономии» и особенно, по его собственному признанию, А. Смита и Д. Рикардо. Но, несмотря на то, что он претендовал на открытие новых «законов капитализма»

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. С. 607–608.

(включая «закон прибавочной стоимости» и другие), думаю, что К. Маркс вероятно совсем не так бы завершил свой «Капитал», если бы не его такая известная нам судьба и короткая жизнь. Потому он и не издавал вплоть до своей кончины в сущности подготовленные к публикации II и III тома «Капитала» что даже уже опубликованный I том не оставлял равнодушным его самого к собственному, так сказать, творению. Как известно, еще за четыре года до смерти (судя по его письму от 10 апреля 1879 г. Н. Даниельсону) К. Маркс изменил свое намерение издать в обозримом будущем II том «Капитала», ссылаясь на необходимость предварительно изучить и осмыслить развитие и завершение кризиса в английской промышленности.

Учитывая оговоренный регламент времени для прений по основным докладам, хотел бы вкратце обратить внимание еще на некоторые политэкономические аспекты в творчестве И.И. Рубина и особенности их осмысления отечественными исследователями советского и постсоветского периодов. Прежде всего, считаю необходимым выразить свою солидарность с А.В. Бузгалиным в части той мысли его о творческом наследии И.И. Рубина, которую он обозначил в своем выступлении, — «сосчитать можно только цены, а стоимость нельзя», с чем я вполне согласен. Другое дело, какая при этом теория стоимости имеется в виду, и какую ее версию следовало бы разделять. Я, может быть, выскажу какую-то крамолу, но поведаю сначала о том, как мой коллега М.Г. Покидченко давным-давно, еще в годы горбачевской перестройки разъяснял сущность марксовской теории стоимости своим студентам на лекциях в стенах Плехановки (нынешнего Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова), где он тогда работал. Так вот, еще тогда он высказывал вслух суждение, согласно которому трудовая теория стоимости, яркими приверженцами которой являются Д. Рикардо и К. Маркс, — это «одна из затратных, тупиковых версий интерпретации теории стоимости». Отмечал также, что, по Марксу, каждый, кто в духе Сэя—Мальтуса

придерживается «теории издержек», т.е. альтернативной затратной версии этой теории, является не иначе как «вульгарным буржуазным экономистом».

Между тем немалое число российских ученых-экономистов до сих пор придерживается трудовой теории стоимости, не признавая тем самым, что экономическая наука многогранна и имеет много школ, течений, направлений, что ни одна/одно из них не может обладать монопольным правом на истину. Не случайно, говоря о марксистской школе, уважаемый Р.С. Гринберг, открывавший сегодняшний форум, заметил, что советские последователи этой школы претендовали и претендуют на истинность своих теоретико-методологических позиций в последней инстанции. Добавлю к сказанному, что даже критически, с позиций современной экономической науки, воспринимающий основы марксистского учения тот же уважаемый мной А.В. Бузгалин — величайший оппонент К. Маркса, оппонент с большой буквы, который великолепно аргументирует и высказывает альтернативные ему суждения — все же остается в каком-то смысле в пространстве основополагающих постулатов учения Маркса. Он, к примеру, оперирует все теми же положениями о производительных силах и производственных отношениях, абстрактном труде и многом другом из марксова наследия.

Сейчас может не время и не место, но представляется необходимым подчеркнуть, что теория стоимости в затратной ее интерпретации это не данность, раз и навсегда установленная, и не единственная теория стоимости. Есть широко известные в мировом научном экономическом сообществе ее альтернативные интерпретации — маржиналистские и поведенческие. Если уважаемый профессор В.А. Медведев, как мы слышали только что, заявляет, что он не принимает иные версии, чем трудовая теория, это не значит, что они не существуют, и мы не должны замечать непреложные факты возникновения в конце XIX — начале XX вв. незатратных направлений в развитии теории стоимости. Речь идет не только о том, что маржиналистские и поведенческие направ-

ления этой теории стали реальной альтернативой затратным теориям стоимости, но и о том, что²:

1) поведенческие теории стоимости – существенное дополнение к маржиналистским версиям ее интерпретации;

2) поведенческие и маржиналистские направления теории стоимости взаимодополняют друг друга в связи с тем, что:

- ни одна из них не имеет ничего общего ни с теориями «справедливых цен» дорыночной эпохи, ни с прудоновской «конституированной стоимостью» либо с практикой ценообразования фашистских и тоталитарных стран;
- в них исключена всякая мысль о подавлении конкуренции государством во избежание несоответствия цен даже предельным издержкам производства товаров.

К сказанному можно добавить и то, что затратная интерпретация стоимости и ценообразования вызывает определенное сомнение даже в контексте знаменитого «Богатства народов» А. Смита. На это обстоятельство указывают, в частности, авторы всемирно известного учебника «Экономикс» П. Самуэльсон и В. Нордхаус, ссылаясь на известный смитовский пассаж, который гласит: «Нет ничего более полезного, чем вода, но ее покупательная способность ничтожна. Бриллиант же, наоборот, не имеет никакой практической ценности, но его можно легко обменять на огромное количество других товаров»³. Ответ же на этот «парадокс» и комментарии, связанные с ним, сводятся ими к следующим положениям⁴:

- кривые спроса и предложения для воды пересекаются в точке, которой соответствует очень низкая цена, в то время как кривые предложения и спроса для брилли-

2. Эволюция теории стоимости: Учебное пособие для вузов / Под ред. проф. Я.С. Ядгарова. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 8.

3. Самуэльсон П.А., Нордхаус В.Д. Экономика: Пер. с англ. М.: «БИНОМ»; «Лаборатория Базовых Знаний», 1997. С. 124.

4. Там же. С. 124.

антов расположены так, что равновесная цена очень высока;

- бриллианты очень редки, а затраты по добыче дополнительной единицы бриллиантов высоки; вода же имеется в относительном изобилии, и во многих областях земного шара ее можно получить с невысокими издержками.

Вообще говоря, нынешний учебный процесс в высшей школе России это не есть просто подражание, как тут говорилось, «экономиксу». Его нельзя отождествлять с так сказать «возникшим на Западе экономикс», который мы должны исключить из нашего лексикона, потому что он, видите ли, и политическая экономия — это не то же самое. Я тут согласился бы скорее с профессором М.И. Воейковым, что эти понятия ни антиподы, а одно из них предшествовало другому. Замечу лишь, что тот же Альфред Маршалл, автор знаменитого сочинения «Принципы экономикс», в первой же главе книги I сформулировал суть понятия «экономикс» так: «Политическая экономия, или экономическая наука (ECONOMICS), занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества; она изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием материальных основ благосостояния»⁵.

Наконец, мне слышалось или это в самом деле было сказано, что И.И. Рубин не использовал термин «эксплуатация». Я думаю, что в этой связи он действительно близок к самому К. Марксу. В своих трудах К. Маркс неоднократно подчеркивал, что всегда реально существуют законы данного, как он выражался, общественного строя и, в частности, «законы капитализма». И пока имеет место капитализм, есть присущие ему законы, никто никого напрямую не грабит, напрямую не эксплуатирует. Если капиталист получает «прибавочную стоимость», то это потому, что он ее извлекает

5. Маршалл А. Принципы политической экономии. В 3-х т. М.: Прогресс, 1983–1984. Т. 1. С. 56.

в связи с «законом прибавочной стоимости». Собственно я полагаю, что термин «эксплуатация» вообще не экономический, ибо кто кого и как эксплуатирует — работодатель-предприниматель наемного работника либо наоборот — это один из тех вопросов, который выходит за пределы аналитического инструментария экономической науки.

Не хотелось бы в связи с этим отнимать много времени, добавляю только следующее. Неуместными в наши дни представляются даже вот такие встречающиеся в отечественной экономической литературе и, так сказать, в обиходе выражения, как «капиталистическая фирма», «капиталистическое предприятие» и пр. в контексте капиталистического и некапиталистического в хозяйственной жизни. Это, я полагаю, вчерашний день экономической науки. Вспомним, что ушедший из жизни академик Л.И. Абалкин утверждал: «Общественная жизнь с ее многомерностью не может быть адекватно описана наукой с помощью парных понятий — богатые и бедные, частная и общественная собственность, капитализм и социализм. Это — мышление и понятийный аппарат XIX века»⁶. В развитие этого суждения ему принадлежит также следующее напутствие: «Примитивный классовый подход (широко распространенный до сих пор!) принципиально неверен. Он заранее определяет тех, кто ошибается, по критериям, выходящим за пределы науки»⁷.

Но я хотел бы свое выступление завершить словами о том, что уважаю точку зрения, позицию каждого здесь присутствующего ученого. Я совершенно убежден в том, что пока есть разномыслие, разные точки зрения на теоретико-методологические проблемы экономической науки, которой был верен и И.И. Рубин, будет развиваться и не превратится в догму, имевшую место, по меньшей мере, семь десятилетий в нашем недавнем советском прошлом.

6. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения: Очерки. М.: Наука, 2002. С. 36.

7. Абалкин Л.И. Очерки по истории российской социально-экономической мысли. М.: ГОУ ВПО «РЭА им. Г.В. Плеханова», 2008. С. 4.

И.И. РУБИН КАК ВЫДАЮЩИЙСЯ ИСТОРИК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Я хочу вернуться к самому первому нашему докладу и продолжить мысль, что Рубин был выдающимся историком экономической мысли. Я принес некоторые его работы: «История экономической мысли» 1930 г., это уже 4 издание, «Современные экономисты на Западе». Здесь даются критические очерки о Оппенгеймере, Штольцмане, Аммоне, Петри, Лифмане. Поскольку я сам читаю лекции по истории экономических учений, то хочу отметить поразительно высокий уровень анализа западных экономистов Рубиным, особенно по сравнению с современными и нашими и западными учебниками.

И важно отметить аспект, а это его принципиальная позиция (он об этом пишет в Предисловии), что историю экономической теории надо давать обязательно в контексте и характеристики эпохи, и характеристики социальной философии того времени. Он рассматривает уровень и основные проблемы социальной философии того времени, господствующие представления об обществе, о государстве. В таком контексте очень интересно смотрятся экономические теории. Сегодня этот аспект упущен, сейчас основной предмет истории экономических учений сузился до конкретного анализа самой экономической теории (ее там по винтику разбирают). Но этот важный контекст изложения истории экономических теорий очень много дает для понимания самих теорий. Эта специфика исследований присущая, может быть, не только Рубину, но и другим ученым

* Д.э.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

того времени, дает очень высокий уровень, который сейчас во многом потерян.

Между 1920-ми и 1930-ми гг. в российской (советской) экономической мысли очень четко прослеживается перелом. В 1920-е гг. еще была достаточно свободна дискуссия и доступна информация, очень много переводилось зарубежной литературы. Конечно, она была с марксистскими предисловиями, но публиковали самых разных экономистов, далеко не марксистов, и с ними тоже заочно шла дискуссия, причем объективная. Рубин очень корректно и объективно разбирает немарксистские теории, без наклеивания каких-то ярлыков и резких выражений. Поэтому рубеж (тут на это было указано Л.Д. Ширококором) – это 1929 г., выступление И. Сталина. И после этого рубежа общественные науки у нас превратились в «служанок идеологии», а 1920-е гг. были очень интересными в советской общественной и в экономической мысли том числе. Конечно, надо переиздать многие работы 1920-х гг., прежде всего вот эти труды Рубина. Все это было бы большим вкладом в современное наше преподавание истории экономической мысли.

МЕЖДУ ДИАЛЕКТИЧЕСКИМ И АНАЛИТИЧЕСКИМ ПОДХОДАМИ В МАРКСИЗМЕ

Существует существенное разногласие между двумя подходами к интерпретации марксизма: диалектическим и аналитическим марксизма. Однако, при всей разнице подходов лобовое их противопоставление не вполне оправданно. Сами аналитические марксисты действительно отличаются зачастую очень формальным, буквальным подходом к интерпретации марксистской теории. И поскольку они полностью отказываются от диалектики и пытаются непосредственно переформулировать гипотезы Маркса в формальном виде, в конце концов, они приходят к выводу, что во многих случаях они противоречивы и несовместимы между собой. Юн Эльстер в конце концов пришел к выводу, что Маркс с экономической точки зрения является не слишком значительным последователем Д. Рикардо. Таким образом, непосредственно чисто технический аналитический подход приводит к отрицанию значимости Маркса.

Но тот подход, который принято называть «диалектическим», зачастую обращает внимание скорее на более философские стороны теории Маркса, стремится отказаться от непосредственного подсчета стоимости и других непосредственно эмпирических реалий, рассматривая их как превращенные и сильно искаженные формы. Достоинство подхода Маркса состоит в том, что, пользуясь диалектическим методом, он, тем не менее, очень четко различал различные уров-

* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва.

ни абстракции. И хотя он пытался вскрыть содержание и показать развитие определенных социально-экономических категорий в общем, он всегда стремился привести примеры из жизни, объяснить, как они хотя бы на превращенном уровне работают в капиталистической экономике, которую он старался изучить. В этом свете плодотворным выглядит не отказ от попытки работы с превращенными формами, а способ найти некоторую связь между этими различными уровнями абстракции.

Например, теория денег Маркса при всей ее абстрактности в принципе может позволить сделать некоторые приблизительные подсчеты. Отказ от таких подсчетов лишил бы марксистскую парадигму значительной части своей объяснительной силы. Профессор Д. Фули упоминает о том, что постановка вопроса о трансформации сама по себе выглядит немного странно, поскольку, с одной стороны, мы рассматриваем капиталистическую экономику, работающую в режиме простого воспроизводства, а с другой — пытаемся показать переход к ней от гипотетического состояния экономики, работающей по законам простого товарного производства. Когда мы говорим о превращенных формах, не следует забывать, что это объективные превращенные формы, что есть некоторые законы, которые превращают внутренние категории во внешнее проявление. Таким образом, если мы постараемся изучить эти законы и на каком-то уровне построить эту связь, то можно будет не отказываться от той глубины философского анализа, который был предложен Марксом, не уходя при этом в чисто методологические дебри.

Таким образом, мы полагаем, что аналитический подход может быть оправдан на некоторых уровнях абстракции. Но естественно, что на этом уровне абстракции проявляют себя лишь отдельные категории, обнаруженные ранее. Тот кризис марксистской парадигмы, который мы наблюдаем сейчас, по крайней мере, в последние годы, как раз во многом был обусловлен разрывом между чисто философскими диалектическими интерпретациями, которые не были восприняты

экономическим сообществом из-за отказа от непосредственно количественных эмпирических исследований, и интерпретациями, пытающимися обойтись вообще без философской подоплеки, за счет перехода к позитивистским подходам.

Таким образом, с нашей точки зрения, путь к дальнейшему развитию марксизма может лежать только между Сциллой абстрактного философствования и Харибдой буквального аналитического подхода к Марксу. Этот путь позволит соединить марксовы философские наработки с эмпирическим анализом реальной экономической системы.

С.Н. Мареев*

РЕПЛИКА ПО ПОВОДУ ВЫСТУПЛЕНИЯ Р.Г. ХАЙТКУЛОВА

Я по поводу выступления Р. Хаиткулова. Дело в том, что я хотел бы напомнить такую вещь. Товарищу Гегель говорил, что абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Когда Хаиткулов говорил: «диалектический подход – аналитический подход», я, честно признаюсь, мало что понял, хотя я как будто бы занимался немножко диалектикой по Гегелю, по Марксу, по Ильенкову. Кстати сейчас будет 200 лет великому русскому философу-демократу А.И. Герцену, который может быть один из немногих русских освоил диалектику Гегеля. Как раз Герцен говорил о «единстве анализа и синтеза». Вот как раз данный принцип и есть сугубо диалектический. Поэтому если противопоставлять анализ и диалектику, значит ничего не понимать или анализ понимать как-то странно, или странно понимать диалектику. Я задал бы конкретный вопрос – кого Вы персонально имеете в виду? Я просто не представляю себе ни того, ни другого, что есть что.

* Доктор филос. н., профессор, Современная гуманитарная академия.

ОТВЕТ НА РЕПЛИКУ

Я имел в виду не противопоставление «анализа» и «синтеза» и «диалектики» как философских категорий — в данном случае эти термины использовались как устоявшиеся названия двух различных ветвей развития марксизма в XX в.

Э.Н. Соболев*

ЕСЛИ И. РУБИН АКТУАЛЕН СЕГОДНЯ, ТО АКТУАЛЬНА И ЕГО КРИТИКА

Мне кажется, мы стали слишком часто разбрасываться эпитетом «выдающийся». Кого не вспоминаем из 20-х гг. прошлого столетия — все выдающиеся. Теперь дошла очередь до И.И. Рубина. Кажется, что он удовлетворяет всем критериям для вступления в сонм великих: возглавлял целое направление (само имя стало нарицательным — рубинщина); репрессированный; наконец, близость к оппозиции, к меньшевикам и даже, как считает М.И. Воейков, к Троцкому¹. Учитывая моду на троцкизм, это уже оценка по гамбургскому счету, то что называется «последним доводом королей». Боюсь, если успеет юбилей А.А. Богданова, как бы не пришлось с такой оценкой Рубина осадить назад. Тем более, что заслуг у главного «механиста» перед экономической наукой будет, пожалуй, побольше, чем у Рубина.

В докладе М.И. Воейкова дается следующая трактовка событий тех лет. Был большой ученый Рубин, «виртуозно и аутентично трактующий Маркса», сторонник социальной версии марксизма, а против него боролись всякие механисты, недиалектики, полуграмотные марксисты и сталинисты. При таких ярлыках заранее хочется согласиться с Рубиным. Но беда в том, что социальная версия — это самоназвание.

* Д.э.н., ИЭ РАН.

1. «Рубин и рубинское направление... действительно был троцкизм в политической экономии» (Воейков М.И. Исаак Рубин: политическая экономия как наука овеществленных отношений // Теоретическое наследие И.И. Рубина и судьбы политической экономии. Материалы Круглого стола, посвященного 125-летию со дня рождения И.И. Рубина. М.: ИЭ РАН. 2011. С. 57). Правда, немного ранее Воейков называет Рубина «идейным меньшевиком» (с. 37). Как удалось совместить в одной личности приверженность меньшевизму и троцкизму, оставим это на усмотрение профессора М.И. Воейкова.

Это сам Рубин и его сторонники называли себя подлинными марксистами, а своих противников клеймили как отщепенцев от марксизма. Если же взять оппонентов Рубина, кстати, это были не только механисты, то они имели на этот счет иную точку зрения: материалистическая версия против идеалистической, гегельянской. Поэтому в смысле приклеивания ярлыков оппоненты стояли друг друга — то, что по-русски называется «два сапога пара». Такая жесткость полемики, с навешиванием ярлыков, взаимными обвинениями в отступничестве от марксизма, являлась особенностью методологических дискуссий тех лет. Не только власть, но и сами дискуссанты способствовали дискредитации друг друга. Итог известен. «Воспользовавшись «наработанными» в ходе споров обвинениями и ярлыками, Сталин в январе 1930 г. оборвал методологическую дискуссию, ошельмовав при этом как одну, так и другую сторону»².

Конечно, Рубин был известным экономистом-теоретиком в 20-х гг. прошлого века. Но назвать его выдающимся, а тем более вершиной советской политической экономии³ весьма затруднительно — язык не поворачивается. Этот талмудист, по словам хорошо его знавшего Д.Б. Рязанова⁴, был, скорее, интерпретатор и комментатор Маркса. Нельзя сказать, что это было плохо. В первые послереволюционные годы господствовали примитивные представления об экономическом учении Маркса. Поэтому комментирование и популяризация Маркса на достойном уровне было делом важным

-
2. Маневич В.Е. Сталинизм и политическая экономия // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991.
 3. Д. Мельник считает, что «творчество И.И. Рубина составляет одну из вершин развития советской политэкономии» (Материалы Круглого стола, посвященного 125-летию со дня рождения И.И. Рубина. Доклад Мельника. М.: ИЭ РАН. С. 57, 63). Заявление более чем странное, учитывая, что Рубин вообще не признавал наличие какой-либо политэкономии кроме политэкономии капитализма. Но — положим — он сам не осознавал, что он делает. Тогда следовало бы перечислить, в чем конкретно заключаются его выдающиеся заслуги перед советской политэкономической наукой. Мельник не может ничего назвать, кроме разве некоторых методологических успехов. Но это, скорее, введение к науке, чем сама наука.
 4. «Я не совершал никакого преступления». Две саратовские рукописи академика Д.Б. Рязанова. 1932–1934гг. // Публ. Г.Д.Головиной и Я.Г.Рокитянского // Исторический архив. 1995. №2. С. 201–221.

и необходимым, особенно учитывая невысокую научную (а порой и не только научную) грамотность преподавательского состава вузов. Но придавать преувеличенное значение эпигонскому виду деятельности Рубина в истории советской экономической науки не стоит. Тем более что интерпретатором Маркса он был не всегда удачным.

Чтоб не быть голословным, приведу ряд примеров. О границах политической экономии. М.И. Воейков в восхищении от пассажа Рубина, где последний заявляет, что политэкономия как наука ведет свое начало от Адама Смита, отлучая тем самым от политэкономии меркантилистов и физиократов⁵. Конечно, Рубин имеет право на такую точку зрения. Как кстати и сам Воейков. Только не надо выдавать эту точку зрения за позицию самого Маркса. В своем знаменитом «Введении» Маркс достаточно жестко пишет: «Замечу раз навсегда, что под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, начиная с У. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства»⁶.

О предмете политической экономии. Я думаю, что с позиций сегодняшнего дня выбрасывать анализ, скажем, технологических укладов, за пределы экономической науки, в т.ч. политической экономии, как предлагал в свое время Рубин - это просто закрывать путь к пониманию социально-экономических процессов. Это противоречит методу самого Маркса (вспомним 1 том). Да и Энгельс в известном письме к Боргиусу пишет, что он с Марксом относил к экономическим отношениям не то что технику, но даже географическую среду⁷. Так, что не все так прямолинейно и

5. Воейков М.И. Указ. соч. С. 46.

6. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Политиздат, 1960. С. 91. Что касается работ А. Смита и Д. Риккардо, то с них, по мнению Маркса, начинают складываться научные экономические системы.

7. «Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющим базисом истории общества, мы понимаем тот способ, каким люди определенного общества производят средства к жизни и обменивают между собой продукты (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит вся техника производства и транспорта. Эта техника, согласно

просто в этом вопросе даже у классиков. Я думаю, что такое понимание Рубиным предмета политической экономии обусловили схоластизм и абстрактность многих его теоретических построений, их оторванность от реальных процессов. В качестве примера можно привести анализ функций денег в недавно опубликованной рукописи Рубина «Очерки по теории денег Маркса». Значительное место в работе уделяется рассмотрению функции денег как средство образования сокровищ. Зато практически не рассматриваются кредитные и мировые деньги⁸.

О стоимости. Рубин считает, что если придерживаться физиологической или технической версии, то можно придти к выводу, что стоимость можно подсчитать. Но этот аргумент с точки зрения марксизма вообще смехотворный. Дело не в том, можно или нельзя подсчитать стоимость, а в том, что в условиях частных хозяйств товар будет продаваться по цене, определяемой спросом и предложением, вне зависимости от того, подсчитана или нет его индивидуальная стоимость. Материалистическую природу стоимости Рубин так и не понял. Его трактовка стоимости вообще закрывает дорогу для понимания механизма отклонения цены от стоимости. По этой концепции цена всегда должна быть равна стоимости.

В концепции Рубина, где стоимость сама по себе не имеет количественного выражения, она по сути превращается в фантом, чисто логическую конструкцию. Напрашивается вывод, что от стоимости вообще можно отказаться. И этот

нашим взглядам, определяет также и способ обмена, затем способ распределения продуктов и тем самым после разложения родового строя также и разделение на классы, отношения господства и подчинения, государство, политику, право и т. д. В понятие экономических отношений включается далее и географическая основа, на которой эти отношения развиваются, и фактически перешедшие от прошлого остатки прежних ступеней экономического развития, которые продолжают сохраняться зачастую только по традиции или благодаря *vis inertiae* (силе инерции), а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму» (Энгельс Ф. Письмо В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 39. М.: Политиздат, 1966. С. 174).

8. Рубин И.И. Очерки по истории денег // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания / Под ред. Я. Кузьмина. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2011.

отказ был бы по-настоящему революционным прорывом в марксистской науке. Завораживала бы сама конструкция: марксизм без стоимости. За этот подвиг можно было причислить его к лику великих. Но на такой прорыв Рубин, судя по характеру, не был способен. Поэтому остался эпигоном Маркса, пусть и высокого уровня.

Правда, отмечу, что в принципе отказ от стоимости весьма труден психологически. Положение стоимости в концепции стоимости Маркса в интерпретации Рубина напоминает положение «вещи в себе» в философии Канта. Без вещи в себе невозможно войти в систему Канта, а имея ее, не понимаешь, для чего она нужна.

Рубин, как справедливо отметил профессор Л.Д. Широкоград, как черт ладана боялся дискуссий о социализме. Самое большее, во что его могли втянуть - это вопрос о предмете политической экономии: Рубин полагал, что за пределами товарного мира политической экономии как науки не существует. На этом основании он отказывал в праве на существование политической экономии социализма. В принципе позиция достаточно социально-нейтральная. Такого мнения придерживались в то время и другие ученые, в частности Н.И. Бухарин. Но эта дискуссия, то, что называется, по месту. Она не была актуальной до 1917 г., когда социализм еще не строили. Не актуальна она и сегодня, когда социализм перестали строить.

Как известно, дискуссия не была завершена, она была прекращена волевым путем. Но ни о какой безусловной научной победе Рубина, о чем говорит М.И. Воейков, говорить не приходится. Рубину так не удалось доказать, не только что его так называемая социальная версия отражает реальную действительность, но и что она аутентична текстам самого Маркса. Достаточно, к примеру, прочитать статью сторонника технической версии Ш. Дволайцкого, которая была написана в 1920-гг., но затем через 50 лет вновь была опубликована в «Экономических науках» (наряду со статьей

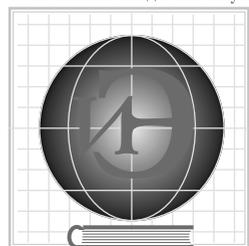
А. Мендельсона)⁹. Незавершенность дискуссии выразилась в возвращении к этой проблематике в 1970-х годах, причем концепции сторон в значительной мере повторяли 20-е годы. Поистине дежа-вю.

Вывод. Конечно, И.И. Рубин был влиятельным и популярным теоретиком марксистского направления 20-х гг. прошлого века. Но из этого не следует, что надо безоговорочно принимать все его теоретические выводы и позиции.

Марксизм – это единство диалектики и материализма. Эти две части имеют равновеликое значение у Маркса. Рубин гипертрофировал именно диалектическую сторону в ущерб материалистической. Различие между Рубиным и его критиками идет и по другой линии, которую очень точно отметил Г.Д. Гловели. Это различие между марксизмом прилизанным, книжным, догматическим и марксизмом инструментальным, прагматическим. Одновременно это означает различие между эпигонством, пусть и высокого уровня, и творчеством. Поэтому если мы считаем, что Рубин сегодня актуален, то не менее актуальна и его критика.

9. *Дволайцкий Ш.* К теории ценности Маркса (о различном толковании понятия «Общественно необходимый труд») // *Экономические науки.* 1975. № 10. В этом же номере опубликована и статья А. Мендельсона, сторонника расширительной трактовки стоимости – Понятие «общественно необходимый труд» как элемент теории стоимости Маркса.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научное издание

И.И. РУБИН: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ / Под ред. М.И. Воейкова и Д.В. Мельника

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*
Редактор *Ерзнкян М.Д.*
Компьютерная верстка *Борщева И.В.*

Подписано в печать. 29.08.2017. Заказ № 21.

Тираж 300 экз. Объем 18,0 уч-из. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0604-7

9 785994 006047